

306

2. Билибин

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
СЕВЕРНО-
РУССКИХ
ГОВОРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
СЕВЕРНОРУССКИХ
ГОВОРОВ

М. Крайбал

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1967

В сборнике, наряду с общими вопросами севернорусской фонетики, анализируются также многие явления, не получившие до сих пор достаточного освещения в лингвистической литературе. Написаны «Очерки» на основе нового, еще не публиковавшегося материала атласов русских говоров и снабжены 15 диалектологическими картами.

Редакционная коллегия:

Л. Л. КАСАТКИН, О. Н. МОРАХОВСКАЯ,
Т. Г. СТРОГАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки по фонетике севернорусских говоров» посвящены некоторым вопросам фонетики, которые до настоящего времени либо почти не изучались, либо были исследованы в других аспектах. Большинство статей «Очерков» написано на материале «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы» (рукопись хранится в Институте русского языка Академии наук СССР). В основе этих статей лежит большой лингво-географический опыт их авторов, накопленный в процессе составления как упомянутого выше атласа, так и других диалектологических атласов русского языка.

В статьях имеются многочисленные ссылки на материалы «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы». Материалы представляют собой комплекты ответов на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (1-е изд. — Ярославль, 1945; 2-е — Вологда, 1946; 3-е — М., 1947) по каждому населенному пункту, картографированному в атласе. Ссылки на материалы даются сокращенно («в ответах на «Программу», «в ответах», «в материалах по населенным пунктам» и т. п.), причем конкретные указания на населенные пункты содержат, как правило, лишь их номера (что соответствует их номерам на картах и одновременно номерам их хранения в Институте русского языка АН СССР). В приложении к «Очеркам» с теми же порядковыми номерами, что и в текстах статей, даны названия населенных пунктов, на которые ссылаются авторы, и их территориально-административная принадлежность (указания на район и область).

Авторы статей использовали также материалы «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» под ред. Р. И. Аванесова (М., 1957), материалы составленных, но не опубликованных «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР» и «Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР», рукописи которых хранятся в Институте русского языка АН СССР. Ссылаясь на материалы этих атласов, авторы приводят полностью названия населенных пунктов, их территориально-административную принадлежность.

С. С. Высотский

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СВЯЗИ С КАЧЕСТВОМ ЗВУКОВ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

(по материалам экспериментально-фонетического
исследования)

С помощью разнообразных методов инструментального исследования звуковой стороны языка современная лингвистика получила возможность проверить и уточнить ряд прежде установленных просто на слух фонетических определений, изучить явления, ранее не поддававшиеся фиксации из-за отсутствия специальных приборов, а следовательно — составить реестр акустических и артикуляционных характеристик, создающих специфику той или иной фонологической системы.

Так образуется фонд объективных, свойственных определенному звуковому строю данных, которые подбираются в результате точных физических и математических методов измерения компонентов звуков речи — тембра, длительности, интенсивности, вы-
соты.

Эти данные, менее всего зависимые от субъективных представлений исследователя, получают выражение в цифрах, графиках и т. п., что удобно для сопоставлений различного характера, поскольку здесь надежно фиксируется звуковое состояние языка в определенную эпоху и этим самым создается прочная основа для изучения языковой системы как в синхроническом, так и диахроническом плане.

Как известно, инструментальная запись и анализ речи с помощью различных приборов в области изучения литературного языка проводится уже несколько десятилетий.

За последние 10—15 лет, с развитием электронной аппаратуры, уровень экспериментально-фонетических исследований значительно повысился. Это позволило ряду отечественных и зарубеж-

ных фонетических лабораторий собрать данные о некоторых основных параметрах русской фонетики, в первую очередь характеризующих тембр гласных и, в меньшей мере, тембр согласных, поскольку анализ последних особо затруднителен в техническом отношении. Эта неравномерность в охвате материала, а также получение не совсем идентичных результатов исследований, опубликованных в последнее время, в известной мере обусловлены неодинаковым составом аппаратуры в различных лабораториях (аппараты разных систем обладают неодинаковой разрешающей способностью) и большой трудоемкостью самого процесса анализа, что не способствует достаточному накоплению материалов для широких статистических заключений. Ср., например, данные по спектральному анализу русских гласных в работах Л. А. Варшавского и Л. А. Чистович [11] и Г. Фанта [34]¹.

В области эксперимента льно-фонетического анализа русского диалектологического материала предприняты пока лишь первые шаги. Соответствующие темы ставились только в фонетических лабораториях Института русского языка АН СССР и Казанского государственного университета², причем в основном в аспекте прикладной тематики, поскольку внимание большинства отечественных эксперименталистов сейчас направлено на всесторонний анализ фонетики литературного языка.

Детализованное изучение физических характеристик звуков русских говоров имеет не только общее теоретическое значение, но и помогает уяснить причину достаточно большого разброса данных, получаемых до сих пор при статистических обобщениях показателей русского литературного произношения. В значительной мере этот разброс может объясняться неоднородностью языковой принадлежности испытуемых («дикторов»), в речи которых в различной степени сохраняются пережитки диалектизмов. В таких случаях использование вновь полученных сведений по фонетическому разделу диалектологии укажет на источник мнимо-факультативных колебаний орфоэпической нормы, что в конечном итоге приведет к более тщательному подбору групп дикторов-носителей литературного произношения — и внесет необходимые уточнения в понятие о стандартном национальном языке.

Однако применение новых инструментальных методов исследования речи в области русской диалектологии должно служить не только постановке и решению прикладных, узкопрактических задач. Объективная физическая характеристика звуков русских говоров имеет вполне самостоятельное значение, так как этим путем проверяется и получает максимальное уточнение та звуко-

¹ Здесь и ниже цифры в квадратных скобках означают: выделенные курсивом — порядковый номер списка литературы, данные обычным шрифтом — страницу источника.

² Известны работы Л. В. Златоустовой [17], [18].

вая база, на которой выявляются современные и исторические отношения компонентов фонологической системы русского языка во всем многообразии его территориальных разновидностей.

Ниже будет показано, как тщательное изучение физического качества — тембра основного вида гласных фонем (фонем в сильном положении) уточняет вопрос о фонематическом составе гласных севернорусских говоров. В соответствии с этой задачей вопросы модификации тембра фонем в слабом положении, в частности в безударных слогах, здесь не затрагиваются.

* * *

С целью уточнения некоторых основных сведений по фонетическому разделу современной русской диалектологии, касающихся состава гласных фонем в севернорусском наречии, в настоящей статье приводятся новые данные из материалов, собранных Лабораторией экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР методами инструментальной записи и анализа речи³. В этих материалах представлены физические характеристики звуков основных подразделений говоров русского языка. Надо указать, что подбор материалов пока не может считаться завершенным, если иметь в виду необходимость дальнейшей детализации наблюдений и достижения более равномерного обследования диалектной фонетики с применением новейшей техники разного назначения.

Фиксация материала проводилась в экспедиционных и стационарных условиях с применением соответствующих технических средств. В данной статье используются результаты как акустического анализа (спектрограммы, осциллограммы), так и артикуляционного анализа (статические рентгенограммы, кинорентгенограммы, палатограммы, фотоснимки и киносъемка губ).

Надо признать, что большой круг вопросов о роли физических качеств звуков речи для характеристики фонологической системы в современной диалектологической литературе еще не получил достаточного освещения. Необходимо сделать попытку составить перечень категорий, подлежащих изучению для разработки названной проблемы.

Одна из основных задач исследователей фонетики любой языковой системы — установление элементарного списка фонематических противопоставлений и раскрытие их роли в реализации языковых элементов более высокого уровня, морфологического и лексического, — ни в коей мере не должна оттеснять на задний план разработку вопроса о физическом проявлении этих противо-

³ Результаты экспериментально-фонетического анализа материалов, собранных для изучения русской диалектной фонетики (графики, таблицы, фотоснимки), помещены в альбомах, хранящихся в Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР.

поставлений. Пренебрежение этой важной областью исследования нередко приводит не только к обедненному, но и к искаженному описанию предмета.

Языковые системы с одинаковым количеством фонем и таким же порядком их взаимосвязей могут тем не менее резко дифференцироваться в фонетическом отношении, как могут различаться здания, построенные по одному и тому же плану, но из различного материала и с неполным совпадением пропорции деталей.

Отличия звукового облика говора, незначимые с точки зрения более высокого уровня языковой системы — фонологического, представлены в статическом моменте — типом тембра звука речи и в динамическом — типом просодии, «протекания» этого звука речи в совокупности его компонентов.

Считается, что для выявления фонематического состава гласных русских диалектов главное и самодовлеющее значение имеет названный здесь статический момент — тембр звука и, следовательно, определение последнего не требует указаний на его длительность, силу и высоту. Но это не всегда целесообразно, так как для вокализма, содержащего не только монофтонги, совершенно необходимо определение правила «протекания» дифтонга во всех его компонентах, то есть здесь следует назвать не только ступени тембров сложного гласного, но и описать характер их смены, что целиком смыкается с динамическим аспектом характеристики звуков речи — их просодией. Естественно, что, показывая просодию дифтонга, нельзя не дать определения просодии монофтонга в порядке противопоставления этих двух звуковых образований.

Звуковые различия нефонологического характера в известной мере создаются диалектным разнообразием артикуляционных баз и обусловленных ими просодических признаков говора.

Учитывая все это, по говорам севернорусского наречия в образовании основного вида гласных можно отметить следующие разновидности, которые без нарушения количественного состава фонем создают качественные его подразделения, типичные для того или иного говора:

I вариативность гласных в сторону некоторой их редукции или, наоборот, «прояснения», зависящая от интонационных условий фразы ⁴;

II различный характер «протекания» гласного, связанный с особенностями слоговой структуры;

III отличия в характере напряженности артикуляции языка и гортани;

IV неодинаковое по типу и интенсивности подчинение комбинаторным воздействиям фонетического окружения;

⁴ Понятие фразовой интонации включает в себя не только качество мелодики фразы, повышение или понижение основного тона звуков, но и ее ритмику — соотношение элементов звуковой конструкции по длительности, интенсивности, тембру, распределению пауз.

V различия в размещении артикуляционных рядов гласных в более передней или в более задней части полости рта;

VI различия в размещении артикуляционных подъемов гласных в более высокой или в более низкой части полости рта.

Как видно, среди названных категорий две первые непосредственно относятся к области просодии, где вообще допускается сравнительно широкая вариативность; однако диапазон этой вариативности ограничен известными пределами, очевидно неодинаковыми по говорам, и практически в целом имеет значение нормы. Большинство категорий здесь образуется разновидностями основных и дополнительных артикуляционных укладов, что соответствует разновидностям тембров гласных в плане статическом.

Отдельные виды нефонологических отличий в своем развитии порою достигают высокой степени и уже вплотную примыкают к области фонологических изменений. С этим тесно связано известное положение, что в ряде совершившихся фонологических переходов, вызвавших структурное изменение звуковой системы, можно реконструировать предыдущую ступень диахронического развития соответствующего звукового элемента, когда последний еще принадлежал к области вариации звука, не достигая рубежа фонологического изменения.

В соответствии с указанными категориями фонетических явлений ниже, в том же порядке, приводятся конкретные сведения (правда, с неодинаковой полнотой, так как изучение вопроса находится лишь на первом этапе) об их природе, локализации и значении в говорах севернорусского наречия.

Следует также напомнить, что эти категории не принадлежат исключительно одному наречию и свойственны не только гласным в сильной позиции, а проявляются в фонетических обликах всех русских диалектных звуковых систем, возможны в некоторых или во всех положениях гласных и согласных в структуре слова, но только в различных сочетаниях и с неодинаковой последовательностью. Их классификация проводится здесь в типологическом плане, независимо от того, образуют ли они в аспекте лингвистической географии четкий ареал или сосуществуют с другими, более стабильными элементами фонетических систем.

I

Зависимость звукового облика слова от ритмико-интонационных условий фразы известна как литературному языку, так и говорам. В данном случае следует подчеркнуть, что существующие по говорам разновидности «синтаксической фонетики» — интонации порождают соответственно и диалектное разнообразие возможностей варьирования фонетической структуры слова, если последнее оказывается в определенной позиции в составе так

или иначе интонируемой фразы. В первую очередь здесь возникает вопрос, как изменяется в слове под влиянием интонационного фактора распределение ступеней ослабления гласных и сокращения их длительности.

Понятно, что ярче всего это проявляется в закономерностях безударного вокализма, особенно — предударного, т. е. в той области, которая представляет собою сферу основных подразделений русской диалектной фонетики.

Однако известно, что и гласные ударенного слога в сильной части фразы, например, в конце синтагмы, или под логическим ударением, также более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, слабых фразовых позициях.

Процесс деформации качества ударенного гласного параллелен изменению «полновесного» слова в сторону образования проклитик или энклитик. Понятно, что предел этого изменения обусловлен не столько возможностями ритмической вариативности, сколько семантическим фактором.

Ритмическую вариативность гласных во фразе нельзя изучать безотносительно к диалектным различиям интонации, что предстоит еще исследовать в будущем. Так же мало еще изучены и другие компоненты, без освещения которых явление не может быть представлено в полной системе: его надо исследовать с учетом взаимосвязи с диалектными различиями ритмической и тембральной градации слогов в составе фонетического слова, с учетом структуры самого слога, разнообразной по говорам.

Таким образом, здесь необходимо ограничиться лишь постановкой проблемы, требующей еще сбора новых сведений о конкретных фактах изменения гласных, в частности — основного их вида под влиянием ритмико-интонационных условий фразы.

В качестве предварительного сообщения можно привести примеры двух категорий — ослабления и усиления ударенных гласных слова, что вызывает изменение их основного вида.

1) Очевидно, во многих говорах Вологодско-Кировской группы (Вологодской, Ярославской и других областей) при относительно равномерном распределении динамики и длительности слогов в составе фонетического слова, «без редукции», при достаточно отрывистом и быстром следовании слогов тембр ударенного гласного при перемене позиции слова во фразе и вида ее интонирования практически не изменяется.

Однако отдельные факты показывают, что нельзя делать априорных заключений о невозможности здесь случаев некоторого редуцирования ударенного гласного в слабой части фразы. На самом деле и в этой группе говоров, отличающихся «отсутствием редукции»⁵, гласный в слабой позиции в составе слова,

⁵ Употребляемое в русской диалектологии это несколько условное определение подчеркивает контраст фонетики другой группы севернорусского

как во втором предударном слоге, все же подвергается известной степени редукции. Когда гласный ударенного слога под влиянием ритмико-интонационных условий фразы приобретает такую же степень редукции, хотя бы и незначительной, это изменение тембра кажется разительным по своей несовместимости с привычным восприятием ударенного гласного и поэтому сравнительно легко обращает на себя внимание, хотя в потоке речи встречается не часто. В говорах вышеперечисленных местностей, с некоторым сгущением на территории ближе к северу и северо-востоку, при одинаковой ритмической структуре слова замечается тенденция произнесения на месте /а/ в предударном слоге гласного с повышенным подъемом до среднего и отодвинутого в задний ряд (*тр^ава* при *вода*). Но к этому же тембру стремится и ударенное /а/, если оно принадлежит слову в слабой фразовой позиции. Как крайность, в таких случаях встречается даже полное совпадение ударенного гласного со звучанием $\wedge$, что уже достигает предела изменений дофонологического уровня, поскольку здесь облик гласного в сильной позиции слишком далеко расходится с его «нормальным» тембром основного вида фонемы.

В диалектных системах вокализма с большим центрированием компонентов словесного ударения, как в группе владимирско-поволжских говоров с их резкой градацией признаков безударных слогов в составе слова, ударенный гласный в известных фразовых положениях также подвергается некоторому варьированию, хотя и не нарушающему общее представление об основном виде гласного.

Можно предположить, что по степени позиционно-фразового изменения тембра ударенных гласных последние располагаются в некоторые ряды, различающиеся по говорам, например, местом *у*, а также *ы* в этих рядах, если говорам свойственна редукция *у*, *ы* в слабых позициях в составе слова.

Насколько последовательно это соответствие реализовано в диалектных фонетических системах, пока неизвестно. Полного совпадения со звучанием γ ударенных гласных *у*, *ы*, принадлежащих слову в слабой фразовой позиции, вероятно, нигде нет ⁶, но степень редукции, более значительная, чем в литературном произношении, в таких случаях встречается. Это отмечено, например, в говоре центральной части Калининской обл., с обычной полной редукцией *у* во II предударном слоге (*к^ъзово́к* при *к^уз^оф*) при сопоставлении гласного в слове «суд» во фразах: а) «Суд

наречия — Владимирско-Поволжской, в которой позиционная редукция известных гласных проявляется в большей степени.

⁶ Примеры максимальной редукции некоторых частей фразы, где возможно произношение γ на месте ударенного *ы*, принадлежат области экстраординарной фонетики и поэтому оставляются в стороне. Образец такой редукции *ы* (*б^ък* — «бык») представлен в записи материала из Ростовского р-на Ярославской обл.: *р^еб^ъа, б^ък-т^ъ в^он-бн!*

состоялся» и б) «Тогда суд еще не откладывали». Ослабление у во втором примере выразилось не только в известном сокращении его длительности, но и в значительном приближении к тембру у^б посредством изменения ряда, подъема и степени лабиализации гласного.

Таким образом, в понятие основного вида гласного (или основного оттенка фонемы) здесь вносится некоторое осложнение; уточняется, что гласный даже в сильной позиции не может быть абсолютно независим от позиционных условий самого слова в составе фразы с ее ритмико-интонационными особенностями. Ниже будет показано, что сильная позиция гласного не вполне защищена от некоторых комбинаторных влияний фонетического окружения. Во всех этих случаях здесь на первое место выдвигается факт возможного «ослабления» характерного признака гласного — некоторого изменения тембра, в частности по направлению к его редукции.

Указанная вариативность основного вида гласного, какой бы незначительной она ни была на слух, может вызвать заметные различия в результатах инструментального анализа речи, например, на спектрограмме, а это имеет существенное влияние на исход статистических обобщений данных об основных физических характеристиках той или иной звуковой системы.

Поэтому правильный подбор экспериментального материала, в идеале — почерпнутого из потока непринужденной речи, а не из специально препарированного текста, должен всегда проводиться при строгом учете разновидностей ритмико-интонационных условий фразы. Примеры для анализа тембра основного вида гласного должны фиксироваться в максимально однородных условиях фразовой интонации, при соблюдении одинаковости всех позиционных и комбинаторных воздействий, которые может испытывать изучаемый гласный в составе слова и фразы.

Новая область исследования требует сперва постановки более элементарной задачи. Поэтому основной вид гласных в первую очередь изучается в «основных» типах интонационно-фразовой позиции, где все компоненты качества гласного проявляются без эмфатических усилений и в то же время в наиболее характерном звучании, менее всего зависящем от различных привходящих условий. Для этого подбираются фразы-примеры простого повествовательного предложения, произнесенные в полном стиле, спокойно, сравнительно ровным тоном, без подчеркнутого предсказания⁷; анализируется ударенный гласный слова, где осуществляется синтагменное ударение⁸. В ряде случаев исполь-

⁷ По выражению Л. Р. Зиндера [16; 273].

⁸ Примеры из конечной синтагмы фразы с так называемой точковой интонацией могут содержать ударенный гласный с известным ослаблением его основных признаков, что не способствует отысканию оптимальной характеристики гласного в сильной позиции [18; 5, 63].

зуется мелодика назывная и мелодика перечисления; последняя создает цепочку удобных для сопоставления почти одинаково интонируемых примеров (кроме завершающего цепочку, где обычно представлена мелодика точковая), к тому же с достаточно «полным» звучанием ударенных гласных.

Опыт в развернутом плане заключается в выявлении стереотипа основного вида ритмической структуры слова с ее характерными градациями слогов по длительности, интенсивности и тембру. С помощью статистического обобщения результата ряда анализов получается модель слова; тембр его ударенного гласного и принимается в качестве образца, специфического для той или иной языковой системы. Такой способ позволяет получить удовлетворительные характеристики основного вида гласных и согласных и их позиционных и комбинаторных изменений, что в лабораториях, оборудованных на высоком техническом уровне, подтверждается синтезом речевых звуков.

Рассмотрение ритмической структуры слова и, в частности, определение основного вида гласных в других ритмико-интонационных фразовых позициях, с учетом всех основных видов интонации, воздействия логического ударения, эмоционального фактора и т. д. представляет для диалектолога неограниченные возможности расширения исследований и постановки новых проблем. Этот раздел русской диалектологии в целом еще не подвергался даже первичному изучению.

Данные, полученные Лабораторией экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР к 1960 г., характеризуют диалектный вокализм лишь в «основной» ритмико-интонационной позиции слова во фразе, что было вызвано необходимостью ограничения темы исследования в виду сложности инструментального анализа диалектного материала в более расширенном плане.

Следует заметить, что одной из причин значительных расхождений в фонетических характеристиках русского литературного языка, полученных в разных фонетических лабораториях (в том числе и лингвистического профиля), явилась неодинаковая точность исследователей в деле подбора экспериментального материала в отношении закономерностей фразовой интонации.

Определение тембра основного вида гласных, а также согласных в зависимости от изменений ритмико-интонационных условий фразы составляет лишь часть чрезвычайно обширной проблемы изучения качества гласных и согласных *во всех позициях* в составе слова и фразы в потоке речи, в конечном итоге — в аспекте синтаксической фонетики⁹.

Эта проблема, основы которой заложены в ранних работах Л. В. Щербы и других фонетистов еще в начале века, в настоящее

⁹ «В фонетической форме выражения должен отражаться характер синтаксических отношений» [7; 89].

время пока не развернута в полном объеме. Ее решение становится необходимым для создания эталонов всех основных нормативных видоизменений звуков речи, что является неперенным условием для составления фонда исчерпывающих характеристик русской фонетики ¹⁰.

2) При выборе примеров основного вида гласных не меньше внимания требует вопрос об исключении таких случаев произношения, где слог под влиянием ритмико-интонационных условий фразы получает сравнительно большое растяжение, сопряженное со значительным изменением тембра гласного под ударением. Понятно, что примеры эмфатического характера здесь отводятся в первую очередь.

В ряде говоров, в частности в говорах Вологодско-Кировской группы, известны достаточно регулярные формы удлинения как ударенного, так и безударного гласного в конце синтагмы, завершающей фразу. При этом произношение безударного гласного в некоторых случаях может достигнуть такой степени силы, длительности и специфики тембра, что практически оно уже не всегда различается с произношением гласных под главным словесным ударением.

Некоторое растяжение и усиление ударенного гласного в конечных фразовых позициях слова, а также внутри фразы под влиянием ритмико-интонационного фактора менее всего деформирует тембр основного вида гласных нижнего и верхнего подъема.

В противоположность этому, растяжение и усиление ударенных гласных среднего подъема с его повышенными и пониженными разновидностями в отдельных фонетических системах может приобретать критическое значение и порождать диалектные различия.

Прежде всего дело касается говоров, сохраняющих наследие древнерусского вокализма — отдельные фонемы на месте прежнего *о* под восходящим ударением и *ѣ*; последние удобнее обозначить в фонологическом плане соответственно буквами *ω* и *ѣ* (поскольку знаки *ѓ* и *ѣ*, служащие собственно для фиксации «напряженных» гласных, в дальнейшем изложении внесли бы некоторую дезориентацию).

В целом, при возрастающем влиянии литературного языка, в севернорусском наречии в настоящее время утверждается известный пятифонемный состав вокализма, хотя и не везде полностью совпадающий своим звучанием с орфоэпической нормой. Системы вокализма с фонемами /*ω*/ и /*ѣ*/, как известно, уже встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая гласные фонемы отсутствуют.

¹⁰ К первым публикациям, касающимся постановки указанной проблемы в области русского литературного языка, относится работа Л. В. Златоустовой [18].

По говорам преимущественно Вологодско-Кировской группы еще можно отметить наличие обеих фонем — /ω/ и /ѣ/, или только /ѣ/. Существование систем вокализма только с одной фонемой из этой пары, именно — /ω/, по-видимому, не подтверждается, поскольку сведения о наличии в говоре /ω/ при отсутствии /ѣ/ можно пока почерпнуть лишь из недостаточно обстоятельных материалов.

Фонемы /ω/ и /ѣ/ редко отмечаются исключительно в виде монофтонгов или исключительно в виде дифтонгов, как это показывает большинство диалектологических записей прежних и современных наблюдателей, включая и авторов — участников массового сбора материалов для составления диалектологического атласа.

Вероятно, указание на параллельное бытование в говоре с семью гласными фонемами пар дифтонгов *ѳѳ*, *ѳѳ* и пар монофтонгов *ѳ*, *ѳ*¹¹ более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-либо ограниченной комбинации в виде *ѳѳ*, *ѳѳ*, *ѳ*, или *ѳѳ*, *ѳ*, *ѳ*, или *ѳѳ*, *ѳѳ*, *ѳ* и так далее. Обычно можно констатировать, что дифтонги наиболее заметны только при растяжении слога, главным образом в сильных позициях слова во фразе. Если же это слово оказывается в слабом месте фразы, то слог не получает продления, и заместителем дифтонга здесь будет соответственно *ѳ* или *ѳ*. Обычно это трактуется в качестве «факультативного» колебания в употреблении дифтонгов и монофтонгов, не изменяющего фонематической основы вокализма. Однако можно думать, что здесь образуется закономерная просодическая вариация фонемы (позиция которой остается «сильной») как функция определенных ритмико-интонационных условий фразы.

Для разных фонетических систем основным видом фонем /ω/ или /ѣ/ должен быть признан тот, который более стабилен в «средней» степени длительности и силы ударенного слога, без его чрезмерного продления. Поэтому для одних говоров это будет монофтонг, для других дифтонг. Однако замечено, что оценки

¹¹ Употребляемые здесь диакритические знаки позволяют различать понятия закрытости и напряженности гласного [16; 151, 184, 206].

Ниже применяются следующие знаки: обозначение гласных закрытых — *ѳ*, *ѳ*, открытых — *ѳ*, *ѳ*, напряженных — *ѳ̂*, *ѳ̂*, *ѳ̂*, закрытых и одновременно напряженных — *ѳ̂̂*, *ѳ̂̂* и т. д. Как известно, в практике русских диалектологических обследований взаимоотношения закрытости и напряженности гласных обычно не уделяется необходимого внимания, вследствие чего некоторые вопросы позиционного и комбинаторного изменения гласных русских говоров не получали достаточного освещения.

Положительных сведений о степени напряженности гласных, из-за трудностей определения этого тембра, во многих диалектологических источниках получить нельзя. Примеры их транскрипции *ѳ̂̂*, *ѳ̂̂* в основном следует принимать как свидетельство о повышенном подъеме гласных *ѳ*, *ѳ*.

диалектолога в этой области могут быть весьма относительными по точности. Непривычный наблюдатель склонен иногда фиксировать звучание /ω/, /ѣ/ в качестве монофтонгов там, где носитель говора, обладающий более тонким фонологическим слухом для восприятия данной звуковой черты, квалифицирует эти образования как дифтонги, что при опыте подтверждается методом инструментального анализа звука ¹².

Слишком быстрое протекание дифтонга, да еще не с полным выявлением шкалы его ступеней (то есть не в «хроматической гамме» *иеее*, а часто как *ее*, *иѣ* и т. п.) можно уловить только после известной тренировки слуха, например, при помощи прослушивания больших текстов в магнитофонной записи.

При составлении карт диалектологического атласа, посвященных фонемам /ω/ и /ѣ/, было правильно учтено, что полученный с мест массовый материал может отражать с неодинаковой точностью звучание соответствующих гласных как дифтонгов или монофтонгов. Поэтому само явление картографировалось в форме более крупных обобщений, без большой детализации, а конкретное описание звуков, как оно дано самими авторами материалов, было помещено в комментарии.

Единство фонемы, реализуемой в ряде говоров в зависимости от ритмико-интонационных условий фразы то в виде *уѡ*, *иѣ*, то в виде *о*, *е*, поддерживается еще возможностью произношения здесь таких гласных, которые представляют промежуточные ступени между этими образованиями — от монофтонга, через ступени более или менее явных дифтонгоидов и до дифтонга.

Иногда можно заметить, что качество гласного тут довольно «эластично» связано с градацией фразового удлинения слога, то есть неоднородность гласного возрастает более или менее параллельно его продлению ¹³.

Нельзя, однако, утверждать, что по говорам господствует везде одно и то же положение. В диалектологических источниках качество фонем /ω/, /ѣ/ нередко показывается стабильным, чему не противоречит и инструментальный анализ звукозаписи, сделанной позже с целью проверки в том же населенном пункте. Если даже считать, что в ряде мест наблюдатели в свое время не смогли заметить в чуждой для них фонетической среде незначительных оттенков вариативности монофтонгов или дифтонгов, зависящих

¹² Серия опытов с прослушиванием магнитофонной записи диалектной речи с двойкой реализацией фонем /ω/, /ѣ/ была проведена во время экспедиции 1959 г. в г. Кирове при помощи аудиторов — студентов Кировского педагогического института, а также в г. Котельниче Кировской обл. во время учительской конференции при помощи преподавателей сельских школ — местных уроженцев.

¹³ Ср. запись в Даровском р-не Кировской обл. В следующих примерах сопоставляется произношение гласного на месте фонемы /ω/ в случаях краткого, среднего и удлиненного произношения слога: 1) *Этот кѡт наш*, 2) *Это рѡзв'е кѡт?* 3) *Нѣ и кѡт!*

от фразовых условий, то все же нельзя исключить действительной возможности существования фонетических систем, в которых качество фонем /ω/, /ѣ/ довольно нейтрально по отношению к слоговому растяжению. Так, в говорах Кирилловского р-на Вологодской обл. при недостаточно выдержанном употреблении фонемы /ω/ ¹⁴, последняя в виде монофтонга *o* была отмечена неоднократно не только в слогах нормальной длительности, но и при emphaticком растяжении.

В диалектологической литературе встречаются, по-видимому, не совсем точные указания на якобы конститутивный признак дифтонгов — их большую длительность по сравнению со всеми монофтонгами. Известно, что гласные обладают так называемой собственной степенью длительности [16; 192], которая имеет физиологическое происхождение и свойственна различным языкам вне зависимости от наличия или отсутствия в них фонологических долгот.

В вокализме русских говоров, из которых ни один не имеет количественных отношений, гласные, естественно, также располагаются в ряды по степени собственной длительности, практически незначимой и градации которой едва проступают на сплошном фоне варьирования длительности гласных, подчиненной ритмико-интонационной структуре фразы.

Дифтонги русских диалектов в натуральной речи действительно нередко представляются несколько продленными, и вряд ли стоит далеко искать причину этого явления: лучше всего, то есть в своем полном звучании, дифтонги осуществляются на месте фонем /ω/, /ѣ/ в позициях фразового удлинения слога. Вместе с тем статистическое обследование достаточно больших отрывков магнитофонной записи живой диалектной речи (продолжительностью, например, от 15 до 25 минут), представляющей в более или менее растянутых слогах дифтонги, показало, что в этом же тексте обычно присутствуют примеры растянутого произношения гласных и на месте всех остальных фонем-монофтонгов, если они оказываются в таких же условиях позиционного продления слога во фразе. Длительность *yo*, *ye* в таких текстах, записанных в ряде мест Кировской, Костромской, Вологодской областей, практически не отличается от длительности *o*, *e* в таких же фразовых условиях, в противоположность гласному *a*, длительность которого остается преобладающей ¹⁵.

Однако нельзя отрицать, что в некоторых говорах, где при обычном, быстром темпе речи слоги произносятся четко и коротко, с небольшой разницей в длительности ударенных и безударных

¹⁴ То есть при возможном произношении на месте фонем /ω/ и /o/ одного гласного [o].

¹⁵ Последнее относится и к русскому литературному произношению [33; 132].

гласных, можно услышать достаточно краткие дифтонги, сходные по длительности с монофтонгами и в то же время ощутимо проявляющие свою специфику — скольжение тембра (например, в говорах Слободского р-на Кировской обл., Любимского р-на Ярославской обл.).

К явлениям, связанным с удлинением слова в известных фразовых условиях, относится и такое произношение ударенных гласных, когда их начальные или конечные переходные элементы (экскурсия и рекурсия) оказываются выше порога восприятия вследствие их относительного продления и усиления. В частности, сюда следует отнести примеры гласных образований типа *оу*, *еи*, замещающих по говорам в особых фразовых условиях напряженные гласные среднего или средневерхнего подъема, что будет рассмотрено в другом разделе в связи с вопросами о напряженности гласных.

II

К области просодии гласного относится и вопрос о характере его «протекания». Последний термин малоупотребителен, однако он хорошо отражает сущность явления — развертывание звукового процесса во времени.

В гласном как в звуковом образовании в составе слога можно наблюдать постепенную смену его качества, что, как известно, принадлежит сфере общей фонетики.

Однако здесь необходимо указать на некоторые специфические черты «протекания» гласного — его экскурсии, ядра и рекурсии, которые могут служить дифференциальным признаком при сравнении фонетических систем ряда севернорусских говоров.

Характер таких различий создается неодинаковым по говорам качеством компонентов гласного в отношении состава его тембральных фаз, их длительности и силы. Естественно, что данное свойство гласных должно рассматриваться в общем плане с вопросами структуры слога и более крупных фонетических единиц. Это относится к наименее разработанным разделам русской фонетики, не говоря уже о фонетике в диалектологическом аспекте.

Дело осложняется тем, что современная техническая база анализа речи еще недостаточно приспособлена для синхронного изучения изменений различных компонентов речевой артикуляции и ее акустического результата, а для определения характера звуков в структуре слога было бы необходимо в первую очередь детализировать анализ изменения их интенсивности и соответственной смены тембра.

Вопрос можно пока изложить в общих чертах, насколько это позволяет сделать собранный материал.

Задача определения основного вида гласного заставляет обратить внимание на некоторые диалектные разновидности структуры слога, которые могут обусловить специфику образования гласного.

Чтобы не усложнять вопроса рассмотрением изменчивости структуры слога, в частности — скольжения тембра и движения силы гласного (его «дуги силы») под влиянием разных типов интонации, исследование проведено в элементарном плане с использованием, в основном, примеров ударенного гласного, выделенного из двух- и трехсложных слов с интонацией перечисления и назывной.

Очевидно, подавляющему большинству говоров русского языка свойственна общая закономерность развертывания динамической структуры ударенного гласного, как это было в свое время определено в области литературного произношения рядом известных фонетистов — В. Богородицким [5; 328], О. Броком [9; 208], Р. Кошутичем [20; 171 и след.] и др. Гласный открытого слога обычно несколько длиннее, чем в слоге закрытом с известными градациями в зависимости от качества соседних согласных. Распределение силы звука на протяжении гласного таково, что наблюдатели, имеющие навык фонологического различения динамической стороны слогового акцента в своем родном языке (например, серб Р. Кошутич или современные литовские языковеды, которые были привлечены к аудиторскому анализу русского диалектологического материала), говорят о более или менее явно выраженном восходяще-нисходящем типе дуги силы в обычном произношении русскими ударенного гласного. Вместе с этим указывается на различие, обусловленное позицией гласного: в открытом слоге, при сравнительно быстром нарастании силы в начале гласного, последняя продолжает немного увеличиваться и в фазе его «ядра», но примерно во второй половине длительности гласного до самого его конца происходит спад, который создает впечатление слабого примыкания гласного, если в структуре слова за ним следует согласный. В закрытом слоге подъем и падение силы звука протекают на более кратких участках со смещением силовой вершины к началу гласного, из-за чего примыкание не достигает степени, которую можно было бы квалифицировать сильной (известно, что для примера вполне сильного примыкания обычно приводят образцы слогов с краткими гласными в немецком языке).

Инструментальный анализ материалов, относящихся к различным группам севернорусских говоров, позволяет в общем присоединиться к этой оценке, но при этом внести некоторую детализацию.

Общеизвестно, хотя еще не четко определено в плане лингвистической географии, что говорам Владимирско-Поволжской

группы свойственно более рельефное выделение структуры отдельного слова в потоке речи. Это, в частности, связано с большим выделением ударенного гласного во всей совокупности его компонентов, чем указанные говоры сильно отличаются от говоров остальных групп севернорусского наречия. В последних преобладает тенденция уравнивания по силе и длительности слогов ударенных с безударными, чему еще сопутствует свойственный ряду говоров северных областей более быстрый, чем во многих владимирско-поволжских говорах, темп речи и слабо развитая качественная редукция безударных гласных.

В силу этого в говорах Кировской, Архангельской, Вологодской и других областей слово как отдельная фонетическая структура мало выделяется в потоке речи, а в говорах Заонежья уже решительно преобладает синтагменное ударение, сливающее слова в одну ритмическую группу со специфическим переносом ударения на начало этой единицы ¹⁶.

Характеристика динамической структуры слога литературного языка, вероятно, в основном близка к характеристике динамической структуры слога большинства русских говоров, исключая ту часть севернорусских, где наиболее типичным представляется краткое и отрывистое произношение всех слогов слова, в частности — с гласным под ударением. Главной просодической чертой слога, не только закрытого, но и открытого, здесь является сильная концентрация энергии произношения в начале гласного (так называемая атака звука), чему сопутствуют, по-видимому, неодинаковые по говорам явления конца слога.

Так, в ряде говоров со слабо центрированным словесным ударением и «рубленным» произношением потока слогов (*staccato*, — например, в северной части Ярославской обл., в Заонежье и др. местностях) дуга силы ударенного гласного начинается с резкого подъема и продолжается примерно на одном уровне почти до его конца, где так же резко снижается.

В отдельных говорах (например, в с. Кажма Медвежьегорского р-на Карельской АССР) эту черту можно наблюдать в крайнем развитии: звучание гласного в конце слога здесь прекращается как бы внезапно, без заметного предварительного ослабления. В закрытом слоге это уже совсем приближается к явлению сильного примыкания, а в отдельных случаях здесь даже при открытом неконечном слоге рекурсия гласного такова, что создается впечатление о следующем согласном как о геминате, хотя и без его удлинения, то есть при наличии открытого слога слогораздел на слух кажется перенесенным на выдержку согласного, следующего за «открытым» гласным.

Иная тенденция оформления конца структуры слога существует в отдельных говорах Вологодско-Кировской группы, хотя почти на грани исчезновения. Она выявилась в связи с изучением импло-

¹⁶ Об этом см. ниже, в разделе о «ляпанье» (стр. 32).

живных согласных, отмеченных еще Н. М. Каринским [19] и найденных также при собирании материала для диалектологического атласа сотрудниками Кировского педагогического института в говорах центральных и южных районов Кировской обл. Небольшое распространение данной черты не лишает важности ее типологического значения. Речь идет об особом образовании слоговой структуры, когда гласный произносится с сильным началом и последующим быстрым спадом силы звука до очень низкого уровня. Экспериментальное воспроизведение звукозаписи таких примеров с замедлением в 2 и 4 раза создает слуховое впечатление, будто между гласным открытого слога и следующим согласным образуется пауза. Однако инструментальным анализом существование этой паузы подтвердить не удалось. Естественно, что в закрытом слоге здесь обнаруживается очень слабое примыкание гласного к согласному. При этом взрывной согласный, закрывающий слог, оказывается как бы импловивным¹⁷, вследствие чего наблюдателю с мало тренированным слухом здесь может показаться полное отсутствие согласного. На этой почве у диалектологов при записи форм 3-го лица глагола иногда возникало сомнение, не образуется ли в данном говоре форма 3-го лица без конечного *т*.

При сопоставлении соответствующей карты диалектологического атласа этот вопрос должен получить специальное освещение.

Известна и такая разновидность последних фаз гласного в конечном закрытом слоге, когда степень примыкания настолько слаба, что согласный представляется оторванным от предшествующего гласного и принадлежащим к более или менее ясно произносимому побочному слогу с шепотным или даже со слабо озвонченным гласным пазвуком [12], [31]. Данное явление известно в говорах Костромской, Владимирской, Горьковской и др. областей.

Приведенные сведения о некоторых существенных диалектных разновидностях распределения силы звука в образовании ударенного гласного показывают, что строение монофтонга или дифтонга не может быть независимым по отношению к вопросу о типичной для того или иного говора структуре слога.

Экспериментально-фонетический анализ диалектологического материала, отражающего структуру гласного-монофтонга и дифтонга севернорусских говоров как звуковой процесс, дает основание сделать ряд заключений, которые, возможно, и потребуют еще уточнения при дальнейших исследованиях, но сейчас в известной мере указывают для них направление.

1) Монофтонги как последовательность фаз гласного — экскурсии, ядра и рекурсии — могут представлять диалектные

¹⁷ У взрывного согласного, стоящего в конце слова, слабые следы взрыва при инструментальном анализе иногда обнаруживаются; то же и внутри слова, например, при сочетании *тк* (откуда) взрыв согласного *т* в ряде случаев проявляется, хотя и слабо.

различия в отношении тембра ядра — той базы, на которой строится фонологическая система.

Этот вопрос, наиболее существенный для описания звукового облика гласных в сильном положении, будет рассмотрен ниже.

В настоящем разделе описываются иные, вторичные по значению признаки гласных, которые могут создавать локальную окраску звукового оформления говора без нарушения его фонологических основ.

Севернорусские говоры представляют некоторые разновидности в переходных фазах гласного, из которых здесь будут названы наиболее заметные. Оставляя в стороне комбинаторные изменения фаз экскурсии и рекурсии гласных, вызванные спецификой диалектных качеств согласных, например, неодинаковой по говорам степенью смягчения согласных, следует указать на качество начальных переходных фаз гласных среднего подъема, их возможную дифтонгоидность не только после согласных, но и в независимом положении — в начале слова.

Известна дифтонгоидность *о, е* в русском литературном произношении; этот признак считается характерным и относительно доступным для восприятия простым слухом при заострении внимания к оценке качества гласных, вследствие чего он входит в реестр физических определений русской речи не только теоретической, но и прикладной лингвистики (например, применяемой в области техники).

Неоднородность начальных фаз *о, е* создается в основном скольжением гласного образования с более высокого подъема к среднему на очень коротком и относительно слабом участке «протекания» гласного, вследствие чего дифтонгоидность обычно находится вне поля внимания говорящего и слушающего (если иметь в виду речь на родном языке). Последнее довольно относительно: усвоение правильного произношения родного языка практически реализуется при комплексном восприятии звуков во всей сложности их компонентов; следовательно, дифтонгоидность принадлежит к числу таких элементов фонетики, которые все же учитываются носителями данного говора, хотя и неосознанно, наряду с элементами языковой системы более высокого уровня.

Кроме литературного языка, сходная степень дифтонгоидности *о, е* свойственна также многим русским говорам, представляющим тот же фонемный состав, т. е. без /*ω*/, /*ʕ*/, но при условии, что образование гласных *о, е* в этих говорах не поднято в зону средне-верхнего подъема. Последнее связано с известным ограничением возможности артикуляции фаз, более высоких, чем ядро у гласных высокого подъема.

Относительно диалектного разнообразия рассматриваемой черты в области севернорусского наречия в первую очередь нужно заметить, что далеко не все группы говоров представляют ее

в одинаковой степени. Кроме подчинения мало изученным еще диалектным комбинаторным влияниям артикуляций соседних звуков, в большей мере разновидности экскурсий гласных здесь обусловлены тем или иным типом динамической структуры слога.

Так, дифтонгоидность *о*, *е* существует, но представлена в минимальной степени по длине участка скольжения там, где начало слога атаковано, и ядро гласного наступает вскоре за его началом, где быстрый темп речи вынуждает артикулировать слоги с гласными вообще незначительной длительности, так что переходные фазы по необходимости кратки, стремительно пробегают заданную шкалу, порою неполную в отношении тембров, поскольку первые моменты экскурсий здесь не успевают получить достаточной звучности.

Таким образом, дифтонгоидность в своих некоторых компонентах обусловлена комбинаторным воздействием, а частично представляет результат самодовлеющей тенденции — более или менее постепенного раскрытия артикуляторов от начала гласного до его ядра. Этот процесс подчиняется общим условиям ритма и темпа речи, разворачиванию динамического рисунка слова и гласного в его составе.

Обращает внимание, что в пределах изученного материала данные о значительной дифтонгоидности *о*, *е* получены в результате анализа произношения этих гласных в зоне севернорусских говоров, прилегающей к центральной и западной части территории среднерусских говоров, где эта черта представлена в той же степени. В ряде говоров Заонежья, Ярославской, Вологодской и других областей, где господствует быстрый темп речи при сравнительно уравниенных по силе и краткости ударенных и безударных слогах, дифтонгоидность заметна в небольшой степени.

В Вологодско-Кировской группе говоров и в других говорах, где замечается повышенная артикуляция гласных *о*, *е* (в говорах без фонем /*ω*/, /*ѣ*/), дифтонгоидность мало заметна даже в случае не очень быстрого темпа речи.

Против ожидания, образование дифтонгоидов выражено крайне слабо в говорах Владимирско-Поволжской группы (например, едва в виде *ѣо*), что отмечено пока в говорах на территории Владимирской, южной части Ярославской и западных частей Горьковской обл.

В отношении рассматриваемой черты данные говоры представляют большой контраст с соседними среднерусскими говорами, в которых при таком же, сравнительно небыстром темпе речи, при сходной ритмической структуре слова и дуге силы в ударенном гласном начальные фазы *о*, *е* образуются на уровне гласных верхнего подъема.

Необходимо подчеркнуть, что в материалах, отражающих фонетику говоров территории древнего русского заселения, ярко выраженного ровного начала *о*, *е* (при отсутствии фонем /*ω*/,

/ѣ/) пока не обнаружено совсем. Отсутствие дифтонгоидов отмечено в звукозаписях, полученных из ближайших окрестностей Ленинграда (по направлению к югу и юго-востоку), где, в частности, в состав коренного населения входит, кроме русских, еще недавно ассимилировавшаяся ижора (прямые указания на это неоднократно повторяются в материалах диалектологического атласа русских говоров северо-западных областей). В южнорусском наречии такая же черта пока отмечена лишь в говорах Курской обл., непосредственно соседящих с говорами украинского языка, для которых ровное начало *о*, *е* типично.

Вопрос о характере монофтонгов в говорах, сохраняющих еще фонемы /*ω*/, /ѣ/ или только /ѣ/, выделяется вследствие того, что закономерности образования дифтонгоидов не распространяются на образования гласных типа *о*, *е*, противопоставляемых в системе фонем гласным средне-верхнего подъема *о*, *е*, и произносимых с относительно ровным по тембру началом, сходным с качеством ядра. Этим доказывается, во-первых, что образование дифтонгоидов на месте гласных среднего подъема в массе говоров, утративших /*ω*/, /ѣ/ — явление диахронически новое, во-вторых, что сохранение фаз экскурсии *о*, *е*, сходных по тембру с ядром (при наличии в фонематическом составе говора еще /*ω*/, /ѣ/, возможно при том же характере динамики слога, и, следовательно, не является ее функцией, в-третьих, — что комбинаторные влияния предшествующих согласных, при наличии того же источника воздействия, не имеют абсолютной силы, раз начало монофтонга может их не отражать заметным образом.

Фактически все же существуют очень краткие и незначительно повышенные фазы экскурсии *о*, *е*, но они не создают заметного контраста со степенью подъема ядра гласного. Поскольку фонемы /*ω*/, /ѣ/ произносятся во многих говорах не только как монофтонги, но и как дифтонги с различной степенью скопления, иногда в пределах небольшой шкалы (например, как *ʋ̌o*, *ʋ̌e*), то возможности развития дифтонгоидов на месте фонем /*о*/, /*е*/ ограничены потребностями фонологического различения этих образований и исконных дифтонгов, соответствующих /*ω*/, /ѣ/.

В процессе утраты самостоятельных элементов системы — фонем /*ω*/, /ѣ/ во многих говорах, и не только севернорусских, нередко наблюдается выработка нового для говора облика гласных среднего подъема в виде дифтонгоидов, заменяющих в лексико-морфологическом составе говора соответственно прежние пары:

- а) *ʋ̌o* вместо пар *о* и *о* или *о* и *о*,
- б) *ʋ̌e* вместо пар *е* и *е* или *е* и *е*.

Таким образом, взамен прежнего фонологического различения гласных в таких примерах, как *кѡт* и *рѡт* (или *рѡт* в других системах), *в'ѣж* и *в'ѣрх* (или *в'ѣрх* в других системах) в говорах начинает преобладать новая система без шестой и седьмой фонемы, взамен которых в соответствующих словоформах употребляются

гласные среднего подъема — дифтонгоиды, как в современном литературном произношении, — *ѳо*, *ѳе* уже одинаково в каждой паре примеров: *кѳот* и *рѳот*, *в'ѳек* и *в'ѳерх*.

Но в говорах встречаются еще с разной широтой употребления ступени неполного сближения с литературным языком. Одна, более редкая и малоустойчивая, — наличие единого соответствия для прежних пар в виде недифтонгического образования *о*, *е*, то есть *кѳот* и *рѳот*, *в'ѳек* и *в'ѳерх*, что спорадически наблюдается в говорах Вологодско-Кировской группы, в Котельническом, Даровском, Арбажском районах Кировской обл. Разновидностью данной ступени можно считать известную в некоторых говорах этой же местности, а также в говоре Межевского р-на Костромской обл. [26] утвердившуюся пару *о* и *е* — *кѳот* и *рѳот*, *в'ѳек* и *в'ѳерх*. Следует указать, что такая ступень перехода к пятифонемному вокализму более стабильно существует в некоторых южнорусских говорах, как, например, в Солодчинском р-не Рязанской обл.

Обычно в говорах, где отмечается пара *о*, *е* или *ѳо*, *ѳе*, можно найти ряд разнообразных свидетельств о существовании здесь в недавнем прошлом и утраченных теперь фонем /*ѳ*/ и /*ѳ̌*/.

Выше было сказано о наличии в некоторых говорах с пятифонемным составом вокализма недифтонгоидных гласных средневерхнего подъема, соответствующих гласным *о*, *е* литературного языка.

Несомненно, что не различающиеся сейчас в вокализме ряда севернорусских говоров гласные в таких парах примеров, как *кѳот*, *рѳот* и *в'ѳек*, *в'ѳерх*, заняли место прежде противопоставленных по подъему пар гласных в соответствии /*ѳ*/ и /*ѳ̌*/, /*ѳ̌*/ и /*ѳ̈*/.

Но вряд ли можно считать это явление в целом экспансией закрытых гласных древнерусского языка, фронтально вытеснивших каким-то образом прежние незакрытые гласные *о*, *е* разного происхождения из всех морфем, где они только были представлены. Эта проблема, вероятно, в дальнейшем еще привлечет внимание исследователей и будет рассмотрена при учете вопросов формирования русского языка на северной окраине его территории¹⁸.

Появление в некоторых говорах севернорусского наречия дифтонгоидных гласных *ѳо*, *ѳе* свидетельствует об установлении там пятифонемного вокализма. Такое звучание гласных способствует быстрейшему вытеснению остатков употребления фонем /*ѳ*/, /*ѳ̌*/, особенно при реализации последних в виде дифтонгов, иногда мало контрастирующих с дифтонгоидами, что и является одним из стимулов для ликвидации диалектизмов в области состава фонем.

¹⁸ Ряд аналогичных явлений известен и языкам неславянского населения северо-востока Европейской части РСФСР в их прошлом и современном состоянии [22; 80], [4; 20].

2) Вопрос о характере дифтонгического произношения гласных в севернорусском наречии касается главным образом реализации фонем /*ω*/, /*ѣ*/. Однако в типологическом аспекте это необходимо еще сопоставить с другим явлением, неизмеримо меньшим по значению для истории и диалектологии русского языка, а также по масштабу его географического распространения. Речь идет о дифтонгах Заонежья, которые выступают в говорах с так называемым «ляпаньем» (т. е. с оттяжкой словесного ударения с конечного слога слова на первый) на месте фонем /*о*/, /*е*/ разного происхождения в начальном слоге слова с перенесенным на него ударением.

Все дифтонги должны рассматриваться в отношении их структуры — фаз тембра, их длительности и силы.

Неоднородные образования на месте фонем /*ω*/, /*ѣ*/ в севернорусских говорах обладают теми же качествами, как и в остальных говорах русского языка, за исключением того, что в южнорусском наречии, по-видимому, чаще встречаются примеры произношения дифтонгов с восходящей силой звука.

Скольжение тембра встречается в максимально возможных пределах — от *у* до *р*, от *и* до *ѣ*; в южнорусских говорах рекурсия может достигать еще большего раствора — до степени *а*, хотя и с редуцированным оттенком звучания. Указанная шкала может осуществляться в неполном виде, например, от *о* до *о*, от *е* до *е*, что различается по говорам в зависимости от быстроты и тщательности произношения. Естественно, что небольшой диапазон скольжения, как это показано в последних примерах, может осуществляться лишь в говорах с отсутствием дифтонгоидности у гласных среднего подъема *о*, *е*, которые противопоставляются гласным *ѳо*, *ѳѣ*. По говорам возможно преимущественное употребление какой-либо одной неполной шкалы скольжения. Так, образование дифтонгов в пределах *ѳо*, *ѳѣ* отмечено в говорах северо-западной части Кировской обл.

Остается малоработанным вопрос о вариациях дифтонга, обусловленных твердостью или мягкостью предшествующих согласных. Опубликованные диалектологические материалы содержат достаточное количество примеров с диахронически новым употреблением фонемы /*ω*/ после нетвердых согласных в определенных морфемах, которое появилось не в результате фонетического процесса, а по аналогии с морфемами, где /*ω*/ фонетически закономерно.

Дифтонг *ѳо* как образование заднего ряда в позиции после смягченных или мягких, т. е. палатальных согласных (по говорам, кроме *ј*, к группе палатальных относятся и другие согласные, например, *н''*, *л''* на месте *н'*, *л'* литературного языка), представляет обычные для русского языка начальные переходные фазы с тембром гласных переднего ряда, которые могут иметь различия по говорам в отношении степени лабиализации и сдвига категории ряда.

Так, по образцу более старого соотношения морфем в примерах типа *в'еслѣѡ* (им. п.) = *в'еслѡм* (твор. п.) в говорах, сохраняющих фонему /ω/, употребляется диахронически новое соотношение словоформ типа *б'ел'јѡѡ* = *б'ел'јѡм*.

Детальный анализ экскурсии дифтонга здесь обнаруживает в одних говорах (на территории всего севернорусского наречия, кроме говоров Владимирско-Поволжской группы) наличие лабиализации в самых первых фазах тембров гласного переднего ряда с последующим их передвижением через средний ряд к заднему с нарастанием лабиализации. Сегментация начала гласного образования, где сосредоточен первый компонент дифтонга, приобретает последовательность смены тембров в виде *ј^аѡѡ* и т. д. В говорах преимущественно Владимирско-Поволжской группы лабиализация в соответствующих формах экскурсии возникает не сразу: на кратком участке развития гласного здесь представлена такая последовательность фаз, как *јѡѡѡ*, или с более резкой градацией в виде *јѡѡ*.

Различие в употреблении лабиализованных или нелабиализованных фаз экскурсии отмечается по говорам и при произношении монофтонгов *у*, *о* после нетвердого согласного с таким же выделением тенденции говоров Владимирско-Поволжской группы представлять примеры с ослаблением лабиализации начальных фаз.

Возможно, наследием такого диалектизма объяснимо расхождение в речи носителей литературного языка, которое обнаружено при изучении норм орфоэпического произношения [6; 88].

При сохранении в говорах фонемы /ω/, после отвердевших согласных согласной той же аналогии нормально употребляется *ѡѡ*, как и после согласных исконно твердых: *л'ицѡѡ*, *хорошѡѡ*. Нужно заметить, что появление таких словоформ еще не объяснено в диахроническом плане; для этого необходимо еще вскрыть последовательность двух процессов — перехода *е* в *о* и отвердения согласных *ц*, *ш* и т. п.

Аналогичные вопросы возникают при рассмотрении дифтонга *ѡѣ* после отвердевших согласных, что может быть представлено в морфемах с фонемой /ѣ/ исконного происхождения, или употребляемой по известной морфологической аналогии, например — *цѣл*, *цѣны*, *на концѣ*, *в душѣ*, *в лучѣ* (при диалектной твердости *ч*).

В отдельных говорах, сохраняющих дифтонги, например, в Кировской области, на месте /ѣ/ в корнях и флексиях слов после отвердевшего согласного встречается, по-видимому, исключительно монофтонг *э*, который в отношении подъема не отличается от гласного на месте фонемы /е/, восходящей к *е*, *ь* древнерусского языка, например, *шерсть*, *жесть*, *женский* и т. д.

Этот гласный *э*, т. е. отодвинутое в зону передне-среднего ряда *е*, по говорам представляет довольно закрытое образование, но только в той мере, в какой здесь может быть закрыто исконное *е* (известные диалектные формы архангельских говоров с флексией *и*, соответствующей флексии *ѣ* — на *вод'и*, после отвердевшего согласного — с гласным *ы* — на *душѣ*, здесь оставляются в стороне).

Однако необходимо отметить, что в наиболее архаическом слое говоров все же встречаются редкие примеры произношения /ѣ/ после отвердевших согласных в виде дифтонга, который приобретает вариативную форму типа *ѣэ*. Такие примеры отмечены в говорах Слободского р-на Кировской обл. и Кирилловского р-на Вологодской обл., а также на восточной окраине Московской области. Преобладающее произношение с *э* после отвердевшего согласного в говорах, где, таким образом, противопоставляются примеры на *душэ* и на *вод'иэ*, создает уже известные различия в области морфологии.

* * *

Скольжение тембра гласного, как известно, является результатом непрерывной фонации при более или менее плавном, постепенном изменении положения артикуляторов, так что знаки транскрипции при фиксации характера сложного гласного показывают, в сущности, отдельные точки, через которые проходит звуковой процесс.

При наличии в говоре обеих дифтонгических фонем их фонетическая структура обычно обнаруживает параллелизм во всех компонентах, так что полный или неполный вид скольжения тембра одного дифтонга соответствует таким же пределам образования и другого дифтонга. Этот параллелизм вскрывается при наблюдении больших отрывков сплошной записи живой речи, хотя в ее небольших фрагментах могут оказаться данные противоположного значения.

Существенным компонентом облика дифтонга является характер распределения в нем силы звука. Из-за трудностей наблюдения этого качества на слух во многих диалектологических материалах оно остается не зафиксированным, или получает трафаретную трактовку о наличии в дифтонге первой *н е с л о г о в о й* и второй *с л о г о в о й* части, что далеко не всегда соответствует действительности.

Источником этих высказываний часто служат не собственные наблюдения авторов над природой дифтонга, а сведения общего характера из традиционной учебной литературы. Широко распространенное мнение, будто бы дифтонги со скольжением от верхнего подъема к более низкому обязательно должны иметь неслоговую часть в начале своего образования, не обосновано фактами и, в частности, фактами русских диалектов. Следует указать, что

в научной литературе уже давно приводятся данные о существовании в говорах расширяющихся дифтонгов с постепенным ослаблением силы, т. е. сильноначальных [8; 21, 27], [1; 57].

Само понятие неслоговой части дифтонга крайне условно. На самом деле слабая часть дифтонга не обязательно обладает свойствами, которые относятся к неслоговому звуку; в частности, она не всегда отличается краткостью. Четкой границы между сильной и слабой частью сложного образования гласного установить обычно нельзя, тем более, что она не отмечается резкой переменной тембра. Таким образом, транскрипция слабой части дифтонга в виде неслоговых гласных всегда условна, поскольку буквенные обозначения не могут передать всей шкалы постепенного изменения тембра гласного и его силы.

Инструментальный анализ дифтонгов, принадлежащих различным русским говорам, показывает, что они все, по терминологии Л. В. Щербы, принадлежат категории не истинных, а ложных дифтонгов [16; 216]. Их силовая вершина сосредоточена ближе к концу или началу гласного образования, так что один из двух основных тембральных компонентов сложного гласного всегда преобладает по силе, что обычно сопровождается преобладанием его и по длительности (последняя составляет 60—85% длительности всего дифтонга).

Силовая вершина дифтонга не соприкасается с абсолютной границей гласного образования; между ними расположена еще фаза ослабленного звука, что дало основание в свое время О. Броку транскрибировать дифтонг в полном виде с обозначением его экскурсии и рекурсии как неслоговых элементов, например — *кѣѡѡт* [8; 48].

Современный метод детального изучения тембральных сегментов гласного позволяет с большой подробностью определить тембр, длительность и силу таких ослабленных фаз дифтонгов, которые в севернорусских говорах в некоторых случаях фразового удлинения гласного представляют в рекурсии очень открытые ступени, иногда с оттенком редукции: *кол'есѣѡѡ*, *штѣѡѡ*.

В говорах, где преобладает сильноначальное произношение гласных ударенного слога, этой же закономерности подчиняется и структура дифтонгов, получающих образование типа *ѣѡ*, *ѣѣ*, то есть с перевесом на первом компоненте как в силе, так и в длительности. В этих же говорах под влиянием некоторых ритмико-интонационных условий фразы данные дифтонги могут произноситься с перевесом второй части — *ѣѡ*, *ѣѣ*, или представлять промежуточные формы, напоминающие истинные дифтонги с их равноправными компонентами. Последняя форма сложных гласных в русских диалектах не закреплена, а встречается в них как случайное образование речи.

О. Брок отмечал эту группу явлений в тотемских говорах; в качестве одного из условий, при которых обычная структура дифтонга с сильным началом заменялась дифтонгом типа *yo*, *ie*, было названо произнесение слова с вопросительной интонацией.

Зависимость динамической структуры дифтонга от типа интонации в различных говорах остается пока не изученной. Немногочисленные наблюдения этого свойства вокализма в говорах отдельных населенных мест Вологодской, Костромской и Кировской областей позволяют вслед за О. Броком предполагать возможность подчинения дуги силы дифтонга влиянию различных видов интонации, при которых дифтонг произносится в общей дуге фразового подъема или спада силы звучания и изменения мелодики.

Таким образом, для большинства севернорусских говоров, сохраняющих фонемы /*ω*/, /*ѣ*/ как дифтонги, конститутивным признаком последних можно считать *только скольжение тембра* гласного от верхнего подъема до среднего, или только в части этой области, при условии, чтобы один из двух основных тембральных компонентов дифтонга не был слишком краток по сравнению с другим и чтобы переход между ними не сопровождался резким изменением силы звука.

Дифтонг как форма образования гласного не имеет абсолютного разграничения с монофтонгом, если последний обладает наиболее ярко выраженными формами дифтонгоидности.

В говоре при фонологическом противопоставлении дифтонгов *yo*, *ie* гласным *o*, *e* последние образуются со сравнительно ровным или слабо дифтонгоидным началом. Длительность повышенных фаз экскурсии монофтонга *o* при этом не превышает, примерно, 20% длительности всего гласного, тогда как длительность первого компонента дифтонга *yo* при сильноконечном произношении в среднем составляет не меньше 40% общей длительности дифтонга. При сильноначальном образовании дифтонга первый, повышенный компонент обычно получает продление, так что контраст с дифтонгоидом получается еще больше.

В севернорусских говорах при нивелировании диалектных черт нередко распространяется произношение монофтонгов с более заметным характером дифтонгоидов. Эта новая тенденция, возможно возникающая под влиянием литературного языка, создает фонетическую почву для смешения гласных *yo*, *ie* с исконными дифтонгами *yo*, *ie*, что ведет за собой нейтрализацию фонологического различия гласных среднего и средневерхнего подъема.

Распределение силы звука в дифтонге, как это можно наблюдать во многих севернорусских говорах, не имеет критического значения для характеристики основного вида гласного дифтонга, что доказывается употреблением как сильноначальных, так и сильноконечных дифтонгов в одной и той же фоне-

тической системе, в чем, вероятно, проявляется не беспорядочное или «факультативное» использование различных типов структуры гласного, а закономерная вариация гласного как функция ритмико-интонационной структуры фразы.

Аналогичная вариация сдвигов силовой вершины наблюдается и в монофтонгах; следовательно, в этом отношении они дифтонгам не противопоставляются.

Однако в настоящее время отмечены и такие севернорусские говоры, в которых обычна тенденция сильно начального образования монофтонгического гласного под ударением, в отношении дифтонгов этого сказать нельзя. В сосредоточении их силы — в начале или конце гласного — замечаются большие колебания, которые, при недостаточной пока изученности вопроса, не всегда удается связать с каким-либо типом интонации фразы. Такие данные о произношении дифтонгов можно почерпнуть из материалов, собранных в отдельных пунктах Любимского р-на Ярославской обл., Кирилловского р-на Вологодской обл., Слободского р-на Кировской обл. Неустойчивость формы дуги силы проявляется здесь только у дифтонгов; это можно трактовать как наличие некоторой тенденции произношения дифтонгов *yo*, *ye* с восходящей силой, что в историческом аспекте, как известно, для фонемы /*o*/ было бы примером сохранения древней ступени развития данного явления.

Наконец, как бы в доказательство исконности восходящей силовой структуры дифтонгов, последние преимущественно в такой форме представлены в некоторых говорах, особенно хорошо сохранивших еще ряд других диалектных особенностей, частью уже изжитых многими соседними говорами той же Вологодско-Кировской группы. Такие сильноконечные *yo*, *ye* зафиксированы в говорах Межевского р-на Костромской обл. [27], а также в Любимском р-не Ярославской обл. и Слободском р-не Кировской обл.

В указанных говорах при подчеркнутой тенденции сильного начала слога с монофтонгом восходящая силовая структура дифтонгов сравнительно мало изменяется даже при возможном противодействии ритмико-интонационной структуры фразы.

Можно предполагать, что в таких фонетических системах восходящая силовая структура дифтонга является его критическим признаком, как и признак смены тембра, чем дифтонг в качестве особой структуры гласного в целом противопоставляется монофтонгу.

Устойчивость определенного вида дуги силы дифтонга принадлежит, очевидно, к быстро деградирующим чертам русских диалектов. Она встречается еще, но так же редко, в отдельных группах южнорусских говоров, например, — в сохранивших много архаических черт говорах Рязанской и Калужской областей. На смену устойчивости восходящей дуги силы приходит

ее вариативность, при которой возрастание или спад силы звука в дифтонге подчиняется условиям фразовой интонации, что в конечном итоге можно рассматривать как утрату одного из двух собственных признаков дифтонгического образования гласных. Оставшийся признак — х а р а к т е р н а я с м е н а т е м б р а дифтонга без закрепленной формы его динамической структуры склонен, очевидно, быстрее стираться, чему способствует возрастание случаев дифтонгоидного произношения гласных, соответствующих фонемам /o/, /e/. Все это содействует становлению нового, пятифонемного строя вокализма.

Возможно, судьба тотемских говоров отражает такой процесс. Полвека назад О. Брок засвидетельствовал в них дифтонги, подчиняющиеся своей динамикой структуре фразовой интонации, а в настоящее время, при сборе материала для составления диалектологического атласа, в говорах той же местности дифтонгов (и фонем /ω/, /ѣ/) уже не обнаружено.

* * *

К уникальным и быстро исчезающим диалектным чертам одной из периферийных групп севернорусского наречия — Олонецкой относится перенос словесного ударения с конечного слога на первый слог, что в русской диалектологии обозначается термином местного происхождения — «ляпанье»¹⁹.

В Заонежье — местности, расположенной к северу от Онежского озера, ляпанью в некоторых говорах сопутствует особое произношение гласных на месте *o*, *e* разного происхождения, принадлежащих слогу с перенесенным ударением. При сохранении звуков *o*, *e* в одних говорах, в других этому соответствует звук *a* после твердого и нетвердого согласного: *ва́да*, *ба́да*. Наиболее существенную в типологическом отношении разновидность представляют говоры части Заонежья (с. Кажма, с. Великая Нива и др.), где на месте *o* при перенесении на этот слог ударения звучит гласный типа *ɔ*, а по говорам еще разновидности — *ɔ* или *a°*: *ва°о́да* и т. д.

При гласном лабиализованном — монофтонге *ɔ* или *a°* в качестве его эквивалента представлен дифтонг *ɔ̃a* (подобно тому, как в русских говорах при *у̃d* может существовать монофтонг *o*), фонологическая самостоятельность которого, наряду с его соответствиями в виде монофтонгов, обнаруживается сопоставлением

¹⁹ «Ляпать» (слово возводят к названию карельского племени «лэпиксе») в Заонежских говорах значит произносить неодносложные слова с переносом ударения с конечного на первый слог, что считается признаком местного устаревшего, особо «некультурного» произношения. При ляпанье образуется парадигма таких акцентных структур слова: ударение переносится с последнего слога на первый — *ру́ки* (род п. ед. ч.), *ру́ка* (им. п. ед. ч.); ударение сохраняется на прежнем месте: *ру́ки* (им. п. мн. ч.), *рука́ми* (твор. п. мн. ч.).

таких примеров как *но́бры* (род. п. ед. ч. от *но́бра* = «нора»), *но́ры* (им. п. мн. ч. этого же слова) и *на́ры* (*pluralia tantum* «деревянный настил, на котором спят»). Сравнение двух первых примеров показывает, что фонетическое явление ляпанья приводит к возникновению флексии основы.

Транскрипция дифтонга *ба* достаточно аналитична, чтобы передать шкалу смены его тембра. В экскурсии первая фаза может быть несколько ниже подъемом, чем *о*; образуется дифтонг *бӑ*, что сходно с отношением дифтонга *ю̆* или *бо̆* к монофтонгу *о*. Динамическая структура *бӑ* часто представляет сильно-начальное образование, в чем проявляется тенденция говора к атакированному произношению слогов. Однако тембру второго, открытого компонента дифтонга свойственна большая собственная звучность, так что он иногда кажется преобладающим по силе, а в отдельных случаях действительно оказывается таким, что подчеркивается его относительным удлинением. Это качество становится ярче под влиянием некоторых видов интонации, например при вопросе, при эмфатическом продлении гласного в формах обращения и т. д.²⁰

Параллельно с дифтонгом *бӑ* в говорах при ляпанье после нетвердого согласного представлен дифтонг *еӑ*, с аналогичной структурой в отношении принципа смены тембра его фаз и дуги силы.

Наличие в одной системе вокализма адекватных фонетических образований *бӑ* и *еӑ* сопровождается неодинаковостью их фонологического значения, что представляет редкий пример несимметричности фонетических и фонологических отношений.

Как было уже показано, дифтонг *бӑ* противопоставляется всем другим гласным фонемам, в частности, фонемам */о/* и */а/*, соседящим с ним по степени подъема.

В противоположность этому дифтонг *еӑ* представляет лишь вариацию гласного */а/* после смягченных согласных как результат специфического для заонежских говоров увеличения длительности и силы фаз экскурсии гласных в такой позиции.

Более слабая, чем в литературном произношении, степень смягчения согласных в этих говорах вызывает сравнительно пониженное образование первых фаз экскурсии следующего гласного среднего и нижнего подъема, которые не превышают положения гласных среднего подъема. Особенно ясно они воспринимаются при несколько замедленном произношении как шкала

²⁰ Физическая характеристика дифтонга *бӑ* обнаруживает сходство с аналогичным гласным южнокарельских диалектов, на которые обычно и указывают как на источник, откуда русские говоры Заонежья заимствовали систему ляпанья и связанное с ней изменение тембра некоторых гласных. Однако проникновение этих черт в русские говоры еще не получило развернутого историко-фонологического объяснения [З; 78, 86].

смены тембров от *е* до *а*, присутствующая в ударенных слогах с гласным *а* после смягченных согласных.

Фонологическая роль дифтонга *еа*, который в слабой фразовой позиции может произноситься как дифтонгоид, а иногда и с крайним ослаблением начальной фазы, выявляется следующим сопоставлением примеров: *пѣа́тух* (= «петух» в словоформе с перенесенным ударением), *пѣа́тка* (= «пятка»), где *еа* является общей для этих примеров вариацией гласного на месте фонемы /а/ под ударением после смягченного согласного. Потенциально в этом же говоре оба примера могут звучать как *пѣа́тух*, *пѣа́тка*, что наблюдатели говора, впервые сталкивающиеся с ляпаньем, иногда склонны воспринимать просто как *п'а́тух*, *п'а́тка*²¹. Гласный *еа* (или *а*) обоих примеров как соответствующий фонеме /а/ после нетвердого согласного противопоставляется гласному *е*, соответствующему фонеме /е/: *пѣрвоу*.

Фонологическая несамостоятельность дифтонга *еа*, а также ограниченное распространение и незначительный удельный вес обоих заонежских дифтонгов в общем фонде звуковых явлений современной и исторической диалектологии все же не лишает необходимости отметить их существование в общем обзоре неоднородных гласных севернорусского наречия как особую категорию фонетического раздела диалектологии русского языка.

III

Явления напряженности речевой артикуляции, которые могут создавать диалектные различия в тембре основного вида гласных, изучены мало вследствие большой сложности методов анализа напряжения отдельных групп мускулов, к тому же меняющегося в процессе артикуляции.

В известных диалектологических источниках встречаются отдельные сведения о напряженном характере некоторых гласных, главным образом соответствующих фонемам /ω/, /ѣ/, а также о фактах комбинаторного изменения гласных — их напряжения, вызванного соседством смягченных согласных.

Наличие напряженности прежде определялось на слух, обычно без указаний на ее качество, место возникновения и интенсивность. Следует заметить, что эти характеристики не получены еще в требуемом масштабе и при современных способах инструментального изучения речевого процесса.

На необходимости различения напряженности и закрытости гласных неоднократно настаивал Л. В. Щерба, что еще до сих пор мало учитывается в практике преподавания общей фонетики.

²¹ В собирании и интерпретации этого материала во время экспедиции в Заонежье большое содействие автору данной статьи оказала Н. И. Скуратова, преподаватель кафедры русского языка Петрозаводского гос. университета, много лет изучавшая заонежские говоры.

Идея названного различия заключается в том, что артикуляция любого звука речи может осуществляться с большим или меньшим мышечным напряжением без значительного изменения основного уклада этого звука.

Так, известное напряжение гласных среднего подъема в русских говорах сопровождается их некоторым повышением к зоне средне-верхнего подъема, но могут существовать и другие виды напряженности, не вызывающие такого артикуляционного сдвига.

Для характеристики основного вида гласных севернорусских говоров следует ограничиться указанием на несколько фактов проявления напряженности разной категории. Систематическое рассмотрение вопроса здесь из-за недостатка материала пока невозможно.

Напряженность гласных принадлежит к таким физическим качествам речи, которые на слух воспринимаются только в общих чертах, оставляют не вполне конкретное впечатление и почти не поддаются описанию в аналитических терминах. Тем не менее, общий колорит напряженности речи или отдельных звуков в ее потоке может быть отмечен и неспециалистом в области фонетики. Нередко «местный акцент», то есть специфическая окраска звуков речи, создается главным образом особой степенью напряженности языка, стенок ротовой полости, глотки и т. д. При анализе физических свойств диалектной речи эта напряженность может создать резкие отличия, например, в характере спектрограмм гласных.

Следы диалектной или нерусской (например, украинской) напряженности артикуляции иногда сохраняются в речи представителей литературного произношения, что необходимо учитывать при статистических обобщениях результатов спектрального анализа материалов, призванных характеризовать русский литературный язык.

Подходя к оценке диалектальной напряженности гласных, нужно учесть общие определения, установленные в свое время на слух и на основании мускульных ощущений известными фонетистами — исследователями русского литературного произношения [16; 85, 183, 184, 206].

Так, гласные ударенные образуются вообще при более напряженной артикуляции, чем безударные. Вместе с тем степень напряженности звуков в русском литературном языке вообще слабее, чем в некоторых других языках, как, например, во французском.

Если изучение напряженности речевой артикуляции пока не удастся сделать с должной степенью тщательности, то некоторое объективное понятие об этом свойстве гласных все же можно получить при комплексном рассмотрении материалов экспериментально-фонетических исследований. Об акустическом эффекте напряженности гласных может свидетельствовать движение линии интенсивности звука, получаемой при специальных видах инструментального анализа речи, хотя сама по себе степень интенсив-

ности здесь и не дает непосредственного представления о напряженности как об артикуляционном и акустическом процессе. Эти данные необходимо сопоставить с соответствующим материалом спектрального анализа звука. Известно, что спектры напряженных гласных обладают большим количеством составляющих, усилением их интенсивности и более плотным размещением в пределах формантных областей.

Специфика артикуляции напряженных гласных может быть обнаружена методом рентгенографии речевых органов. Большая напряженность гласных в ряде случаев довольно наглядно представлена большей степенью удаления их артикуляции от артикуляции гласных смешанного ряда и того «срединного» положения, где образуются гласные редуцированные типа *ъ*. Степень напряженности мышц языка, соответствующая в известной мере степени напряженности гласного, отражается на конфигурации языка, заметной в его профиле. Гласный безударный, как менее напряженный, артикулируется при более распластанной форме языка, т. е. ближе к категории смешанных гласных, в противоположность гласному ударенному, который образуется сравнительно напряженнее, с приближением массы языка к округлым по профилю очертаниям, с более крутым склоном в передней части.

Такая же тенденция различий в форме языка замечается и при сопоставлении ударенных гласных разных говоров, если в них существует неодинаковая степень напряженности гласных образований.

По впечатлению на слух артикуляционным базам большей части говоров севернорусского наречия, за исключением говоров Владимирско-Поволжской группы, принадлежит общая тенденция артикулирования всего потока речи со значительной напряженностью, сравнительно мало модифицируемой в слабых позициях слова и фразы.

Возможно, что этим и обусловлено возникновение известной в севернорусских говорах структуры слова с малым различием по силе и длительности гласных под ударением и без ударения, при энергичном произношении, как бы скандировании слов по слогам.

Исходя из того, что градация напряженности гласных в известной мере обнаруживается в характере их спектра, был проведен спектральный анализ наиболее ярких примеров напряженного произношения гласных в говорах центральной части Кировской обл., северной части Ярославской обл. и Заонежья.

Для сравнения такому же анализу были подвергнуты примеры с адекватной структурой слова, отражающие специфику говоров Владимирско-Поволжской группы, где общая напряженность артикуляции речи на слух не замечается.

Придавая известное значение такому приему исследования материала, несмотря на его выборочный характер, можно сделать следующие выводы.

Названные выше подразделения говоров безусловно противопоставляются между собой по степени напряженности звуков речи, что отражено и в специфике звучания основного вида гласных.

В большей части говоров севернорусского наречия ударенные гласные произносятся со значительной напряженностью. В этом отношении к ним очень близки безударные гласные, причем степень напряжения второго предударного слога лишь немного слабее первого предударного.

В противоположность этому, в группе владимирско-поволжских говоров преобладает сравнительно небольшая степень напряженности гласных ударенного слога при значительно меньшей степени напряженности безударных гласных с их известной двухступенчатой градацией, где 2-й предударный слог — один из самых слабых.

В случае сохранения архаического признака структуры слова владимирско-поволжских говоров — сравнительно сильного и растянутого произношения гласного 1-го предударного слога по напряженности он нередко остается слабее ударенного гласного.

Необходимо отметить, что сходные явления по степени и градации напряженности гласных в составе слова наблюдаются и в соседних по территории среднерусских говорах, включая и московский.

Сообразно с таким диалектным различием акустического свойства гласных, в известной мере улавливаемым простым слухом, можно было бы предполагать, что существуют и соответствующие этому явлению разновидности положения органов речи. Для этого тем же выборочным способом были сделаны рентгенограммы (статическим фотографированием и киносъемкой), а также несколько палатограмм, которые показали, что в говорах с напряженным звучанием гласных последние артикулируются с характерной конфигурацией языка, свидетельствующей о большей напряженности его мышц.

В некоторых говорах Заонежья, Вологодской обл. и других местностей наблюдается особенно сильный напряженный оттенок всего речевого потока, что создается, вероятно, еще значительным усилением напряженности мышц корня языка и стенок глотки.

Мышечное ощущение и рентгено снимки свидетельствуют, что при таком звучании передние гласные ударенного слога образуются с сужением нижней части глотки при характерном выгибе корня языка и задней части его спинки. При этом масса языка как бы отдалается от области заднего ряда, благодаря чему конфигурация средней части глотки (мезофаринкса) приближается к форме воронки.

Вероятно, подобная артикуляция принадлежит уже к начальным ступеням фарингализации гласных, с чем связано наличие сравнительно повышенных формант гласных [16; 200], артикулируемых таким образом в говорах Заонежья, Вологодской обл. и т. д.

Произношение с напряженностью этого типа, резко отличающееся от русского литературного, скорее напоминает звучание польской речи. Необходимо отметить, что сопоставление серии чертежей с рентгеноснимков русских и польских непередних гласных [35], [36] показывает наличие тенденции образования польских гласных с сужением нижней части глотки и выгибом корня языка, что замечается и при артикуляции сильно напряженных непередних гласных севернорусских говоров.

Аналогию такого рода можно продолжить и тем, что польские гласные заднего ряда так же, как и диалектные гласные в указанных севернорусских говорах, сравнительно с русскими гласными в литературном произношении образуются с некоторым повышением тембра.

Кроме общей напряженности артикуляции речи, охватывающей произношение всех гласных, по говорам встречается напряженность как свойство отдельных видов ударенных гласных; это является как бы их вторичным по значению признаком.

Известна напряженность основного вида гласных монофтонгов, соответствующих фонемам /ω/, /Ѣ/, а также напряженность тех *o*, *e*, которые выступают в пятифонемных составах вокализма многих севернорусских говоров.

Нельзя сказать, что напряжение этих гласных везде одинаково. Например, в говорах северной части Ивановской обл. ударенные гласные, соответствующие гласным *o*, *e* литературного языка, произносятся без особенно заметной напряженности, хотя они и образуются в зоне, близкой к средневерхнему подъему.

В противоположность этому можно указать на наличие в говорах преимущественно Вологодско-Кировской группы крайне сильного напряжения ударенных гласных, соответствующих /*e*/, /*o*/ в пятифонемной системе вокализма. Например, в говорах русского населения, расположенных на северо-западе Марийской АССР, степень напряженности *e*, *o* заметно связана со степенью их закрытости. При факультативном увеличении напряжения, что, вероятно, прежде всего диктуется ритмико-интонационными условиями фразы, гласный почти достигает звучания открытых и напряженных *ɑ*, *ʊ*. Так обстоит дело, например, с часто встречающимися словами, как слово «этот» (в говорах окрестности г. Йошкар-Олы) со стертым значением, употребляемое в небрежной речи как частица при срывах мысли (анаколуфах). Оно зафиксировано не только с начальным *ɛ* переднего или несколько отодвинутого образования, но также с *ɑ* и даже с *ʊ*, что относится уже к фонологической замене гласного в сильном положении.

В говорах, где наблюдается последний этап исчезновения фонем /ω/, /Ѣ/, такое факультативное употребление крайне напряженных гласных на месте фонем /*o*/, /*e*/ окончательно лишает

почвы самостоятельное существование шестой и седьмой фонем (например, в говорах Слободского р-на Кировской обл.).

Относительно гласного *ы*, положение которого в фонематическом составе во всех говорах такое же, как и в литературном языке, необходимо сказать, что во многих севернорусских говорах он артикулируется не в среднем ряду, а в средне-заднем и даже в заднем ряду (независимо от качества предшествующего согласного) с большой напряженностью в ударенном слоге. Последняя является характерным признаком произношения этого гласного. Дифтонгоидная рекурсия (*ыи*), обычная примета гласного *ы* в южно-и среднерусских говорах, для говоров севернорусских не типична.

Аналогично распространено по севернорусским говорам произношение сильно напряженного под ударением гласного *э*, соответствующего фонеме /e/ в позиции после твердого согласного в таких слогах, как *ше́*, *же́* и т. д., а также в начале слова (например — *это́*), отодвинутого к области среднего ряда больше, чем в литературном произношении. Напряженность такого передне-среднего гласного тоже является его характерным признаком. Как известно, в говорах преимущественно Владимирско-Поволжской группы круг слов с начальным *э* расширен такими примерами, как *эжели*, *эсли*, и включает еще больше слов с безударным начальным слогом, где напряженность, при сохранении ряда гласного, не ощущается: *эщб*, *элена*, *эдва*, *эвангелы* и т. п.

Другой вид напряженной артикуляции гласного представлен таким произношением, где напряженность к концу протекания гласного снижает свою силу, что имеет прямое отношение к разделу о структуре слога.

Здесь необходимо различать несколько типов явлений. В говорах преимущественно Владимирско-Поволжской группы с их сравнительно слабой напряженностью ударенного слога гласные среднего подъема в абсолютном конце слова в фазах рекурсии обнаруживают вместе с падением напряженности тембр открытых гласных (с утратой лабиализации после ядра *о*). Реже, например в говорах южной части территории Владимирско-Поволжской группы, при этом заметно увеличивается раствор «челюстного угла», то есть гласный достигает положения *а* с ослабленным звучанием: *давно́а*, *мн'е́а*.

По говорам более редко встречается наряду с такими примерами еще аналогичная деформация гласного *у*: *ўр*, *ўа*, при которой при спаде напряженности в рекурсии возникают пониженные фазы примерно того же ряда, иногда с делабиализацией, что отмечено в говорах южной части Владимирской обл. Это явление не чуждо и говорам, в которых существует сравнительно сильная общая напряженность артикуляции речи, как, например, в северной части Калининской области, где соприкасаются территории говоров севернорусского наречия Западной и Вологодско-Кировской групп.

Если это падение напряженности, связанное с деформацией гласного в его последних фазах, принять за особый вид рекурсии — возвращение органов речи в состояние покоя, то надо указать и на другой вид артикуляции такого же значения. Она отмечена в говорах Владимирско-Поволжской группы [18; 127], а также в средне- и южнорусских говорах при произношении ударенного *о*, *а* или соответствующих безударных гласных в абсолютном конце слова, особенно ярко перед паузой. Обычная напряженность ударенного гласного здесь ослабляется в самом его конце, но без заметного изменения раствора «челюстного угла». При этом язык переходит в индифферентное положение с небольшой наклонностью к конфигурации, свойственной редуцированному гласному типа *ь* (после ядра *о* фазы рекурсии теряют огубление), но фонация не прекращается, отчего образуется слабо выраженный дифтонгоид с фазами типа *ц^ь*, или *е^ь*, *ь*: *давно^ь*, *с'е-стра^ь*. Такое образование свойственно и гласным без ударения.

Можно полагать, что просторечные и диалектные формы обращения с таким звучанием на конце (*мама^ь!*), как и вопросительная частица *а^ь*, где иногда развивается полный гласный, фонологически значимый — (*ай*), в своей основе имеют вышеописанное явление.

Более серьезное значение для характеристики звукового качества состава фонем севернорусских говоров приобретает еще один вид напряженных гласных среднего подъема в слоге под ударением.

Речь идет о сильно напряженном произношении гласных *ѐ*, *ё*, которые в экскурсии и ядре представляют строгую выдержанность среднего подъема и начинаются сразу энергично (даже в говорах без общего атакирования экскурсии гласных), с большой степенью напряженности. Последняя сохраняется почти на протяжении всего гласного (до 80—90% его длительности) и лишь в самом конце более или менее резко ослабляется.

Процесс ослабления напряженности гласного *ѐ* ведет за собой незначительные изменения конфигурации задней спинки языка в сторону приближения ее в фазах рекурсии к артикуляции ненапряженного *у*. Важно отметить, что степень раствора «челюстного угла» и степень лабиализации здесь обычно остаются без заметного изменения — в противоположность дифтонгу *уд*, где различие в компонентах создается постепенным сдвигом артикуляций, в числе которых фигурирует расширение «челюстного угла» и изменение работы губ от большей степени лабиализации к меньшей.

При напряженном *ѐ* аналогичный процесс рекурсии гласного ведет за собой его изменение в сторону образования ненапряженного *и*. При сравнительно ослабленной, но продолжающейся фонации эффект такого скольжения артикуляции последних фаз *ѐ* и *ё* выражается в появлении дифтонгоидов *ѐ^и*, *ё^и*.

Иногда такая рекурсия осуществляется лишь в виде едва заметного повышения последних фаз гласного — δ^y , ϵ^y , но порою, особенно при эмфатическом произношении, гласный достигает степени нисходящих дифтонгов, ясно контрастирующих в отдельных говорах с дифтонгами обратного направления — $y\delta$, $y\epsilon$.

Необходимо отметить, что в результате проведенного опыта по восприятию дифтонгоидов δ^y , ϵ^y аудиторами, для которых местный говор был родным, оказалось, что смена тембра в рекурсии δ , ϵ почти всегда оставалась вне центра их внимания²², в противоположность восприятию дифтонгов $y\delta$, $y\epsilon$, где неоднородность гласных обычно ясно осознавалась. Можно полагать, что скольжение тембра в рекурсии δ , ϵ не вошло в состав закрепленных, осознанных фонетических признаков звукового оформления этих диалектных гласных, поскольку повышенные фазы рекурсии являются побочным результатом ослабления напряженности, которая, собственно, и фигурирует в качестве характерного признака ударенного гласного среднего подъема.

Механизм описанного явления можно понять, учитывая высказывания Л. В. Щербы о физиологической природе напряженности гласных французского и немецкого языков в сравнении их с русскими гласными [33; 68, 69]. Так находит подтверждение мысль, что вследствие тождества, или, вернее, большого сходства основных признаков артикуляции напряженных δ , ϵ — их ряда и степени подъема с характеристикой ненапряженных y , y , постепенное ослабление мускульного напряжения языка в конечных фазах артикуляции δ , ϵ приводит к скольжению тембра, образуя нисходящие дифтонгоиды типа δ^y , ϵ^y .

Различные виды повышения фаз рекурсии δ , ϵ встречаются по говорам с неодинаковой устойчивостью. Иногда в этом разнообразии проступают очертания более стабильного употребления некоторых видов звуков в определенных интонационных условиях фразы. Заметно, что в слабых фразовых позициях дифтонгоидность δ , ϵ не может реализоваться с полной ясностью.

Неоднородные гласные типа δ^y , ϵ^y спорадически встречаются во всех говорах русского языка, где сохраняются фонемы / ω /, / $\tilde{y}$ / или только их следы. Важно, что наличие или отсутствие в говорах общей напряженности речевого потока не влияет на возможность существования в них δ^y , ϵ^y так же, как их наличие не связано с каким-либо определенным видом динамической структуры слога, преобладающим в том или ином говоре.

Дифтонгоиды δ^y , ϵ^y в качестве первого компонента имеют гласный среднего подъема, поэтому они отсутствуют в северно-

²² Вследствие этого почти все испытуемые не смогли сознательно повторить свои примеры с δ^y , ϵ^y , утверждая, что они произносят «ровные» δ , ϵ . Убедить аудиторов в обратном удалось лишь при помощи показа им по отдельным сегментам звукозаписи данных гласных в их же собственном произношении.

русских говорах с такими выдержанными фонетическими системами, где в соответствии с ударенными гласными среднего подъема литературного языка произносятся напряженные гласные со значительно повышенным подъемом с первых фаз гласного до последних. Понятно, что наличие такого подъема не могло бы способствовать заметному проявлению еще более высоких фаз рекурсии в случае возможного ослабления напряженности конца гласного.

В силу такого обстоятельства $\bar{o}$, $\bar{e}$ в севернорусских говорах, по-видимому, не могли бы органически возникнуть из монофтонов o , e , соответствующих фонемам $/\omega/$, $/\text{ѣ}/$, тем более, что последние монофтонги потенциально являются сильноконечными, что создает тенденцию изменения их в дифтонги принципиально другой структуры — с возрастающим напряжением к концу гласного.

Однако многие севернорусские говоры, где существует произношение напряженных ударенных гласных, соответствующих гласным o , e литературного языка, представляют факты большого смещения различных систем вокализма ударенного слога, что может еще осложняться остатками употребления фонем $/\omega/$, $/\text{ѣ}/$ или только $/\text{ѣ}/$. В ряде говоров Вологодско-Кировской группы встречается, пожалуй, наиболее сложная картина такого смещения, что могло дезориентировать собирателей диалектологического материала, пытавшихся выявить закономерности фонетической системы. Современные наблюдатели кировских говоров правы, указывая в своих статьях или в материалах, собранных для диалектологического атласа, на чрезвычайную сложность исследования диалектных тенденций употребления тех или иных гласных, но при этом они нередко допускают крупные неточности, ставя в один ряд со всеми фонемами говора также и $\bar{o}$, $\bar{e}$ в качестве отдельных фонем, якобы существующих в одной системе вокализма с $/o/$, $/e/$, $/\bar{u}o/$, $/\bar{i}e/$. Такая интерпретация фонетики говоров иногда встречается в описаниях диалектов северо-восточной и восточной территории Европейской части РСФСР, см., например [30; 305]. Скорее всего она вызывается неправильным методом статистической обработки собранного материала, без необходимого учета присутствия в речи эквивалентных вариаций гласных, обусловленных ритмико-интонационной структурой фразы.

Сказывается также и недостаточность разработки теоретических вопросов смещения фонетических систем.

Известной базой смещения разных систем вокализма служит наличие неодинаковых по говорам типов произношения гласных фонем $/\omega/$, $/o/$, $/\text{ѣ}/$, $/e/$. Вследствие этого фонологическое отношение пар $/o/$ и $/\omega/$, $/e/$ и $/\text{ѣ}/$ нарушается, в лексико-морфологическом составе говоров оказывается исторически неоправданное употребление фонем среднего или средне-верхнего подъема.

Одной из внутренних причин смешения вокализма служит произношение на месте фонем /о/, /е/ гласных закрытого характера, в результате чего звуки *о*, *е* могут оказаться соответствием не только этих фонем, но и фонем /ω/, /ѣ/. При возможной в некоторых говорах просодической замене дифтонга *ѳо* монофтонгом *о*, дифтонга *ѳе* — монофтонгом *е* в эти же отношения могут попасть гласные на месте фонем /о/, /е/, незакономерно получающие в этом случае дифтонгическое образование. Осложнение вносит еще возможная модификация тембра напряженных *ѳ*, *е* в виде *ѳ̂*, *е̂*, что в быстром произношении может в свою очередь приближаться к звучанию монофтонгов *о*, *е* — общей платформе для всевозможных смешений, откуда в кировских говорах *ѳ̂*, *е̂* встречаются даже на месте /ω/, /ѣ/.

Степень закрытости монофтонгов *о*, *е* при значительном напряжении здесь достигает почти звучания *у*, *и* или даже полностью совпадает с этими гласными, что подтверждается в отдельных случаях инструментальным анализом (например, по материалам звукозаписи говоров Кировской области) и приобретает уже характер фонологической замены гласного в составе словоформы.

Однако случаев фонетического перехода *е* в *и* как живого явления некоторых севернорусских говоров нельзя отделить от употребления фонемы /и/ — результата древнерусского диалектного перехода *ѣ* → *и*, что было представлено не только в Западной группе, но спорадически и в ряде других групп говоров севернорусского наречия. Может быть, поэтому замена *е* посредством *и* по говорам встречается намного чаще, чем употребление фонемы /у/ вместо фонемы /ω/. Последнее нигде не приобрело устойчивости, а встречается лишь как случайное явление речи.

Заслуживает внимания тот факт, что обратных фонематических замен исконного *и* посредством *е*, а также исконного *у* посредством *о*, как правило, не встречается²³. Восстановление в говоре «правильного» произношения *е* на месте *и* из *ѣ* (когда вместо пары таких примеров как *т'ѳхо*, *т'ѳло* в говоре появляется пара *т'ѳхо*, но *т'ѳло*) не является фонетическим процессом, а относится к области лексико-морфологических заимствований из другой языковой (диалектной) системы.

Правильную ориентацию при изучении разнообразных видов смешений вокализма, встречаемых во многих севернорусских говорах, можно получить при рассмотрении материалов, отражающих современное состояние отдельных, очевидно уже немногих говоров, сравнительно устойчиво сохраняющих диалектную фонетическую систему с различением известных шести или семи фонем, а также представляющих стабильное произношение гласных на месте /ω/, /ѣ/ в виде дифтонга в одних говорах и монофтонга — в других.

²³ Отдельные примеры «народной этимологии» с такой заменой гласных и примеры комбинаторного изменения группы *ир* в *ер* здесь не затрагиваются.

В русской диалектологии дольше всего не удавалось определить фонологическое значение образований типа *оу*, *ей*, во многих говорах употреблявшихся по непонятному принципу, что отражено еще в первых диалектологических сообщениях с мест в середине прошлого столетия и позже.

При наблюдении речи с последовательным различением фонем /*ω*/ и /*о*/, /*ѣ*/ и /*е*/ в ряде среднерусских говоров восточной окраины Московской обл., территориально близких севернорусским говорам Владимирско-Поволжской группы, удалось заметить особую закономерность. Она заключается в том, что напряженное звучание *ѣ^н*, *е^н* выступает исключительно на месте фонем /*о*/, /*е*/ под ударением как их просодическая вариация при фразовом усилении и удлинении слога и никогда не встречается на месте фонем /*ω*/, /*ѣ*/, произносимых там обычно в виде дифтонгов *уѣ*, *иѣ* [13]. Противопоставление нисходящих дифтонгов, а чаще — дифтонгоидов *ѣ^н*, *е^н* дифтонгическим образованиям обратной структуры — восходящим *уѣ*, *иѣ* создает в говоре значительный контраст, способствующий различению фонем /*о*/ и /*ω*/, /*е*/ и /*ѣ*/, хотя он иногда и ослабляется в потоке быстрой речи.

Такие же фонетические отношения, сравнительно хорошо сохранившиеся, теперь вскрыты и в ряде севернорусских говоров, например в Любимском р-не Ярославской обл., хотя подобные диалектные фонетические системы в настоящее время подвергаются быстрой нивелировке не только под общим влиянием литературного языка, но и под воздействием упрощенных фонетических систем соседних говоров.

IV

Гласный в сильной позиции обычно представляет некоторые видоизменения тембра, не выходящие за пределы вариаций и обусловленные комбинаторным влиянием, т. е. качеством соседних звуков.

До сих пор в этом случае в диалектологии обычно учитывалось лишь влияние консонантизма на гласный, «в особенности твердость и мягкость» согласных [1; 40] и фактически только соседних с этим гласным. О влиянии других качеств консонантизма и о воздействии не соседних согласных вопрос почти не поднимался, как и о возможном влиянии некоторых гласных в составе слова на гласный под ударением.

Такое ограничение вызывалось тем обстоятельством, что прочие виды влияния консонантизма (лабиализация, назализация и т. д.) создают очень слабую, почти не замечаемую на слух вариативность основного вида гласных.

Однако целый комплекс специфических комбинаторных изменений гласных всегда участвует в создании местной окраски вокализма, чем могут различаться говоры с одинаковым количеством фонем.

Эта дифференциация звуковых систем по их внешним, физическим признакам выявилась при первых же опытах спектрографирования гласных основных диалектных групп, поскольку на спектрограмме даже незначительные комбинаторные разновидности тембра звука получают свое отражение. Все это чрезвычайно затрудняет поиски инвариантов гласных, характерных для того или иного говора.

Не меньше разнообразия наблюдается и при анализе материалов литературного произношения, собранных на разных территориях распространения русского языка, где проявляются особенности местного диалектного субстрата.

Понятно, что большинство этих тонкостей анализа звуковой стороны диалектной речи на слух воспринимается не расчлененно. Стоит назвать лишь несколько основных факторов комбинаторных воздействий на гласные, чтобы осветить ряд наиболее очевидных функциональных связей звуков севернорусских говоров.

Диалектные разновидности комбинаторного изменения тембра гласных зависят, во-первых, от специфики качества самого источника воздействия. Естественно, если эти звуки по говорам обладают неодинаковой природой, то и влияния их на гласный в сильной позиции не могут быть единообразными.

Во-вторых, диалектные разновидности образуются еще вследствие неодинаковой по типу и интенсивности адаптации гласного фонетическому окружению, поскольку единообразных форм подчинения комбинаторному влиянию не существует. Так, сильная степень палатализации согласного не обязательно вызывает во всех говорах экскурсию следующего за ним гласного с сильно выраженным дифтонгоидным началом.

Указание общей фонетики на важную роль фонологических факторов, регулирующих приспособляемость артикуляции звука, не следует понимать таким образом, что они *всегда* превалируют в развитии фонетических явлений [16; 228, 229].

Известны случаи звуковых изменений, «нерациональных» с точки зрения фонологической системы. Сюда относится нарушение необходимого контраста звучания гласных на месте фонем /ω/ и /o/, когда ударенный гласный среднего подъема приобретает сходство с *o*, поддаваясь ассимилятивному влиянию гласного *y* заударного слога (например, в говорах Слободского р-на Кировской обл.).

Эта регрессивная ассимиляция еще свободнее осуществляется в говорах без фонемы /ω/, т. е. где нет фонологической тенденции ограничивать диапазон возможных повышений гласного *o*, чтобы избежать его смешения со звучанием *o*.

Названное фонетическое явление отмечено в ряде говоров, в том числе и севернорусских, за исключением, вероятно, их Западной и Олонецкой групп.

Схема этого комбинаторного воздействия заударного гласного *у* на гласный *о* ударенного слога такова: в позиции «тóту» (*сóку, пóлбу, нáлбу, сбóу, охóту* и т. п.) гласный *о* образуется при более высоком подъеме и с большей лабиализацией, чем в позиции «тóта» (*сóка, пóлба, нáлга, сбáа, охóта* и т. п.).

Комбинаторная лабиализация промежуточных согласных является непосредственным передатчиком этого свойства гласному *о*, но примеры с отсутствием такого согласного свидетельствуют, что и при зиянии звук *о* оказывается измененным под непосредственным влиянием соседнего *у*: *пó уши, чтó уж, сбóус, Нэкбóуз* (топоним Ярославской обл.).

Роль подъема гласного в этом явлении недостаточно выяснена. Следует упомянуть, что в рентенограммах гласного *о* в позиции перед заударным *у*, полученных при изучении одного южнорусского говора Кадужской обл. (с парой фонем — /*ω*/ и /*о*/) наряду с усилением лабиализации отмечено и изменение его подъема в сторону приближения к *у*.

Вероятно, так же обстоит дело и во многих других, в частности, — севернорусских говорах. Однако нельзя отрицать возможности, что в некоторых фонетических системах здесь ведущим моментом будет усиление лабиализации, так что явление можно хотя бы частично охарактеризовать как некоторую тенденцию к «губной гармонии», видимо существующей в русских говорах в зачаточном состоянии. Вероятно, она охватывает и другие гласные, увеличивая разброс данных при статистических обобщениях характеристик основного вида звуков. Понятно, что ассимилятивного приближения гласного на месте фонемы /*ω*/ к звучанию *у* практически невозможно установить в силу небольшого контраста в образовании этих звуков.

Таким образом, здесь приводится в известность диалектная черта, оригинальная в типологическом отношении, поскольку она представляет редкий случай комбинаторного воздействия не согласного, а гласного, и вызывает такую значительную вариацию гласного в сильном положении, что в отдельных говорах (например, в Слободском р-не Кировской обл.) подходит вплотную к созданию варианта, в котором совпадают фонемы /*ω*/ и /*о*/.

Оригинальной оказывается и фонологическая основа данного явления вследствие того, что в нем представлена обусловленная вариативность гласного в сильном положении, хотя последнее по общим представлениям должно в принципе оставаться «наименее зависимым от комбинаторных влияний».

* * *

Как известно, среди факторов, вызывающих в русском языке вариации гласных, главная роль принадлежит влиянию согласных.

В области экспериментальной фонетики за последние десятилетия накопился обширный материал, открывший большое

значение фаз экскурсии и рекурсии согласных, которые, как оказалось, проникают почти всегда во все фазы соседних гласных, что необходимо учитывать при поисках собственных характерных черт гласных.

Спектральный анализ диалектных гласных обнаруживает некоторые непредвиденные различия, вызванные спецификой консонантизма в говорах.

Например, в севернорусских говорах (на более обширной территории, чем это было известно до составления диалектологического атласа) встречается сохранение звонкости согласных, иногда — неполной, в таких позициях, где в литературном произношении они оглушаются. В говорах Калининской обл., возможно генетически связанных с близлежащими карельскими или вепсскими говорами, обнаруживается озвончение (ослабление) интервокальных глухих согласных, что прежде в русской диалектологии было неизвестно (см. материалы экспедиции Института русского языка АН СССР, собранные для диалектологического атласа в 1959 г.).

Различная степень звонкости или глухости согласных вызывает соответствующее изменение тембра соседних гласных, который в данном случае нельзя изучать в отрыве от анализа специфики местного консонантизма.

В говорах Владимирско-Поволжской группы и диахронически близких к ним среднерусских говорах уральских казаков — во Владимирской, Ивановской областях, в Чувашской АССР, в Западно-Казахстанской обл., а также в говорах Вологодско-Кировской и Поморской групп обнаружено спорадическое распространение апикального и даже какуминального образования переднеязычных согласных, сильно пониженных поэтому в тембральном отношении и вызывающих соответственное изменение тембра соседнего гласного в сильной позиции²⁴. Так же отзываются на качестве тембра гласного найденные в ряде севернорусских говоров сильно веляризованные и несколько лабиализованные твердые шипящие с ярко выраженным вторым, задним фокусом, после которых образование гласных получает значительный сдвиг назад.

Общее веляризованное произношение твердых согласных спорадически отмечается в центральной части Горьковской обл. (в говорах Ардатовского р-на, Лукояновского р-на), в южных частях

²⁴ Н. М. Малеча указывает на наличие в говоре уральских казаков апикальных переднеязычных согласных [24; 9]. Предположение автора о недавнем образовании этого произношения под влиянием местных тюркских языков оказалось малооправданным. Против него говорит географическое распространение данного явления в местностях, удаленных от Казахстана, как Владимирская, Ярославская и другие области, а также отсутствие апикального или сходного с ним произношения *т*, *д*, *н* в говорах автохтонов Западно-Казахстанской области.

территории говоров Владимирско-Поволжской группы, в связи с чем, например, в структуре ударенного гласного *a* обнаруживаются фазы экскурсии с тембром *ы*, отодвинутого в средне-задний ряд (*вод^ыа*; местные краеведы квалифицируют такое произношение как «грубое», «тяжелое»). Это звучание гласных разительно отличается от качества гласных, наблюдаемых в отдельных говорах Костромской обл., Вологодской обл., Карельской АССР, где в силу общей напряженности глоточного артикулятора и, возможно, связанного с этим сдвига артикуляции спинки языка несколько вперед, гласные получают повышенный оттенок тембра.

* * *

В отношении комбинаторных изменений основного вида гласных севернорусского наречия под действием соседних нетвердых согласных получается трудно сравниваемый по говорам материал вследствие того, что степень палатализации согласных не везде одинакова. Нередко она представляет подлинные палатальные образования отдельных категорий согласных. В других говорах на их месте встречаются согласные более «твердые» (по акустической оценке — с пониженным тембром), чем смягченные согласные в литературном произношении, причем это неполное смягчение в отдельных фонетических системах имеет не одинаковое функциональное значение.

Палатограммы, отражающие характер «мягких» согласных²⁵ консонантизма говоров различных групп, принадлежащих севернорусскому наречию, показывают, что по говорам небольшими ареалами, недостаточно выявленными в своих очертаниях и пока лишь на территории говоров Среднего Поволжья и Камы, а также в Кировской и Пермской областях, встречаются палатальные, среднеязычные образования, соответствующие фонемам палатализованным переднеязычным /*п'*/, /*л'*/ литературного языка. Это явление, не изученное в диахроническом плане, нельзя непосредственно возводить к наследию языков местного неславянского населения, в которых сейчас известно подобное произношение аналогичных по типу согласных, поскольку среднеязычные *п''*, *л''* спорадически распространены еще на территории древнего русского заселения — в южнорусских говорах Калужской, Тульской, Орловской и других областей.

Общеизвестно существование в севернорусских говорах таких среднеязычных согласных, как *с''*, *з''*, которые отдельно или

²⁵ Термин «мягкие» согласные удобен лишь для обозначения известной фонологической категории «нетвердых» согласных, противопоставляемых «твердым». В фонетическом отношении в категории «мягких» нужно различать палатализованные согласные (*п'*, *л'*, *с'*, и т. д.) и палатальные (*п''*, *л''*, *с''* и т. д.).

совместно с другими категориями среднеязычных согласных — с $\text{ч}''$, $\text{з}''$, встречаются в диалектных фонетических системах. Сюда же относятся и образования типа $\text{к}''$, $\text{г}''$ ($\text{к}''^m$, $\text{г}''^b$) из разновидности шепелявых аффрикат, участвующих в реализации мягкого цоканья.

Имея в виду все это разнообразие, можно уже сделать априорное и в то же время достаточно реалистическое заключение о том, что тембр основного вида гласного всегда отражает в своей экскурсии или рекурсии²⁶ тот или иной характер соседнего согласного. Естественно, чем «мягче» будет его артикуляция (т. е. ближе к категории палатальных), тем больше возможностей возникнет для появления наиболее высоких по степени подъема и передних по ряду фаз переходных звуков. Однако это условие не обязательно вызывает одинаковую степень повышения подъема ядра гласного и его сдвига к пределам переднего ряда, что отражает достаточную самостоятельность образования гласного, не с одинаковой легкостью по говорам поддающегося ассимиляции.

Диалектное различие в образовании основного вида гласного после нетвердого согласного может состоять и в том, с какой относительной длительностью и интенсивностью в составе гласного проходит скольжение переходных фаз. Так, при одинаковой степени смягчения согласных в говорах Владимирской области и в литературном произношении, в отличие от последнего в указанных говорах очень мало развита дифтонгоидность гласных после смягченных согласных. Переходные фазы здесь почти незаметны из-за крутой и быстрой шкалы скольжения тембра. Это не связано непосредственно со степенью интенсивности начала слога. Как раз в говорах Вологодско-Кировской группы, где встречается атакированное начало слога, переходные фазы экскурсии гласных в этом случае достаточно ясны.

Необходимо отметить, что в описаниях физических свойств гласных русского языка встречается несколько одностороннее представление об дифтонгоидности гласных после смягченных согласных, как будто специфичной только для русского языка, тогда как на самом деле это явление встречается в различной мере и в ряде других языков [21]. Следует напомнить, что вопрос о неоднородности русских гласных известной категории, как о явлении «фонологически незначимом», долгое время оттеснялся на задний план, хотя первое описание дифтонгоидов русской речи, названных в свое время полифтонгами, встречается задолго до известных исследований Л. В. Щербы, относящихся к первому десятилетию XX века [33; 13], [28].

²⁶ Позиция ударенного гласного между мягкими согласными принадлежит к числу фонологически слабых, а поэтому здесь не рассматривается. Известно, что комбинаторное влияние мягких согласных в этой позиции сказывается в наибольшей степени.

Необходимо специально выделить вопрос об известных по говорам различиях степени смягчения согласных перед гласными переднего ряда, в зависимости от подъема последних. Это встречается в фонетических системах архаического типа и является уже функцией качества гласных, их влиянием на согласные, и должно специально рассматриваться в описании консонантизма.

В ряде русских говоров, где перед гласным *е*, восходящим к **е* или **ь*, замечается полумягкое (иногда это описывают как «полутвердое») произношение фонологически мягких согласных, можно найти согласные с большей степенью смягчения перед гласным *и* и любым гласным, восходящим к **ѣ*. Это явление требует еще дополнительного фонологического освещения. Его можно понять, если оценить присущий ему параллелизм с явлениями в таких фонетических системах, где происходит утрата фонемы /ѣ/, прежде всего — при замене дифтонга *иѣ* соответствующим дифтонгоидом.

Вряд ли следует приписывать консонантизму таких русских говоров наличие трех фонологических категорий согласных — твердых, полумягких и мягких, которые могут встречаться в лексико-морфологическом составе говора перед одной и той же фонемой среднего подъема переднего ряда — /е/.

Тогда пришлось бы считать, что только она одна присутствует в таких сочетаниях, как *пѣ, нѣ, п'ѣ* (например, в говорах Владимирской и Горьковской областей: *тупѣи* = «туные»; *пѣрвѣи* = «первый», где *е* не из **ѣ*; *посп'ѣл* = «поспел», где *е* из **ѣ*).

Скорее всего, это явление должно получить иную интерпретацию, из которой следует, что в консонантизме русских говоров существуют две общерусские фонологические категории — твердые и мягкие согласные. Мягкие согласные находятся в фонологически свободном употреблении в конце слога (*кѣн'* по сравнению с *кѣн*; в некоторых говорах, как известно, отсюда исключаются губные согласные, отвердевшие в такой позиции), а также перед всеми гласными фонемами, не исключая примеров *пѣрвѣи* и *посп'ѣл*.

Осуществление фонологической дифференциации слогов *пѣ* и *п'ѣ* можно приписать не согласным с разной степенью смягчения, а фонологической самостоятельности каждого из гласных. Звук *е* на месте **ѣ* отличается в физическом отношении от гласного в слоге *пѣ*, происходящего из **е* или **ь*, своей экскурсией с фазой *и*-образного характера в виде дифтонгоида, в котором заканчивает свое физическое существование бывший здесь некогда дифтонг *иѣ*, соответствующий фонеме /ѣ/. Ступени такого процесса можно наблюдать сейчас во многих говорах, где фонема /ѣ/ подвергается деградации. Инструментальный анализ звуков

речи подтверждает наличие таких переходных этапов перерождения *иѣ* в *ѣ*. Последнее далеко не всегда улавливается на слух, особенно наблюдателями, для которых описываемая фонетическая система не является принадлежностью родного говора.

Оставшийся сейчас дифтонгоид следует считать реализацией существующей в настоящее время фонемы /ѣ/, физически противопоставляемой фонеме /е/ в слоге *нѣ* с его подчеркнутой недифтонгоидностью гласного, чему способствует неполное смягчение согласного.

Таким образом, сопоставление сочетаний фонем «мягкий согласный (парный по мягкости—твердости) + /ѣ/ под ударением» и «мягкий согласный (парный по мягкости—твердости) + /е/ под ударением» в такой фонетической системе прежде всего обращает на себя внимание акустическим различием всего слога, но при ведущем значении дифференциации качества гласных.

Сильное смягчение согласного перед гласным на месте фонемы /ѣ/ здесь вызывается адаптацией согласного к высокому и переднему образованию первых фаз гласного; незначительное смягчение согласного перед гласным на месте фонемы /е/ вызывается его адаптацией к первым фазам гласного не столь высоким, а сходным по степени подъема с его ядром.

Эмпирические заключения О. Брока об «i-овой» и «e-овой» степени смягчения в архаических звуковых системах русских говоров сейчас находят подтверждение при детальном исследовании звуков речи инструментальными методами, что позволяет сделать дальнейшие выводы о фонологической основе данного явления.

Характерное различие согласного и гласного в сочетаниях типа *нѣ* и *н'ѣ'* (в фонологической транскрипции *н'ѣ* и *н'ѣ'*) засвидетельствовано в артикуляционном аспекте методом палатографии и рентгенографии; акустические свойства гласных определены при помощи сегментации звука и зафиксированы в спектрограммах, а также аудиторским анализом отдельных тембральных фаз гласных.

Сочетания полумягких согласных с остальными гласными в таких фонетических системах отсутствуют. Кроме слогов с предшествующими твердыми согласными здесь могут образоваться лишь слоги с достаточно сильным смягчением согласных типа *н'а*, *н'о*, *н'у* и т. д., где также обнаруживается дифтонгоидность. Однако последняя (из-за отсутствия слогов типа *н'а* с недифтонгоидным гласным) получает значение только вариации гласных *а*, *о*, *у* после нетвердого согласного ²⁷.

²⁷ В отдельных слоях говоров этих же территорий, возможно в качестве переходного явления, спорадически замечается пониженная степень смягчения как общее свойство артикуляции всех нетвердых согласных (кроме *ј*) во всех позициях. Эта диалектная черта, еще мало изученная в своих града-

Непарные по твердости-мягкости согласные фонемы при сочетании с последующими фонемами /ѣ/ и /е/ в слоге под ударением в своем звуковом облике становятся в те же фонетические ряды или в отдельных говорах обнаруживают результат замены фонем.

Так, в наиболее архаическом типе фонетической системы (например, в говоре с. Пустоша на восточной окраине Московской области, в говорах соседящих с ней районов Владимирской области, в говорах Кировской области) проанализированы такие противопоставления фонем /ѣ/ и /е/ после нетвердых непарных согласных *јѣ*, *ч'ѣ* и *јѣ́*, *ч'ѣ́* в словах: «ѣли» (мн. ч. от «ель»), «чѣсть», «ѣли» («кушали», с ѣ́), «в ключѣ» (с ѣ́). В этих примерах разница фонем /ѣ/ и /е/ выявляется даже после *ј*, где в первом случае при экскурсии гласного обнаруживается относительно более длительная фаза звучания типа *и*, в чем проявляется принцип дифтонга, хотя и слабо звучащего. Параллельно с этим проведен анализ сочетаний отвердевших согласных с фонемами /ѣ/ и /е/ в таких слогах как *цѣ́*, *жѣ́* и *цѣ́́*, *жѣ́́* в словах «цѣрковь», «жѣ́нский», «цѣ́п» (с ѣ́), «на ножѣ́» (с ѣ́), где в экскурсии гласного, соответствующего фонеме /ѣ/ обнаружена слабая фаза типа *ы*. Надо отметить, что в архаическом слое местного говора (в с. Пустоша Московской обл.) в таких позициях еще сохранилось произношение дифтонга *ѣэ́*, отмеченного здесь полвека назад Д. В. Бубрихом [10].

Однако в большинстве говоров с подобной фонетической системой в настоящее время, при описанном выше сохранении пары фонем /ѣ/ и /е/ после непарных по твердости-мягкости согласных, гораздо чаще наблюдается вытеснение фонемы /ѣ/ фонемой /е/. Словоформа «ѣли» становится омофоном, а после отвердевших согласных следов дифтонгоидности уже почти не встречается. Такую ступень развития вокализма О. Брок застал в тотемских говорах еще 60 лет назад [8; 25].

* * *

Выше было сказано, что в ряде севернорусских говоров обнаружено апикальное произношение т в е р д ы х переднеязычных согласных, что откладывает характерный отпечаток на соседние гласные.

Гораздо шире, особенно в говорах Олонецкой, Поморской и Вологодско-Кировской групп, апикальность артикуляции замечается при произношении категории н е т в е р д ы х переднеязычных согласных, что в первую очередь сказывается на недостаточной акустической их мягкости, т. е. высоте тембра. Последнее соответствует органической основе этой артикуляции, поскольку

циях, нередко встречается при утрате в говоре ряда архаических особенностей, в частности при исчезновении фонемы /ѣ/.

апикальное образование согласных как особая конфигурация языка не способствует подъему его средней спинки для дополнительной артикуляции смягчения согласных.

Вероятно, на этом основании в говорах существует тенденция к развитию полного отвердения согласных, что еще чаще замечается в их конечном положении (вместо *пѹт'* произносится *пѹт*, а в отдельных случаях даже *пѹт*, что в системе говора еще не закрепляется)²⁸.

В этом аспекте необходимо проверить достоверность части морфологических материалов, собранных для диалектологических атласов северо-западных и северных областей. Сомнение могут вызвать некоторые данные о распространении форм инфинитива на *т* твердое. Вследствие трудности выявления непривычным слухом небольшой степени смягчения апикальных согласных, возможно, что они кое-где были ошибочно восприняты наблюдателями говоров в качестве совсем твердых, что вносит неверную перспективу в историко-морфологическую трактовку явления, где необходимо выяснить вопрос о возможности нефонетического происхождения морфемы — твердого *т*.

* * *

В завершение раздела о комбинаторных влияниях на качество гласного в сильном положении следует привести сведения еще об одном явлении, которое прежде не учитывалось при детальном изучении фонетики русских говоров, но теперь должно найти свое место в связи с расширением методов инструментального анализа речи.

В севернорусских говорах преимущественно Владимирско-Поволжской и Вологодско-Кировской групп, а также в говорах средне- и южнорусских на территории к востоку и юго-востоку от Москвы, обнаружено повышенное влияние палатальной артикуляции нетвердых согласных, действующей в прогрессивном направлении в составе слова на соседние гласные, как ударенные, так и безударные. В структуре слова при этом между нетвердым согласным, источником ассимиляции, и гласным находится твердый согласный. Поскольку последний также получает более «светлый» оттенок, т. е. тембр его несколько повышается, видно, что действие ассимиляции проходит сквозь эту консонантную преграду.

Ассимиляция осуществляется в следующей структуре слова (в скобках приводятся аналогичные примеры, но без условия для ассимиляции):

²⁸ Серьезную проблему представляют факты спорадического отвердения согласных в ряде южнорусских говоров, в которых, в противоположность говорам севернорусским, не замечается широкого распространения апикального произношения нетвердых переднеязычных согласных.

Изменение тембра гласного под ударением: коньк^{а́} (станк^{а́}) пальб^{а́} (со лб^{а́}) пальб^{ы́} (на лб^{ы́}) и т. д.

Изменение тембра гласного без ударения: б^{а́}нька (б^{а́}нка) св^{а́}дьб^ы (р^{а́}д б^ы) и т. д.

В говорах северо-западных, западных и юго-западных территорий распространения русского языка такое изменение отсутствует или малозаметно.

Участвовать в ассимиляции могут согласные различных категорий, в том числе твердые, непарные по твердости-мягкости. Повышение тембра промежуточного согласного остается в пределах твердого оттенка, благодаря чему варианта фонем здесь не образуется.

Повышение тембра гласных показывает, как они передвигаются в пределах их соответствующего образования — в том же ряду, достигая иногда его передней границы, что очень сильно отражается на изменении спектра гласного.

По результатам процесса видно, что описанная ассимиляция относится к категории частичных.

Известная диалектная черта «неорганического непереходного смягчения заднеязычных согласных» в принципе представляет то же самое явление (как и менее распространенное смягчение других согласных, например, л^{ьнѣ} → л^{ьнѣ}), но достигшее своего предела, хотя и в ограниченных комбинаторных условиях изменения только определенной категории согласных.

Указанная частичная ассимиляция здесь рассматривается в ином аспекте, где главным объектом наблюдения является качество не промежуточного согласного, а следующего за ним гласного в сильном положении, которое, как оказалось, не может его предохранить от значительной вариации.

Территория данного фонетического явления еще не определена с необходимой точностью, но по ряду признаков можно судить, что в нее вписывается ареал современной диалектной черты — прогрессивного смягчения заднеязычных.

V

В настоящем разделе освещается вопрос о диалектных различиях в локализации артикуляционного ряда гласных в более передней или более задней части полости рта, что касается уже одной из главных характеристик гласного, к каким относится степень его подъема, место подъема («ряд») и характер лабиализации (ее наличие или отсутствие).

Однако, как известно, в русском языке лишь первая из этих категорий (которой посвящен следующий раздел статьи) имеет общее и конститутивное значение для противопоставления глас-

ных фонем²⁹. Диахронические изменения категории ряда, приведшие к диалектным различиям в размещении артикуляционных рядов отдельных гласных или их некоторых групп, не могут создать почвы для перехода одной фонемы в другую, так как в современном русском вокализме различие гласных по ряду обусловлено их фонетическим окружением (твердостью или мягкостью соседнего согласного, наличием или отсутствием предшествующего согласного и т. д.), а не является их независимым признаком, как различие по подъему или характеру лабиализации.

Тем не менее при потенциальной возможности широкого видоизменения ряда гласного (при сохранении степени его подъема и лабиализации) без фонологических «столкновений» различных фонем, диалектные расхождения этого рода в русских говорах представлены в ограниченном виде.

Они отмечаются в сравнении с артикуляционным рядом гласных русского литературного произношения преимущественно как образования более или менее заметно «выдвинутые», или «отодвинутые», то есть как разновидности внутри того же самого ряда³⁰.

Более контрастные диалектные различия представлены результатом диахронического сдвига гласного в соседний ряд, или в промежуточную зону — в ряд передне-средний, или средне-задний.

По говорам эти свойства могут принадлежать целому артикуляционному ряду гласных (обычно — заднему, или заднему вместе со средним) всех степеней подъема, или только отдельным гласным, в различных позициях по отношению к ударению.

Специфика звучания гласного, представляющего диалектное своеобразие ряда, на слух иногда определяется с трудом, но спектральный анализ таких примеров, как правило, ясно обнаруживает расхождение с нормой литературного произношения, что приобретает большое значение при подборе объективных данных о фонетических признаках диалектов русского языка.

Основная характеристика артикуляционного ряда монофтонга производится по качеству ядра гласного, так как фазы экскурсии и рекурсии, участвующие в создании общего колорита звучания, не относятся к его кардинальным чертам.

Наоборот, изучение дифтонгов и неоднородных гласных других типов требует внимания к их основному свойству — смене фаз, которые необходимо анализировать и с точки зрения их

²⁹ О неодинаковом фонологическом значении основных признаков, определяющих гласные русского языка (имеется в виду подъем, ряд, степень лабиализации) [2; 88, 89].

³⁰ Здесь применены термины Л. В. Щербы [16; 206]. В более общем значении «горизонтального» передвижения (или «сдвига») гласного вперед или назад, не обязательно в пределах одного ряда, известно употребление таких терминов, как «продвижение» или «упереднение» и «оттяжка» гласного.

принадлежности к ряду. Как известно, обычный тип русских дифтонгов не представляет какой-либо существенной смены в категории ряда при следовании их главных компонентов. Этого нельзя сказать о дифтонгоидных образованиях *о̆* или о конечных фазах дифтонгов, например, *уо̆а* (см.: стр. 29) с их сменой артикуляционного ряда в рекурсии.

Сдвиг в ряде конечной фазы гласного представляет и дифтонгоидное произношение гласного *ы̆* (см. стр. 39).

Физиологические условия реализации известного «трапецоида» гласных — схемы сопоставления их рядов и подъёмов, определяют положение, при котором диапазон возможных передвижений артикуляции гласных «по горизонтали» на уровне верхнего подъема всех рядов всегда шире, чем на уровне более низкого подъема³¹. Диапазон возможных передвижений гласных «по вертикали» в пределах каждого ряда всегда больше для переднего и, соответственно, меньше для заднего ряда.

Общеизвестны также и различия в локализации каждого из артикуляционных рядов гласных в целом по абсолютной высоте их уровня в полости рта: весь задний ряд (и его градации гласных по основным уровням подъема) расположен относительно ниже, чем средний и, тем более, передний ряд. Поэтому выдвижение гласного фактически всегда сопровождается его абсолютным повышением. Это учитывается при сопоставлении гласных по категории ряда, но не получает специальной оговорки, если гласные в том или ином ряду принадлежат номинально к тому же уровню: в таком случае различия в ряде гласного условно принимаются за различия «по горизонтальному» направлению.

Вопрос о диалектных расхождениях в степени изменения артикуляционного ряда гласных в зависимости от места ударения и различий комбинаторных условий здесь оставляется без подробного рассмотрения, как выходящий за пределы темы настоящей статьи³². Однако по мере необходимости ниже будут приведены

³¹ В литературе имеются указания, что существуют такие схемы распределения рядов гласных, когда *о* локализуется в более задней части полости рта, чем *у*. В этих случаях схема размещения гласных приобретает форму асимметричного пятиугольника. Вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку даже в пределах русского литературного произношения встречается двойное положение *о*: у одних испытуемых оно глубже по ряду, чем *у*, а у других — наоборот. Возможно, что это объясняется анатомическими различиями речевого аппарата, в частности — различной формой небного свода у разных испытуемых.

³² Выдвижение гласного под влиянием соседних нетвердых согласных, органически связанное с некоторым возрастанием степени его подъема, по говорам обнаруживает неодинаковое развитие. В русской диалектологии этот факт еще не получил освещения в целом.

В одних системах вокализма преобладает выдвижение гласного без значительного его повышения, в других, преимущественно севернорусских, наоборот, повышение степени подъема гласного при его комбинаторном выдвижении приобретает весьма ощутимые размеры, вплоть до образования

некоторые сведения о видоизменении ряда гласного, обусловленном переменой фонетических условий.

Оценку разновидностей образования артикуляционных рядов гласных в севернорусских говорах, как было сказано, удобнее производить при сравнении с гласными литературного произношения. Категория их ряда здесь условно принимается за точку отсчета при определении направления и величины «горизонтального» сдвига диалектных гласных.

В виду сложности проблемы и недостаточности собранного материала, вопрос о различении смешанных и центральных гласных здесь пока не рассматривается, а гласные названных категорий объединяются понятием гласных среднего ряда [16; 206].

а) Прежде всего необходимо указать, что, вероятно, на достаточно обширных территориях севернорусского наречия существует практически единообразное распределение гласных по категориям ряда, без заметных расхождений с подавляющим большинством русских говоров и литературным языком. Диалектные фонемы /ѣ/ и /ѡ/, как монофтонги, так и дифтонги, в своем основном виде здесь не выходят за пределы произношения гласных соответственно — переднего и заднего ряда.

б) В ряде севернорусских говоров встречается особый тип артикуляции гласных целых рядов, или только отдельных гласных, а именно — с более или менее эффективным сдвигом назад.

В некоторых случаях это непосредственно зависит от качества соседних согласных. Так, при различных степенях неполного смягчения согласных в слогах перед *е*, *и*, эти гласные, в результате известной коартикуляции, становятся несколько отодвинутыми. Так же и веларизованные твердые шипящие, встречаемые в говорах Владимирско-Поволжской, Вологодско-Кировской и других групп, вызывают комбинаторный сдвиг назад следующего за *ш* или *ж* гласного *ы*, а в ряде говоров — двух гласных — *ы* и *э*³³ (остальные гласные получают аналогичное изменение, но менее заметное). На месте гласного *ы* по говорам представлено образование не только среднего, но и средне-заднего, а кое-где подлинно заднего ряда. Два последних типа гласных, как правило, лишены характера нисходящего дифтонгоида, т. е. они произносятся без выдвижения конечной фазы, как это встречается при образовании гласного *ы* среднего ряда.

Более заднее образование гласных на месте *ы* и *э* обычно сопровождается сильной напряженностью артикуляторов. Отодвинутое *э*

варианта фонем. Эти явления комбинаторного происхождения осуществляются при неодинаковом по говорам увеличении степени напряженности гласного.

³³ Гласные *ы*, *э* упоминаются здесь в качестве ярко выраженных обособленных звукотипов, что отвечает задачам настоящего описания. Как было уже сказано, по своему фонологическому отношению к гласным *и*, *е* они не отличаются от аналогичного явления в системе литературного языка.

приобретает положение гласного передне-среднего ряда, а кое-где — среднего ряда, принадлежа, вероятно, к группе центральных гласных, чем оно отличается от смешанного гласного *ъ*.

В некоторых говорах той же территории, как известно, подобные отодвинутые образования гласного *ы* вплоть до заднего ряда встречаются в качестве комбинаторного изменения еще после твердых губных согласных.

Однако более или менее близкое к заднему ряду произношение ударенных гласных на месте *ы*, *э* sporadически представлено еще во многих других, и не только севернорусских говорах как единственный вид произношения этих звуков после твердых согласных и в неприкрытом слоге.

В говорах, где нет тенденции к общему велляризованному произношению всех твердых согласных, последние все же наблюдаются в позиции перед такими отодвинутыми *ы*, *э*. Следовательно, веллярность согласных здесь оказывается функцией артикуляционного ряда этих гласных, т. е. здесь проявляется комбинаторное влияние обратного характера — гласного на согласный.

Можно заметить, что малочисленность возможных случаев произношения начального *э*, а тем более начального *ы* (например, «название буквы *ы*», некоторые слова из области иноязычной ономастики) не мешает показу живой тенденции вокализма — произношения этих гласных в более задней части полости рта, если сравнивать эту артикуляцию с образованием *ы*, *э* литературного языка.

Не следует преуменьшать возможность найти примеры с *э* после твердых согласных в ряде севернорусских говоров (кроме слогов *жэ, шэ, цэ, чэ*): в говорах Онежской группы представлены формы косвенных падежей прилагательных ж. р. типа *золотѣи*; в говорах Горьковской и Владимирской областей встречается парадигма склонения мн. ч. прилагательных с известным морфологическим обобщением — *пустѣи, пустѣх* и т. д. [23]. Наконец, в сокающих говорах (например, на Урале) закономерно образование слога *сэ*, фонетически развившегося из слога *цэ* ³⁴.

Все эти примеры по говорам могут представить отодвинутый гласный.

Менее известное диалектное явление — общее отодвинутое образование всех передних гласных, обычно — в позиции после твердых согласных отмечено в некоторых владимирско-поволжских говорах, а именно — в центральной части Горьковской обл. (в Лукояновском, Ардатовском районах), в восточной и южной

³⁴ В диалектологических описаниях еще не уделено внимания тому факту, что соканье, явление фонетического происхождения, внесло в морфологический строй говоров некоторые изменения. Например, различия в парах словоформ типа *кол'есѡ — кол'ес'ѣ* и *кол'сѡ — кол'сѣ* (из *кол'цѡ — кол'цѣ*) в современном языке относятся не к фонетическим, а морфологическим чередованиям. Таким образом, здесь образуется особая разновидность внутри типа склонения.

частях Владимирской обл., где это может быть вызвано, как сказано выше, общей велярностью твердых согласных, встречаемой в данных говорах.

Однако тенденцию сдвига назад непередние гласные здесь нередко обнаруживают не только после твердых согласных, но и в неприкрытом слоге. Очевидно, это относится уже не к комбинаторному воздействию консонантизма, а к общему свойству артикуляционной базы говора.

По замечанию наблюдателей, отодвинутая артикуляция гласных заднего ряда, куда относится также *ы*, перемещенный из среднего ряда в задний, «достигает пределов физиологической возможности». Спектральный анализ такого вокализма обнаруживает значительно пониженный тембр ядра непередних гласных, что выделяет местную фонетику на фоне всей русской диалектологии.

Размещение рядов, особенно на уровне верхнего подъема, от *и* до *ы* или *у* здесь получает максимальный диапазон.

Если в некоторых говорах *ы* не образуется при этом определенно в заднем ряду, то и его сохранение в зоне среднего ряда сомнительно: вероятно, здесь для этого гласного типичным будет среднезаднее образование, что следует отнести также и к гласному *а*. Отодвинутый гласный *э*, как и в вышеприведенных случаях, в таком вокализме находит место в ряду передне-среднем или даже в среднем (в качестве центрального гласного).

Поскольку в описанных типах вокализма в верхнем подъеме отсутствует гласный среднего ряда, а взамен его представлен гласный, оттянутый вплоть до заднего образования, то здесь возникает фонологический параллелизм, не свойственный литературному языку, где гласные *ы* и *у* находятся в разных рядах. Этот параллелизм заключается в том, что в говорах гласные переднего и заднего рядов верхнего подъема в позиции как между твердыми, так и между мягкими согласными могут различаться исключительно по признаку наличия или отсутствия лабиализации, поскольку гласные *ы* и *у* находятся в одном и том же ряду. Это можно схематически выразить сопоставлением таких слогов: *тыт* — *түт*; *т'йт* — *т'үт*.

в) Противоположная черта — выдвинутое образование гласных заднего ряда или гласных заднего и среднего рядов вместе, как было сказано выше, отмечается в севернорусских говорах, которым свойственно значительное напряжение глоточной части артикуляторов, что, возможно, и вызывает некоторый сдвиг ряда гласных вперед (например, в говорах Костромской, Вологодской областей, Карельской АССР).

Спектральный анализ таких гласных показывает более высокий тембр их ядра, чем у соответствующих гласных литературного языка. Приводя это сравнение, необходимо подчеркнуть, что понятие литературного произношения не следует распространять

на те утрированные разновидности упередненного звучания гласных, которые иногда встречаются в современной «стандартной» речи ³⁵ и практически не считаются диалектизмом, хотя мало чем от него отличны по категории ряда. Однако это смещение гласных не сопровождается повышенным напряжением артикуляции, как это известно в названных выше говорах.

Все же в ряде случаев эти отклонения от литературного произношения могут объясняться диалектным субстратом, поскольку в некоторых говорах, в частности — севернорусских (в Кировской, Пермской областях) можно наблюдать аналогичное выдвижение гласных непереднего ряда при отсутствии заметной общей напряженности речевого потока.

Существование такой разновидности вокализма имеет принципиальное значение, поскольку она показывает свою независимость от комбинаторного воздействия напряженности мышц корня языка и стенок глотки. Вопрос подлежит дальнейшему уточнению, для чего необходимо еще подробнее изучить различия в конфигурации языка при произношении выдвинутых гласных, в одних говорах — с наличием, а в других — с отсутствием напряженности определенной группы речевых органов.

Собранный материал позволяет наметить некоторые черты возможных разновидностей вокализма с выдвинутыми гласными.

Как в говорах с напряженной, так и ненапряженной артикуляцией степень сдвига ряда гласного проявляется в разной мере; местами она достигает крайнего развития и реализуется, очевидно, неодинаково при образовании гласных различных категорий.

По сравнению с литературным языком ряды гласных в таких говорах распределяются в минимальном диапазоне, что заметнее всего, согласно физиологической основе «трапециода» гласных, на уровне верхнего подъема.

Однако это остается общим положением, так как по говорам, вероятно, существует неодинаковая тенденция в степени выдвижения гласных разных подъемов. Она не везде пропорциональна диапазонам отдельных ступеней подъема, так что на низкой ступени, против ожидания, иногда осуществляется более заметное выдвижение гласного, чем на высшем уровне подъема. Так, в некоторых говорах Вологодско-Кировской группы (в Пермской обл.), при незначительном сдвиге вперед артикуляции *у*, *ы*, *о* отмечено более заметное выдвинутое образование *а*, которое иногда можно квалифицировать даже как гласный передне-среднего ряда.

В говорах той же группы (в Костромской обл., в Даниловском р-не Ярославской обл.), наоборот: при сравнительно небольшом

³⁵ Незначительно выдвинутую артикуляцию непередних гласных (без повышенной напряженности) можно наблюдать иногда в женском произношении, что в принципе не выходит за пределы орфоэпической нормы.

выдвижении *а*, о это особенно ярко осуществляется в передних гласных верхнего подъема, причем процесс кое-где мог пойти так далеко, что гласный *у* артикулируется уже не только в средне-заднем, но и в среднем ряде. Фонологическим результатом данного сдвига следует считать то, что в вокализме здесь оказываются два гласных — *ý*, *ы*, различающиеся лишь по признаку наличия или отсутствия лабиализации, что чуждо системе вокализма русского литературного языка.

В говоре возникает тот же параллелизм, как и в говорах с отодвинутыми гласными (см. стр. 59), но только вместо образования заднего ряда *у*, *ы*, здесь функционирует пара гласных среднего ряда.

Твердые согласные перед выдвинутыми гласными обнаруживают также повышенный тембр, но на независимость данного свойства гласных от качества консонантизма указывает факт аналогичного сдвига рядов гласных и в неприкрытом слоге (например: *ýксýс*, *òкнá*, *áзбýкá*).

Соотношение гласных в их локализации по ряду в говорах может представлять еще ту особенность, что при выдвижении гласных заднего ряда *у*, *о* в нем все же остается *ы*, в чем сказывается тенденция многих говоров отодвигать образование *ы* из среднего ряда, в котором, таким образом, остается лишь гласный *а*. Такую черту вокализма можно наблюдать в говорах Даровского р-на Кировской обл., в которых при этом в образовании гласного *э* какого-либо сдвига назад не отмечено.

Принцип выдвинутого вокализма распространяется, очевидно, в разной мере, и на безударные позиции гласных. На этой почве образовались мало известные в диалектологии виды предупредного вокализма, например, в говорах Костромской и Вологодской областей, где сейчас можно наблюдать многообразные процессы деградаций оканья. При сохранении различения в предупредном слоге гласных на месте /о/ и /а/ в соответствии с первым из них встречается произношение слабо лабиализованного гласного среднего подъема средне-заднего ряда (или только выдвинутого заднего). В соответствии со вторым произносится гласный того же среднего подъема и средне-заднего ряда, но без оттенка лабиализации. Этот же гласный выступает при утрате оканья, что встречается в речи некоторых слоев местного населения как субституция литературной формы безударного вокализма.

Тенденция к произношению выдвинутых передних гласных в этих же говорах создает почву для комбинаторного передвигания вперед некоторых гласных на ступень далее, чем в литературном языке. Так, в соответствии с литературным произношением гласных в позициях типа *mám*, *m'ám*, *m'ám'*, в говоре существует живая закономерность произношения данных фонетических структур с выдвижением гласных как *mám*, *m'ám*, *m'ém'*, т. е. с образованием варианта фонемы в последнем случае,

поскольку в этом типе вокализма перемещение артикуляционного ряда вперед связано со значительным сдвигом гласных вверх [25, 159].

Заключительный раздел данного описания посвящен главной конститутивной черте, определяющей гласные фонемы русского языка во всех его говорах, — категории артикуляционного подъема гласных.

Диалектные различия севернорусских говоров в этом отношении выражаются, во-первых, в количестве фонологически значимых ступеней подъема, что, за исключением некоторых деталей, уже давно известно в русской диалектологии, и, во-вторых, в фактическом размещении этих ступеней в «трапецоиде» гласных³⁶, что до сих пор учитывалось совершенно недостаточно или совсем не затрагивалось в работах по истории и диалектологии русского языка.

Тем не менее правильное представление о физической реализации подъема гласных имеет существенное значение для их фонологической интерпретации, особенно для выявления этапов исторического развития вокализма говоров в условиях взаимодействия различных фонетических систем.

Прежде чем перейти к характеристике диалектных категорий, создающих разнообразие в области подъема гласных, необходимо дать в общих чертах предварительные сведения об изучаемом явлении.

Как известно, ступень подъема гласного в фонологическом плане не может получить определения безотносительно к локализации остальных гласных, принадлежащих этой же фонетической системе [16; 204—207]. Сравнение физических признаков подъема гласных разных, даже близкородственных диалектных фонетических систем иногда сопряжено с некоторой теоретической сложностью.

Количество ступеней подъемов гласных для каждого из сопоставляемых говоров определяется, исходя из его внутренних фонологических отношений без затруднения, если при этом не обнаруживается значительного смещения различных фонетических систем. Отсюда незатруднительна и группировка «трапецоидов» на пяти-, шести- и семифонемные по составу гласных. Но количественные различия в них образуются не только в зависимости от присутствия в вокализме сверх пяти фонем, ограничивающих состав вокализма литературного языка и большинства современных русских говоров, еще шестой фонемы — /Ѣ/, или шестой и

³⁶ Выражение «трапецоид» гласных, или просто «трапецоид», здесь употребляется как рабочий термин для обозначения схемы размещения по ряду и подъему состава гласных фонем в их основном виде.

седьмой — /ѣ/ и /ѡ/. Здесь необходимо включить еще элемент вокализма заонежских говоров с ляпаньем, в которых при наличии /и/, /е/, /а/, /о/, /у/ может выступать еще фонема /q/ (по говорам в виде *q*, *a^o* или *q*) — в качестве шестой, если в говоре нет /ѣ/, или в качестве седьмой при наличии /ѣ/.

Восьмифонемного состава вокализма в русских говорах не отмечено, хотя он потенциально возможен, если в ляпающих говорах обнаружится различие фонем /о/ и /ѡ/. Сообщения отдельных наблюдателей о найденных элементах такого различия пока не подтверждаются.

Сопоставление «трапециидов» по конкретному уровню образования гласных тех или иных подъёмов требует большего внимания.

Для качественной характеристики основного вида гласной фонемы главное значение имеет не столько порядковый номер подъема, представляющий собственно фонологическую категорию (отсчет ступеней подъёмов начинается с наиболее низкого — первого), сколько его реальный уровень по отношению к верхнему и нижнему кардинальным гласным [16; 205] того же ряда.

Рассматривая «трепециид» гласных русского литературного произношения как примерное изображение натуральной геометрической фигуры — сагиттального среза полости рта, который фиксируется рентгенограммой, можно определить, что при артикуляции гласных среднего подъема (то есть — второго из трех существующих в этой фонетической системе) высшая точка выгиба языка действительно находится примерно на уровне средней «горизонтальной» части «трапециоида».

Специфика диалектных различий в структуре «трапециидов», имеющих тоже три ступени подъема, в первую очередь заключается в иной локализации «некрайней» ступени подъема, поскольку «крайние» ступени — верхний и нижний подъёмы обычно стабильны по своему уровню, хотя встречаются и исключения — «трапецииды» с несколько пониженными гласными верхнего подъема всех рядов или преимущественно заднего ряда.

Диалектные разновидности проявляются в типичных случаях, когда вторая из трех ступеней подъема образуется в зоне средне-верхнего уровня — в одних говорах, а в других — в зоне средне-нижнего уровня. Например, гласные разного происхождения в словах *рѡт*, *кѡт* звучат одинаково — в одних говорах как *о*, в других как *q*, в третьих как *q*.

В подобных случаях формальное сопоставление различных систем вокализма по количеству фонем или подъёмов дает очень мало для раскрытия специфики диалектных систем, фактически искажает представление об их подлинных фонологических отношениях с системой русского языка в целом.

В практике массового сбора материала для составления диалектологического атласа известны случаи, когда диалектологи не

смогли правильно оценить звуковые черты гласного, а руководствовались заданными фонологическими представлениями, не соответствующими системным отношениям изучаемого вокализма ³⁷.

Это можно продемонстрировать на примере ошибочной фиксации данных, касающихся характеристики фонемного состава отдельных говоров Вологодско-Кировской и других групп севернорусского наречия, где, при наличии только трех ступеней подъема гласных, вторая ступень образуется на значительно повышенном уровне как гласные средне-верхнего подъема. Не учитывая фактического звучания гласных в виде *о*, *е*, некоторые наблюдатели транскрибировали их знаками *о*, *е*, подчеркивая этим лишь фонологическую отнесенность данных гласных ко второй ступени подъема. Здесь ошибочно отождествлены понятия о порядковом номере ступени подъема и его физиологическом уровне, в результате чего фонетическое различие между диалектным и литературным произношением осталось не вскрытым.

В другом случае оказалось, что отдельные собиратели диалектологического материала, уроженцы северных областей, при недостаточном знании орфоэпии принимали местное произношение гласных второй ступени подъема *о*, *е* как «нормальное», якобы одинаковое с литературным произношением и тоже применяли в этих случаях транскрипцию знаками *о*, *е*.

В обоих случаях здесь имеет место коллизия между оценкой качества гласных и представлением об их роли в системе вокализма.

Отсюда видно, что фонологически важный признак такой структуры вокализма — наличие лишь одной «некрайней» ступени подъема, требует еще конкретного определения ее уровня в «трапецоиде». Эти «некрайние» гласные иногда называются несколько неопределенно **открытыми** ³⁸, хотя в группе «некрайних», поскольку она единственная в трехступенном вокализме, нет никакого внутреннего противопоставления открытых гласных закрытым.

Вместе с тем по говорам, если иметь в виду физическую сторону образования «некрайних» гласных, последние встречаются во всем разнообразии — от образований средне-нижнего подъема до средне-верхнего. В последнем случае, т. е. при произношении гласных в виде *о*, *е*, вряд ли будет основательным утверждение об отсутствии в таком вокализме «закрытых гласных фонем». Необходимо лишь учесть, что данные фонемы принадлежат ко

³⁷ Такие примеры обсуждались на диалектологических конференциях Института русского языка АН СССР, где разбирались методические вопросы записи и обработки материалов для составления диалектологического атласа [14; 29, 30].

³⁸ В ряде диалектологических описаний не всегда можно понять, что значит выражение «открытый гласный» применительно к категории «некрайних» гласных. Иногда так обозначают гласный среднего подъема, а иногда — его модификацию, несколько опущенное образование (когда гласный локализован в зоне средне-нижнего подъема).

второй ступени подъема в трехступенном вокализме, т. е. они находятся в особом диахроническом отношении к фонемам /ω/, /ѣ/ древнерусского языка и в особом синхроническом отношении к фонемам /ω/, /ѣ/ других современных русских говоров. Все эти явления требуют четкой интерпретации с точки зрения истории и диалектологии русского языка.

Еще большая сложность возникает при изучении систем вокализма с четырьмя ступенями подъема, поскольку здесь топографические отношения артикуляции гласных 2-й и 3-й ступени подъема по говорам представляют особые различия. Это имеет серьезное значение для выявления компонентов разных типов вокализма при смешении фонетических систем, которое обычно наблюдается в современных говорах.

В вокализме с четырьмя ступенями подъема гласные 2-й ступени во многих говорах образуются *не выше* зоны среднего уровня, а кое-где артикулируются в зоне средне-нижнего уровня.

Пропорциональные отношения расстояний между 3-й ступенью и 2-й ступенью подъема по говорам бывают различными, и это является дифференциальным признаком структуры некоторых «трапециодов».

Так, независимо от того, близок уровень гласных 3-й ступени подъема к уровню гласных 2-й ступени или отдален от него, первые артикулируются в различных говорах в зоне почти от среднего до средне-верхнего уровня, кое-где приближаясь к верхнему уровню, т. е. к 4-й ступени подъема.

В последнем случае фонологическому смешению гласных 3-й и 4-й ступени подъема препятствует более или менее последовательно проведенный принцип дифтонгического образования гласных 3-й ступени подъема.

По известным физиологическим условиям артикуляции гласных в «трапециоиде» с четырьмя ступенями подъемов, гласные 2-й и 3-й ступени подъема приходится различать с гласными некоторых соседних ступеней подъема в более узкой артикуляционной и акустической зоне, а поэтому здесь не допускается такого широкого диапазона факультативных (или просодически обусловленных) отклонений от типичного образца гласного, как это возможно в вокализме с тремя ступенями подъема.

Понятно, что носители говоров с большим числом подъемов гласных должны обладать обостренным фонологическим слухом по отношению к данной черте вокализма, чтобы она могла нормально функционировать в языковой системе.

При постоянном столкновении в речевой практике различных фонетических систем, к тому же — с неодинаковым количеством ступеней подъема гласных ³⁹, в актах речевой коммуникации не-

³⁹ Отсюда нельзя исключить ситуацию наблюдения шести- или семифонемного вокализма посетителями литературного языка с его пятью гласными фонемами.

редко возникают моменты ошибочного интерпретирования чужой фонетической системы, что в частных случаях выражается в «непонимании» той или иной гласной фонемы, в отождествлении ее с другой фонемой. Так, наблюдатели говоров в ряде случаев скорее обращали внимание на наличие в местной речи гласного *o*, а фонологически противопоставленный ему гласный *o*, порой незначительно отличающийся от *o* литературного языка, получал ошибочную оценку как факультативное произношение гласного, соответствующего той же фонеме. Наоборот, вокализму только с тремя ступенями подъема иногда ошибочно приписывалось наличие четвертой ступени на том основании, что гласные единственной здесь «некрайней» ступени подъема по говорам встречаются в колебании — они немного повышены или понижены, а точного распределения их в лексико-морфологическом составе говора установить не удалось из-за недостатка материала.

* * *

Ниже приводятся схемы различных диалектных типов локализации уровней гласных. Нужно обратить внимание на структурное разнообразие представленных здесь «трапециидов», исходя из основного их разделения по количеству гласных фонем. Чтобы подчеркнуть фонологическое значение «трапециидов», в них не включаются характерные звукотипы гласных категории *ы*, *э*. Сведения о разновидностях последних главным образом по артикуляционному ряду были даны в предыдущем разделе. Диалектное разнообразие в уровне подъема гласных типа *ы*, *э* согласуется с основным видом фонем соответствующей ступени подъема. Это значит, что при опущенном образовании в некоторых говорах *ц*, *у* практически в той же мере опущен и гласный типа *ы*, который встречается по говорам в среднем, или в средне-заднем, или в заднем ряду.

В целом показ диалектных различий в области подъема гласных здесь отвлекается от их дополнительных различий по ряду (см. предыдущий раздел), а также от известной асимметричности «трапециоида», обусловленной строением полости рта.

Топографическое расположение гласных переднего и заднего ряда каждой фонологической ступени подъема в некоторых типах «трапециоида» бывает относительно симметричным, то есть эти гласные локализованы в «трапециоиде» примерно на одном уровне, условно принимаемом за «горизонтальный» (см. стр. 63).

В описании данное качество гласных не получает специальной оговорки, в противоположность тем случаям, когда в системах вокализма некоторых говоров встречается иное расположение гласных переднего ряда по отношению к гласным заднего ряда. Диалектная специфика здесь проявляется в том, что фонологически однозначные ступени подъема оказываются не симметрич-

ными, не лежат в одной «горизонтальной» зоне «трапецоида». Например, обращается внимание на наличие такого типа «трапецоида» гласных с тремя ступенями подъема, где гласный переднего ряда второй ступени подъема — *e* образуется в средней зоне «трапецоида», а гласный заднего ряда той же второй ступени подъема — *o* находится в средне-нижней зоне (в пятифонемном составе вокализма, тип III).

Выводы о порядке смены различных типов «трапецоидов» в развитии вокализма порою можно сделать, изучая детали их структуры при учете общей тенденции говоров в конечном итоге приближаться к литературному языку. Однако во многих случаях эти выводы могут считаться убедительными лишь при наличии определенных сведений, касающихся диахронии фонетических явлений того или иного говора.

Так, существование пятифонемного вокализма с опущенным гласным, употребляемым в соответствии с *o* литературного языка, пока отмечено лишь в таких говорах, где прежде была засвидетельствована, или еще заканчивает свое существование в некоторых слоях говора еще одна фонема — /*ω*/. Следовательно, этот вокализм представляет ступень неполного приближения к вокализму, свойственному и литературному языку, сравнившись с последним пока в отношении количества, но не качества фонем.

Перечисленные ниже типы «трапецоидов гласных» представлены реальными системами вокализма различных севернорусских говоров, которые в этом отношении намного разнообразнее остальных говоров русского языка, где существует, по-видимому, всего лишь часть этих «трапецоидов»⁴⁰.

Известны типы «трапецоидов» очень устойчивых и широко распространенных (например, в пятифонемном составе вокализма тип II — с повышенным образованием *o*, *e*). Другие, наоборот, существуют как более или менее преходящие этапы изменения диалектного вокализма и встречаются обычно наряду с другими типами в разных слоях того же говора (например, в пятифонемном составе вокализма типы V и VI, которые при опущенном *y* различаются уровнями «некрайних» гласных *o* и *o*). Некоторые типы «трапецоидов» вообще очень редки, разбросаны в разных зонах севернорусского наречия, или в пределах одной небольшой территории (например, вокализм с опущенными верхними гласными — в семифонемном составе тип V; в говорах с ляпаньем при шестифонемном составе вокализма — типы I и II).

Однако каждый из этих типов «трапецоидов» представляет существенное звено в типологии всего явления в целом и поэтому

⁴⁰ Качество гласных изученных «трапецоидов» зафиксировано в спектрограммах, полученных по образцам диалектного произношения. Примерное размещение гласных в «трапецоиде» получило акустическую основу, но требует еще уточнения методами исследования артикуляции, в частности при помощи рентгенографии.

получает равноправное место в общем реестре найденных разновидностей вокализма в отношении подъёмов.

Поскольку задачей данного описания является характеристика физических признаков основного вида гласных фонем, то вопрос о различном употреблении отдельных фонем в лексико-морфологическом составе разных говоров здесь оставляется в стороне, как и вопрос о неодинаковом по говорам распределении фонем на «полноценные» и «неполноценные» [1; 42, 43]. Для сопоставления различных типов «трапецидов» здесь применяется общая топографическая схема, предусматривающая локализацию характерных для русских говоров ступеней подъема гласных.

Схема размещения кардинальных гласных с ее шестью ступенями подъема, известная в общей фонетике [16; 204], в данном случае подходит меньше, поскольку при показе русского диалектного материала необходимо подчеркнуть наличие *трех* разновидностей подъема, локализованных в пределах *двух* ступеней подъема кардинальных гласных — 3-й и 4-й. Наоборот, предусмотренная в схеме кардинальных гласных регистрация двух ступеней подъема внизу «трапецоида» (1-й и 2-й) и наверху (5-й и 6-й) для русских говоров менее актуальна.

Поэтому основные виды локализации подъёмов русских гласных удобнее сопоставлять на основе «трапецоида», условно разделенного на пять «горизонтальных» уровней: I — нижний, II — средне-нижний, III — средний, IV — средне-верхний, V — верхний. Понятно, что нумерация этих топографических зон независима от порядкового номера ступени подъема как фонологической категории вокализма того или иного говора.

Редкие примеры закрытых (или поднятых) гласных в пределах нижнего уровня могут быть отмечены на его верхней черте и, соответственно, примеры открытых (или опущенных) гласных в пределах зоны верхнего уровня — на его нижней черте.

Гласные трех «некрайних» ступеней подъема транскрибируются буквами гласных среднего подъема с диакритическими знаками для образований средне-нижнего и средне-верхнего подъема: *ə, ɔ, ɒ; ɛ, ɛ̃, ɛ̂*.

Отношение применяемого здесь «трапецоида» к расположению схемы кардинальных гласных требует следующих замечаний: верхние и нижние гласные большинства русских говоров примерно соответствуют кардинальным гласным аналогичной группы [16; 208 и след.], однако гласный *а°* заонежских говоров, вероятно, несколько продвинут вперед и вверх по сравнению с кардинальным нижним задним гласным. Гласные *ɛ, ɔ* локализованы несколько выше кардинальных гласных 4-й ступени и, соответственно, *ɛ, ɔ* — несколько ниже кардинальных гласных 3-й ступени. Гласные *ɛ, ɔ* только приблизительно соответствуют кардинальным гласным 3-й ступени [29; 153, сноска 2].

Для упрощения схемы в «трапецоиде» показываются не дифтонги, а замещающие их просодические вариации — монофтонги, отмечаемые в промежуточном уровне подъема. Это связано с известной условностью, поскольку в некоторых говорах дифтонги более употребительны. Конкретные разновидности неоднородных гласных описаны выше — во 2-м разделе данной статьи, заключающем сведения о гласном как процессе (о «протекании» гласного).

* * *

Особого замечания требует вопрос о шкале подъема гласных в связи с работой губ. Градации последней (изменения формы и величины отверстия рта, степень выпячивания губ) обнаруживают, как известно, лишь относительный параллелизм со степенями подъема гласного, что осложняется еще мало изученными связями с градацией напряженности гласных и раствора челюстного угла [16; 205].

Несомненно, по говорам встречаются более или менее заметные различия вокализма в степени лабиализации гласных однозначного уровня, что является частью общего вопроса о характере артикуляции губ.

Качественным подразделением лабиализации как одному из кардинальных признаков русских гласных заднего ряда следовало бы посвятить самостоятельный раздел настоящего описания. Этому препятствуют специфические трудности в деле изучения физиологической стороны диалектной речи, которые пока не дали возможности накопить достаточных сведений, чтобы выявить основные типы существующих диалектных разновидностей лабиализации гласных.

Вследствие этого в транскрипции основного вида гласных, помещенных здесь в «трапецоидах», возможные различия в оттенках лабиализации не показываются. Приходится ограничиваться общим условным представлением, что степень лабиализации группы гласных заднего ряда *о, о, о, у* увеличивается, примерно, «параллельно» с увеличением степени их подъема.

Необходимость определения качества лабиализации гласных вставала неоднократно перед многими исследователями русских говоров.

Однако в большинстве диалектологических описаний степень лабиализации гласных *о, у* не получает каких-либо четких характеристик; такие общие указания, что «*у* более лабиализовано, чем *о*», не имеют существенного значения.

Больше внимания диалектологи уделяют описанию гласного *о*, обычно — в связи с определением монофтонга — фонемы /*ω*/. Его описывают иногда как «*о* наклонное к *у*», или «*о* повышенного

подъема», или «о напряженное», или «о с усилением лабиализации» и т. д.⁴¹

Как видно, каждое из приведенных выше эмпирических определений, основанных на субъективном слуховом восприятии гласного, отсутствующего в литературном языке, не отражает всего комплекса конститутивных признаков гласного *о* в целом. Менее всего здесь можно почерпнуть сведения, насколько различны по говорам отношения между шкалой повышения уровня гласных заднего ряда и шкалой увеличения степени их лабиализации.

Распространено мнение, что при образовании гласных и согласных звуков речи один и тот же акустический эффект может быть достигнут не одним способом артикуляции и, в частности, гласный *о* артикуляционно отличается от *о* в одних случаях большей степенью подъема, а в других — большей степенью лабиализации.

Однако вряд ли такой полиморфизм широко применяется в сфере одной фонетической системы. Еще не доказано, что физические параметры различно артикулируемых и якобы вполне «одинаковых» по звучанию гласных или согласных совпадают на самом деле⁴².

Скорее всего в отдельных случаях здесь может идти речь лишь о приблизительном сходстве акустического результата, достаточном для фонологической идентификации того или иного звука.

Изучение типологически различных диалектных материалов приводит к более осторожной оценке возможностей проявления полиморфизма в пределах одного типа состава гласных.

Специфика монофтонга, соответствующего, например, фонеме /*ω*/, в говоре создается вероятнее всего определенным сочетанием степени подъема и степени лабиализации, промежуточными между степенями аналогичных качеств монофтонгов, соответствующих фонемам /*о*/ и /*у*/. Иначе говоря, звучание *о* в одном и том же говоре (или в его определенном слое) не образуется с безразличным колебанием произношения — в одних случаях усилением лабиализации гласного *о* среднего подъема, а в других случаях

⁴¹ Ср. у А. А. Шахматова в «Описании лекинского говора»: «Звук *ω* можно определить как звук средний между *у* и *о*, или как сильно лабиализованный *о*» [32; 184].

⁴² В некоторых случаях анализ звука на современных аппаратах показывает единообразие там, где слух еще различает несовпадение звуковых явлений. Это зависит, с одной стороны, от разрешающей способности аппарата, а с другой — от «тонкости» слуха, обусловленной в первую очередь фонологическими навыками носителей той или иной языковой системы.

Наоборот, возможно, что в других случаях физические различия в звуках, отмечаемые приборами, оказываются ниже порога восприятия их человеком. Эти различия не могут принадлежать сфере языка.

только некоторым повышением уровня подъема гласного без изменения степени лабиализации. Конечно, произношение отстоявшихся в говоре типов гласных реализуется в круге фонологически допустимых видоизменений. Их изучение значительно осложняется возможным смешением элементов, принадлежащих различным фонетическим системам.

* * *

Представленные здесь типы «трапецидов» не исчерпывают того разнообразия, которое может обнаружиться в этом отношении по севернорусским и другим говорам по мере их дальнейшего изучения.

Уже известно, что отдельные типы «трапецидов» кое-где выражены недостаточно ясно, что они осложняются разновидностями других категорий: неодинаковым образованием артикуляционных рядов гласных, различием в «протекании» гласных, в работе губ, в деталях конфигурации полости рта, мало изученной во фронтальных срезах и т. д.

Особую сложность представляют еще менее исследованные в таком же аспекте факты безударного вокализма — в их отношении к качеству основного вида гласных.

В каждом из разделов настоящего описания, посвященных одному из названных выше фонетических явлений, показано, что физические качества гласных в сильном положении могут образовывать ряды еще мало изученных в своей совокупности фактов, в различной мере относящихся к фонологической структуре севернорусских говоров.

Эти явления участвуют в оформлении фонологических категорий гласных и создают внешние различия основных составов вокализма русских говоров, не затрагивая сущности внутренних фонологических противопоставлений каждой из отдельно взятых диалектных звуковых систем.

Однако целый ряд таких явлений «дофонологического» уровня играет важную роль в развитии диалектной системы вокализма, когда наблюдается смешение элементов нескольких, близких или далеких по структуре фонетических систем. Чтобы понять этот процесс, необходимо знать, какой круг факультативных колебаний физических качеств гласных допускает та или иная фонологическая система без нарушения ее целостности.

В результате изучения фактов диалектного вокализма по севернорусским (и другим) говорам обнаружались показанные ниже физические разновидности основных составов гласных.

Из этого следует, что при сопоставлении таких близко родственных языковых систем, как говоров одного языка, большое значение приобретают сведения не только о количестве наличных в них фонемах и о функционировании последних в лексико-морфоло-

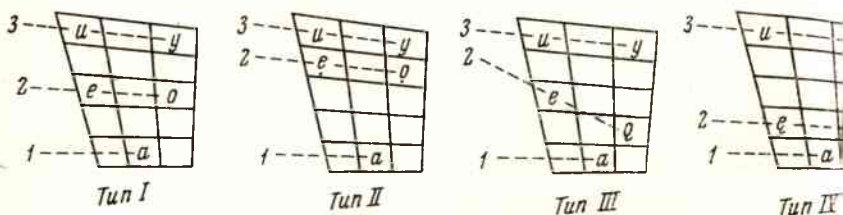
гическом составе говора, но также и детальная характеристика физических свойств звуков речи, которая вносит разнообразие в диалектные типы фонологических систем.

* *

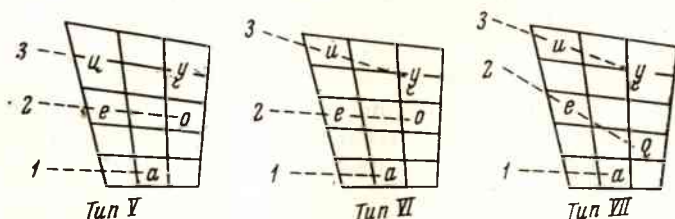
Таблицы «Трапецидов гласных» севернорусских говоров (цифры в начале пунктирных линий обозначают номер фонологической ступени подъема)

А. Пятифонемный состав гласных

а) без опущенных верхних гласных

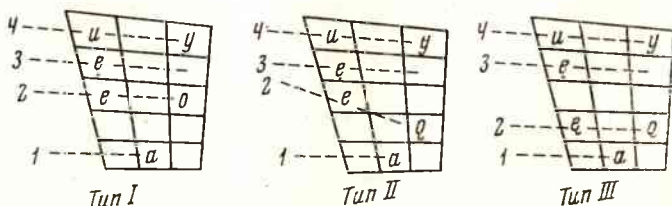

б) с опущенными верхними гласными

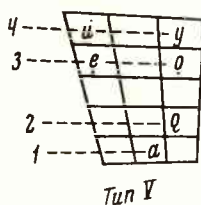
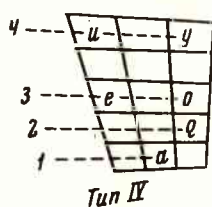

Б. Шестифонемный состав гласных

1) Первый вид состава (с ё)

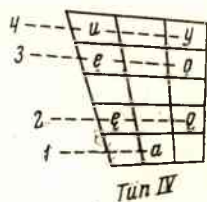
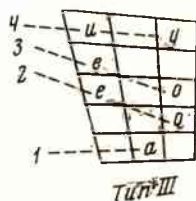
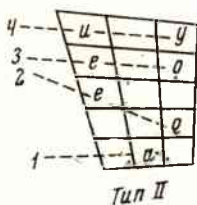
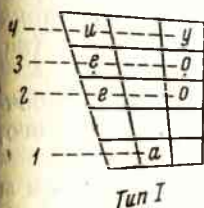
2) Второй вид состава (с *o* при ляпанье)

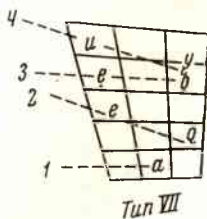
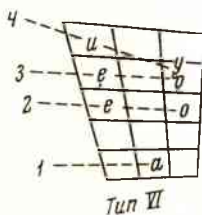
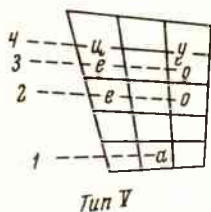
В. Семифонемный состав гласных

1) Первый вид состава (с *ѣ*, *ω*)

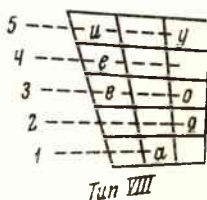
а) без опущенных верхних гласных

б) с опущенными верхними гласными

(2) второй вид состава (с *o*, *ѣ* при ляпанье)

А. Пятифонемный состав гласных севернорусских говоров

Один вид состава: /а/, /е/, /и/, /о/, /у/.

В «трапецоиде» представлено три фонологические ступени подъема.

а) Без опущенных верхних гласных

Тип I. Оба гласных 2-й ступени подъема, как в литературном языке, симметричны по высоте и локализованы примерно в зоне среднего уровня.

Встречается преимущественно во Владимирско-Поволжской группе (в говорах, где *ъ → е) и в Западной группе (в говорах, где *ъ → и).

Тип II. Оба гласных 2-й ступени подъема *симметричны* по высоте, но локализованы в зоне средне-верхнего уровня.

Встречается преимущественно в группах Вологодско-Кировской, Поморской, Олонецкой (в говорах без ляпанья), а также в северной части зоны Владимирско-Поволжской группы (например, по р. Ветлуге).

Смешение типов I и II нередко служит причиной для ошибочной интерпретации вокализма говора в качестве семифонемного, то есть с лишними фонемами /ѣ/ и /ѡ/.

Тип III. Гласные 2-й ступени подъема не симметричны по высоте: гласный переднего ряда локализован в зоне *среднего* уровня, а гласный заднего ряда — в зоне *средне-нижнего* уровня.

Встречается в отдельных говорах Вологодско-Кировской и Владимирско-Поволжской групп.

Наличие пониженного гласного заднего ряда (а по говорам — также и переднего ряда) 2-й ступени подъема, вероятно, органически связано с предшествующим этапом развития вокализма данных говоров, в фонемном составе которых прежде были зафиксированы /ѣ/ и /ѡ/, или до сих пор существуют остатки их употребления. Диахроническое изменение «трапецоида» с четырьмя ступенями подъема в «трапецоид» с тремя ступенями здесь произошло в результате общего замещения гласных 3-й ступени подъема гласными 2-й ступени, сохранившими до настоящего времени свою прежнюю локализацию.

Аналогичное явление, которому в диалектологии еще не было уделено внимания, отмечено в средне- и южнорусских говорах, например — в северной части Рязанской области ⁴³.

⁴³ Возможно, в таком плане следует расшифровать высказывание В. Даля о рязанском наречии, где звук о, «который вообще во всей России произносится далеко не так остро, как западное (например, немецкое, французское о), выговаривается еще ближе к а» [15; LXIX].

Тип IV. Оба гласных 2-й ступени подъема *симметричны* по высоте, но локализованы в зоне *с р е д н е - н и ж н е г о* уровня.

Встречается как малоустойчивый вид вокализма, например, в отдельных говорах Кировской области при остатках употребления вокализма с фонемами /ѣ/ и /ѡ/.

б) С о п у щ е н н ы м и в е р х н и м и г л а с н ы м и

Тип V. Оба гласных 3-й ступени подъема *с и м м е т р и ч н ы* по высоте, но несколько *п о н и ж е н ы* в своем образовании, *с п о р а д и ч е с к и* приближаясь к категории гласных *с р е д н е - в е р х н е г о* уровня.

Встречается в отдельных говорах Вологодско-Кировской и Владимирско-Поволжской групп (в Кировской обл., в восточной части Московской обл. — в Орехово-Зуевском, Кривандинском районах) при следах утраты шести- и семифонемного вокализма.

Тип VI. Гласные 3-й ступени подъема *н е с и м м е т р и ч н ы* по высоте: гласный переднего ряда локализован в зоне *в е р х н е г о* уровня, а гласный заднего ряда — *н е с к о л ь к о* *п о н и ж е н* в своем образовании (см. тип V).

Встречается в отдельных говорах Вологодско-Кировской и Владимирско-Поволжской групп (в Костромской обл., в восточной части Московской обл. — в Орехово-Зуевском, Кривандинском районах) при следах утраты шести- и семифонемного вокализма, возможно, как сравнительно устойчивая переходная ступень от типа VII к типу I.

Тип VII. Кроме гласных 3-й ступени подъема, *н е с и м м е т р и ч н ы х* по высоте (как в типе VI), так же *н е с и м м е т р и ч н ы* гласные 2-й ступени подъема (как в типе III).

Встречается в тех же местностях, где и тип VI, в отдельных говорах Вологодско-Кировской и других групп севернорусского наречия при следах утраты шести- и семифонемного вокализма.

* * *

Б. Шестифонемный состав гласных севернорусских говоров

Д в а в и д а с о с т а в а : 1) /a/, /e/, /и/, /o/, /y/, /ѣ/;

2) /a/, /e/, /и/, /o/, /y/, /ѡ/.

В «трапецоиде» обоих видов состава представлено *ч е т ы р е* фонологические ступени подъема.

Первый вид состава, где на трех уровнях образуются гласные только переднего ряда, встречается во всех группах севернорусских говоров, в меньшей мере — во Владимирско-Поволжской и Западной. По говорам /ѣ/ образуется в виде дифтонга, что более эффективно для его отличия от монофтонга /e/.

Тип I. Состав гласных с /ѣ/. Оба гласных 2-й ступени подъема симметричны по высоте и локализованы примерно в зоне среднего уровня, так что гласный переднего ряда по говорам иногда очень мало отличается по высоте от монофтонга — гласного 3-й ступени подъема. В некоторых говорах, наоборот, гласный 3-й ступени подъема очень близок к гласному 4-й ступени т. е. верхнему.

Один из обычных типов; о распространении по говорам — см. выше.

Тип. II. Состав гласных с /ѣ/. Гласные 2-й ступени подъема не симметричны по высоте: гласный переднего ряда локализован в зоне среднего уровня (как тип I), а гласный заднего ряда — в зоне средне-нижнего уровня.

Встречается в говорах при остатках употребления вокализма с фонемой /ω/, например в Костромской и Кировской областях.

Тип III. Состав гласных с /ѣ/. Гласные 2-й ступени подъема симметричны по высоте, но локализованы в зоне *средне-нижнего* уровня, вследствие чего между 2-й и 3-й ступенями подъема гласных переднего ряда существует значительный контраст.

Встречается как малоустойчивый вид вокализма, например в отдельных говорах Кировской обл. при остатках употребления вокализма с фонемой /ω/.

Примечание. Возможно, что типы I, II и III по говорам еще варьируются в зависимости от несколько пониженного образования верхних гласных переднего и заднего, или только заднего ряда. На существование устойчивых форм такого вокализма указать нельзя, поскольку они отмечены в отдельных слоях говоров в смещении с различными ступенями деградации семи-фонемного состава вокализма, где встречаются пониженные верхние гласные

Второй вид состава, где на трех уровнях образуются гласные только заднего ряда, принадлежит тем ляпающим заонежским говорам, где на месте **o* в слоге с перенесенным ударением представлена фонема /q/ (по говорам в виде монофтонгов *q*, *a^o*, *4* или дифтонга *ōā*). Таким образом, шестой фонемой здесь является не /ѣ/, как в первом виде состава, а /q/.

Вследствие того, что 2-я ступень подъема здесь занята фонемой /q/, фонемы *o*, *e* оказываются на 3-й ступени подъема, которая этимологически адекватна 2-й ступени подъема вокализма, не имеющего /q/ на почве ляпанья.

Тип IV. Состав гласных с /q/. Оба гласных 3-й ступени подъема (этимологически соответствующей 2-й ступени подъема шести-фонемного вокализма без *q*) симметричны по высоте и локализованы примерно в зоне среднего уровня, так что гласные заднего ряда 2-й и 3-й ступени подъема по говорам иногда различаются недостаточно ясно. При наличии дифтонга *ōā* этот контраст становится более эффективным.

Встречается в говорах Заонежья, например, в его южной части, где в соседних говорах без ляпанья представлен генетически близкий «трапециод» — I тип пятифонемного состава гласных.

Тип V. Состав гласных с /ɤ/. Оба гласных 3-й ступени подъема (см. тип IV) с и м м е т р и ч н ы по высоте, но локализованы в зоне средне-верхнего уровня, благодаря чему гласные заднего ряда 2-й и 3-й ступени подъема достаточно контрастны.

Встречается в говорах Заонежья, например, в его северной части, где в соседних говорах без ляпанья распространен генетически близкий этому типу II тип пятифонемного состава гласных.

Смещение типов IV и V иногда создает почву для ошибочного вывода, будто в вокализме заонежских говоров различается пара фонем — /ω/ и /o/.

* * *

В. Семифонемный состав гласных севернорусских говоров

Д в а в и д а с о с т а в а :

1) /a/, /e/, /и/, /o/, /y/, /ѣ/, /ω/. В «трапециоде» представлено четыре фонологические ступени подъема.

2) /a/, /e/, /и/, /o/, /y/, /ɤ/, /ѣ/. В «трапециоде» представлено пять фонологических ступеней подъема — единственный случай в фонетике русских диалектов.

Первый вид состава, в котором гласные переднего и заднего ряда локализованы на трех уровнях, встречается в основном в говорах Вологодско-Кировской и, реже, Владимирско-Поволжской группы. По говорам /ѣ/ и /ω/ образуются в виде дифтонгов, что создает больший контраст с фонемами смежных ступеней подъема, известными исключительно в виде монофтонгов.

а) Б е з о п у щ е н н ы х в е р х н и х г л а с н ы х

Тип I. Состав гласных с /ѣ/, /ω/. Оба гласных 2-й ступени подъема с и м м е т р и ч н ы по высоте и локализованы примерно в зоне среднего уровня. Так же с и м м е т р и ч н ы и оба гласных 3-й ступени подъема, которые в одних говорах ближе к гласным 2-й ступени, а в других — к гласным 4-й ступени подъема, т. е. к верхним гласным.

Один из обычных типов; о распространении его по говорам см. выше.

Тип II. Состав гласных с /ѣ/, /ω/. Гласные 2-й ступени подъема не с и м м е т р и ч н ы по высоте: гласный переднего ряда локализован в зоне среднего уровня (как тип I), а гласный заднего ряда — в зоне средне-нижнего уровня. В про-

тивоположность этому оба гласных 3-й ступени подъема с и м е т р и ч н ы по высоте и образуются по говорам с такими же вариантами, как и в типе I.

Таким образом, в размещении «некрайних» гласных данного «трапецоида» нет параллелизма; диапазон между «некрайними» гласными заднего ряда больше, чем между однозначными по ступени подъема гласными переднего ряда.

Один из обычных типов; встречается в говорах тех же групп севернорусского наречия, где находится и тип I, например в говорах Костромской, Кировской областей, восточной окраины Московской обл. (вблизи от рязанских средне- и южнорусских говоров с такой чертой вокализма).

Тип III. Состав гласных с /ѣ/, /о/. Как отдельный тип «трапецоида» гласных с большинстве случаев не выделяется достаточно четко, поскольку он обычно отмечается в отдельных слоях говора, в котором представлены различные этапы деградации семифонемного вокализма.

Однако в типологическом отношении тип III чрезвычайно важен. Он требует сравнения с внешне одинаковым типом VII (см. ниже), представленным в ляпающих говорах Заонежья.

Во-первых, тип III является редким примером того положения, что внешне одинаковые фонетические структуры «трапецоида» гласных могут сложиться в результате фонетических процессов различного содержания, чем и вызывается резкое различие внутренних отношений «трапецоидов» типа III и типа VIII.

Тип III характеризуется несимметричными по высоте парами гласных 2-й ступени подъема и 3-й ступени подъема: каждый из «некрайних» гласных переднего ряда здесь на один у р о в е н ь выше, чем однозначные им по ступени подъема гласные заднего ряда. Таким образом, в типе III существует только четыре фонологические ступени подъема: ко 2-й ступени здесь относятся несимметричные по высоте пары /е/, /q/ (последний — гласный по происхождению из *ъ, или из *о под нисходящим ударением), а к 3-й ступени — несимметричные по высоте пары /ѣ/, /о/ (первый гласный — по происхождению из *ѣ, второй — из *о под восходящим ударением).

О противоположностях структуры типа VIII см. ниже.

Во-вторых, реализация фонемы /о/ в монофтонге — гласном среднего подъема, сходном с гласным о литературного языка — является, по-видимому, малоизвестным фактом. Факультативная замена в говоре монофтонга одифтонгом *yo* или *ob*, порою слабо выраженным в своей экскурсии, здесь настолько сходна с обычным дифтонгоидным образованием гласного среднего подъема в литературном произношении, что собиратели материала для диалектологического атласа иногда не обращали внимания на «слишком обычное» звучание гласного о среднего подъема, на самом деле соответствующего в таких говорах с семифонемным составом

вокализма фонеме /ω/. Последняя в этих случаях оставалась «неопознанной».

Наоборот, в фонетике данного типа скорее замечалось «необычное» звучание гласного *o* — монофтонга средне-нижнего подъема, чуждого для носителей литературного произношения. Однако при отсутствии достаточного подбора статистических данных о распределении гласных *o* и *o* в лексикоморфологическом составе говора, фонологическая суть явления оставалась нескрытой. Наличие в говоре гласных *o* и *o* ошибочно принималось за «факультативное» колебание произношения гласных, соответствующих якобы одной и той же фонеме /*o*/, а вокализм говора неправомерно относился к числу шестифонемных, то есть без фонемы /*ω*/.

Тип IV. Состав гласных с /*ѣ*/, /*ω*/ . Оба гласных 2-й ступени подъема симметричны по высоте, но локализованы в зоне средне-нижнего уровня. Так же симметричны и оба гласных 3-й ступени подъема, локализация которых по говорам варьируется в тех же пределах, как в типе I.

Встречается как малоустойчивый вид вокализма, например, в отдельных говорах Кировской области, обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма.

б) С опущенными верхними гласными

Тип V. Состав гласных с /*ѣ*/, /*ω*/ . Каждая пара гласных переднего и заднего ряда однозначной ступени подъема симметрична по высоте, но гласные 4-й ступени, т. е. верхние, несколько понижены в своем образовании. По говорам они даже приближаются к категории гласных средне-верхнего уровня, но фонологическая самостоятельность последних в таком случае подчеркивается произношением их преимущественно в виде дифтонгов, чем и достигается контраст между *y* и *yɔ*, *ɥ* и *ɥe*.

Встречается как редкий тип «трапецоида» в отдельных говорах Вологодско-Кировской и Владимирско-Поволжской группы, например — в Даровском р-не Кировской обл., на восточной окраине Московской области — в с. Пустошах Кривандинского р-на; в архаическом слое говора здесь сохранились эти черты, описанные Д. Бубрихом еще в начале века — см. [10].

Тип VI. Состав гласных с /*ѣ*/, /*ω*/ . Отличается от типа V несимметричностью по высоте гласных 4-й ступени подъема, из которых понижены лишь гласный заднего ряда.

Встречается в тех же говорах Вологодско-Кировской и других групп, как и тип V; достаточно ясно выражен в говоре Межевского р-на Костромской обл., где контраст между гласными трех степеней подъема, сосредоточенных в сравнительно узком диапазоне от среднего уровня до опущенно-верхнего уровня, поддерживается четким противопоставлением структур известных гласных как дифтонгов и монофтонгов [27; 84].

Тип VII. Состав гласных с /ѣ/, /ѡ/. Как и в типе VI, гласные 4-й ступени подъема несимметричны по высоте: верхний гласный заднего ряда здесь несколько понижен. Но так же несимметричны по высоте и гласные 2-й ступени подъема, из которых гласный переднего ряда локализован в зоне среднего уровня, а гласный заднего ряда — в зоне средне-нижнего уровня.

Встречается в тех же говорах Вологодско-Кировской и других групп севернорусского наречия, в частности — в говоре Межевского р-на Костромской обл. (см. тип VI), где гласный *o* произносится очень открыто, но при достаточном контрасте с гласным на месте фонемы /а/, который здесь значительно продвинут к зоне передне-среднего ряда.

Второй вид состава. Здесь гласные переднего и заднего ряда также локализованы на трех уровнях, но с несколько иным этимологическим отношением к фонологическим ступеням подъема первого вида состава гласных. Второй вид состава известен в тех заонежских говорах, где при ляпанье в качестве шестой фонемы выступает /q/ (по говорам в виде *o*, *a°*, *д*, или дифтонга *ба*) в соответствии с **o* в слоге с перенесенным ударением, а в качестве седьмой фонемы — /ѣ/ (а не /ѡ/, как в первом виде состава). Таким образом, в ляпающих говорах на тех же основаниях, как и при шестифонемном составе вокализма, фонемы /o/, /e/ оказываются на 3-й ступени подъема; следовательно, фонема /ѣ/ принадлежит уже 4-й, а фонемы /и/, /у/ — 5-й ступени подъема. Этимологически адекватные им фонемы в первом виде состава находятся соответственно, начиная с пары /o/, /e/ — на 2-й, /ѣ/ — на 3-й, /и/, /у/ — на 4-й ступени подъема, что важно учесть при выявлении фактов смешения разных фонетических систем.

Тип VIII. Состав гласных с /q/, /ѣ/. (Сравнить с типом III, одинаковым по количеству гласных и по их локализации в «трапецоиде»).

Единственный тип из группы семифонемных, встречающийся в заонежских говорах с ляпаньем. Наличие /q/ (при отсутствии фонемы *ω*) объясняется происхождением этого гласного из **o* в слоге с перенесенным ударением.

О структуре «трапецоида» и его распространении в говорах — см. в начале раздела о семифонемном составе гласных.

Отличается максимальным числом ступеней подъема (5 ступеней). Гласный 2-й ступени подъема заднего ряда локализован в зоне средне-нижнего уровня, не имеет параллели в переднем ряду. Гласные 3-й ступени подъема переднего и заднего ряда симметричны по высоте, локализованы в зоне среднего уровня. Гласный 4-й ступени подъема переднего ряда, восходящий к **ъ*, не имеет параллели в заднем ряду.

Смешение данного типа в некоторых говорах с типом V из шестифонемного состава гласных может создать ошибочное впечатление о наличии восьмифонемного состава гласных, с восьмой фонемой /ω/, что опровергается статистическим изучением употребления гласных o, o, o в лексико-морфологическом составе таких говоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
2. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
3. Ардентов Б. П. К изучению Заонежского диалекта. «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. XV, 1955.
4. Бараксанов Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.
5. Богородицкий В. А. Экспериментально-графическое исследование двусложных слов в общерусском произношении. «Изв. ОРЯС АН», т. XXVIII, 1924.
6. Бондарко Л. В. О характере изменения форматного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», № 237, вып. 40, 1960.
7. Бондарко Л. В. и Зиндер Л. Р. Фонетическая характеристика различных типов синтаксических сочетаний в нивхском языке. — ВЯ 1962, № 4.
8. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907.
9. Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
10. Бубрих Д. Ф. Фонетические особенности говора с. Пустошей. «Изв. ОРЯС АН», т. XVIII, кн. 4, 1913.
11. Варшавский Л. А. и Чистович Л. А. Средние спектры русских гласных фонем. «Проблемы физиологической акустики», т. IV. Л., 1959.
12. Виноградов Н. Н. Послеконечное *ы* в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. «Изв. ОРЯС АН», т. XXII, кн. 2, 1917.
13. Высотский С. С. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М., 1949.
14. Высотский С. С. Обзор материалов по составлению VI т. Диалектологического атласа русского языка. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 3, 1948.
15. Даль В. И. О наречиях русского языка. — Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955.
16. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960.
17. Златоустова Л. В. О применении экспериментально-фонетического метода в диалектологических исследованиях. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 115, кн. 9, 1955.
18. Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
19. Каринский Н. М. Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры. «Уч. зап. Ин-та языка и литературы РАНИОН», т. III, 1929.
20. Кошутин Р. Грамматика русского языка. I. Пг., 1919.
21. Кузнецова А. М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

22. Лыткин В. И. Древнепермский язык. М., 1952.
 23. Ляпунов Б. М. Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегородской губернии. «Живая старина», 1894, вып. II.
 24. Малеча Н. М. Фонетический строй территориального диалекта уральских казаков. Автореф. канд. дисс. Уральск, 1954.
 25. Пауфощима Р. Ф. Гласные фонемы переднего и среднего ряда в позиции между мягкими согласными под ударением в одном северновеликорусском говоре. «Филол. науки», 1964, № 3.
 26. Пауфощима Р. Ф. Об утрате противопоставления гласных фонем среднего и средне-верхнего подъема в одном северновеликорусском говоре. «Изв. АН СССР», Серия литературы и языка, т. XXII, вып. 6, 1963.
 27. Пауфощима Р. Ф. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Канд. дисс. М., 1963.
 28. Путята А. К теории индоевропейского вокализма. М., 1881.
 29. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960.
 30. Самойлова И. Д. О фонетических особенностях говора Опаринского района Кировской области. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 134, 1959.
 31. Тагунова В. И. О сохранении звонких согласных на конце слова и перед глухими в Муромских говорах, «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1953.
 32. Шахматов А. А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. «Изв. ОРЯС АН», т. XVIII, кн. 4, 1913.
 33. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
 34. Fant G. Acoustic theory of speech production. «R. J. of Technology. Division of Telephony — Telephony Report», 1958, № 10.
 35. Koneczna H., Zawadowski W. Obrazy rentgenograficzne głosek rosyjskich. Warszawa, 1956.
 36. Koneczna H., Zawadowski W. Przekroje rentgenograficzne głosek polskich. Warszawa, 1951.
-

Р. Ф. Пауфотина

О ПЕРЕХОДЕ ОТ ОКАЮЩЕГО ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА К АКАЮЩЕМУ В ОДНОМ СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ

(по данным спектрального анализа)

Процессы перестройки предударного вокализма, как и всей фонологической системы в целом, в настоящее время свойственны многим диалектам русского языка. Для ряда севернорусских говоров, предударный вокализм которых строится на противопоставлении гласных фонем неверхнего подъема в позиции после твердых согласных, на современном этапе развития характерна перестройка системы предударного вокализма в указанной позиции, заключающаяся в утрате различия гласных фонем неверхнего подъема.

Такие изменения в системе предударного вокализма свойственны и говору д. Фаддеиха Межевского р-на Костромской обл. Говор этой деревни является характерным представителем Вологодско-Кировской группы севернорусских диалектов. Архаическая система ударенного вокализма говора характеризуется противопоставлением семи фонем: /и/, /е/, /ѐ/, /а/, /о/, /ѡ/ и /у/. Фонемы среднего и средневерхнего подъема употребляются в соответствии с этимологическим принципом. В позиции между мягкими согласными под ударением противопоставление фонем /и/ и /е/ нейтрализуется, здесь выступает один вариант [и]. Фонема /а/ в этой позиции реализуется в вариации [е].

Архаической системе предударного вокализма в позиции после твердых (парных по твердости—мягкости) согласных свойственно различие фонем неверхнего подъема, т. е. фонем /а/ и /о/¹. Таким образом, говор д. Фаддеиха в своем архаическом

¹ Поскольку фонемы /ѡ/ и /ѡ/, как показывает наш материал, в безударных слогах не различаются, совпадая в одном варианте, то, говоря о фонеме

слое является окающим. В настоящее время в предударном вокализме говора наблюдается изменение этих фонологических отношений и перестройка на иную, акающую систему. В синхронном состоянии говора наблюдаются элементы как архаических отношений (различение фонем неверхнего подъема), так и новых отношений (совпадение фонем неверхнего подъема в одном варианте). Наряду с этим в говоре можно проследить различные ступени отхода от архаической системы к новой.

Поскольку, как уже говорилось выше, процессы, подобные указанным изменениям в системе вокализма 1-го предударного слога, свойственны многим русским говорам, исследование этих процессов даже на материале одного говора представляет несомненный интерес.

Исследование системы предударного вокализма в позиции после твердых парных согласных в говоре д. Фаддеиха и составляет предмет настоящей статьи. Гласные, функционирующие в этой позиции, анализировались с точки зрения спектрального состава. По мере необходимости, для выявления специфики акустических свойств гласных говора, к сравнению привлекался материал русского литературного языка.

Спектральный анализ гласных осуществлялся на стандартном аппарате «СЗЧ» (Спектрометр звуковых частот) отечественного производства. Анализировались гласные, выбранные из магнитофонных записей живой разговорной речи носителей говора, коренных жителей д. Фаддеиха, принадлежащих к разным поколениям.

В архаической системе говора фонемы /о/ и /а/ в рассматриваемой позиции различаются. В соответствии с фонемой /о/ произносятся гласные [o], [o¹], [o^a], фонема /а/ реализуется в гласных [a], [a], [a^o] ². Отличительным признаком гласных первого типа является наличие лабиализации, для гласных второго типа характерно отсутствие ее. Степень лабиализации у гласных типа о может быть различной: достаточно сравнить гласные [o¹] и [o^a], чтобы убедиться в этом: первому свойственна сильная лабиализация, приближающая его к звучанию [y], второй отличается слабой степенью лабиализации ³, однако и в том и в другом случае наличие губной артикуляции является конституционным признаком этих гласных.

/о/ в предударных слогах, мы по существу имеем в виду вариант обеих фонем среднего и средне-верхнего подъема заднего ряда.

² Невозможно перечислить все оттенки гласных, различающихся в акустическом и артикуляционном аспекте, звучащие в говоре, — такая задача практически не выполнима. Приводя здесь ряды гласных, в которых реализуются фонемы /о/ и /а/, мы имеем в виду, что каждый из них представляет целую группу звуков, в большей или меньшей степени от него отличающихся.

³ Различие по степени лабиализации не является единственным для этих гласных: существенно также различие в подъеме языка — [o^a] приближается к нижнему подъему, [o¹] — к верхнему подъему. Тем не менее именно наличие лабиализации отличает все эти гласные от гласных, в которых реализуется фонема /а/.

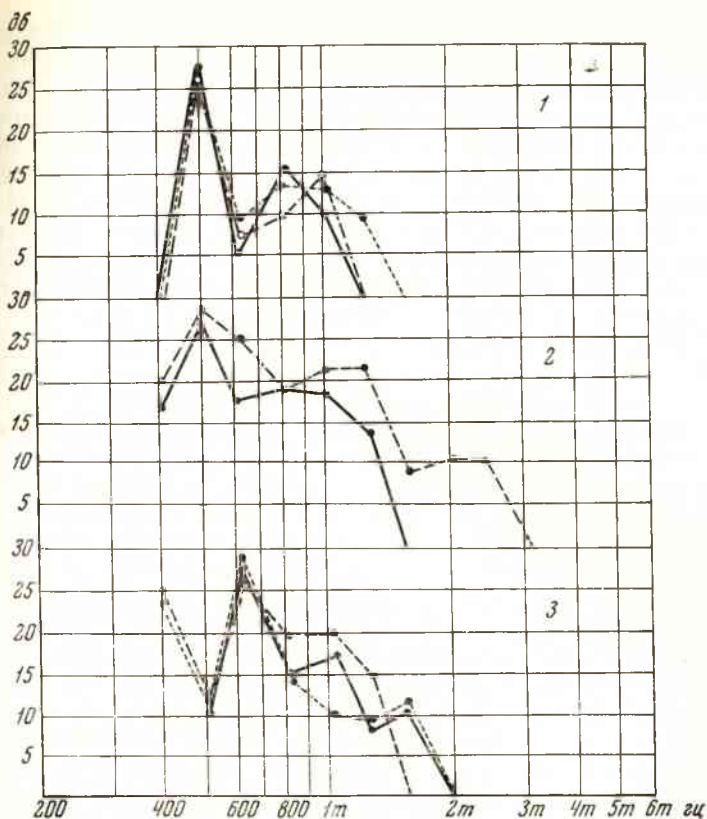

Рис. 1. Спектральные огибающие гласного [о] в первом предударном слоге

1 — гласный [оУ] в словах [воУрбна] (сплошная линия), [соУрбна] (пунктир), [воУстók] (штриховая линия), дикт. XI; 2 — гласный [о] в словах [хорóшый], дикт. II (сплошная линия) и [поcа], дикт. IV (штриховая линия); 3 — гласный [о^а] в словах [о^ат'ёт] (сплошная линия), [по^ас'т'ёл'у] (штриховая линия) и [о^ад'йёта] (пунктир), дикт. IV

Все гласные типа *a*, перечисленные выше, несколько различающиеся между собою в артикуляционном плане по степени подъема и по ряду, объединяются одним общим для них признаком — отсутствием лабиализации, чему в акустическом аспекте соответствует повышение всех составляющих спектра.

На рис. 1 приведены спектрограммы некоторых, наиболее употребительных из гласных типа *o* в произношении разных дикторов.

На графике 1 рис. 1 представлены спектральные огибающие гласного [o^ɹ]. Для его спектрального состава характерна сравнительно узкая полоса усиленных частот (500 гц—1000 гц) с максимальным преобладанием области 500 гц, понижением интенсивности в зоне 640 гц и некоторым возрастанием энергии в области 800 гц—1000 гц. Несмотря на то, что этот гласный напоминает по тембру [y], полного совпадения /o/ и /y/ в 1-м предударном слоге, как правило, не наблюдается. Гласный [y], в котором реализуется фонема /y/ в этой позиции, отличается от [o^ɹ] и по слуховому впечатлению, и по спектральной характеристике ⁴.

Спектральному составу гласного [o] (см. график 2, рис. 1) свойственно расширение области усиленных частот до 2500 гц, что отличает спектр этого гласного от спектра [o^ɹ]. Максимально усилены в спектре [o] частоты в зоне 500 гц, и этот признак сближает спектры [o] и [o^ɹ]. Некоторый спад интенсивности в зоне 640 гц и возрастание энергии в области 800 гц заметен и на спектральных огибающих гласного [o], однако здесь эти спады и подъемы интенсивности выражены менее ярко, чем в спектрах [o^ɹ]. Наконец, спектральный состав [o] отличается некоторой концентрацией энергии в высокочастотной области (1600—2000 гц).

Спектрограммы гласного [o^a] (график 3, рис. 1) отличаются от спектрограмм, рассмотренных выше, прежде всего, сдвигом максимально усиленных частот в область 640 гц, что несколько приближает спектр этого гласного к спектру [a]. Некоторое понижение интенсивности приходится на область 800 гц, а в области 1000 гц наблюдается небольшое усиление составляющих. Для некоторых спектров этого гласного характерно также незначительное возрастание интенсивности в области высоких частот — 1600—2000 гц.

Рассмотренные гласные являются наиболее характерными в качестве реализаций фонемы /o/ в 1-м предударном слоге. Эти гласные употребляются в речи не беспорядочно: выбор того или другого гласного обусловлен позиционно и зависит от качества соседних согласных, от характера слога, от качества гласного под ударением и т. д. Более закрытые и лабиализованные оттенки гласного [o] чаще произносятся в соседстве с губными и заднеязычными согласными; наблюдается также некоторая ассимиляция гласным под ударением — более открытые оттенки [o] можно услышать чаще, если в слоге под ударением звучит [o] или [a], более закрытые оттенки [o] произносятся при [y] или [y^o] в слоге под ударением. Однако все эти до некоторой степени различаю-

⁴ Фонема /y/ в 1-м предударном слоге реализуется, как правило, в гласном [y] — лабиализованном гласном верхнего подъема заднего ряда. В спектре этого гласного максимально усилены составляющие в области низких частот — 250 гц; второе значительное усиление наблюдается в области 800 гц.

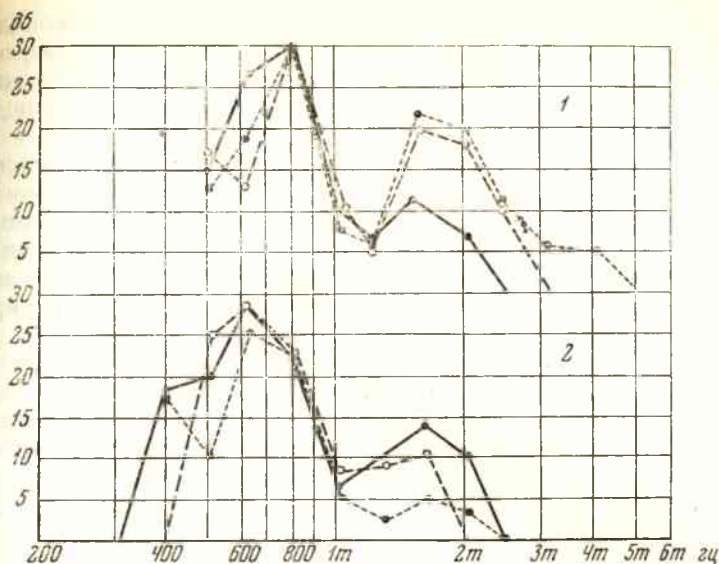

Рис. 2. Спектральные огибающие гласного [а] в первом предударном слоге

1 — гласный [а] в словах [рабу́ота] (сплошная линия), [като́к] (штриховая линия) и [каре́та] (пунктир), дикт. XI; 2 — гласный [а] в словах [скажу́], дикт. II (сплошная линия), [па́к'ёт], дикт. XII (штриховая линия) и [ка́таиемо́а], дикт. V (пунктир)

щиеся между собою гласные относятся к одной группе — все это гласные лабиализованные, и в этом своем качестве они противопоставлены нелабиализованным гласным типа *a*, которые употребляются в соответствии с фонемой /a/ в 1-м предударном слоге.

Спектральные огибающие последних приведены на рис. 2. Для спектра [а] (см. график 1 рис. 2) характерны две четко выделенные области усиленных частот: I — 800 *гц* и II — 1600—2000 *гц*. Именно эта отчетливо выраженная двухформантная структура, как нам кажется, и является основным признаком, отличающим спектры гласных типа *a* от спектров гласных типа *o*, где могут тоже наблюдаться две области усиленных частот, но выделены они менее четко.

На графике 2 рис. 2 показаны спектральные огибающие гласного [á]. Более передней, по сравнению с [а], артикуляции этого гласного в акустическом аспекте соответствует смещение первой области усиления в зону 640 *гц*. Двухформантная структура в спектре этого гласного сохраняется, и вторая область усиления энергии наблюдается в зоне 1600 *гц*. Указанные гласные наиболее часто произносятся в соответствии с фонемой /a/.

Таким образом, архаической системе предударного вокализма говора свойственно оканье. Эта система в современном состоянии говора является преобладающей, поскольку в речи большинства представителей разных слоев говора последовательно проводится противопоставление фонем /o/ и /a/.

Вместе с тем новая система, которая формируется в говоре ⁵, затрагивает и предударный вокализм. В этой новой системе предударного вокализма складываются иные, отличные от рассмотренных выше, отношения между фонемами неверхнего подъема. Однако прежде чем обратиться к анализу этих новых отношений, остановимся на тех переходных этапах, которые связывают архаическую систему с новой.

Элементы этих переходных отношений проявляются в речи различных дикторов. Мы сделали попытку систематизировать эти элементы и свести их к трем группам, каждая из которых при наличии соответствующих условий могла бы развиваться в самостоятельную систему. Ниже приводятся эти группы.

1. Фонемы /o/ и /a/ различаются, причем первая реализуется в гласных, качественно отличных от [o], например; [ʔ^Λ], [Λ^u], а в соответствии с фонемой /a/ произносятся гласные типа а: *дрѣва* — *травѣ*.

Таким образом, фонемы реализуются в нелабиализованных гласных, но различных между собой. Гласные, в которых реализуется фонема /o/, можно в целом охарактеризовать как редуцированные, склонные к тембру того или иного гласного полного образования. К гласным такого рода можно полностью применить слова Л. В. Щербы относительно русского ʔ (в транскрипции Л. В. Щербы — [ə]): «Довольно трудно говорить об акустических качествах этого звука: ухо наше плохо разбирается в разных оттенках звуков этой категории, с одной стороны так как в более известных языках они не являются самостоятельными фонемами, а с другой стороны так как они действительно очень мало характерны с акустической точки зрения» ⁶. В связи с этим наша транскрипция этих звуков как [ʔ^Λ], [Λ^u] и т. д. в значительной мере условна.

Рассматривая гласные [ʔ^Λ], [Λ^u] как редуцированные, следует иметь в виду, что можно говорить лишь о качественной их редукции, но отнюдь не количественной. В результате анализа длительности этих гласных сравнительно с гласным [o] в 1-м предударном слоге получены сопоставимые данные: абсолютная длительность гласных [Λ^u], [ʔ^Λ] колеблется в пределах 60—

⁵ Новая система гласных говора под ударением характеризуется сокращением числа фонем — утрачивается противопоставление фонем среднего и средне-верхнего подъема.

⁶ Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, стр. 99.

130 мс, а длительность [о] составляет 70—150 мс. Этот вывод подтверждается и цифрами относительной длительности исследуемых гласных: [а^н], [ъ^а] составляют от 60 до 93% длительности ударного гласного, а [о] — 45—92%.

Р. Якобсон в своей ранней работе⁷, рассматривая появление в 1-м предударном слоге в соответствии с фонемой /о/ гласного типа ъ, отмечает не только качественную, но и количественную редукцию этого гласного: «Так как в языковом мышлении дмитровских крестьян московское аканье осознается не только как замена звука о звуком а, но также как количественная и качественная редукция рефлекса о, причем условия, в которых такая редукция проведена в московском говоре, улавливаются далеко не всегда, является тенденция расширить ее пределы, ввести в слог, непосредственно предшествующий ударению, редуцированный гласный ъ, только кажется, несколько более заднего образования, или, по меньшей мере, сильно сократить о».

Материал говора д. Фаддеихи, как было показано выше, свидетельствует только о качественной, но не о количественной редукции гласных, произносимых в соответствии с фонемой /о/ на рассматриваемой ступени развития говора.

Гласный [ъ^а] — нелабиализованный, среднего ряда, среднего подъема. Его спектральные огибающие см. на рис. 3, график 1. Для спектра этого гласного характерно небольшое количество составляющих, некоторая обедненность спектрального состава, что свойственно спектрам редуцированных гласных. На спектрограммах [ъ^а] можно выделить только одну область концентрации энергии — 500—640 гц.

Гласный [а^н] — нелабиализованный, среднего ряда, средне-верхнего подъема. В спектрах этого гласного (см. спектральные огибающие на графике 2 рис. 3) отчетливо выделяются три области концентрации энергии. Первое усиление энергии локализуется в низкочастотной области (250—300 гц) и во всех приведенных примерах совпадает по частоте с основным тоном. Такое совпадение первой области усиления энергии с основным тоном наблюдается в тех случаях, когда первая форманта гласного расположена в области низких частот (200—300 гц), что свойственно спектрам гласных верхнего подъема, например, [и], [ы], [у] в русском языке, а основной тон находится в том же диапазоне частот⁸. Такое совпадение обычно имеет место в произношении дикторов с высокими голосами.

Вторая зона концентрации энергии в спектре [а^н] наблюдается в области 500—640 гц. Третья зона усиления локализуется в высокочастотной области, она не является постоянной для всех

⁷ Р. Якобсон. Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью. Praha, 1927, стр. 32.

⁸ См.: В. М а л м б е р г. La phonétique. Paris, 1954, стр. 15.

спектрограмм и колеблется в пределах 1600—2500 гц. Таким образом, по спектральному составу этот гласный напоминает [ы], что соответствует слуховому впечатлению, однако он близок и к гласному [ъ^А], рассмотренному выше, причем в акустическом аспекте это сходство выражается в значительном усилении частот в области 500—640 гц. Эта область усиления на отдельных спектрограммах является даже максимально преобладающей.

Фонема /а/ реализуется в гласных [а], [ӑ] и т. д. (см. спектрограммы на рис. 2). Различия в спектральных огибающих, приведенных на рис. 2 и рис. 3, очевидны. Следовательно, несмотря на то, что фонема /о/ на рассматриваемой ступени развития вокализма говора реализуется в гласных, качественно отличных от [о], принцип различения фонем /о/ и /а/ в 1-м предупредном слоге здесь сохраняется.

2. Фонемы /о/ и /а/ различаются, фонема /о/ реализуется в лабиализованных гласных типа [о] (см. рис. 1), а в соответствии с фонемой /а/ произносятся нелабиализованные гласные, но отличные от а: [ъ^о], [а^о] и т. д. Спектральные огибающие этих гласных приведены на рис. 4.

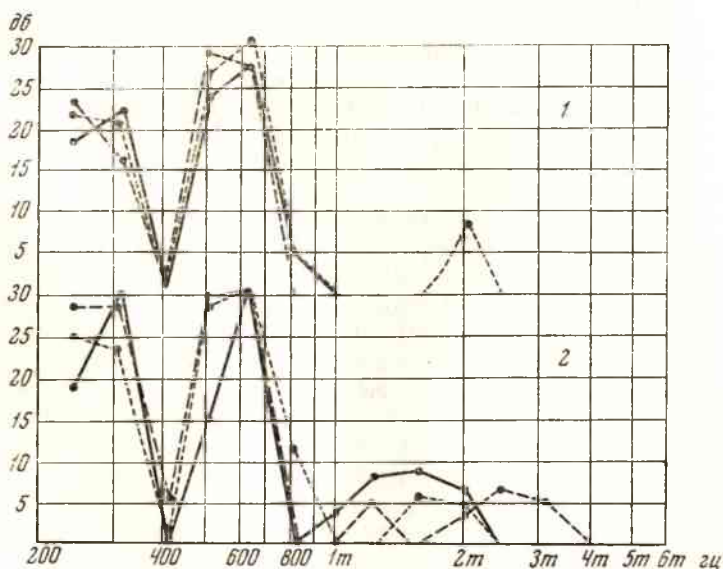

Рис. 3. Спектральные огибающие гласных типа [ъ] в первом предупредном слоге

1 — гласный [ъ^А] в словах [въ^Акрѹг] (сплошная линия), [тъ^Абѹл'ск] (штриховая линия) и [тъ^Атѹф] (пунктир), дикт. XI; 2 — гласный [а^Б] в словах [а^Бтѹхал] (сплошная линия), [пл^Бјѹт] (штриховая линия) и [хъра^Бшѹ] (пунктир), дикт. XI

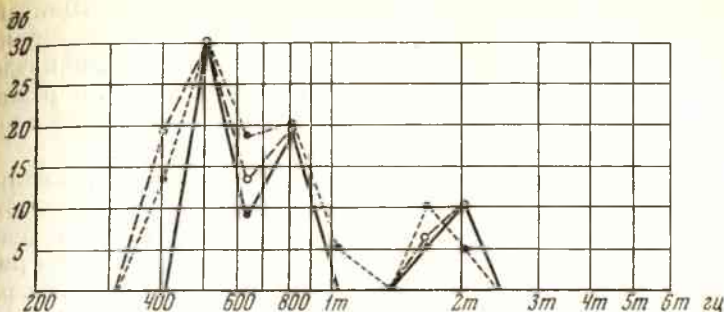

Рис. 4. Спектральные огибающие гласного [а°] в словах [пъка°за́лас°] (сплошная линия), [пъпл°да́т°] (штриховая линия) и [пъска°ка́л] (пунктир), дикт. XII

Для спектров этих гласных характерно четкое выделение двух областей усиления интенсивности — одной в зоне 500 гц и другой в высокочастотной зоне (1600—2000 гц). Между этими максимумами концентрации энергии намечается некоторый подъем в области 800 гц, наблюдающийся после спада интенсивности в зоне 640 гц. Это напоминает спектральную характеристику [е], что подкрепляется данными слухового анализа, однако между этими гласными есть и существенные различия: наличие в спектральном составе [а°], [ъ°] некоторого усиления в области 800 гц и сравнительно небольшая интенсивность высокочастотных составляющих.

Гласные [ъ°], [а°], в которых реализуется фонема /а/, так же, как и гласные [ъ°], [а°], рассмотренные выше, не испытывают количественной редукции.

Таким образом, и на этой ступени развития говора принцип оканья выдержан — фонемы /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге противопоставлены: *дрова́* — *трл°ва́*

Интересно, что Г. В. Шайтанова в своей диссертации, рассматривая систему предударного вокализма в некоторых окающих говорах Костромской области, отмечает, что изменениям подвержены только гласные, в которых реализуется фонема /о/, в то время как фонема /а/ постоянно реализуется в гласном типа [а]: «Этимологический неударяемый звук а в говоре всегда сохраняется, независимо от характера слога и качества гласного под ударением»⁹; и далее: «В некоторых случаях отмечена редукция предударного о, никогда не распространяющаяся на звук а: *спръс°йт°*, *пъг°йбл°и*, *зъв°ом* и т. д.»¹⁰.

⁹ Г. В. Шайтанова. Говоры по верхнему течению реки Костромы (говоры по северной границе акающего острова в Костромской области). Канд. дисс. М., 1952, стр. 11.

¹⁰ Г. В. Шайтанова. Говоры по верхнему течению реки Ко-

В говоре д. Фаддеихи, кроме отмеченной Г. В. Шайтановой ступени развития предударного вокализма, наблюдаются и следующие этапы этого процесса. Следовательно, можно предположить, что говоры, исследованные Г. В. Шайтановой, переживают более раннюю стадию развития предударного вокализма по сравнению с говором д. Фаддеихи.

3. Фонемы /o/ и /a/ различаются. Обе фонемы реализуются в нелабиализованных гласных, качественно отличных от [o] и [a], но различающихся между собою. В соответствии с фонемой /o/ произносятся гласные [ʏ^Λ], [Λ^u] (см. спектрограммы на рис. 3), фонема /a/ реализуется в гласных [ʏ^ε], [Λ^ε] (см. спектрограммы на рис. 4), отличающихся от [Λ^u] в артикуляционном плане большей упрежденностью и более низким подъемом.

Сравнение спектральных огибающих этих гласных свидетельствует о существенных различиях между ними в акустическом аспекте ¹¹.

Таким образом, на всех рассмотренных переходных этапах развития говора, несмотря на качественные различия в тембрах гласных, которые произносятся в соответствии с фонемами /o/ и /a/, сохраняется принцип противопоставления этих фонем.

Кроме рассмотренных отношений, в речи носителей говора иногда встречаются элементы иных отношений. Мы имеем в виду произношение типа *дрова́* — *трова́*. Произношение гласного [o] в соответствии с фонемой /a/ зафиксировано лишь в двух-трех словах: [кокби], [трова́], [ухожбо́р]. Игнорировать случаи такого произношения мы не можем, поскольку это явление отмечено в ряде севернорусских говоров. Р. Якобсон, отмечая такое произношение в говоре дмитровских крестьян, указывает на ассимилятивный характер перехода *a* > *o* в предударных слогах, так как в следующих слогах, по его материалам, обычно выступает [o] ¹². Второе вероятное объяснение этому явлению находим в той же работе — возможно, что это «реакция против аканья». Как бы то ни было, случаи такого произношения свидетельствуют о разрушении архаической, окающей системы предударного вокализма — по выражению Р. Якобсона, они возможны «на почве вырождения окальской традиции».

Качественно новым этапом в развитии говора, противопоставленным всем рассмотренным выше, является становление аканья, т. е. неразличения фонем неверхнего подъема в позиции

стромы (говоры по северной границе акающего острова в Костромской области). Канд. дисс. М., 1952, стр. 13.

¹¹ Это противопоставление, основывающееся на довольно незначительных различиях в артикуляционном и акустическом аспекте, последовательно прослеживается в речи отдельных носителей говора, представляющих собою его новый слой.

¹² Р. Я к о б с о н. Указ. соч., стр. 22.

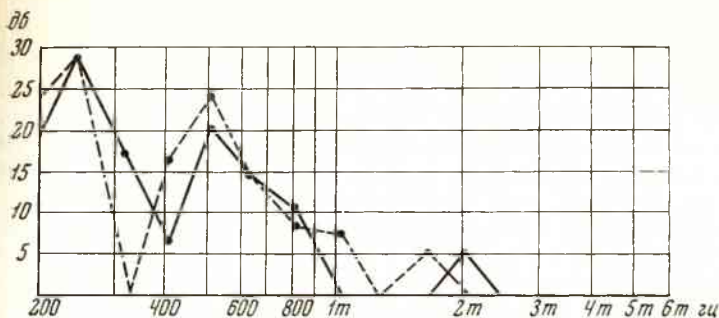

Рис. 5. Спектральные огибающие гласного [a^u] в словах [xal^u d'ila] (сплошная линия) и [tral^u va] (штриховая линия), дикт. XI

не после мягких согласных в 1-м предударном слоге. Такие отношения между фонемами /o/ и /a/ характеризуют новую, формирующуюся систему говора. Не различаясь в рассматриваемой позиции, фонемы /o/ и /a/ могут реализоваться как в гласных типа *a*, так и в гласных, отличающихся от *a* по тембру. В зависимости от качества гласных, которые произносятся в соответствии с фонемами /o/ и /a/, можно выделить две «подсистемы» в новом слое говора:

I. Фонемы /o/ и /a/ реализуются в гласных типа [ɤ^a], [a^u] и т. д. (*дрal^u va* — *трal^u va*). Спектрограммы, демонстрирующие идентичность гласных, в которых реализуются фонемы /o/ и /a/, приведены на рис. 5.

Некоторые различия в очертаниях спектральных огибающих, связанные с неравноценным фонетическим окружением анализируемых гласных, являются незначительными.

II. Фонемы /o/ и /a/ реализуются в гласном [a] — *дравá* — *травá*. Спектральные огибающие этого гласного см. на рис. 6.

Говоря о совпадении фонем /o/ и /a/ в одном звучании — [a], мы имеем в виду произношение [a] на месте фонемы /o/ в таких словах, которые широко употребительны в говоре и где реальность функционирования фонемы /o/ в 1-ом предударном слоге не подлежит сомнению (например, [гъвар'йт], [сматр'ѳ], [бал'шаиa] и т. д.).

Напротив, в таких словах, как, например, [арамáт'истои], [кантóра] и т. д., в 1-м предударном слоге, очевидно, функционирует фонема /a/, поскольку эти слова пришли в говор из литературного языка в том фонетическом облике, который свойствен литературному произношению.

Таким образом, последовательность перехода от окающей системы предударного вокализма к акающей в говоре д. Фаддеиха представляется нам в следующем виде:

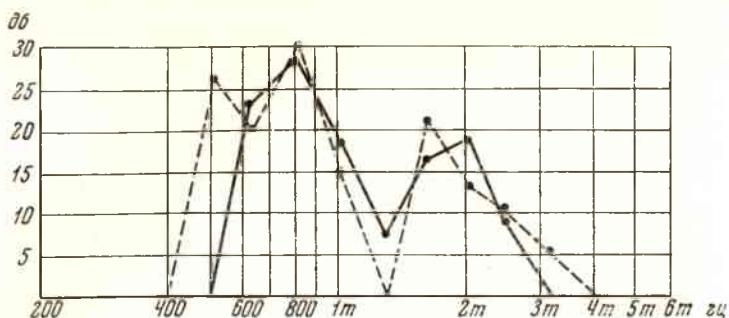

Рис. 6. Спектральные огибающие гласного [a] в словах [ката] (сплошная линия) и [травá] (штриховая линия), дикт. I

1. При сохранении в качестве реализации фонемы /a/ гласного [a] наблюдается утрата лабиализации [o] и появление в результате этого гласного типа [Λ], характеризующегося тем же рядом и подъемом при отсутствии лабиализации. Вследствие артикуляционной и акустической невыразительности этого гласного в речи наблюдаются такие его разновидности, как [Λ^u], [Λ^b], [Ъ^Λ] и т. п., чему в артикуляционном плане соответствует смещение образования гласного в область среднего ряда и иногда некоторое повышение подъема.

Трудно установить причины этого явления. Р. Якобсон, рассматривая подобный переход $o > \text{ъ}$ в дмитровском говоре, видит основную причину появления такого произношения во влиянии акающей речи. Подстановку именно гласного [ъ] вместо [o] Р. Якобсон объясняет следующим образом: «Редко окальщики при переходе к аканью усваивают непосредственно *a*. Первоначально они пользуются промежуточными звуками двух типов: 1) звук с понижением артикуляции, но с сохранением лабиализации, т. е. *a°*; 2) гласный среднего подъема, но с утратой лабиализации, т. е. *ъ*»¹³.

Говор д. Фаддеихи не находится в непосредственном соседстве с акающими диалектами в отличие от говора, описанного Р. Якобсоном. Влияние акающего произношения на развитие вокализма говора д. Фаддеихи может проникать только через литературный язык.

Нам представляется возможным и другое объяснение, а именно, что произношение гласных типа [ъ] в соответствии с фонемой /o/ в 1-м предударном слоге появляется в результате внутренних закономерностей развития самого говора. Возможно, что в говоре развивается процесс делабиализации лабиализованных гласных предударных слогов — такое предположение подтверждается дан-

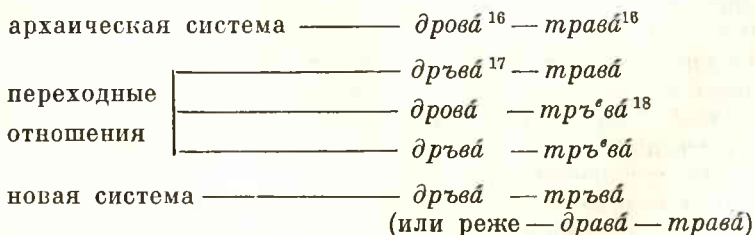
¹³ Р. Якобсон. Указ. соч., стр. 32.

ными о некоторой делабиализации предударного [y] ¹⁴. Влияние литературного языка может лишь ускорить течение этого процесса.

2. Следующим этапом в переходе от окающего предударного вокализма к акающему является произношение в соответствии с фонемой /а/ гласного типа [Λ^о]. Мы уже указывали выше на упрежденный характер гласного [а] под ударением в говоре. В предударных слогах упрежденная артикуляция гласного [а] может сохраняться. Под влиянием системы предударного вокализма литературного языка, а именно неразличия в 1-м предударном слоге реализаций фонем /о/ и /а/, может появиться гласный того же типа, что и [ɤ], произносимый в соответствии с фонемой /о/, однако конституционный признак упрежденности артикуляции, свойственный реализации фонемы /а/, очевидно, оказывается довольно устойчивым, и в результате вместо а в этой позиции появляется гласный типа [ɤ^о]. Противопоставление фонем /о/ и /а/, основанное в данном случае на незначительном артикуционном и акустическом различии гласных [Λ^о] и [Λ^а], сохраняется.

3. Однако, поскольку это противопоставление обусловлено столь незначительным фонетическим различием, сколько-нибудь долго оно удерживаться не может, и возникает возможность его утраты. Так появляется произношение др^ова̑ — тр^ова̑, являющееся качественно новым этапом в развитии предударного вокализма говора: на смену оканью, т. е. различию гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, приходит аканье ¹⁵, совпадение этих фонем в одном варианте.

Все рассмотренные выше ступени развития предударного вокализма говора можно представить следующей схемой:

¹⁴ Наряду с гласным [y] в 1-м предударном слоге в соответствии с фонемой /у/ в говоре часто произносится гласный, отличающийся очень слабой губной артикуляцией, приближающийся по звучанию к [ы]: [y^и] и даже [ы^и] ([ку^ип·ѐц'], [скы^ипѡи] и т. д.).

¹⁵ Термины «оканье» и «аканье» здесь употреблены в фонологическом значении.

¹⁶ Знаком [о] здесь условно обозначены все оттенки этого гласного: [o^у], [o], [o^а], а знаком [а] в 1-м предударном слоге транскрибируются гласные [а], [â], [a^о].

¹⁷ Знак [ɤ] соответствует здесь гласным [ɤ^а], [Λ^и].

¹⁸ Знак [ɤ^о] соответствует упрежденным редуцированным гласным: [Λ^е], [ɤ^е].

В синхронном состоянии говора в речи различных дикторов наблюдаются элементы всех перечисленных отношений, однако не все из них являются одинаково распространенными. В зависимости от возрастных, социальных и в некоторой степени от индивидуальных особенностей говорящего в речи его преобладают элементы одной из ступеней развития говора, причем можно говорить лишь о преобладании элементов каких-либо из перечисленных отношений в произношении того или другого диктора, поскольку ни одна из ступеней развития говора не проявляется в чистом виде.

Для лиц старшего поколения жителей д. Фаддеиха, как правило, никуда не выезжавших из деревни, не связанных с городом, наиболее характерно произношение *дрова́ — трава́*, однако спорадически встречаются элементы других отношений: например, *дрѣва́ — трава́*, *дрова́ — трѣ́ва́* и даже *драва́ — трава́*.

Для представителей среднего поколения жителей деревни также характерно преобладание произношения *дрова́ — трава́*; однако произношение типа *дрѣва́ — трава́*, *дрова́ — трѣ́ва́* и *драва́ — трава́* в их речи можно услышать гораздо чаще, чем в речи лиц старшего поколения.

В речи представителей молодого поколения, наряду с довольно распространенным произношением *дрова́ — трава́*, преобладающими являются отношения типа *дрѣва́ — трѣ́ва́* и *дрѣва́ — трѣ́ва́*. Элементы других рассмотренных выше отношений в речи молодежи встречаются гораздо реже.

Немаловажное влияние на произношение, как известно, оказывает контекст или ситуация, в которой происходит разговор. Возможно, что произношение типа *драва́ — трава́* появлялось у наших дикторов только в беседах с нами, и объяснить его можно стремлением перестроиться на акающую систему.

Из анализа рассмотренного выше материала вытекает, что наиболее распространенным в говоре является произношение типа *дрова́ — трава́*, поскольку оно преобладает в речи старшего и среднего поколения, а в речи молодежи существует как стилистическая разновидность.

Произношение типа *дрѣва́ — трава́*, *дрлѣ́ва́ — трлѣ́ва́*, характеризующее речь молодежи (вернее, один из стилей речи), также весьма распространено в говоре. Принцип оканья, точнее различения в 1-м предударном слоге фонем /о/ и /а/, здесь сохраняется.

Произношение типа *дрлѣ́ва́ — трлѣ́ва́* также свойственно, в основном, речи молодежи, однако оно встречается реже, чем рассмотренные выше типы. При таком произношении наблюдается неразличение фонем /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге, совпадение их в одном варианте, принцип оканья здесь нарушается.

Элементы отношений *дрѣва́ — трава́*, *дрова́ — трѣ́ва́*, спорадически выступающие в речи представителей старшего и среднего

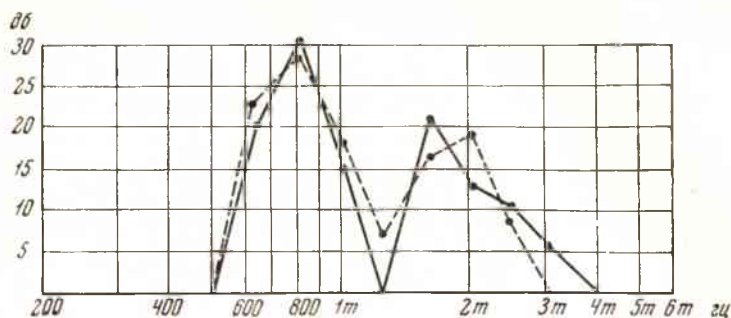

Рис. 7. Спектральные огибающие гласного [а] в русском литературном произношении в словах [ка́та] (сплошная линия) и [папа́ха] (штриховая линия), дикт. XVI

поколения, хотя и являются наименее распространенными в говоре, тем не менее весьма показательны, они свидетельствуют о том, что произношение в 1-м предударном слоге в соответствии с фонемами /о/ и /а/ гласных, отличающихся от [о] и [а] (например, [ѣ^а], [ѣ^и], [ѣ^е] и т. д.), потенциально возможно на артикуляционной базе говора и что нет резкой границы между произношением старшего и младшего поколений.

Таким образом, преобладающей системой для предударного вокализма говора является оканье. Наряду с этим в говоре складывается система, характеризующаяся утратой противопоставления фонем /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге, т. е. акающая система. В фонологическом отношении она подобна системе предударного вокализма русского литературного языка, но в фонетическом плане они различаются. В то время как в говоре фонемы /о/ и /а/, совпадая в одном варианте, реализуются в гласном, качественно отличном от гласных [о] и [а] (см. рис. 5), в русском литературном языке в соответствии с обеими фонемами произносится гласный типа *а*. Спектрограммы этого гласного см. на рис. 7.

Приведенные спектральные огибающие наглядно демонстрируют двухформантную структуру спектра с максимальными усилениями составляющих в области 800 *гц* и 1600—2000 *гц*, что, как указывалось выше, свойственно спектральному составу гласного [а].

Таким образом, складывающаяся акающая система говора отличается от системы литературного языка в фонетическом аспекте.

Новые фонологические отношения между фонемами /о/ и /а/ еще мало распространены в говоре и характеризуют речь лишь

нескольких дикторов, поэтому трудно строить предположения относительно устойчивости этой системы и развития вокализма говора в будущем. Тем не менее, вполне возможно, что эти отношения со временем станут преобладающими, поскольку они аналогичны фонологическим отношениям литературного языка ¹⁹.

¹⁹ Установление подобных отношений между фонемами /o/ и /a/, т. е. их неразличение и совпадение в одном звучании, отличном от [a], весьма характерно для ряда русских говоров, архаической системе которых было свойственно оканье.

С. К. Пожарицкая

**ИЗОГЛОССЫ ТИПОВ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА
ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ**

Диалектное членение языка, как правило, имеет многоступенчатый характер. Это означает, что существует определенная иерархия диалектов, суть которой заключается в том, что внутри некоторых основных диалектов, выделяемых пучками изоглосс или противопоставленных по ряду черт, различительных в масштабах данного основного диалекта или наречия, обычно могут быть выделены более мелкие диалекты или поддиалекты (определенной установившейся терминологии здесь нет), противопоставленные внутри основного, более крупного диалекта по другим чертам, различительным в масштабах данного поддиалекта или поднаречия. Эти более мелкие диалекты или поддиалекты образуют иную ступень членения по сравнению с основными или более крупными диалектами¹. Понятие более крупного или более мелкого диалекта употребляется только в плане характеристики разных ступеней диалектного членения; в территориальном аспекте оно относительно, поскольку на одной ступени членения могут быть и диалект, занимающий очень маленькую территорию, и диалект, занимающий пространство, во много раз большее, отдельные поддиалекты которого могут занимать территорию большую, чем территориально «малый» диалект высшей ступени членения, противопоставленный данному диалекту в целом.

Помимо группировки говоров, выделения диалектов на основании ряда различительных особенностей или пучков изоглосс, существует противопоставление отдельных территориальных массивов по одной какой-нибудь черте или по одной изоглоссе,

¹ Подробнее об этом см.: Р. И. А в а н е с о в. О двух аспектах предмета диалектологии. — Сб. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования». М., 1965.

которое может не совпадать с принятой группировкой говоров, объединяя разные диалекты или части разных диалектов.

Применительно к говорам русского языка существует деление на два основных диалекта (северный и южный) и попытки установить диалектное членение внутри них, т. е. постановка вопроса о группировке севернорусских и южнорусских говоров.

В течение нескольких десятилетий единственной и общепринятой была группировка говоров, предложенная Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым в 1915 г.² Деление говоров на северное и южное наречие основывалось на признаке различения или неразличения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге (оканье и аканье). Выделение диалектов внутри севернорусского наречия авторы «Опыта» основывали на судьбе этимологического ё в разных позициях. Кроме того, учитывался еще целый ряд явлений как фонетики, так и морфологии, картографирование которых могло бы дать пучки изоглосс. Дальнейшая детализация и уточнение группировки говоров русского языка даны в книге «Русская диалектология» под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой в разделе, посвященном диалектному членению русского языка³.

В настоящей работе имеется следующее расхождение с «Русской диалектологией»: следуя традиции Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, мы относим к севернорусскому наречию все окающие говоры русского языка, включая и те, которые авторы «Русской диалектологии» называли «среднерусскими окающими». В самом деле, занимаясь только вопросами предударного вокализма, нет оснований делить окающие говоры на севернорусские и среднерусские.

Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных, устанавливаемые с учетом диахронического соотношения системы предударного вокализма современных говоров с общерусскими гласными *и, ё, е, а, у* в генетически тождественных морфемах или в синхронически-структурном плане как соотношение системы вокализма 1-го предударного слога с вокализмом ударного⁴, в лингво-географическом аспекте могут быть представлены в виде изоглосс гласных на месте этимологических (общерусских) *ё, е, а* (*и* и *у* не дают различий по говорам) в позициях перед твердыми и перед мягкими согласными. Следует предполагать, что эти пучки изоглосс могут быть использованы для создания группировки говоров.

² «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии». — «Труды МДК», вып. V, 1915.

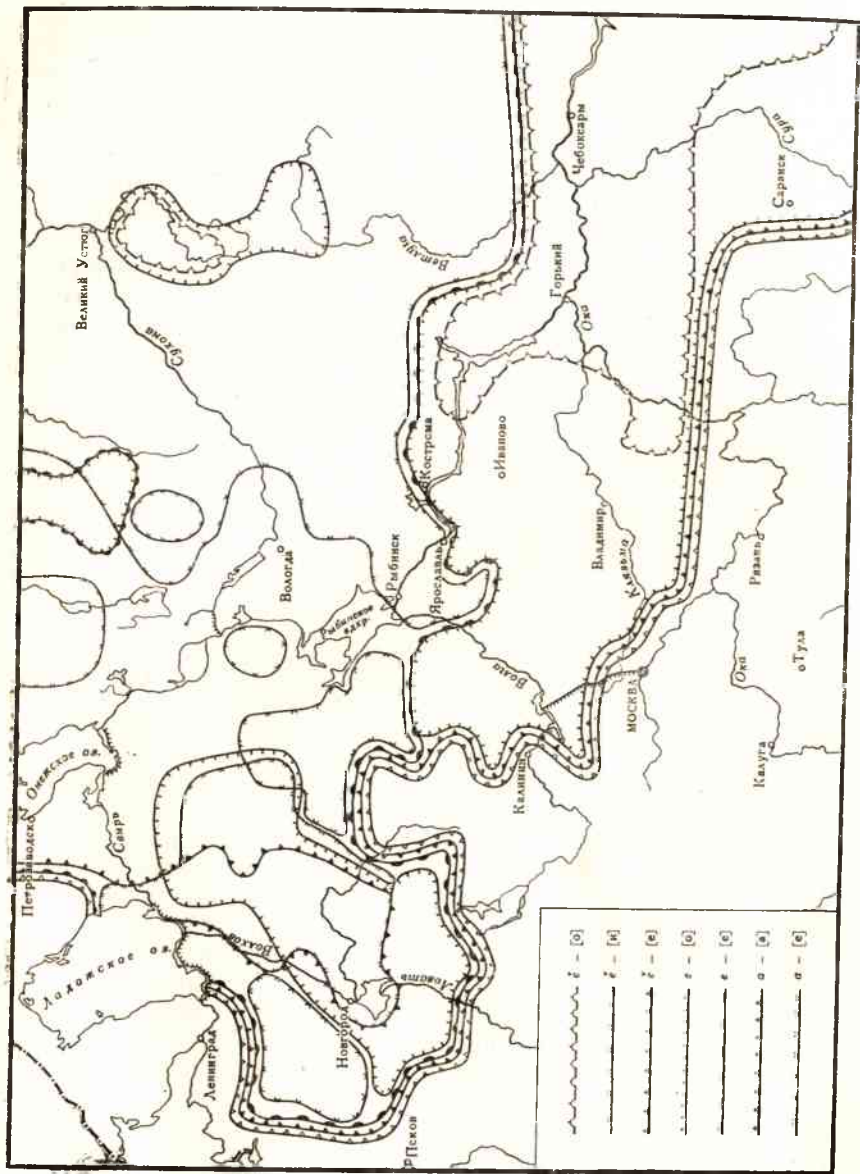
³ «Русская диалектология». М., 1964, стр. 227—296.

⁴ Подробнее о типах вокализма см.: С. К. Пожарская. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961.

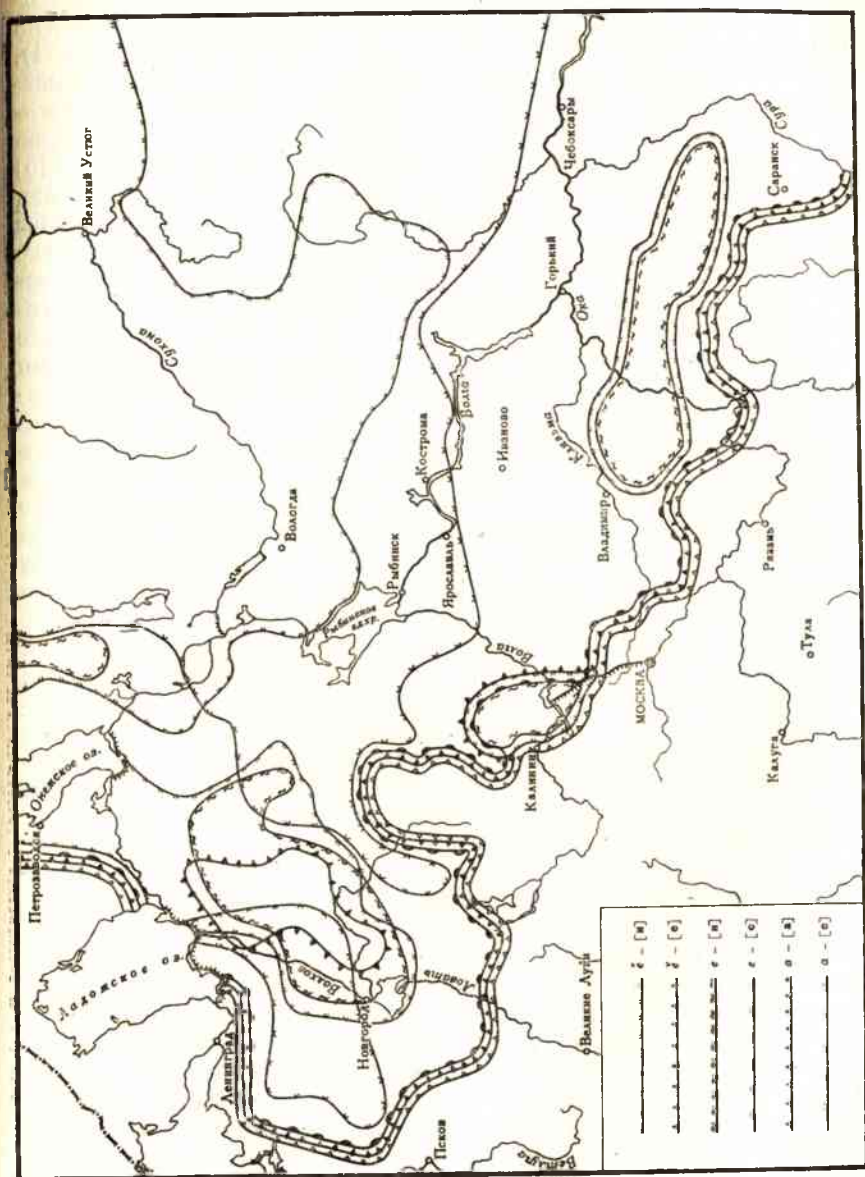
Построению карты изоглосс предшествовало картографирование тех же явлений в отдельных населенных пунктах территории, охватываемой исследованиями, обследованной для атласов. При этом, поскольку конечной целью картографирования было установление типов предударного вокализма, то, в соответствии с принципами установления типов, для каждого населенного пункта на карте ставился только один знак на основании того рефлекса общерусского гласного, который преобладал в примерах, приведенных в материалах, — ответах на вопросы «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1947). Другие примеры произношения того же этимологического гласного не картографировались. Поэтому в дальнейшем, говоря о пунктах с [o] на месте *ё* или о пунктах с [e] на месте *а* и т. п., мы подразумеваем в принципе пункты с преобладанием [o] или с преобладанием [e] в соответствующей позиции, игнорируя менее многочисленные примеры других гласных в той же позиции. Полученные в результате такого картографирования изоглоссы явлений следующим образом делят севернорусскую территорию — см. карту 1: «Гласные на месте этимологических (общерусских) *ё*, *е*, *а* в 1-м предударном слоге после мягких согласных перед твердыми», (стр. 102); карту 2: «Гласные на месте этимологических (общерусских) *ё*, *е*, *а* в 1-м предударном слоге после мягких согласных перед мягкими», (стр. 103).

Расположение изоглосс на картах таково, что иногда очерчиваемые ими ареалы четко разграничиваются, а иногда — частично совмещаются. Первое имеет место тогда, когда две изоглоссы совпадают, т. е. имеется одна «двусторонняя» изоглосса, по одну сторону которой лежит один ареал, а по другую — другой. Таково, например, расположение изоглосс *ё* — [и] и *ё* — [e] перед твердыми согласными на западе и на юго-западе севернорусской территории (карта 1). Но чаще имеет место другое: а именно тот случай, когда две изоглоссы одного и того же этимологического гласного расходятся; при этом изоглосса одного явления проходит по территории другого, и, таким образом, один ареал (или часть ареала) находится внутри другого. Например, изоглосса *ё* — [o] находится в пределах территории, очерченной изоглоссой *ё* — [e] (перед твердыми согласными, карта 1), и тем самым ареалы *ё* — [o] как бы накладываются на ареал *ё* — [e]. Это означает, что на территориях, где показано *ё* — [o], пункты с [o] перемежаются с пунктами, в которых было картографировано [e], т. е. [o] на месте *ё* нигде не имеет сплошного, исключительного распространения.

Избранный метод картографирования, который по существу является количественным методом, поскольку на предварительной карте пунктов картографический знак ставился на основании количественного преобладания определенного гласного

Карта 1. Гласные на месте $\tilde{a}$, e , a перед твердыми согласными в 1-м предударном слоге

Карта 2. Гласные на месте $\dot{e}$, $\dot{e}$, $\dot{a}$ перед мягкими согласными в 1-м предупредном слоге

в записанных примерах, обусловил некоторые особенности составленных карт изоглосс.

Границы некоторых явлений на карте носят чисто количественный характер. Например, имеются две изоглоссы гласных на месте *e* перед твердыми согласными: *e* — [o] и *e* — [e] (карта 1). Расположение их таково, что ареалы *e* — [o] и *e* — [e] четко разграничиваются приблизительно по течению Волги: севернее — [e], южнее — [o]. Но, кроме того, в пределах большого массива распространения [e] имеются менее значительный ареал *e* — [o] на северо-западе и маленький островок говоров на северо-востоке.

При ином принципе картографирования — например, если бы картографировалось [o] на месте *e* с целью установить пределы его распространения, — результат получился бы иным: обозначения [o] покрыли бы всю картографируемую территорию; на юго-востоке — сплошь, а на северо-западе и северо-востоке — вместе с обозначениями [e]. Таким образом, оказалось бы, что границ распространения [o] в данной позиции в пределах северной территории фактически не существует, поскольку говоры, где отмечено только [e], не составляют определенного компактного массива.

В связи с этим изоглосса [o] на месте *e* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными может быть построена только при таком способе картографирования материала, который имеет целью установление типов предударного вокализма и основан на некоторой количественной характеристике явления.

Подчеркивая некоторые явления, показывая их более рельефно, такая методика, естественно, скрадывает некоторые детали, опускает факты, которые могут оказаться отнюдь не безразличными для других аспектов исследования. Так, например, произношение [e] на месте *a* дает изоглоссы, очерчивающие значительный северо-восточный ареал [e], небольшой участок территории к западу от Рыбинского водохранилища и говоры, граничащие с псковскими акающими. При этом, как показывают карты 1 и 2, [e] на месте *a* в пределах севернорусского наречия не обладает территорией сплошного распространения, на которой отсутствовало бы [a] в той же позиции, поскольку ареал, очерченный изоглоссой *a* — [e], находится в пределах территории *a* — [a]. На предварительных этапах картографирования основанием для обозначения в одном пункте [a], а в другом — [e] могло служить и такое соотношение примеров: в одном случае — 10 [a] и 9 [e], в другом — 10 [e] и 9 [a]. Можно думать, однако, что такая пестрота картины распределения [a] и [e] на территории северо-восточных говоров является скорее всего не прямым, а косвенным отображением истинного положения вещей, заключающегося в артикуляционно-акустическом своеобразии данной фонемы (или фонемы в данной позиции) в северо-восточных говорах, которое прямо и непосредственно не отражается при методах записи

диалектного материала, применяемых в настоящее время в работе над атласами.

Непосредственные наблюдения над говорами показывают, что на северо-востоке фонема /а/, сохраняющая свою противопоставленность фонеме /е/ в данной позиции, реализуется в звуке более высокого и более переднего образования по сравнению с тем, в котором реализуется фонема /а/, например во владимирско-воложских говорах, приближаясь к образованию и звучанию [е]. Записывая материал говоров по восприятию на слух, наблюдатели часто игнорируют оттенки и пытаются отождествить этот звук либо с [а], либо с [е]. А поскольку он является фонетически средним между тем и другим для носителя литературного произношения, то в его передаче появляются колебания между *а* и *е*. Иногда встречаются попытки более точного обозначения — *ä*, *а^е*, *е^а*.

Окончательную ясность в этом вопросе могут дать только экспериментальные данные. Такие данные содержатся в описании говора д. Фаддеиха Межевского р-на Костромской обл. Р. Ф. Пауфошимой⁵; они полностью подтверждают предположения, которые делались ранее на базе материалов атласов, и дополняют их новыми сведениями. По данным Р. Ф. Пауфошимой, в архаическом слое говора противопоставлены фонемы /*е*/—/*е*/—/*о*/ и /*а*/, которым соответствуют гласные [е]—[*е*] и [*ä*] (знаком *е* Р. Ф. Пауфошима транскрибирует гласный несколько пониженного подъема по сравнению с [е]; знаком *е* — гласный, несколько повышенный по подъему по сравнению с [е]; знаком *ä* — гласный, сильно продвинутый вперед, — см. указ. соч., стр. 16). В новой, формирующейся системе вокализма говора появляется неразличение фонем /*е*/—/*е*/—/*о*/ и /*а*/, совпадение их в [е] (стр. 114). Можно думать, что говор, изученный Р. Ф. Пауфошимой, фонетически типичен для северо-восточной территории севернорусского наречия. В таком случае примеры с *а* в материалах атласов, относящихся к говорам этой территории, по-видимому, правильнее было бы транскрибировать со знаком *ä*.

Мы не располагаем экспериментальными данными относительно говоров северо-запада и юго-востока, сопоставимыми с данными Р. Ф. Пауфошимой, но можно предполагать, что массовые материалы такого рода позволили бы провести не только изоглоссу [е] на месте *а*, но и изоглоссы разного качества того гласного, который в материалах атласов недифференцированно обозначается буквой *а*; например, изоглоссу [*ä*] в отличие от [а].

Каждая из приведенных в работе карт в отдельности дает возможность вывести типы предударного вокализма после мягких согласных для любой части территории севернорусского наречия применительно либо к позиции перед твердыми согласными

⁵ Р. Ф. Пауфошима. Экспериментально-фонетическое исследование одного северновеликорусского говора. Канд. дисс. М., 1965.

(карта 1), либо к позиции перед мягкими согласными (карта 2). Объединение данных той и другой карты, результатов которого мы не могли показать здесь ввиду того, что малые размеры публикуемых карт не позволяют дать им большую специальную нагрузку, дает возможность вывести типы предударного вокализма после мягких согласных с учетом позиций и перед твердыми, и перед мягкими согласными для разных частей севернорусской территории.

Тип предударного вокализма устанавливается по совокупности изоглосс *ё*, *е* и *а*, очерчивающих данную территорию.

Составленные карты изоглосс свидетельствуют о следующем:

1) каждый тип предударного вокализма обладает своей территориальной характеристикой;

2) в пределах определенной территории тот или иной тип вокализма обычно не бывает единственным. Он может сосуществовать с другими типами, как правило, структурно близкими данному типу.

Сосуществование разных типов вокализма на одной территории, которое на наших картах показано совмещением изоглосс явлений, несовместимых в пределах одной системы — одного типа предударного вокализма (например, [e] и [a] на месте *а*), и которое при картографировании предударных гласных в отдельных пунктах проявляется в виде пестроты картографических знаков на определенной территории, реально бытует также в виде сосуществования элементов разных типов в одном и том же говоре, который может быть понят и как речь одного лица, носителя диалекта.

Карта изоглосс, составленная на базе предварительного картографирования явления в отдельных пунктах, не дает возможности произвести обратную операцию, т. е. однозначно определить тип предударного вокализма для каждого пункта. Предельной точностью установления типа для отдельного населенного пункта, исходя из карты изоглосс, является определение двух или трех возможных типов.

Итак, говоря о территории распространения того или иного типа вокализма, мы обычно имеем в виду не ареал сплошного и исключительного его распространения, противопоставленный территории, на которой данный тип вообще не встречается, а пространство, на котором он существует в каком-то количестве населенных пунктов наряду с некоторыми другими типами вокализма в отличие от территории, на которой он не обнаружен вообще. Например, тип вокализма, который можно изобразить следующей схемой:

перед твердыми:	и	о	а	у
этимологическое:	и	е	а	у
перед мягкими:	и	е	а	у

можно считать характерным для северо-западных говоров на том основании, что он встречается только на северо-западе, хотя и в пределах этого ареала он сосуществует с некоторыми другими типами, не превалируя над ними.

Примером другого рода является тип вокализма, характерный для юго-восточной части территории северных говоров:

перед твердыми:	и	е	о	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а	у
		/ \			
перед мягкими:	и	е	а	у	

Южнее Волги этот тип имеет сплошное распространение на значительном пространстве; севернее Волги он также встречается, но лишь спорадически. Таким образом, характер его распространения существенно меняется в зависимости от территории.

Пучки изоглосс гласных на месте *ё*, *е*, *а* делят территорию севернорусских говоров (в пределах обследования для атласов русских народных говоров, т. е. к югу от 62° с. ш.) на три части: северо-западную, северо-восточную и южную или юго-восточную, основные изоглоссы которой, образующие ее северную границу, проходят вдоль течения Волги, иногда немного севернее.

Деление территории говоров изоглоссами типов предударного вокализма само по себе не отвечает понятию группировки говоров, которая должна основываться на пучках из большего числа изоглосс, и притом изоглосс явлений, относящихся к разным сторонам языка. Однако если сопоставить расположение пучков изоглосс, по которым мы устанавливаем типы предударного вокализма, с имеющимися опытами группировки говоров русского языка, то окажется, что членение территории по типам предударного вокализма согласуется с выделением трех групп севернорусских говоров Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым: Западной или Новгородской, Вологодско-Вятской и Владимирско-Поволжской, а также с границами некоторых групп говоров по «Диалектологической карте русского языка», приложенной к «Русской диалектологии»: Ладого-Тихвинской, Вологодской и Костромской, взятых вместе, и Владимирско-Поволжской. Поэтому в дальнейшем, говоря о трех частях территории севернорусского наречия, выделяемых пучками изоглосс предударных гласных на месте *ё*, *е*, *а*, мы будем иногда пользоваться термином «группа говоров», употребляя его в ограниченном смысле, как «группа говоров, выделяемая по типам предударного вокализма после мягких согласных».

Распределение изоглосс на наших картах показывает, что не все особенности предударного вокализма, из которых складывается тип, являются различительными для той территории говоров, на которой распространен этот тип. Существуют: а) особен-

ности, характерные только для той территории говоров, на которой распространен данный тип, выделяющие эту территорию и противопоставляющие ее остальной части говоров — особенности, различительные в масштабах данной территориальной группы; б) особенности, свойственные одновременно двум группам, объединяющие их и противопоставляющие другой группе или другим группам — различительные в масштабах более крупного диалектного членения или в плане противопоставления территориальных массивов по одному признаку; в) элементы системы, являющиеся конститутивными, но не различительные, не противопоставляющие отдельных групп говоров.

Итак, три части территории северных говоров или три диалектные группы (в указанном выше смысле) характеризуются следующими типами вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных:

1. Северо-Западная группа.

Для говоров этой группы характерны типы предударного вокализма, объединяющиеся наличием [и] из *ѣ* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, и [а] из *а* также перед твердыми и перед мягкими согласными. На месте *е* в разных типах вокализма могут быть либо [о], либо [е], либо [и]:

перед твердыми: I.	и о а у и ѣ е а у и е а у	II.	и о а у и ѣ е а у и а у
этимологическое:			
перед мягкими:			
перед твердыми: III.	и е а у и ѣ е а у и е а у	IV.	и а у и ѣ е а у и а у
этимологическое:			
перед мягкими:			

Характерной, выделяющей особенностью северо-западных говоров является [и] на месте *ѣ* перед твердыми согласными; [и] на месте *ѣ* перед мягкими свойственно не только северо-западным, но и северо-восточным говорам в отличие от говоров более южной, владимирско-поволжской группировки; [а] на месте *а* не является различительным признаком ни Северо-Западной, ни какой-либо другой группы говоров. Можно, однако, считать, что северо-западные говоры объединяются с юго-восточными, владимирско-поволжскими, по отрицательному признаку отсутствия [е] на месте *а* после мягких согласных.

Обобщая сказанное, можно суммарно изобразить типы вокализма, характерные для северо-западных говоров, в следующей схеме, отражающей особенности предударного вокализма говоров этой территории:

перед твердыми:	и	о/е/и	а	у
этимологическое:	и	е	а	у
перед мягкими:	и	е/и	а	у

2. Северо-Восточная группа.

Говорам этой группы свойственны типы предударного вокализма, объединяющиеся отсутствием [о] после мягких согласных. Для северо-восточной территории в целом характерны типы вокализма, включающие [е] на месте *ё* перед твердыми согласными и [и] — перед мягкими, а также [е] на месте *а* перед твердыми согласными и в особенности — перед мягкими:

перед твердыми: V.	и	е	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а
перед мягкими:	и	е	а	у

VI.	и	е	а	у
	и	ё	е	а
	и	е	а	у

перед твердыми: VII.	и	е	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а
перед мягкими:	и	е	а	у

перед твердыми: VIII.	и	е	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а
перед мягкими:	и	е	а	у

перед твердыми: IX.	и	е	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а
перед мягкими:	и	е	а	у

X.	и	е	а	у
	и	ё	е	а
	и	е	а	у

Наличие [е] на месте *ё* перед твердыми согласными отделяет эти говоры от северо-западных, объединяя их с владимирско-поволжскими, а [и] на месте *ё* перед мягкими согласными, напротив, объединяет северо-восточные говоры с северо-западными, отделяя говоры владимирско-поволжские.

Таким образом, если для Северо-Западной группы говоров различительным признаком является [и] на месте *ё* перед твердыми согласными, то Северо-Восточная группа характеризуется сочетанием двух признаков: [е] на месте *ё* перед твердыми и [и] — перед мягкими согласными.

Типы предударного вокализма, не включающие [o], встречаются не только в северо-восточных говорах, но и в северо-западных; но, во-первых, это в основном — разные типы, а, во-вторых, существенно то, что на северо-востоке не отмечено таких типов предударного вокализма с [o] из *e*, которые были бы специфичны именно для этой части территории в отличие от всей прочей. А именно, на северо-востоке спорадически встречаются типы I, II, XI, XII, но при этом карта с полной очевидностью показывает, что основная территория распространения типов I и II лежит на северо-западе, а типов XI и XII — на юго-востоке. Других же типов предударного вокализма с [o] из *e* в северо-восточных говорах не отмечено.

Характеристическим признаком предударного вокализма этой диалектной группы можно считать [e] на месте *a*, хотя отсутствие [e], «не-[e]» (т. е. фактически [a]) не является признаком, отрицающим северо-восточную локализацию говора.

Сочетание характерных признаков предударного вокализма этой группы говоров можно представить следующей обобщающей схемой:

перед твердыми:	и	е	а/е	у	
этимологическое:	и	ё	е	а	у
перед мягкими:	и	е/и	е	а/е	у

3. Юго-Восточная группа.

Говорам этой территории свойственны типы предударного вокализма, характеризующиеся так называемым «ёканьем» ([o] из *e*), неразличением *e* и *ё* перед мягкими согласными и наличием [a] на месте *a* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными:

перед твердыми:	XI.	и	е	о	а	у	XII.	и	о	а	у	
этимологическое:		и	ё	е	а	у		и	ё	е	а	у
перед мягкими:		и	е		а	у		и	е		а	у

перед твердыми:	XIII.	и	е	о	а	у	XIV.	и	о	а	у	
этимологическое:		и	ё	е	а	у		и	ё	е	а	у
перед мягкими:			и		а	у		и	а		у	

Эта территория выделяется только пучками, совокупностью нескольких изоглосс; ни одна из изоглосс отдельных элементов фонетической системы, типа предударного вокализма, не выделяет этой территории из всей остальной. Только изоглосса *e* — [o] перед твердыми (карта 1) замыкает данную территорию, очерчивая

ее границы; но изоглосса *e* — [o] входит также и в пучок изоглосс, выделяющий северо-западный ареал говоров, в связи с чем нельзя считать [o] на месте *e* характеристическим признаком Юго-Восточной группы говоров.

Исключительно юго-восточной территории (если не считать маленького островка говоров на северо-востоке) принадлежит изоглосса *ě* — [o]; но она очерчивает лишь часть, восточную половину юго-восточного ареала, выделяемого пучками изоглосс гласных на месте *e* и *a* перед твердыми и перед мягкими согласными.

Юго-Восточная группа говоров характеризуется отрицательным признаком — отсутствием гласного [и] на месте *ě* перед мягкими согласными, присущего говорам северо-запада и ряду типов вокализма северо-восточных говоров; но конфигурация изоглоссы *ě* — [и] перед мягкими согласными не совпадает с пучком изоглосс, выделяющим данную группу говоров (см. карту 2).

Типы вокализма, свойственные Юго-Восточной или Владимирско-Поволжской группе говоров в целом (не учитывая типов XIII и XIV, образующих небольшие островки на периферии данной территории), можно представить в следующей общей схеме:

перед твердыми:	и	o/e	o	a	y
этимологическое:	и	ě	e	a	y
		↙	↘		
перед мягкими:	и	e		a	y

Сопоставим полученные нами данные о группировке северных говоров по типам предударного вокализма после мягких согласных с положениями, содержащимися в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова.

В «Опыте» дается деление северных говоров на пять территориальных групп в зависимости от различий в судьбе *ě*. Указывая особенности каждой группы, авторы в первую очередь приводят явления вокализма, и поэтому их классификация сопоставима с нашими выводами, хотя у них и отсутствует понятие типа вокализма, и они приводят не всю систему вокализма в целом, с соотношением ударного и предударного слогов, перед твердыми и перед мягкими согласными, а только отдельные звенья этой системы. В «Опыте» называются следующие группы севернорусских говоров: Поморская или Архангельская, Олонецкая, Западная или Новгородская, Восточная или Вологодско-Вятская и Владимирско-Поволжская.

Мы не имеем достаточно полных данных, касающихся выделения Поморской группы говоров, поскольку эта территория не обследовалась систематически для атласов; Олонецкая группа представлена нашими материалами только в небольшой южной

своей части. При этом картографирование гласных на месте *ѣ, е, а* в предударном слоге перед твердыми и перед мягкими согласными, а также вспомогательные по отношению к данной работе карты гласных на месте *ѣ* и *а* под ударением перед твердыми и перед мягкими согласными ⁶, которых мы здесь не приводим, ставят под сомнение выделение говоров этой территории в особую группу, по крайней мере, по особенностям их вокализма, которые для авторов «Опыта» служили важной характеристической чертой.

Карты показывают, что фонемный состав этих говоров в целом однороден с фонемным составом говоров северо-восточной территории, относящихся к Вологодско-Вятской группе, а именно: в подавляющем большинстве пунктов сохраняется [ѣ] или [iѣ] на месте *ѣ* перед твердыми согласными под ударением, а также отмечены отдельные примеры произношения [и] в этой позиции.

По особенностям ударного вокализма между мягкими согласными эти говоры сближаются с говорами Западной (Новгородской) группы, поскольку для них характерно [и] на месте *ѣ* перед мягкими согласными, но почти не встречается [е] на месте *а*, характерное в этой позиции для северо-восточных говоров.

В предударном слоге перед твердыми согласными не встретилось каких-либо особых типов вокализма, характерных именно для данной территории в отличие от всей прочей. В подавляющем большинстве населенных пунктов отмечен тип [и]—[е]—[е]—[а]—[у] ⁷, распространенный в основном на северо-востоке, но встречающийся также и на северо-западе (этот тип вообще «нейтрален», поскольку он не отражает специфических особенностей какой-либо территориальной группы; возможно, что он возник в результате преобразований других типов).

В отдельных пунктах отмечены еще типы:

[и]—[е]—[о]—[а]—[у], [и]—[и]—[о]—[а]—[у], [и]—[и]—[и]—[а]—[у], [и]—[е]—[е]—[е]—[у].

В вокализме предударного слога между мягкими согласными также не встретилось каких-либо особых, специфических типов. Преобладает [и]—[е]—[е]—[а]—[у], отмечены и некоторые другие типы из числа тех, которые характерны в основном для северо-запада: [и]—[и]—[е]—[а]—[у], [и]—[е]—[е]—[е]—[у], [и]—[и]—[и]—[а]—[у].

Наши материалы подтверждают сведения о судьбе *ѣ* и *а* в говорах, которые авторы «Опыта» называют олонецкими, и в тех, которые названы восточными или вологодско-вятскими, но не подтверждают положения о том, что те и другие будто бы разли-

⁶ С. К. Пожарицкая. Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс. М., 1963, карты 1 и 2.

⁷ Таким способом мы обозначаем произношение в 1-м предударном слоге гласных на месте этимологических (общерусских) *и, ѣ, е, а, у* всегда именно в такой последовательности.

чаются наличием или отсутствием [o] на месте *e* без ударения. По нашим данным, [o] в этой позиции одинаково не свойственно ни тем, ни другим говорам. Возможно, что это расхождение связано с хронологической разницей материалов «Опыта» и диалектологических атласов русских народных говоров.

Таким образом, олонецкие говоры в пределах территории, охваченной материалами атласов, оказываются как бы промежуточными между Западной и Восточной группами, сближаясь с первой некоторыми особенностями вокализма перед мягкими согласными и со второй — особенностями вокализма перед твердыми. Своеобразие их заключается в том, что они совмещают систему вокализма перед мягкими согласными, содержащую характерные черты северо-западных говоров, с такой системой вокализма перед твердыми, которая характерна в основном для северо-восточных говоров. Это вполне отчетливо проявляется, например, в типе вокализма, отмеченном в нескольких пунктах Вологодской, Ленинградской обл. и Карельской АССР:

перед твердыми:	и	е	а	у	
этимологическое:	и	ё	е	а	у
перед мягкими:	и	е	а	у	

Этот тип вокализма встречается, по-видимому, севернее, в говоре д. Пильмасозеро Пудожского р-на Карельской АССР, судя по морфологическому описанию этого говора, сделанному П. С. Кузнецовым⁸. Однако он значительно шире распространен южнее территории Олонецкой группы говоров в Ленинградской обл. и в районе Белого озера, на стыке Северо-Западной и Северо-Восточной групп говоров, и в этом смысле удачно определение говоров этой территории, тянувшейся узкой полосой на юг до Рыбинского водохранилища, как Межзональной группы, которое дано в «Русской диалектологии».

В говорах Пудожского р-на Карельской АССР (по материалам атласа и описанию Р. И. Аванесова⁹) существует такой тип вокализма:

перед твердыми:	и	е	о	а	у
этимологическое:	и	ё	е	а	у
перед мягкими:	и	е	а	у	

⁸ П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М., 1949.

⁹ Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М., 1949.

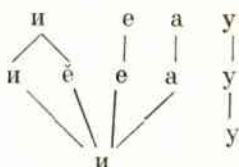
В связи с этим специфику говоров так называемой Олонецкой группы, по крайней мере на том материале, которым мы располагали в данном случае, по-видимому, следует понимать как специфику переходности промежуточного характера говоров, находящихся на стыке Северо-Западной и Северо-Восточной групп.

Материал описания говора из бывшего Пудожского уезда В. И. Мансикки ¹⁰ (севернее пунктов, обследованных для атласов) свидетельствует о системе вокализма, развившей иканье перед мягкими согласными при сохранении оканья перед твердыми:

перед твердыми:

этимологическое:

перед мягкими:

при наличии [e^а] перед твердыми согласными и [и] перед мягкими под ударением на месте ё, [е] на месте а между мягкими.

Этот же тип вокализма установлен нами в говоре д. Водла Пудожского р-на Карельской АССР на следующем материале:

перед твердыми

п'окáрни, кл'овáла, кол'осá, в'оснá, д'оржáл, прогор'овáла, д'оржáл, с'острá, с'омнáццáт', Ст'опáна, дост'огáла, с'острá, в'оснá, п'окáрни, пр'ин'ослó, йогó, пр'ин'ослó, т'онлó, в'оснóй, у йогó, с'огóдн'и, дал'окó, н'едал'окó, с с'острóй, пол'овóда, св'окрóва, св'окрóва, в'оснóху, в'орнóлс'и, с'острóу, доп'окóу, п'окóу, загр'обóт, м'етс'острóу, соб'орóуц'и, ув'одóу, пр'ив'озóт, д'оржýс', с'острýи, у с'острýи, пр'ив'еóзлá, розв'еóлá, нап'еóслá, ст'еóклó, т'еóплó, н'едал'еóкó, в'еóрнóлс'и, пот'еклá, св'еслá, пр'ив'езлá, в оз'еркáх, н'е мнóго, наб'еóрýт, зав'едóу д'е"ржáт', под'мíлá, см'икáйт'и, н'н знáйу,

перед мягкими

св'ист'и́, покр'ист'и́, н'прозб'и-р'и́ха, л'ин'и́, зан'ис'и́, пот'ир'ел'ис'и́, б'ис'óду, пот'ир'ел'ис'и́, б'ир'ин'и́, с'им'и́й, с'им'и́йой, с'им'ейсвос'им'ейны, с'им'и́я, фи'пр'ид'и́, в'и-с'т'и́, подн'ис'и́, ув'ил'и́, от-н'ис'и́, ун'ис'т'и́, в'ис'т'и́, с'и-м'и́, упл'ил'и́с'и, т'ис'н'им-с'и, т'иб'е́, н'ид'ел'ка, в'из'-д'е́, ум'ир'е́т', зап'ир'е́т', н'и-в'е́сты, пр'ив'из'от, в'ис'óла, нагр'иб'óш, с'ир'едн'и, фи'и-р'óт, пов'ид'ен'и́о, п'ир'и-в'ид'óн, п'ик'ó, д'пр'ив'ен-ск'и, с'им'сóт, м'ин'шóй, ув'и-з'ó, б'пр'ец'ц'и, д'ир'евн'а, т'ик'óт, н'ид'д'ис'áт, р'иб'á-та, т'ил'áт, пар'ин'ká, т'и-л'эг'и, т'ен'ер', т'ен'ер', д'и-л'ý, см'ин'и́л'и, на р'ик'и́,

¹⁰ В. И. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», т. 19, кн. 4, 1914.

т'илу́ шч'ка, б'ирут, над'ива́-
лас'а, ср'иза́т', л'исна́йа, из-
гн'изда́, н'ида́ла, на м'ис-
та́х, по р'ика́м, посп'ива́т',
б'ида́, дв'ина́ццат', п'ир'ис'и-
ка́йет, вл'иза́й, за р'икой́,
н'и с'иро́, н'и б'ило́, в л'ис-
хо́з'и, п'исо́к, п'исо́ц'ик, п'и-
со́к, б'иго́м, м'илко́й, в л'и-
су́, в л'ису́, на в'ику́, п'иску́,
ст'ину́, п'иту́х, п'атна́ццато́,
вз'ала́, пл'аса́ла, на д'ив'а-
тна́ццатом, гра́да, п'ат'со́т,
радо́м, т'ану́с, дот'ану́ла, к'и-
п'атку́, зат'ану́ло, д'ив'и-
но́сто

гр'их'й, вр'ид'йл, м'ис'т'е́ч'-
ко, д'ит'е́й, д'ит'е́й, од'ди́-
л'е́н'йе, зв'ир'йа́, д'ит'а́мы,
см'ийа́лас'и, поис'н'йца, по-
гл'ид'й, погл'ид'й́т, ср'ид'й́-
лсы, поив'йлас'и, р'ид'й́ц'и́,
распор'ид'й́ц'и́, погл'ид'й́ш,
по п'ит'о́рк'е, п'ит'о́рку,
фск'ип'и́ц'у, св'аз'й́стом, р'и
б'ат'йшк'и

Этот тип вокализма не вполне соответствует фонетической характеристике олонекских говоров, данной в «Опыте», а о территории его распространения мы не имеем достаточных сведений.

Существование остальных трех групп севернорусских говоров, выделенных Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, полностью подтверждается нашими материалами, и границы их в основном совпадают: в характеристике говоров Западной или Новгородской группы нет никаких расхождений; в отношении Вологодско-Вятской или Восточной группы не подтвердились только сведения о преобладании [o] на месте *e* в предударном слоге перед твердыми согласными.

В характеристике вокализма Владимирско-Поволжской группы говоров имеется расхождение в определении судьбы *a* между мягкими согласными. По данным «Опыта», [a] между мягкими сохраняется не всегда; в части говоров вместо него наблюдается [e]. В наших же материалах примеров с [e] на месте *a* между мягкими согласными в говорах этой территории почти не встретилось. Карта 22 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» («Гласный на месте «а» под ударением между мягкими согласными») показывает также, что [e] на месте *a* в этой позиции встречается более или менее регулярно только в акающих говорах вблизи Рязани. При оканье же отмечаются только единичные примеры в отдельных населенных пунктах.

Наши выводы относительно деления территории северных говоров пучками изоглосс типов предударного вокализма после мягких согласных сопоставимы с некоторыми выводами монографии В. Г. Орловой о цоканье¹¹, хотя круг исследованных

¹¹ В. Г. О р л о в а. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

вопросов совершенно различен. Деление территории на три части — северо-западную, северо-восточную и юго-восточную или владимирско-поволжскую, различающиеся по типам предударного вокализма, и приблизительные границы этих территориальных групп совпадают с членением территории севернорусских говоров по типам употребления аффрикат, намеченным картой 5 «Границы между группами говоров с различным употреблением аффрикат в сочетании с границами между диалектными группами русского языка (по «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе». М., 1915)» в работе В. Г. Орловой.

На этой карте выделяется северо-западная часть территории, характеризующаяся твердым цоканьем или различием твердых аффрикат; северо-восточная территория, которой свойственно мягкое цоканье, т. е., по мнению автора, наиболее древний вид совпадения аффрикат, и Юго-Восточная или Владимирско-Поволжская группа говоров («Центральная», по определению В. Г. Орловой, рассматривавшей аффрикаты на всей территории русских говоров, в том числе и южных), которой свойственно различение [ц] и [ч'].

Это подтверждает высказанное нами ранее предположение о том, что изоглоссы типов предударного вокализма и деление территории севернорусских говоров по типам предударного вокализма не только могут быть использованы для создания группировки северных говоров, но и являются очень существенным ее звеном.

Н. Н. Пшеничнова

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ К ЮГУ И ЮГО-ЗАПАДУ ОТ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Известно, что в процессе развития любой фонологической системы (языка или говора) возможны изменения разного рода. В результате одних меняется состав фонем, другие — не затрагивают состава фонем, но изменяют количество морфем с той или иной уже имеющейся фонемой¹. Однако изменения обоого рода отражаются на фонологической системе языка (или говора): состав фонем может остаться прежним, но изменяются условия бытования фонем, что может предвосхищать значительные сдвиги в фонологической системе².

Причины таких сдвигов могут быть самыми различными, и, в частности, их могут вызывать чисто грамматические явления.

Некоторые особенности небольшой группы говоров к югу и юго-западу от Онежского озера могут быть своего рода иллюстрацией к этому положению.

В этих говорах в системе склонения имен в соответствии с *-ой* русского литературного языка под ударением отмечено, как правило, *-эй*, *-ый* наряду с *-ой* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (*молодбй*, *молодбй*, *молодбй* и т. п.)³ и *-эй* наряду с *-ой* в род., дат., твор., предл. падежах ед. ч. прилаг. ж. р. (*без молодбй*, *без молодбй*, *к молодбй*, *к молодбй* и т. п.) и твор. п. ед. ч. сущ. ж. р. твердого варианта 1-го склонения (*женбй*, *женбй* и т. п.)⁴.

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 259—260, 262.

² Там же, стр. 263.

³ Наравне с прилагательными рассматриваются также местоименные прилагательные *какбй*, *такбй*, *другбй* и порядковые числительные *вторбй*, *шестбй* и под., так как рассматриваемые формы тех и других совпадают.

⁴ Речь идет только об ударенных окончаниях, так как гласные безударных слогов в большинстве говоров подвергаются редукции, в том числе и во

Таким образом, в названных говорах фонема /e/ отмечена в большем количестве морфем, чем в русском литературном языке или в других говорах. В некоторых говорах этой территории в большем количестве морфем отмечен вариант фонемы /и/ — [ы]. При этом согласные перед [e] и [ы] в данных формах являются твердыми. В связи с этим возникает два вопроса: как возникла названная особенность и какие она вызвала последствия, важные для фонологической системы этих говоров.

1

Чтобы высказать некоторые предположения относительно возникновения указанной особенности, целесообразно рассмотреть данные говоры в плане сопоставительном с другими говорами русского языка.

Среди русских народных говоров указанная выше особенность отмечена на трех территориях, которые условно назовем западной, северо-восточной и северной (см. карты). На каждой из этих территорий рассматриваемые формы на *-эй*, *-ый* распространены в разной степени, и сосуществование их с другими вариантами тех же форм на каждой территории носит различный характер. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что и причины возникновения этих форм в разных русских говорах могут быть не вполне одинаковыми.

1. Территория, условно названная нами западной (см. карту 1), тянется вдоль русско-белорусской границы⁵. Здесь проходит восточная граница распространения *-ый* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (в белорусских говорах и *-ы*): эта территория лежит к западу от линии Псков—Торопец—Орел—Суджа—Белгород до украинской границы. Следует сказать, что здесь же (но несколько шире на восток) отмечено [ы] на месте **ǔ* в других категориях (*мыйу*, *крый* и т. п.). Гласный [ы] в им. п. ед. ч. пр. м. р. являлся когда-то закономерным результатом прояснения редуцированного **ǔ* в гласные полного образования. На восточной окраине этой территории находятся два ареала распространения *-эй* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., причем [e], очевидно, развилось из [ы].

многих нас. пп. указанной территории. Обозначая редукцию, наблюдатели часто отождествляют [ъ] и [ы], в результате чего в звуке [ы] безударного окончания в данных говорах может реализоваться фонема /o/ окончания *-ой*. Таким образом, материал на безударное окончание может быть привлечен только как дополнительный и только в тех случаях, когда не отмечена редукция гласного заударных слогов.

⁵ Характеристика западной территории дается на основании карт 110, 119, 121, 125, 134 и комментариев к ним «Дзялекталагічнага атласа беларускай мовы» (Мінск, 1963), а также карт и комментариев атласов русских народных говоров: северо-западных областей — карты 99; центральных областей к западу от Москвы — карт 174, 175, 182, 183, 184; юго-западных областей — карт 125, 127, 128, 129.

Именно на этой территории, совпадая в основном своем направлении с изоглоссой -эй в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., проходит изоглосса -эй в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р., причем эта территория занимает большее пространство, значительно шире распространяясь на восток, в средней части — несколько шире на запад, в южной части — значительно южнее и несколько восточнее.

Как отмечают авторы подготовленных к печати атласов русских народных говоров северо-западных областей, центральных областей к западу от Москвы и юго-западных областей, изоглосса -эй дат., твор. и предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. совпадает с изоглоссой -эй род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.

Вариант рассматриваемых форм женского рода на -ый нигде не образует сплошной территории. Единично -ый отмечено на территории распространения -эй. Здесь -ый сосуществует с -эй, причем в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. здесь также отмечено -ый и -эй.

Для западной территории характерно то, что здесь в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. в ряде говоров отмечено двусложное окончание. Правда, среди русских говоров это единичные случаи, но они отмечены в нас. пунктах, примыкающих к территории белорусских говоров, для которых характерно двусложное окончание.

Наиболее распространенным вариантом двусложной формы в белорусских говорах является -ье [йье] (*молодые жены* и т. п.). Значительно более редким является вариант -эе [эье] (*молодые жены* и т. п.). Говоры, в которых отмечен вариант -эе, образуют два небольших ареала на восточной периферии области распространения варианта -ье. Изоглосса одного из ареалов, более северного, частично заходит на территорию распространения -эй в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., частично — на территорию распространения -эй в род., дат., твор. и предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р.

Второй ареал, более южный, целиком находится в области распространения -ье в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. и -эй в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. и род. п. ед. ч. прилаг. ж. р., при этом -эе и -ье почти нигде не сосуществуют⁶.

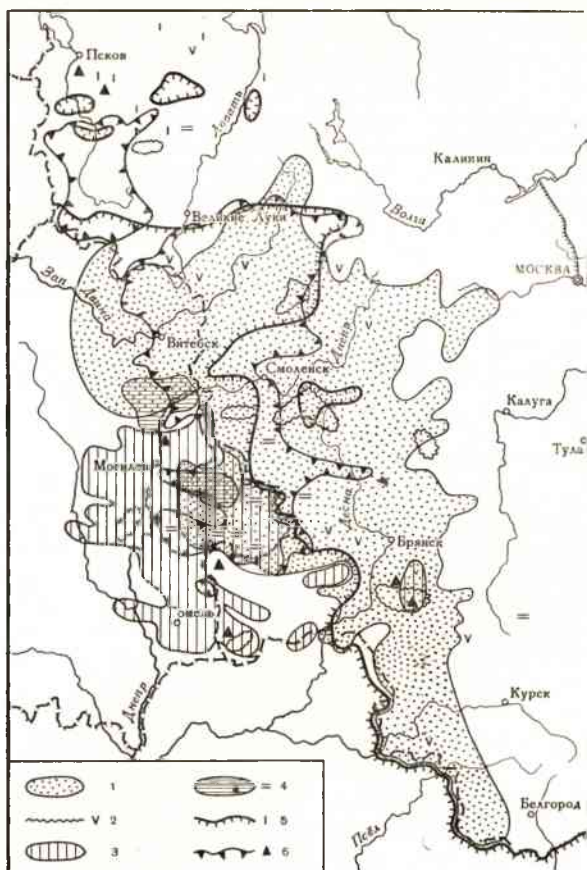
За пределами этих двух территорий -эе отмечается единично наряду с -ье и -эй в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. и -эй в им. ед. ч. прилаг. м. р., а также единично на территории -эй в род. п. ед. ч. прилаг. м. р.

Такое сосуществование вариантов рассматриваемых форм кажется показательным. По всей вероятности, оно подтверждает высказанную А. А. Шахматовым мысль, что -ый в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р., очевидно, возникло из -ые (др.-русс. -ьль), как и -ой из -ое (др.-русс. -оѣ)⁷.

Применительно к говорам, рассмотренным выше, выведение односложного окончания -ый из двусложного -ые кажется вполне

⁶ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карты 110 и 119.

⁷ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 342.

Карта 1. Условные обозначения:

1 — -эй в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 2 — -ый в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 3 — -ые в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 4 — -ье в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 5 — -ый в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.; 6 — -эй в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.

убедительным. К сделанному выше описанию западной территории следует также добавить, что в примыкающих к ней белорусских говорах вариант формы род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. *-бе* территориально совпадает с вариантом *-ой*, вариант *-ье* — с *-ый*, вариант *-ье* — с *-эй*.

Появление *-эй* в интересующих нас формах А. А. Шахматов рассматривает в одном ряду с другими случаями изменения в древнерусском языке [ый] в [ей] (им. п. ед. ч. прилаг. м. р. *молодѣй* и т. п.; *мѣю* и т. п.). Это также кажется справедливым в связи с совпадением общего направления изоглосс [ей] во всех этих категориях.

Тот факт, что *-эй* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. распространено значительно шире, чем *-эй* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., очевидно, объясняется в значительной степени причинами нефонетического характера. Флексия *-эй*, по-видимому, по аналогии с род. п. проникала и в другие падежи единственного числа прилагательных женского рода. Таким образом, происходило подравнивание под общерусскую тенденцию: *-эй* — во всех падежах (*молодэй женёй, к молодэй, с молодэй, об молодэй*), как в литературном русском языке во всех падежах — *-ой*.

В им. п. ед. ч. прилаг. м. р. то же влияние общерусского⁸ языка вызвало в некоторых говорах действие грамматической аналогии в ином направлении: со стороны косвенных падежей (*-ого, -ому, -ом*) на им. п. ед. ч. прилаг. м. р., следствием чего и в им. п. ед. ч. стало *-ой* с /о/, как в других падежах единственного числа и так же, как в общерусском. Возможно, что разное направление индукции в этих двух случаях (в женском роде — со стороны род. п. ед. ч. на дат., твор., предл. п. ед. ч., в мужском роде — со стороны род., дат., предл. п. ед. ч.) при одном и том же движущем факторе (стремление подравнять свой язык под общерусский) объясняется тем, что язык как правило стремится избежать грамматической омонимии⁹.

Указанный процесс вызвал в свою очередь важные последствия. Во-первых, *-эй* сохранялось во всех указанных падежах в тех говорах, где более раннее *-эй* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. было заменено вторичным *-ой*. В таких говорах отмечено род., дат., твор., предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. *молодэй* и т. п., при им. п. ед. ч. прилаг. муж. р. *молодбй* и т. п. Во-вторых, говоры, в которых *-эй* стало показателем всех косвенных падежей единственного числа прилагательных женского рода, могли вызвать в соседних говорах замену *-ой* в этих падежах вторичным *-эй*.

2. Территория, условно названная нами северо-восточной, занимает большую восточную часть «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», т. е. находится примерно между 37°30' в. д. и 48° в. д. и 57° с. ш. и 61°30' с. ш. (см. карту 2)¹⁰.

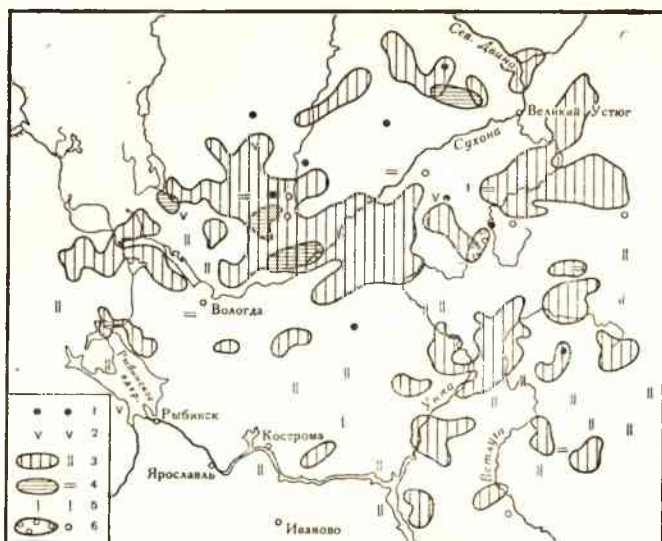
⁸ Термином «общерусский язык» в данной статье мы обозначаем русский литературный язык и те русские говоры, в которых в данной черте проявилась общерусская тенденция.

⁹ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 67.

¹⁰ Характеристика говоров этой северо-восточной и рассматриваемой ниже северной территории дается на основании ответов на вопросы «Программы».

В основном это материал 31, 85 «а» и 89 вопросов, но, кроме того, привлекаются соответствующие примеры и любого другого вопроса, если они записаны в диалектной форме.

Кроме прилагательных, местоименных прилагательных и порядковых числительных учитываются также местоимения *та, одна, сама*, так как рас-

Карта 2. Условные обозначения:

1 — *-эй* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 2 — *-ый* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 3 — *-ье* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 4 — *-ое* или *-еэ* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 5 — *-ый* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.; 6 — *-ий* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.

Характерной особенностью говоров этой территории является то, что здесь широко распространена двусложная форма род. п. ед. ч. прилаг. и мест. женского рода. Говоры, в которых отмечена двусложная форма, не образуют сплошного массива, а группируются островами, которые все находятся в указанных границах.

Наиболее распространенным вариантом двусложной формы является здесь [ыйе] или [ийе] (из др.-русс. *-иль*), причем задненебный в исходе основы прилагательных везде является мягким: *молод'ыйе жен'й*, *глух'ийе* и т. п.¹¹ Единично отмечено [ойе] (из древнерусского *-оть*): *одн'ойе*, *из б'улойо*, *п'ерво'ойа*, *студ'он'ойо вод'иц'и*, *ис сыр'ойо гл'ины* и др. — и [ейе]: *н'икак'ейе*, *м'ейе*, *н'икак'ейа*. Именно рядом с такими двусложными формами отмечены на данной территории единичные случаи *-эй*, *-ый* в рассматриваемых формах.

Как правило, материала, относящегося к рассматриваемым формам, приводится мало. Имеющийся материал позволяет сказать

считываемые формы их совпадают с соответствующими формами полных прилагательных.

¹¹ Наравне с *-[ыйе]* и *-[ийе]* рассматриваются также следующие варианты и написания этого окончания, приводимые авторами ответов: [ые], [ие], [ыйа], [ийъ], [ыйо], [ийо], [ьи], [ыйи], [ыйэ], [ьи], [ийе], [ийа]; как [ойе] рассматриваются также [ойо], [ойа]; как [ейе] — также [ейа].

следующее. Единичные -эй, -ый в наибольшем количестве нас. пунктов отмечены в род. п. ед. ч. прилаг. и мест. ж. р. наряду с двусложными окончаниями (ударенными или безударными): 819 *у молодѣй женѣ, у бол'шійа избы, у однѣе старушки, у старой дорбѣ, у однѣа старушк'и* (см. также нас. пп. 151, 762, 828, 932, 1007).

В некоторых нас. п.-эй или -ый — в род. п. ед. ч. прилаг. и мест. ж. р. наряду с -ой: 823 *около бол'шѣй избы, з другой ѳл'иц'е, около той избы* (см. также нас. п. 855, 1006, 1208) или — в род. и дат. или предл. п. ед. ч. прилаг. и мест. ж. р. наряду с -ой: 149 *у одный старушк'и, у молодѣй жбн'и, на тѣй сторон'е, к молодѣй; 872 у молодѣй женѣ, у бол'шѣй избы, у воннѣй старуш'е, у той д'ер'евн'и, к молод'ей жон'е, к оннѣй старушк'е, на болшѣй дорбѣ, на тѣй сторон'е*. Кроме того, отмечены единичные случаи с -эй в род. п. ед. ч. прилаг. и мест. ж. р., причем никаких других примеров не приводится: 329 *до бол'шѣй дорбѣ* (см. также нас. п. 460, 816).

В некоторых случаях приводятся единичные примеры с -эй или -ый в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. наряду с -ой в том же падеже и с двусложными окончаниями и -ой — в род. п. ед. ч. прилаг. и мест. ж. р.: 1035 им. — *злой, с'л'енѣй* (перв. обсл.); род. — *у бол'шѣй избы (у бол'шѣйо), у оннѣй старушки, от р'абѣйо, у злыйо* (перв. обсл.); им. — *выхоннѣй, баскѣй, бол'шѣй, выхоннѣй, шестѣй, баскѣй* (повт. обсл.); род. — *изо ржанѣй, оннѣй л'йн'и, от как'ѣйо корбѣ, дл'а оннѣйо, н'икак'ѣйо воды н'ет* (повт. обсл.). См. также нас. п. 832, 992, 997, 1223.

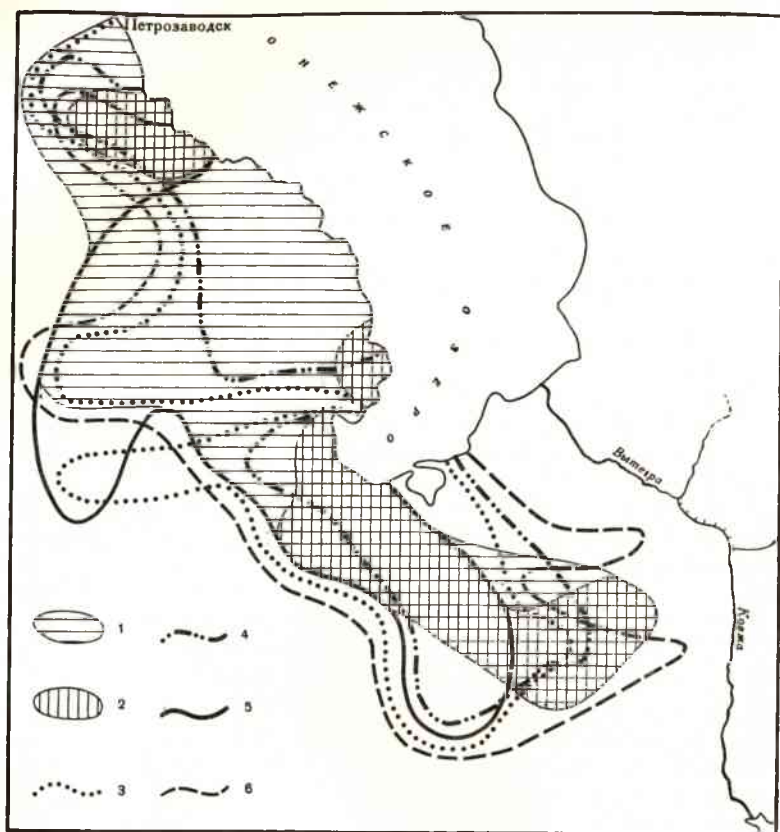
В некоторых нас. п. приводится только единично -эй или -ый при -ой в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.: 871 *дурный, худѣй, злой, с'емѣй*. См. также нас. п. 1008, 1400.

Материала во всех этих нас. п. приводится очень мало, как правило, это единичные примеры.

На основании сказанного можно сделать вывод, что единичные случаи -ый, -эй на данной территории возникли как результат сокращения двусложного окончания в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. В некоторых говорах этой территории в этой форме произошло стяжение по типу им. и вин. п. ж. р. и ср. р.: *молодѣй женѣ, мук'и б'ѣлы* и т. п. (нас. п. 762, 892, 907, 909, 910, 1373). Во всех этих нас. п. отмечено еще и двусложное окончание.

Единичные случаи в им. п. ед. ч. м. р. могли появиться в результате влияния общерусского языка (своего рода подравнивание под общерусский язык): при большом разнообразии вариантов окончания в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. в качестве единичных случаев появляются -ый и -эй и в им. п. ед. ч. м. р. Так же можно объяснить и единичный случай двусложного окончания в предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. — 769 *ѳ сплавнѣе конторы*.

Развитие [е] в рассматриваемых формах, очевидно, стоит в одном ряду с переходом [ый] в [ей].

Карта 3. Условные обозначения:

1 — -эй в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.; 2 — -ый в им. п. ед. ч. прилаг. м. р.; 3 — -эй в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 4 — -эй в дат. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 5 — -эй в тв. п. ед. ч. прилаг. ж. р.; 6 — -эй в тв. п. ед. ч. сущ. ж. р. твердого варианта 1-го склонения

3. Третья область распространения -эй, -ый в соответствии с -ой в системе склонения русского литературного языка, условно названная нами северной, лежит к югу и юго-западу от Онежского озера (см. карту 3). Это небольшой, но четко очерченный ареал говоров, в которых рассматриваемое явление носит несколько иной характер. В связи с этим данная территория, примыкающая к указанной выше северо-восточной, рассматривается отдельно.

Прежде всего для этой территории характерно отсутствие двусложных окончаний в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. (а также в других падежах). В материалах приводятся только односложные окончания -эй, -ый, -ой. Материал, приводимый на вопросы

«Программы», недостаточно полон, при этом разные падежи не в одинаковой степени обеспечены примерами. Очевидно, именно это является причиной не совсем полного совпадения изоглосс распространения -эй для указанных падежей. Как правило, кроме -ый, в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. отмечено еще и -эй, при этом обычно приводится одинаковое количество примеров с -ый и -эй или с -эй — несколько больше: 3 *ржаный, фторый, шерст'аный, такый, бол'шей, такей, какей, другей, иней, худей, фторей, баскей, дурной, ржаной, злой, сл'епой, молодой, крутой, другой, сухой, дорогой, холостой, ржаной, болшой, л'енный* (см. также нас. п. 1, 7, 9, 84, 92, 95). В некоторых случаях приводится больше примеров с -ый: 2 *такый, какий, с'едый, бол'шой, такей, р'еткой, дорогой, худой, простой, ржаной, простый, худой* (см. также нас. п. 83 и 91); в некоторых нас. пп. примеры с -ый являются единичными при -эй, -ой: 6 *сл'епый, см'ерней, за трудовей, фторей, худей, косей, дорогей, бол'шей-то, едва живей, такей, другей, бол'шей, глухой, сл'епей, бол'шой, плохой, молодой, дорогой, такой, худой, бол'шой* (см. также нас. п. 79, 94). Только в одном нас. п., находящемся за пределами рассматриваемой территории, но все-таки в непосредственной близости к этой территории, отмечено в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. только -ый наряду с -ой (нас. п. 17).

В формах женского рода -ый отмечено гораздо реже. Это единичные примеры с -ый наряду с -эй и -ой в небольшом количестве нас. п. и притом главным образом в местоимениях: 1 род. п. — *у самый, бол'шей, войны, со ржаной, з другой стороны*; дат. п. — *к одной хоз'айке, мн'и одной, по лесной дорожке*; предл. п. — *на горотский дороге*; твор. п. — *з другой, со ржаной* (см. также нас. п. 2, 82, 95 — в род. п.; 92 — в дат. п.; 2, 6, 9, 92, 95 — в предл. п.; 94 — в твор. п.; 1, 2, 84, 92, 94 — в твор. п. сущ.).

Рассмотренный материал показал, что во всех падежах, как правило, кроме -эй или -ый, отмечено еще окончание -ой. Отсутствуют примеры с -ой в небольшом количестве нас. п., причем объясняется это, очевидно, неполнотой материала¹².

Материал свидетельствует о том, что вариант окончания не зависит от качества основы (парный твердый, шипящий или задненебный).

Согласный в исходе основы прилагательных перед [е] во всех падежах как правило является твердым; задненебный также является твердым перед [е] и [ы].

Позиционная мягкость согласных отмечена перед [е] лишь в единичных случаях, притом почти везде наряду с другими примерами, в которых согласный перед [е] является твердым. В некоторых случаях это слова, в которых согласный перед [е] нахо-

¹² См.: нас. п. 7, 9, 83 — род. п.; 6, 7, 9, 11, 83, 94, 95 — твор. п. прил., 6, 83, 84, 94, 95 — предл. п.; 3, 6, 11, 83, 84, 92, 94 — дат. п.

дится в положении после мягкого (или отвердевшего) согласного: 1 *коч'ерг'ей* при *кочергей* и других примерах с твердым задненебным перед [e]; 6 *н'ер'ед войн'ей*; 51 *в одн'ей*; 79 *перед войн'ей*; 83 *у одн'ей*; 84 *р'ецней*; 93 *с одн'ей*; 94 *с одн'ей, корофк'и*. Кроме того, отмечены следующие случаи: 5 *друг'ей*; 6 *едва жив'ей*; 11 *сама соб'ей*; 83 *так'ей, со ржан'ей, х т'ей, за вод'ей, за жон'ей*; 90 *ф т'ей сторон'е, в т'ей д'ре'евн'е*; 91 *так'ей, как'ей*; 94 *худ'ей характ'ер так'ей*; 95 *худ'ей*.

Как уже было сказано выше, А. А. Шахматов предполагал развитие *-ый, -эй* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. из двусложного *-ые*¹³, не указывая при этом, что такое предположение не может быть одинаково применимо ко всем русским говорам, где отмечено *-эй, -ый* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. В частности, для говоров данной территории объяснение А. А. Шахматова вряд ли подходит.

В «Курсе истории русского языка» А. А. Шахматов пишет, что олонекское *-эй* «вполне однородно со смоленским, витебским, могилевским, но образовалось оно независимо от них». При этом путь возникновения *-эй* А. А. Шахматов представляет несколько по-иному, чем в «Исторической морфологии русского языка», но также считает его одинаковым для тех и других говоров, а именно: в слабоударяемых словах *oi > yi > ei*, а отсюда — в другие слова¹⁴.

Н. Н. Дурново также высказывает предположение, что формы на *-эй* в Псковской и Калужской губерниях (*тэй, однэй, тэе, однэе* или *тэё, однэё* и др.), возможно, «и не стоят в связи с подобными формами в с.-р. говорах, а объясняются белорусским происхождением»¹⁵. В то же время Н. Н. Дурново формы род.-местн. п. ж. р. на *-эй* рассматривает в одном ряду с формами на *-зи, -эх, -эм* и др. мн. ч., отмечая, что подобные формы (имеются в виду и те, и другие) отмечены, между прочим, в Олонекской, Нижегородской и Симбирской губерниях. Картографирование данных форм показало, что они действительно отмечены там, где указывает Н. Н. Дурново, но при этом формы род.-местн. ж. р. на *-эй*, с одной стороны, и формы на *-зи, -эх* и под. мн. ч., с другой, имеют совершенно разные ареалы распространения. Первые отмечены, как уже указано, в говорах к югу и юго-западу от Онежского озера, вторые — на территории говоров центральных областей к востоку от Москвы¹⁶. В связи с этим, а также в связи со специ-

¹³ См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 342.

¹⁴ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском университете в 1909/1910 уч. году), ч. II. Изд. 2; литогр. изд. СПб., 1910, стр. 523.

¹⁵ Н. Н. Дурново. Очерк по истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 295.

¹⁶ См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты 126, 127.

фическими особенностями тех и других форм возникновение их объясняется разными причинами¹⁷.

П. С. Кузнецов также предполагает возникновение форм косвенных падежей ед. ч. прилаг. ж. р. на -эй в олонекских говорах независимо от белорусских. По мнению П. С. Кузнецова, это -эй может объясняться влиянием прилагательных, имеющих мягкий согласный в исходе основы¹⁸. Однако в таком объяснении не учтены некоторые существенные моменты. Одним из таких моментов, возможно и не столь значительным, является тот факт, что категория прилагательных с мягким согласным в исходе основы по сравнению с прилагательными на твердый лексически очень ограничена. Вторым моментом является совпадение изоглосс -эй в косвенных падежах ед. ч. прилаг. ж. р. и в твор. п. ед. ч. сущ. ж. р., с одной стороны, и в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., с другой. При объяснении рассматриваемых форм ни в коем случае нельзя пройти мимо этого обстоятельства.

Чисто фонетическими причинами объясняет возникновение -эй в указанных формах С. П. Обнорский. С. П. Обнорский рассматривает только форму твор. п. ед. ч. сущ. ж. р., которую считает продуктом чисто фонетической эволюции первоначально конечного -ой. В связь с этим С. П. Обнорский ставит другие рефлексy исконого -ой в южнорусских говорах (-ой, -уой). С. П. Обнорский считает [е] в окончании -эй таким же «диалектическим севернорусским рефлексом исконого восходящего о», как и различные типы закрытого /ô/, например, в Тотемском говоре. «При таком взгляде на происхождение -эй в окончаниях твор. п. ед. ч. соответственные формы на неударяемое -эй должны были бы объясниться аналогически из форм на -эй ударяемое»¹⁹.

В таком объяснении также не учитывается ряд обстоятельств. Во-первых, [е] на месте о под восходящим ударением отмечается в данных говорах только в указанных формах. Во всех других случаях на месте о под восходящим ударением отмечается [о] или [ô], [yô] и т. п. в тех же самых говорах. Таким образом, отмечается *молодэй женэй, ворубона* и т. п. С другой стороны, как показывает материал, -эй характерно не только для твор. п. ед. ч. некоторых существительных, а еще и для некоторых названных выше форм, т. е. не учитывается факт совпадения описанных изоглосс. Кроме того, если говорить о [е] как рефлексе старого о под восходящим ударением, то такого рефлекса не отмечено и в других русских говорах. Напротив, есть говоры, в которых отмечены две фонемы в соответствии с /о/ русского литературного

¹⁷ Формы мн. ч. на -эи, -эх объясняют, в частности, влиянием формы указательного местоимения (*те, мех* и т. д.). См., например: В. L j a r u n o v. Zur russischen Dialektenkunde. Afsl Ph, X, стр. 350.

¹⁸ П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1954, стр. 82.

¹⁹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Единственное число. Л., 1927, стр. 284.

языка: /o/ на месте **ō* и /o^e/ на месте **o*, **ъ*. Таким образом, материал современных говоров не подтверждает точку зрения С. П. Обнорского.

Материал позволяет несколько иначе рассмотреть поставленный вопрос.

Совершенно очевидно, что *-эй* в рассматриваемых говорах не могло появиться в результате какого-то влияния извне: в большинстве русских говоров, в том числе и в соседних с рассматриваемыми, — *-ой*, а в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р. в некоторых указанных выше говорах — двусложное окончание. Таким образом, *-эй* возникло в результате внутреннего процесса, характерного именно для данных говоров.

Для форм ж. р. выше мы отвели некоторые предположения относительно присхождения *-эй*. Следует также сказать, что [ей] не могло развиваться фонетически и из [ой], так как все другие [ой] в данных говорах сохраняются (в открытом и закрытом, конечном и неконечном слогах, с /o/ разного происхождения, в разных лексико-грамматических категориях)²⁰. В таком случае следует предполагать, что процесс, следствием которого в данных говорах явилось *-эй*, не был фонетическим процессом.

Совпадение изоглосс, о которых уже шла речь, не может быть случайным, а следовательно, при решении поставленного вопроса нельзя пройти мимо такого совпадения.

Материал показывает, что при общем совпадении рассмотренных изоглосс в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. все-таки довольно часто отмечено сосуществование вариантов *-эй* и *-ый*, в то время как в формах ж. р. такое сосуществование отмечено в единичных случаях. Кроме того, на этой территории отмечено в двух нас. п. [e] и [ы] на месте редуцированного **ǫ* в формах глаголов: 11 *закрбѣй, закрѣй, намѣиш, закрѣит*; 65 *крышу крбѣу, мбѣу, помбѣй, покрѣйу, крѣйет*. Таким образом, возникает естественное предположение, что в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., как и в приведенных формах глаголов, [e] и [ы] являются результатом процесса проявления редуцированного **ǫ* в гласный полного образования. Вряд ли можно предполагать два самостоятельных процесса в одной и той же позиции для одной и той же группы говоров. Скорее следует предположить, что [**ǫ*] > [ы], а [ы] > [e]. Позднее, в результате влияния общерусского языка [ы] и [e] во всех случаях со старым редуцированным **ǫ* заменились гласным [o] (в этих говорах, за исключением двух названных выше нас. п., отмечено только *крбѣу, мбѣу, помбѣй* и т. д.), но им. п. ед. ч. прилаг. м. р. постигла несколько иная судьба.

Как показывает рассмотренный материал, мы имеем дело с омонимией грамматических флексий, т. е. как в общерусском языке

²⁰ Ср.: *закрбѣе, рбѣут, трбѣе, подбѣят, пбѣят, стбѣка, ббѣс'а, поббѣн'ик, (п'новойник)*, *подбѣйник, пострбѣикамы, вбѣд'ит'е, доз'мбѣй, мой сын* и т. д.

флексия *-ой* является показателем им. п. ед. ч. прилаг. м. р., род., дат., твор., предл. п. ед. ч. прилаг. и некоторых местоимений ж. р. и твор. п. ед. ч. сущ. твердого варианта 1-го склонения, так и в данных говорах флексии *-эй* и *-ой* равно являются показателем тех же форм.

В языке как правило осуществляется тенденция к преодолению грамматической омонимии²¹. Однако эта тенденция не всегда осуществляется, и в определенных случаях мы все-таки имеем дело с грамматической омонимией. Грамматическая омонимия может возникнуть в результате действия каких-то других тенденций, в частности, в результате тех или иных фонетических процессов. Последнее относится и к рассматриваемым формам общерусского языка (/ой/ из **yi* в им. п. ед. ч. прилаг. м. р., из **oъ* в род. п. ед. ч. прилаг. ж. р., из **oю* в твор. п. ед. ч. прилаг. и сущ. ж. р., из **oi* в дат., мест. п. ед. ч. прилаг. ж. р.).

Грамматическая омонимия флексий *-эй* и *-ой* в говорах к югу и юго-западу от Онежского озера заставляет предполагать, что в определенное время в этих говорах действовала какая-то тенденция в развитии грамматического строя этих говоров, известная не всем говорам русского языка (возможность фонетического развития *-эй* в формах жен. р. мы отвергли).

Те или иные тенденции в развитии говоров определяются разными факторами, в частности их взаимоотношением с общенародным языком.

В данном случае совпадение флексий указанных выше форм в результате определенных фонетических процессов привело к утрате различия между этими формами в общерусском языке и большинстве русских говоров. Различие между этими формами устанавливается только по определяемому существительному (*молодбй пáрень, молодбй женё, молодбй женё, молодбй женбй*) или по предлогу (*без молодбй, к молодбй, с молодбй, о молодбй*). Показателем формы твор. п. ед. ч. сущ. ж. р. твердого варианта 1-го склонения также становится *-ой*, так как языку свойственна тенденция к единообразному выражению одних и тех же синтаксических отношений внутри родственных классов²².

Таким образом, указанное совпадение флексий воспринимается носителями тех диалектов, где такое совпадение не является полным, одной из характерных особенностей русского литературного языка. Это относится, в частности, к тем говорам, в которых на каком-то этапе развития в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. развилась

²¹ См.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. стр. 67.

²² Г. А. Хабургаев рассмотрел это на материале род., дат., предл. п. женского склонения в русских говорах (ср.: Г. А. Хабургаев. К вопросу об интерпретации падежного синкретизма в русских говорах. — ВЯ, 1963, № 3).

флексия -ый или -эй, в указанных формах ж. р. — -ой. Носители этих говоров следующим образом противопоставляют свой язык общерусскому.

Д ²³		О
Им. м. р.	-эй (реже -ый)	-ой
Ж. р.	-ой	-ой

Стремление к подравниванию своего языка под общерусский создает условия к преодолению такого противоречия. Это преодоление не является неизбежным, но условия для него есть, пути же к такому преодолению могут быть разными (в частности, см. разделы о говорах других двух территорий).

Для данных говоров можно предполагать следующий путь. В им. п. ед. ч. прилаг. м. р., как и в другие грамматические категории с **ŷ*, звук [о] из общерусского языка стал проникать и в эти говоры довольно рано. Этому способствовала аналогия с косвенными падежами (род. -ого, дат. -ому, мест. -ом). Можно предполагать, что это происходило одновременно с переходом [ый] > [ей], а в отдельных случаях даже раньше ²⁴. Тогда возникает следующее противопоставление диалектного языка общерусскому:

	Д	О
Им. м. р.	-эй (реже -ый), -ой	-ой
Ж. р.	-ой	-ой

Таким образом, появляются предпосылки грамматической аналогии. Процесс грамматической аналогии привел к замене -ой флексией -эй и в указанных формах ж. р. ²⁵

²³ Д — диалект; О — общерусский язык; Им. м. р. — им. п. ед. ч. прилаг. мужского рода; ж. р. — рассматриваемые формы женского рода.

²⁴ Впервые -эй отмечается в памятниках XV в. (см.: А. И. Толкачев. История членных прилагательных русского языка. Канд. дисс., рукопись, 1951), в то время как /о/ уже к XIV в. утвердилось в русском языке почти повсеместно (см., в частности: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода в истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. II, Пг., 1915, стр. 229). Таким образом, ко времени появления фонемы /е/ фонема /о/ могла уже проникать и в данные говоры.

²⁵ Рассматриваемые формы на -эй появляются сравнительно поздно: до XV в. включительно исследователи не отмечают этого варианта окончания.

В данных говорах так проходило подравнивание под общерусский язык:

	д	о
Им. м. р.	-эй (реже -ый), -ой	-ой
Ж. р.	-эй (единично -ый), -ой	-ой

Рассмотренный процесс охватил говоры узкой замкнутой территории к югу и юго-западу от Онежского озера.

Возможно, что некоторые говоры, имея предпосылки для такого процесса, оказались вне его. Очевидно, это связано с тем, что, примыкая к рассматриваемой территории, эти говоры оказались все-таки за ее пределами. К такому предположению приводит материал нас. п. 17, к юго-востоку от Онежского озера, где во всех рассматриваемых формах отмечено -ой, а в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. — -ый наряду с -ой. Можно думать, что это реликты процесса, охватившего сначала территорию, несколько более широкую, чем рассмотренная выше (речь идет о развитии [ы] и [е] на месте **y*). Позднее этот населенный пункт оказался вне пределов рассмотренного выше морфологического процесса.

Итак, можно думать, что в группе говоров к югу и юго-западу от Онежского озера -эй в род., дат., твор. и предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. и в твор. п. ед. ч. существительных твердого варианта 1-го склонения является следствием замены более раннего -ой в результате действия грамматической аналогии.

II

Результаты рассмотренного выше процесса не прошли бесследно для фонологической системы рассматриваемых говоров. Как уже было сказано выше, во-первых, в этих говорах в результате появилось большее количество морфем с фонемой /e/ и вариацией фонемы /и/ — [ы]. Во-вторых, согласные перед /e/ в этих говорах в рассматриваемых категориях слов отмечены только твердые, причем только твердыми отмечены в этих категориях и задненебные перед /e/ и [ы].

В этих фактах проявляются те особенности фонологической системы рассматриваемых говоров, которые сложились в них в результате описанного процесса. Рассмотрим подробнее эти особенности.

1. О положении согласных перед /е/

Как известно, в русском литературном языке позиция перед /е/ является для согласных слабой в смысле различения твердости—мягкости. Р. И. Аванесов считает, что такие случаи, как *нэп*, *эсэр* и т. п., позволяют считать, что в русском литературном языке намечается тенденция к различению согласных по твердости—мягкости в позиции перед /е/. Однако, по мнению Р. И. Аванесова, указанные примеры не дают права рассматривать положение перед /е/ как сильное для согласных в смысле различения твердости—мягкости, так как слова типа *нэп* и под. — «это замкнутая небольшая группа особого рода слов, на которую едва ли можно опираться при установлении фонетической системы языка. Слова же иноязычного происхождения с твердой парной согласной перед /е/ по мере того, как они становятся широкоупотребительными и общенародными, часто начинают произноситься в соответствии с нормами произношения исконно русских слов с мягким парным согласным перед /е/»²⁶.

Рассматриваемые говоры в этом смысле значительно отличаются от русского литературного языка.

Как известно, в позиции перед /е/ согласный может быть либо внутри морфемы (*дело, речка, грей, пей, без-* и т. п. и др.), либо на стыке морфем. На стыке морфем согласный перед /е/ может быть на стыке корня и суффикса (*молодец, муравей* и т. п.), в дат. и предл. п. ед. ч. сущ. ж. р. и в предл. п. сущ. ср. и м. р. (*руке, на стене, на столе, в селе* и т. п.), в род. п. мн. ч. сущ. (*полей, костей* и т. п.), в сравнительной степени прилагательных (*быстрей, сильнее* и т. п.), а в рассматриваемых говорах еще и в глагольных формах (*т'ек'е, ид'е* и т. п.), в род. п. ед. ч. сущ. ж. р. (*до войн'е* и т. п.), в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (*молодэй, глухэй* и т. п.), в род., дат., твор., предл. п. ед. ч. прилаг. жен. р. (*без молодэй, к молодэй* и т. п.) и в твор. п. ед. ч. сущ. ж. р. твердого варианта 1-го склонения (*женэй, рукэй* и т. п.).

В корне слова, на стыке корня и суффикса, а также на стыке морфем в дат. и род. п. ед. ч. существительных ж. р. и предл. п. ед. ч. сущ. всех трех родов и в глагольных формах согласный перед /е/ в данных говорах отмечен только мягкий (*д'ело* и т. п.; *мурав'эй* и т. п.; *с'эстр'е, на в'ир'итн'е* и т. п.; *рас'т'е, ид'е, жив'е* и т. п.). Что же касается остальных категорий, то там согласные по твердости—мягкости различаются.

Правда, нельзя сказать, что во всех этих случаях можно найти пару слов, различающихся только твердостью или мягкостью согласного перед /е/, как, например, *голуб'эй — голубэй, пол'эй — полэй, бол'н'эй — бол'нэй* и т. п. Однако совершенно

²⁶ Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 176.

очевиден тот факт, что показателем той или иной формы является не только /ей/, но и мягкость или твердость предшествующего согласного. Так /ей/ с предшествующим твердым согласным является показателем форм им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (*молодѣй*, *глухѣй* и т. п.), род., дат., твор., предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. (*без молодѣй*, *без глухѣй*, *к молодѣй*, *к глухѣй* и т. п.) и твор. п. ед. ч. сущ. твердого варианта 1-го склонения (*женѣй*, *рукѣй* и т. п.). В то же время /ей/ с предшествующим мягким согласным является показателем род. п. мн. ч. существительных мягкого варианта 2-го склонения и 3-го склонения (*лос'ѣй*, *радо'ст'ѣй*, *л'уд'ѣй*, *лошад'ѣй* и т. п.), сравнительной степени прилагательных (*бол'н'ѣй*, *спокойн'ѣй*, *скор'ѣй*, *в'ес'ел'ѣй* и т. п.).

Можно было бы назвать еще такие случаи, когда /ей/ с предшествующим мягким согласным является составной частью основы (в повелительной форме глаголов *пей*, *бей*, *лей*, *нагрей*, *не смей* и т. п. и им. п. ед. ч. существительных *муравей*, *соловей* и т. п.), но перечислять все случаи с /ей/ и мягким или твердым предшествующим согласным нет необходимости. Наличие хотя бы одного из названных случаев различения согласных по твердости—мягкости в позиции перед /е/ является необходимым и достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что эта позиция является для согласных в указанном смысле сильной.

В таком случае те факты, когда перед /е/ отмечены только мягкие согласные, для данных говоров получают иное освещение. Такие факты могут быть двоякого рода. Во-первых, это такие грамматические формы, в которых мягкие фонемы в исходе корня перед /е/ флексии сохраняют свою мягкость, а на месте твердых появляются мягкие: дат. п. ед. ч. сущ. ж. р. и предл. п. ед. ч. сущ. всех трех родов, а также глагольные формы. В этих категориях мягкий согласный перед /е/ является не позиционным вариантом соответствующей твердой согласной фонемы, а членом морфологического чередования твердой фонемы не перед /е/ с соответствующей ей мягкой фонемой перед /е/ в одном и том же корне: *стра[на]* — *стра[н'е]*, *сто[л]* — *на сто[л'е]*, *и[ду]* — *и[д'е]* и т. п.²⁷

Во-вторых, только мягкие согласные перед /е/ отмечены в случаях, когда мы не можем найти примеров, где согласный в позиции различения твердости—мягкости чередовался бы с согласным перед /е/ в одном и том же корне (последнее имеем в случаях типа *страна* — *стран'е* и т. п.). Это прежде всего корень слова, где мягкость согласных перед /е/, являясь ранее позиционной, стала в рассматриваемых говорах различительным признаком согласных фонем, входящих в состав корней слов и находящихся в пози-

²⁷ О переходе позиционных изменений звуков в морфологические чередования см.: П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 1.

ции перед корневым /е/ (/л'/ ес, /в'/ ерх и т. п.). Только мягкий согласный перед /е/ отмечен также в форме род. п. мн. ч. существительных 3-го склонения и мягкого варианта 2-го склонения, но здесь, как в русском литературном языке и большинстве говоров, указанная форма на /ей/ возможна только для слов с мягкой согласной фонемой в исходе основы (*кос/т'/, ко/н'/* и т. п.).

Таким образом, твердость согласных перед /е/, развившаяся нефонетическим путем и только в определенных грамматических категориях, привела к целой перестройке фонематических отношений в данных говорах, а именно, к различению согласных фонем по признаку твердости—мягкости в позиции перед /е/ ²⁸. Результатом этого последнего явилось то, что чередования твердых согласных с мягкими, в тех случаях, когда указанного различения не отмечено, из фонетических стали чередованиями морфологическими ²⁹.

2. О задненебных согласных

Другим, также важным результатом рассмотренного выше процесса являются изменения, коснувшиеся задненебных согласных.

Как известно, до сих пор существуют разные мнения во вопросу о том, реализуются ли в звуках [к], [г], [х] и [к'], [г'], [х'] в русском литературном языке задненебные фонемы, парные по твердости—мягкости, или эти фонемы являются непарными по этому признаку. Из всех доводов, приводимых в пользу той или другой точки зрения ³⁰, следует во всяком случае одно положение,

²⁸ Относительно противопоставленности согласных по признаку твердости—мягкости перед /е/ в белорусских говорах см. Л. Э. Калнынь. Категория твердых—мягких фонем в белорусском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1959, т. XVII, стр. 89—93.

²⁹ В связи с изложенным считаем, что нельзя согласиться с точкой зрения Л. Э. Калнынь относительно рассматриваемых форм, сформулированной следующим образом: «В этих говорах твердость согласных перед флексивным [е] следует рассматривать как морфологический признак данной формы, а не как явление фонетическое. Но в то же время в этих говорах образуется и известная противопоставленность твердых и мягких согласных перед [е]» (Л. Э. Калнынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1956, т. XIII. М., стр. 168).

³⁰ См., например: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 55—56, 58; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского языка. М., 1956, стр. 158; А. А. Реформатский. Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 101; А. Н. Гвоздев. О фонологии «смешанных» фонем. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1953, т. XII, вып. 1, стр. 60; Он же. К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка. «Избр. работы по орфографии и фонетике». М., 1963, стр. 111; Он же. Вопрос о фонемах в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова. — Там же, стр. 121—123; Он же. Обладают ли позиции

а именно, то, что задненебные согласные занимают некоторое среднее положение между такими парными, как /т/ — /т'/, /д/ — /д'/ и др., с одной стороны, и такими непарными, как /ч'/, /ц/, /ш/, /ж/, /й/, — с другой. Так, перед /а/, /о/, /у/ известны только твердые задненебные, а перед /е/ — только мягкие. Фонема /и/ выступает обычно только после мягких согласных и в начале слова, а после твердых появляется вариант фонемы /и/ — /ы/. В то же время после задненебных выступает только /и/, и задненебные при этом всегда мягкие³¹.

В говорах к югу и юго-западу от Онежского озера задненебные согласные ведут себя несколько иначе. В формах им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (перед /ей/ и [ый]), в род., дат., твор., предл. п. ед. ч. прилаг. ж. р. и твор. п. ед. ч. сущ. ж. р. 1-го склонения (перед /ей/) отмечены только твердые задненебные.

Задненебные перед /е/ могут быть в корне (*букет, кепка, Кемерово, хоккей* и т. п.) и на стыке морфем в дат. п. ед. ч. сущ. ж. р. (*руке, ноге* и т. п.), в предл. п. ед. ч. сущ. всех трех родов (*на руке, на быке* и т. п.), а в рассматриваемых говорах — еще в глагольных формах (*т'ек'э* и т. п.), а также в род. п. ед. ч. сущ. ж. р. (*рук'э* и т. п.) и в им. п. ед. ч. прилаг. м. р. (*глухэй, дорогэй* и т. п.), в род., дат., предл., твор. п. ед. ч. прилаг. ж. р. (*без глухэй, к глухэй* и т. п.) и в твор. п. ед. ч. сущ. ж. р. (*рукэй* и т. п.). Перед /и/ задненебный может быть в корне (*кино, кисель* и т. п.), на стыке морфем, т. е. на стыке корня и суффикса (*Георгий* и т. п.), основы и окончания: в род. п. ед. ч. сущ. 1-го склонения (*руки, ноги* и т. п.), в им. п. мн. ч. сущ. (*реки, дороги* и т. п.), в им., род., дат., вин., твор., предл. п. мн. ч. прилаг. (*глухи, глухих* и т. д.), а в рассматриваемых говорах еще и в им. п. ед. ч. прилаг. муж. р. (*глухэй* и т. п.). Найти пары слов, различающихся только мягкостью или твердостью задненебного перед /е/ или /и/ и [ы], еще труднее, чем для согласных, парных по твердости и мягкости, — на положение перед /е/. В то же время чрезвычайно важным является то, что в рассматриваемых говорах твердость или мягкость задненебных перед /е/ или /и/ и [ы] указывает на разные формы. Так, форма им. п. ед. ч. прилаг. м. р. характеризуется -ый и твердым задненебным перед ним (*глухэй, какэй* и т. п.). Следовательно, задненебный может быть не только мягким перед /и/, но и твердым (в таком случае фонема /и/ реализуется в [ы]), и это различие является существенным.

Аналогичное положение наблюдаем для задненебных перед /е/. Флексия /ей/ с предшествующим твердым задненебным характерна для формы им. п. ед. ч. пр. м. р. (*глухэй* и т. п.) или род., дат., предл., твор. п. ед. ч. прилаг. ж. р. (*с глухэй* и т. п.) или твор. п.

различительной функцией. — Там же, стр. 197; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, стр. 267—268.

³¹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского языка, стр. 185—186.

ед. ч. сущ. ж. р. (*рукѣй* и т. п.). С другой стороны, /ей/ с предшествующим мягким задненебным указывает на форму им. п. ед. ч. сущ. м. р. (*лакей, хоккей* и т. п.), где /ей/ является частью производной основы.

В рассматриваемых говорах отмечены, кроме того, мягкие задненебные перед /о/ в личных формах глаголов 1-го спряжения: *запр'аг'ом, тк'ом, ст'ер'ег'ом, остр'иг'ом* и т. д. Следовательно, задненебные в данных говорах различаются по твердости—мягкости и в позиции перед /о/. Можно полагать, что в положении перед /е/ этому способствует тот факт, что позиция перед /е/ становится сильной в смысле различения твердости—мягкости для всех парных согласных. Другие случаи с мягкими задненебными перед /е/ и /и/ либо относятся к области морфологических чередований (дат. и род. п. ед. ч. сущ. ж. р. — *рук'э* и т. п.; предл. п. ед. ч. сущ. всех трех родов — *на бык'э* и т. п.; в глагольных формах — *т'ек'э* и т. п.; в прилагательных — *глух'ие* и т. п.), либо являются следствием перехода позиционного варианта задненебной фонемы в основной вид мягкой задненебной фонемы (корень слова — *Гена, кепка, хитрый* и т. п.).

Таким образом, для данных говоров, в отличие от русского литературного языка, можно сказать совершенно определенно, задненебные фонемы являются парными по твердости—мягкости. Об этом свидетельствуют случаи различения задненебных согласных по твердости—мягкости в позиции перед /е/, где ранее мягкость задненебных была позиционной, а также перед /о/.

Ю. С. Азарх

ОТВЕРЖДЕНИЕ ПАРНЫХ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ В ВОЛОГОДСКО-КИРОВСКИХ ГОВОРАХ

Отверждение парных мягких согласных принадлежит к числу малоизученных фонетических явлений современных говоров, как южно-, так и севернорусских.

Данные «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», послужившие материалом для настоящей статьи, свидетельствуют о том, что полумягкие и твердые согласные перед гласными переднего образования как правило отмечаются в одних и тех же говорах, причем полная твердость мягких согласных фиксируется наблюдателями значительно реже, чем полумягкость. Материалы атласов русских народных говоров не дают возможности судить о степени смягченности согласных перед различными гласными, а также в зависимости от качества самих согласных; поэтому, употребляя термин отверждение, мы понимаем под ним как твердое, так и полумягкое произношение парных мягких согласных и [г'], [к'], [х'].

Ряд вопросов, помимо определения территории распространения этого явления, возникает при изучении отверждения парных мягких согласных перед гласными в севернорусских говорах. Вот некоторые из них, рассматриваемые в настоящей статье:

1. Каковы особенности этого фонетического явления в севернорусских говорах по сравнению с аналогичным в южнорусских говорах, украинском языке и юго-западных говорах белорусского языка.

2. Одинаково ли данное явление представлено в описываемых говорах или они различаются в зависимости от того, перед какими гласными фонемами отмечаются случаи отверждения парных мягких согласных.

3. Зависит ли степень смягченности согласного от его позиции в слове (качества соседних звуков, ударения, положения в слоге, употребления в определенной морфеме и т. д.).

4. Какие согласные преимущественно отвердевают.

5. Существует ли зависимость между количеством и качеством гласных, перед которыми встречаются несмягченные согласные, и количеством и качеством этих согласных.

6. Какова относительная хронология рассматриваемого фонетического явления.

7. Какие особенности фонетической и морфологической системы способствуют отвердению согласных в некоторых севернорусских говорах.

8. Не поддерживали ли данное фонетическое явление в этих говорах языковые контакты с частично ассимилированным русскими переселенцами коренным населением, представителями финно-угорских народностей (марийцами, удмуртами, коми-зырянами, пермяками и вепсами).

Разумеется, ответы на поставленные вопросы в настоящей статье носят весьма предварительный характер, так как для окончательного разрешения их материал статьи недостаточен; необходимо изучение рассматриваемого фонетического явления по специальной программе с применением методов экспериментальной фонетики.

Отверждение парных мягких согласных перед гласными в севернорусских говорах почти не привлекало к себе внимания исследователей. Специально этому явлению посвящена лишь небольшая работа Р. Ф. Пауфوشي¹, появившаяся совсем недавно, хотя М. А. Колосов наблюдал «резкую и грубую твердость» некоторых парных мягких согласных в «вятской речи» почти сто лет назад², а первые сообщения об отверждении парных мягких согласных на стыке слов и в абсолютном конце слова, а также в середине слова перед твердыми согласными в некоторых вологодских говорах опубликованы были более пятидесяти лет назад³.

¹ Р. Ф. Пауф о ш и м а. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 74—77.

² М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. «Сб. ОРЯС», т. XVII, № 3, СПб., 1877, стр. 220—225; см. также: Е. В. М а т в е е в а. Заметки о говоре населения восточной части Кортинской волости Халтуринского уезда Вятской губернии и западной части Якимовачинской волости Вятского уезда (по нижнему течению р. Ивкина). «Труды Вятского пед. ин-та», 1928, т. III, вып. II, стр. 26—28; Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Говоры верхнего Повятлужья. Нижний Новгород, 1934, стр. 26.

³ О. Б р о к. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 4. СПб., 1907, стр. 77—84; см. также: В. М а н с и к к а. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии. «Труды

Анализ лексического материала показывает, что отверждение парных мягких согласных перед гласными не является реликтовой чертой. Оно охватывает не только слова, исконные для говоров, но также и вошедшие в народную речь лишь в советскую эпоху. Например: 1057 *сорт-ирѣйут*; 1200 *зоотѣхн'иком*; 1229 *рѣд'иво*; 1440 *м'ехан'изаторы*; 1450 *бр'игад'ѣра* и др.⁴ Авторы ряда ответов подчеркивают, что несмягченные согласные даже более характерны для представителей передового говора (нас. п. 808, 918, 934, 993, 1059, 1213, 1248, 1442, 1451, 1452).

* * *

Говоры, в которых рассматриваемое явление представлено перед гласными, в середине слова перед твердыми согласными и на конце слов, образуют два территориальных массива: 1) вологодские говоры Вожегодского, Сямженского, Харовского районов Вологодской обл. и пограничного с нею Пречистенского р-на Ярославской обл.; 2) кировские говоры по верхнему течению р. Унжи, а также в Поветлужье и Заветлужье на территории Кировской и пограничных с нею районов Костромской и Горьковской областей; причем большая часть нас. п. этих районов Горьковской обл. основана сто-двести лет назад переселенцами из бывшей Вятской губернии, главным образом с берегов Ветлуги.

Говоры, в которых известно отверждение парных мягких согласных в середине и в конце слова, но не перед гласными, расположены вокруг указанных выше двух территориальных массивов.

* * *

Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что в говорах обоих территориальных массивов (в дальнейшем мы будем называть их вологодско-кировскими) обычным, господствующим является противопоставление твердых и мягких согласных перед /а/, /о/, /у/, /и/ и нейтрализация этих согласных перед /е/ и /ѣ/⁵. Полумягкие согласные гораздо реже встречаются в живом потоке речи, чем соответствующие мягкие. Наличие полумягких согласных не нарушает фонологического противопоставления согласных по твердости—мягкости, так как полумягкие согласные продол-

Моск. диалектологической комиссии», вып. 3. Варшава, 1914, стр. 73—74; В. Г. Орлова. О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 69; Г. В. Шайтанова. К вопросу о соотношении внешних и внутренних факторов развития языка (на материале Сямженского района Вологодской области). «Уч. зап. Калужского пед. ин-та», 1960, вып. VIII, стр. 46.

⁴ Расшифровку номеров населенных пунктов см. в приложении.

⁵ Мы не располагаем данными о противопоставлении твердых и мягких согласных перед /ѣ/, кроме единичного примера *т'ѣта* в нас. п. 809.

жают оставаться вариациями парных мягких фонем. Полная твердость мягких согласных перед гласными переднего образования фиксируется наблюдателями в большинстве рассматриваемых говоров весьма редко, причем зачастую лишь в определенных словах или морфемах, и вследствие ничтожного количества подобных случаев корреляция согласных по твердости—мягкости не нарушается.

Отверждение парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах отличается от аналогичного явления в украинском языке и юго-западных говорах белорусского языка, а также в некоторых южнорусских говорах на границе с украинским и белорусским языками и рязанских говорах на территории междуречья Оки—Клязьмы. Во-первых, в большинстве вологодско-кировских говоров несмягченные согласные отмечаются не только перед /е/ и /и/, как в перечисленных выше языках и диалектах, но также, хотя и реже, перед /ѐ/, /о/, /а/, /у/. Во-вторых, отверждению парных мягких согласных перед гласными в них почти всегда сопутствует отверждение этих согласных в середине слова перед твердыми согласными и в конце слова. Подобные факты в единичных примерах зафиксированы лишь в отдельных рязанских говорах⁶.

Несмягченные согласные перед гласными наблюдаются в вологодско-кировских говорах как перед ударными, так и перед безударными гласными. Проведенный анализ наших материалов не дает возможности проследить какие-либо закономерности, связанные с положением отвердевшего согласного по отношению к ударению.

В зависимости от того, перед какими именно гласными фонемами отвердевают парные мягкие согласные, можно выделить следующие говоры (см. таблицу на стр. 141):

Примечания. 1) Выделение говоров I—IX произведено на основании того, перед какими гласными фонемами в сильной позиции, т. е. под ударением перед твердым согласным, зафиксированы несмягченные согласные.

2) Рассматриваемые говоры в подавляющем большинстве имеют семифонемный состав гласных в сильной позиции. Лишь в некоторых вологодско-кировских говорах с единичными случаями отверждения мягких согласных только перед /е/ утрачены особые фонемы /ѐ/ и /ѓ/ (нас. п. 319, 339, 670, 1142, 1253, 1449) или только /ѓ/ (нас. п. 814, 1124, 1149, 1200). В отдельных говорах с немногочисленными фактами отверждения парных мягких согласных перед /е/ и /и/ может отсутствовать /ѓ/ в качестве самостоятельной фонемы (нас. п. 1032, 1171).

3) Знаки + и — обозначают наличие или отсутствие несмягченных согласных на месте соответствующих мягких перед той или иной гласной фонемой в сильной позиции.

⁶ С. С. Высотский считает новообразованиями полумягкие согласные перед о, а, у и в конце слов (С. С. В ы с о т с к и й. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 47.)

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
е	+	+	+	+	+	+	+	+	+
и	—	+	+	+	+	+	+	+	+
ё	—	—	+	—	+	—	+	+	+
а	—	—	—	+	+	+	—	+	+
о	—	—	—	—	—	+	+	+	+
у	—	—	—	—	—	—	—	—	+

4) Исключение из таблицы /Ѣ/ объясняется отсутствием надежных примеров в материалах, которые свидетельствовали бы о различии твердых и мягких согласных перед этой фонемой в вологодско-кировских говорах.

5) В таблице нашли отражение говоры, представленные не менее чем тремя нас. п. и не единичными фактами.

6) Не включены говоры, в которых отверждение парных мягких согласных перед гласными отмечено в единичных случаях: а) нас. п. 77, 179, 824, 1048, 1430 — только перед /и/; подобные говоры единичны и среди рязанских говоров⁷; на территории, пограничной с украинским и белорусским языком, встречаются говоры с редкими примерами несмягченных губных только перед /и/; твердое произношение с распространено довольно широко в этих говорах лишь в слове «си́зый»⁸; б) нас. п. 914, 915 и 1456 — только перед /ѣ/; в) нас. п. 988 — только перед /е/ и /а/; г) нас. п. 1455 — перед /е/, /а/, /о/; д) нас. п. 993 — только перед /и/, /а/, /о/.

7) Не включены в таблицу также говоры, в которых наблюдается лишь несмягченное *р* — нас. п. 246, 937, 942.

8) Говор, подобный описанному в статье Р. Ф. Пауфوشيным⁹, — неполное смягчение парных мягких согласных перед /е/, /и/, /у/ — не встретился в наших материалах.

В приводимых ниже примерах все случаи полного смягчения согласных, а таковых подавляющее большинство в материалах по каждому из указанных здесь нас. п., опущены.

Говоры I—II не образуют компактной территории. Примеры отверждения парных мягких согласных перед гласными в этих говорах немногочисленны. В говорах I—II несмягченные соглас-

⁷ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Вступ. статьи и комментарии. М., 1957, стр. 606, нас. п. 408.

⁸ «Атлас русских народных говоров центральных областей к юго-западу от Москвы». Вступит. статьи и комментарии, стр. 40.

⁹ Р. Ф. Пауфош и м а. Указ. соч., стр. 75.

ные наблюдаются либо только перед /е/ (Ia и IIa), либо также и перед вариантами /е/ и /а/, совпадающими по своей реализации с /е/.

Для говоров III—IX характерно отверждение парных мягких согласных и перед вариантами /ѣ/ и /а/, например:

I. а) Нас. п. 1153 *п'ѣцку*, *коп'ѣйку*, *п'ел'обт*; б) нас. п. 1407 *ов'ѣс*, *д'ер'ев'ѣн'ск'им*, *цв'ест'ѣ*, *в'ѣдра*, *цв'ѣту*, *пороскошн'ѣа*, *р'ѣйжы*, *зд'ѣйс'*¹⁰.

II. а) Нас. п. 1443 *ов'ѣйч'к'и*, *п'ер'егорѣдоч'к'и*, *ж'ердыны*; б) нас. п. 1057 *на м'ен'а*, *ум'ерл'и*, *д'ер'евн'у*, *т'ел'ат*, *т'еб'а*, *р'ез'уной*, *к об'ѣду*, *по р'ек'ѣ*, *п'ам'ет'и*; *ит'т'ѣ*, *хват'ило*, *до д'ев'ет'ѣ*, *сорт'ирѣют*¹¹.

III. Наблюдается в говорах Заветлужья к западу от Яранска и Котельнича. Нас. п. 1224 *топ'ер'е*, *ф п'ѣрвос'т'и*, *вороб'ѣй*, *д'ѣн'*, *д'ѣс'ет'*, *н'е п'екл'ѣ*, *д'ет'ѣй*, *над'ев'ѣйут*, *п'ѣт'*, *м'ѣс'ец'*, *пр'ед'ѣм*; *он'ѣ*, *вос'м'ѣна*; *н'ѣт*, *р'ѣпка*¹².

IV. Отмечен в некоторых вологодских и кировских говорах к юго-западу от Котельнича. Нас. п. 809 *у м'анѣ*, *п'ѣц'к'а*, *в п'ѣц'и*, *д'ѣн'*, *д'ѣржым*, *молодѣц*, *т'ѣхн'ика*, *гостѣй*, *н'ѣт*, *не в'ѣдно*, *над'ѣвл'и*, *побѣж'ѣм*, *п'ѣск'ѣ* и т. п.; *ход'ѣ*, *л'ѣды*, *в г'ѣсты*, *тр'ѣй'ат*, *ц'ѣты'ры*, *спас'ѣбо* и др.; *Н'ѣда* (собственное имя)¹³.

V. Зафиксирован в некоторых вологодских говорах к юго-востоку от Вожеги и кировских говорах Заветлужья между 47°—48° в. д. и 58°—49° с. ш. Нас. п. 1435 *б'ѣс п'ѣч'и*, *коп'ѣйк'и*, *в'ѣчера*, *в'ер'ѣбка*, *буф'ѣту*, *см'ѣрт'*, *д'ѣн'ок*, *д'ѣн'*, *ст'ѣрл'ад'и*, *т'ѣпл'иной*, *в газ'ѣт'е*, *н'ѣсл'а*, *тр'ѣт'т'ѣва*, *д'ет'ѣй*, *позр'ел'ѣе*, *д'ѣлал'и*, *над'ѣл'и*, *б'ѣл'ѣт'*, *в'ѣр'ит'*, *двѣст'и*, *д'ѣв'ет'*, *д'ѣс'ет'*; *клад'ѣ*, *с'ид'ѣт*, *уход'ѣл'и*, *запл'ѣт'им*, *рубл'ѣ*, *в муз'ѣйе*, *с'ѣб'ѣ*, *д'ѣлал'и*; *в д'ѣтств'ѣ*, *б'ѣгат*, *л'ѣт*, *в р'ек'ѣ*; *м'ен'а*, *т'ѣб'а*, *высад'ат*, *у т'а*¹⁴.

VI. Отмечен в некоторых кировских говорах к западу от Яранска и в вологодских — к юго-востоку от Вожеги. Нас. п. 1424 *б'ѣз м'ен'а*, *докум'ѣнты*, *у м'ен'а*, *д'ѣн'г'ам*, *д'ѣн*, *д'ет'ѣй*, *т'ѣрп'ѣла*, *гд'ѣ*, *дойд'ѣт'ѣ*, *вар'ѣт'ѣ*, и др.; *ид'ѣ*, *бр'ѣд'ѣ*, *ход'ѣла*, *сад'ѣ*, *в'ѣд'ѣ*, *п'л'ѣт'ѣ*, *паст'ѣ*, *вар'ѣт'ѣ*, *кѣст'и* и т. п.; *д'ѣд'а*; *ид'ѣм*, *т'ѣб'а*, *т'ѣтка*, *п'л'ѣт'ѣм*¹⁵.

VII. Встречается к западу от Котельнича и юго-западнее Яранска, также южнее Грязовца в Ярославской обл. Нас. п. 1209 *п'ѣч'*, *п'ѣй*, *топ'ер'*, *до м'ен'а*, *д'ер'ев'ѣа*, *лошѣд'ѣй*, *у т'ѣ*

¹⁰ а) Нас. п. 201, 319, 339, 670, 814, 1124, 1149, 1174, 1198, 1200, 1253, 1381, 1385, 1439, 1449; б) нас. п. 5, 986, 1142, 1230, 1386, 1454.

¹¹ а) Нас. п. 1, 93, 634, 1032, 1171, 1201; б) нас. п. 918, 924, 1223, 1233, 1447.

¹² Нас. п. 1235, 1410, 1428, 1450, 1452.

¹³ Нас. п. 946, 950, 1234, 1236.

¹⁴ Нас. п. 808, 810, 813, 1226, 1227, 1232, 1238, 1239, 1240, 1248.

¹⁵ Нас. п. 807, 1427, 1445.

ст'а, парн'ей, б'ик'ешн'и, п'еск'у, гд'е и др.; в'изд'е; опр'ад'от, пойд'от¹⁶.

VIII. Отмечен к юго-западу от Котельнича и Яранска и в одном нас. п. к югу от Вожеги. Нас. п. 1237 б'ез оч'к'обф, п'ер'еш'л'у, п'ервой, сынов'ей, у м'эн'а, м'ен'ше, конф'еты, д'ев'ет', д'ен'з'и, д'ес'ат', т'еп'ер'е, т'епл'о, н'е было, л'егл'у, л'е'к'и'е, р'еб'ата, р'ев'ел'и, с'еб'а, в муз'ее, з'емл'у, м'еш'ок, ф'шк'ол'е, т'эх, н'ет, д'ет'ам, п'ес'н'и и т. п.; гд'е н'иб'ут, (первичное обследование) одн'и, п'ривык'ли; м'есто, у н'ев'есты, р'ену, р'етко; д'ев'атова, д'ел'анк'и; ум'орл'а¹⁷.

IX. Встречается в нескольких нас. пп. к западу от Яранска и южнее Грязовца. Нас. п. 1451 в'ерн'ул'и, в'ер'ет'ен'о, в'езд'е, м'енше, к'ам'ены, д'ер'евн'и, од'ер'гивал'и, ф'с'ем'и'е, з'емл'ен'у'га, тр'ет'я, ф'пл'ен'у, ф'пл'е, в'ет'ер, м'есто, р'еч'ка, р'етко, ор'ешн'ик, б'ел'ыйе, с'ено, с'ел'и, снох'е, в'исак'е, п'ет'ид'ист'и и т. п.; фам'ил'и'а, зб'ир'ат', п'ит'ан'йо, ов'ин, л'бшед'и, проход'ил, ит'т'у, колот'ил'и, у н'их, х'п'р'азн'икам, погас'ил'у, с'ох'и; пом'ешы'ца, в'езд'е, н'ет, пр'естар'ел'ых, к'рост'р'ел'у, пл'ен, л'етом, од'д'ел'нойе, фс'е, гд'е и т. п.; п'ад'д'уш, вод'ан'айа, д'ев'ат, св'ажош, вар'ат, розд'ел'ал'ос', изм'ен'айут, з'ат'ид, горст'ам, лошаd'ах и др.; ж'ереб'онкоф, ов'ос, в'ыл'ез'ош, прос'охн'от, ув'ез'обной, ом'м'отом, б'уд'ом; л'убл'у, п'омн'у¹⁸.

* * *

Отверждение парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах отмечается в подавляющем большинстве случаев перед /e/, как в сильной, так и в слабой позиции. Несмягченные согласные перед /e/, реализующейся не только в [e], но иногда и в [ê], [e"], [eи], [и], представлены почти исключительно в кировских говорах. В имеющихся в нашем распоряжении материалах несмягченные согласные перед /и/ составляют приблизительно 1/5 общего количества примеров, отмеченных как в вологодских, так и в кировских говорах. Полумягкие согласные перед /ê/, реализующейся в [ê] и [iê], немногочисленны. Сравнительно редко случаи отвердевания парных мягких согласных перед /a/ и /o/, единичны перед /y/.

Сравнение записей некоторых вологодских и кировских говоров, сделанных одними и теми же авторами, дает основание предполагать различную степень смягченности парных согласных перед гласными в этих двух массивах говоров. Твердые согласные наряду с полумягкими перед /e/ и /и/ отмечаются в кировских говорах в единичных случаях, а в некоторых вологодских

¹⁶ Нас. п. 1059, 1213, 1457.

¹⁷ Нас. п. 917, 1229, 1231, 1427, 1440, 1453.

¹⁸ Нас. п. 1056, 1442.

говорах они зафиксированы даже чаще полумягких в тех же позициях, например, в нас. п. 807—810, 813. Только в вологодских говорах наблюдаются твердые согласные перед этимологическими *ь* и *е*; перед *ь*: 807 *нарэ́ска*; 808 *мен'ит*; 810 *тэбэ́, звер'йб, роздэ-ва́йс'о, дэ́тэй; дэ́ты, надб'н'еш, дэ́йс', одыл'йўс'а*; 813 *ц'э́тэ́й, помэ́йык* и др.; перед этимологическим *е* 807 *реб'йн, редн'йну, пред'у, Ва́на, В'э́на*; 808 *тежелó; Кóста*; 810 *гл'а́да*; 950 *Ка́та* и др.

Перед /о/ в вологодско-кировских говорах отмечаются единичные примеры твердого *р* наряду с полумягким перед сочетанием -ов- из -ев-. Например: 807 *werb'owok, werb'ужка*; 1445 *в'ерб'фк'и, д'ерб'ф* и др.

Как в вологодских, так и в Кировских говорах только твердые согласные произносятся в конце основы слова *тэ́та*, которое сохранило в этих говорах древнюю бессуффиксальную форму¹⁹, а также в заимствованиях *кара́с* (мн. ч. *кара́сы*) и *с* в слове *сырень*²⁰.

* * *

Чаще всего в вологодско-кировских говорах I—II отвердевают губные, особенно /в/, который на этой территории реализуется в [w] или [ў], а палатализация согласного, как известно, уменьшается или вовсе утрачивается при его вокализации²¹. В говорах III—IX перед гласными чаще отмечается отверждение переднеязычных смычных /т/, /д/, /н/. В ряде вологодских говоров наблюдается особое, альвеолярное образование /т/ и /д/ (нас. п. 946, 950, 1056, 1057, 1059), а также /н/ (нас. п. 1059). Относительно большая частота несмягченного *р* объясняется, по-видимому, легкостью диспалатализации русского [p'], что было отмечено еще О. Броком и А. И. Томсоном²².

Несмягченные смычные согласные на месте соответствующих мягких составляют приблизительно $\frac{2}{3}$ всех случаев отверждения парных мягких согласных перед гласными в материалах атласов русских народных говоров, как южно-, так и севернорусских. Случайный ли это факт или отражение определенной закономерности, может решить лишь специальное исследование этих говоров. Статистические подсчеты частотности фонем русского литературного языка показали большую частотность как раз мягких щелевых и дрожащего согласных, а не мягких смыч-

¹⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 953.

²⁰ М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, стр. 528; т. II, стр. 628; *сырень* с твердым *с* известно также и южнорусским говорам.

²¹ О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, стр. 23—24.

²² О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 5₂, СПб., 1910, стр. 35—36; А. И. Томсон. Заметки к «Очерку физиологии славянской речи» О. Брока. — РФВ, 1911, стр. 146.

ных²³. Возможно поэтому предположение, что большее количество примеров с отвердением мягких смычных в наших записях не связано с их большей употребительностью в диалектной речи.

В исследованиях по экспериментальной фонетике русского литературного языка отмечается более длительная непалатализованная фаза у мягких смычных (около 60% длительности всего согласного), чем у мягких щелевых (около 30% длительности всего согласного)²⁴. Представляется вероятным, что и в диалектной речи длительность непалатализованной фазы у этих двух групп согласных также различна. Возможно, поэтому отвердение смычных согласных воспринимается наблюдателями отчетливее, чем аналогичное явление у щелевых, что и отражено в количественном соотношении примеров с несмягченными смычными и щелевыми в наших материалах.

Обращает на себя внимание и такой факт. Почти половина всех примеров с несмягченными согласными перед гласными отмечена в начальном слоге, в позиции С'Г' и СС'Г, где С — согласный, а Г — гласный. Трудно решить, следствие ли это более отчетливого восприятия наблюдателями начала слова или отражение объективной фонетической закономерности. Внутри слова полумягкие и твердые согласные перед гласными чаще зафиксированы после передних гласных, особенно после лабиализованных [o] и [y]. В ряде материалов несмягченные согласные представлены преимущественно в начальном слоге и в середине слова после /o/, /y/. Только твердые и полумягкие губные не ограничены положением в слове в говорах I—II, остальные же согласные встречаются лишь в позициях, указанных выше. Отверждение согласных перед [e], [e̞], [ei], [i] — реализациями /e/ и /è/ —, а также [y] отмечено в наших материалах, за единичными исключениями, также только в начальном слоге и в середине слова — после /o/ и /y/. Необходимо специальное исследование, чтобы решить, случайны эти факты или действительно отверждение парных мягких согласных перед гласными связано с их позицией в слоге и с качеством предшествующего им согласного (передний — передний).

* * *

Трудно установить, как развивалось анализируемое фонетическое явление в вологодско-кировских говорах. Вследствие особенностей русской графики и орфографии мы не можем опираться при решении этого вопроса на деловые документы Северо-

²³ В. Н. Елкина, Л. С. Юдина. Статистика слогов русской речи. «Сборник трудов Ин-та математики СО АН СССР», вып. 10, 1964, стр. 61.

²⁴ Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Зависимость временной характеристики согласных от их фонетического положения. «Вопросы радиоэлектроники», серия XI. Техника проводной связи, вып. 3, 1960, стр. 125.

Восточной Руси XV—XVII вв., отражающие особенности народно-разговорного языка той эпохи, а все записи наблюдателей, кроме беглых заметок М. А. Колосова, фиксируют современное состояние рассматриваемых говоров.

Очевидно, не все парные мягкие согласные отвердевают одновременно. В большинстве говоров Ia зафиксированы почти исключительно несмягченные губные, у которых в этих говорах отсутствует корреляция по твердости—мягкости на конце и в середине слова — перед согласными²⁵.

Существование ряда южно- и севернорусских говоров с ассимилятивным отвердением парных мягких согласных в середине слова перед твердым согласным, на стыке самостоятельных слов и перед постпозитивной частицей, а также в абсолютном конце слова, особенно частое отвердение *m* в суффиксе инфинитива, при отсутствии аналогичного явления перед гласными, свидетельствует в пользу предположения о более раннем появлении несмягченных согласных именно в этих условиях²⁶.

Наличие говоров с отвердением парных мягких согласных только перед /e/, по-видимому, указывает, что несмягченные согласные первоначально появляются именно в этой, слабой для парных по твердости — мягкости согласных, позиции. К такому же выводу приходят исследователи категории твердых — мягких фонем в украинском и белорусском языках²⁷. Следующим этапом, вероятно, было отвердение парных мягких согласных перед вариантами /ě/ и /a/, совпадающими по своей реализации с /e/ и ее вариантами, а также перед /i/. Это отражено в говорах Ib и II. Затем, очевидно, происходит отвердение парных мягких согласных перед /ě/, /a/, /o/, /y/.

* * *

Будучи фонетическим явлением, отвердение парных мягких согласных перед гласными, по-видимому, все же не совсем без-

²⁵ Твердые губные в указанных позициях распространены гораздо шире, чем несмягченные согласные перед гласными. См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты 68—69; «Атлас русских народных говоров центральных областей к юго-западу от Москвы», карты 53—54, а также посвященные этому вопросу карты «Атласа центральных областей к северу от Москвы».

²⁶ О. Брок. Говоры к западу от Мосальска, стр. 13; А. Б. Пенков и к и й. Ассимилятивные изменения согласных по твердости—мягкости в говорах западной Брянщины. «Уч. зап.» Ленинградского пед. ин-та, 1958, т. 173, стр. 240—246.

²⁷ Л. Э. Калыныч. Категория твердых — мягких согласных в белорусском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1959, т. XVII, стр. 92; Л. Э. Калыныч. Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1962, т. XXIII, стр. 65; W. Kuraszkiewicz. Ukraińska dyspalatalizacja w gwarach podlaskich. Z polskich Studiów sławistycznych. Seria druga. Warszawa, 1963, стр. 36.

различно к положению согласного в морфеме. Несмягченные согласные зафиксированы почти исключительно в тех морфемах, где их мягкость или твердость не имеет смысловозначительной функции. Чаще всего полумягкие и твердые согласные отмечаются в начале корневой морфемы, т. е. там, где «твердые и мягкие фонемы различают звуковой облик слов, как правило, в семантическом отношении друг другу полностью чуждых. Поэтому в начале морфемы наличие сильных твердых и мягких фонем не образует чередования»²⁸. Часто встречаются несмягченные согласные в приставках и предлогах *без, пере, при*, а также частице *не*. В ряде говоров, расположенных вокруг рассматриваемых в данной статье, отмечается твердый *т* в суффиксе инфинитива.

* * *

Ряд фактов свидетельствует о сравнительно позднем появлении несмягченных согласных в вологодско-кировских говорах:

1. Можно предполагать, что отверждение парных мягких согласных произошло после изменения [а] в [е] между мягкими согласными как в ударном, так и в безударных слогах. Это подтверждается наличием несмягченных согласных перед [е] на месте /а/²⁹. Например: 808 *п'эт* (пять); 917 *хоз'эйку*; 917, 918 и 1239 *оп'эт*; 1226 *исполн'эл'и*; 1233 *потэрэли, прэли, прэсти, измэлис*; 1239 *т'эн'ош*; 1240 *вз'эт*; 1432 *гл'ед'эт*; 1457 *пэм'ет* и т. п.

2. Несмягченные согласные появились, очевидно, после изменения [е] в [ѐ], [и], [ѐ^и], [ѐй] между мягкими согласными. Например: 1226 *полот'ѐн'ч'о*; 1229 *с'ѐмд'ес'ат, ѓ'ѐв'ет', т'ѐрп'ит*; 1231 *молод'ѐц'*; 808 *пост'ѐл'а, от'ѐц', кузн'ѐц'*; 1410 *от'ѐйц', ов'ѐйч'к'и* и т. п.

3. В пользу предположения о сравнительно позднем появлении твердых и полумягких согласных на месте парных мягких говорит и тот факт, что гласные фонемы среднего и нижнего подъема перед отвердевшими согласными, как и перед соответствующими мягкими, испытывают передвигку вперед и вверх. Следовательно, система предударного и заударного вокализма между мягкими согласными сложилась в вологодско-кировских говорах до отверждения парных мягких согласных. Например: 1227 *ѓ'ис'атым*; 1231 *у м'ин'а*; 1233 *улитэли*; 1427 *п'ет'й*; 1450 *с'ѐб'ѐ*.

4. Отверждение парных мягких согласных перед /о/ могло произойти после падения редуцированных и вторичного смягчения полумягких согласных, так как «в период действия указан-

²⁸ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 183.

²⁹ Р. Ф. Пауфощима. Указ. соч., стр. 75.

ного процесса гласные *e* и *o* после мягких согласных являлись вариантами одной фонемы» и, следовательно, «отверждение согласного должно было привести к делабиализации гласного»³⁰. Несмягченные согласные зафиксированы в вологодско-кировских и перед [o], возникшим нефонетическим путем — во флексиях и между мягкими согласными. Например: 808 *идьм'о*, *л'эч'ит'о*; 1229 *пр'ин'ос'и* и т. п. Отверждение [p'] перед [o] из [e] могло развиться до фонологизации отношений /e/ и /o/ после мягких согласных. Е. Ф. Карский считал, что «диалектно нерасположенность к мягкому *p* уже была заложена в основном славянском языке и что одна часть русских племен пережила твердость *p* еще в общеславянскую эпоху вместе с некоторыми югославянскими диалектами»³¹. Вероятно, межслоговой ассимиляцией гласных при затемнении словообразовательных связей и отсутствии форм словоизменения объясняется [с] в наречии *совбдне* (нас. п. 1230); с таким произношением это слово отметил в вятских говорах еще М. А. Колосов³².

5. Наличие несмягченных согласных перед [e] на месте ѣ в сильной позиции также свидетельствует о том, что отверждение парных мягких согласных перед гласными является сравнительно поздним фонетическим явлением, так как совпадение /e/ и /ě/ под ударением перед твердым согласным — новая черта в фонологической системе вологодско-кировских говоров.

* * *

Ряд особенностей фонологической и морфологической систем рассматриваемых говоров способствовал появлению полумягких и твердых согласных на месте парных мягких.

Для подавляющего большинства вологодско-кировских говоров, в которых отмечено данное фонетическое явление, характерен semifонемный состав гласных с неполноценной фонемой /e/ в сильной позиции и с отсутствием лабиализации [e] в слабой позиции. Наличие /ě/ и /ô/ присуще и южнорусским говорам с несмягченными согласными перед /e/ и /и/ ³³, а также юго-западным говорам белорусского языка ³⁴. Особая фонема / ě / сохраняется

³⁰ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 278. — Л. Э. Калнынь полагает, что в украинском языке отверждение парных мягких согласных произошло до изменения [e] в [o] (См.: Указ. соч., стр. 65). Несмягченные согласные перед [e], не изменившимся в [o], единичны в вологодско-кировских говорах: 808 *дѣктем*; 1407 *ов'ѣс*.

³¹ Е. Ф. Карский. Белорусы. Вып. I. М., 1955, стр. 306.

³² М. А. Колосов. Указ. соч., стр. 220.

³³ См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты 16—20; «Атлас русских народных говоров центральных областей к юго-западу от Москвы», карта 19.

³⁴ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карты 2—18, 34—35.

в североукраинских говорах³⁵. Таким образом, говорам, знающим отверждение парных мягких согласных перед гласными, свойственна противопоставленность фонем среднего — /e/ и /o/ — и средне-верхнего — /ě/ и /ô/ — подъема в сильной позиции. В безударных слогах варианты фонем среднего подъема также различаются в перечисленных выше языковых системах. Это выражается в отсутствии лабиализации [e] в предударных слогах в вологодско-кировских говорах, окающих юго-западных белорусских говорах и украинском языке. Именно лабиализация [e] не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными дала возможность осуществиться корреляции твердых—мягких согласных с «наибольшей полнотой»... в фонетической системе ростово-суздальского диалекта»³⁶. В южнорусских говорах несмягченные согласные перед /e/ в слабой позиции наблюдаются лишь при еканье и иканье, то есть при различении вариантов гласных фонем среднего подъема /e/ и /o/. При яканье, т. е. при неразличении вариантов фонем среднего подъема, несмягченные согласные отмечаются только перед /e/ в ударенном слоге³⁷. Таким образом, ослабление корреляции твердых и мягких согласных связано с большей противопоставленностью гласных фонем, с различением вариантов гласных фонем среднего подъема в безударных слогах, с увеличением их смыслоразличительной функции. Чем больше противопоставленность и смыслоразличительная роль гласных фонем, тем меньше противопоставленность и смыслоразличительная роль согласных фонем, парных по твердости—мягкости³⁸. Изменения [a] в [e], а также [ě] в [e], способствующие расширению употребления [e] и количественному росту случаев нейтрализации парных по твердости—мягкости согласных, также благоприятствуют ослаблению корреляции согласных по твердости—мягкости.

Ряд особенностей системы консонантизма вологодско-кировских говоров также поддерживает ослабление противопоставленности твердых и мягких согласных:

1. Отверждение мягких губных на конце слова и в середине перед согласными.

³⁵ Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 67.

³⁶ К. В. Г о р ш к о в а. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. — ВЯ, 1964, № 5, стр. 99; С. К. П о ж а р и ц к а я. Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 28.

³⁷ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты 8, 60; О. Г. Г е ц о в а. Говор села Катагощи. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 7; «Атлас русских народных говоров центральных областей к юго-западу от Москвы». Вступит. статьи и комментарии, стр. 40.

³⁸ Р. Я к о б с о н. К характеристике европейского языкового союза. — В кн.: «Roman Jakobson writings», I. Phonological Studies. Mouton, 1962; А. И с а ч е н к о. Опыт типологического анализа славянских языков. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 114.

2. Отверждение мягких сонорных [л'], [н'], [р'] в сочетаниях -л'н-, -л'ш-, -л'ч-; -н'ш-, -н'ц-; -р'ч-, -р'ц-, -р'ш- в середине слова.

3. Отверждение парных мягких согласных перед твердыми согласными в середине слова, на стыке слов и в абсолютном конце слова. В ряде вологодско-кировских говоров отверждение *т* в суффиксе инфинитива уже морфологизовалось ³⁹.

4. Сокращение в фонологической системе вологодско-кировских говоров случаев употребления непарных мягких фонем и соответственно увеличение случаев употребления непарных твердых фонем: а) утрата /j/ между гласными и ассимиляция его предшествующему переднеязычному согласному (*быва́т*, *воскр'е-с'ён'н'е*, *пла́т'т'е* и т. п.); б) отверждение долгих мягких шипящих *ш'* и *ж'* в фонетически не обусловленных позициях. В ряде вологодских говоров *ж'* произносится как [жд] или [ждж]; в) отверждение /ч/ в некоторых вологодско-кировских говорах.

5. Наличие в ряде вологодско-кировских говоров противопоставления [l] — [л'], где [l] и [л'] акустически различаются слабее, чем [л] и [л'], что аналогично различению твердых и полумягких согласных в этих же говорах.

Ряд черт морфологической системы вологодско-кировских говоров ограничивает сферу употребления мягких согласных и тем самым способствует ослаблению корреляции согласных по твердости — мягкости:

1. Расширение форм на — *у* в предл. п. ед. ч. существительных м. и ср. р. (*на в'еч'ер'у*, *пр'и д'элу* и т. п.).

2. Распространение окончания -а в им. п. мн. ч. у слов с суффиксами -'анин-, -'шик-, -'онок- и др. (*крест'яна*, *дом'ишка*, *око'шка*, *тел'ёнка*, *пастух'а*, *мозг'а* и т. п.).

3. Тв. п. мн. ч. с окончаниями -мы, -ма, -м у имен.

4. Им. п. ед. ч. м. р. прилагательных с окончаниями -ой, -ей и предшествующим им твердым согласным основы (*гбр'кой*, *с'ер'ёдной*, *з'ёмной*, *т'йхэй* и т. п.).

5. Наличие форм местоимений типа *он'ы*, *эты*, *т'ыи*, *одн'ы*.

6. Твердость [с] в возвратной частице.

Ослаблению корреляции твердых и мягких согласных способствует также частое употребление в вологодско-кировских говорах постпозитивной частицы (-то, -та, -ту, -от), перед которой происходит ассимилятивное отверждение конечных мягких согласных.

* * *

При изучении отверждения парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах нельзя не учитывать и роли межъязы-

³⁹ Анализ форм инфинитива с несмягченным [т] в указанных выше работах В. Г. Орловой, Г. В. Шайтановой и Р. Ф. Пауфосими, а также наши материалы свидетельствуют, что эти формы не восходят к древнему супину.

ковых контактов, возможно в какой-то степени связанных с этим фонетическим явлением и его своеобразием в вологодско-кировских говорах. Как известно, особенно интенсивно осваивалась территория северо-восточной зоны русскими переселенцами в XV—XVII вв., при этом происходила частичная ассимиляция русским коренного иноязычного населения. Ряд черт, присущих фонетическим системам иноязычного окружения, мог поддержать отверждение парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах:

1. Наличие только твердых губных /п/, /б/, /м/, /в/ в коми языке, мордовском, удмуртском ⁴⁰.

2. В качестве характерных особенностей «русского говорения» чуваш и марийцев А. М. Селищев отмечал незначительную степень палатализации в передаче русских мягких согласных, особенно губных и заднеязычных, у чуваш, и полную твердость или слабую смягченность русских мягких согласных перед гласными и на конце слова у марийцев ⁴¹.

3. Отсутствие мягких согласных в середине слова перед согласными в удмуртском и коми языках.

4. Наличие только [р] в коми литературном языке, употребление в нем [р'] только в новых заимствованиях из русского языка. Более частое отверждение [р'], чем других парных мягких согласных, известно и в некоторых вологодско-кировских говорах ⁴².

5. Ассимиляция [j] предшествующему согласному. Сочетания «согласный + [j]» в русских словах чуваш и марийцы, по свидетельству А. М. Селищева, передают посредством мягкого согласного. Эту черту фонетики вологодско-кировских говоров, как и произношение [л] и [ľ] на месте [л], считают остатками «иноязычной подосновы» этих говоров ⁴³. Произношение [ũ] и [w] вместо [л] перед согласным и на конце слова известно многим комийским говорам ⁴⁴.

Они возникли фонетически и закрепились в данной морфологической категории, где мягкость [т] не поддерживается спрягаемыми формами глагола.

⁴⁰ В. О. Б у б р и х. Грамматика литературного коми яз. Л., 1949; О н ж е. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953; О н ж е. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948.

⁴¹ А. М. С е л и щ е в. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. «Уч. зап. Ин-та языка и литературы РАНИОН», т. I. М., 1927.

⁴² См. материалы по нас. п. 246, 807—810, 811, 917, 918, 937, 942, 993, 1048, 1056, 1059, 1223, 1248, 1386, 1432, 1435, 1440, 1450, 1453, 1457.

⁴³ Р. И. А в а н е с о в. Выступление на дискуссии по теории субстрата. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX. М., 1956, стр. 109.

⁴⁴ Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 171.

6. Позиционное изменение [ш] и [ж] в [ш'] и [ж'] перед гласными переднего ряда и [к'] в кировских говорах В. И. Лыткин связывает с воздействием коми-удмуртской фонетики ⁴⁵.

7. Тенденция к тембровой унификации слога, возможность влияния предшествующего гласного на степень палатализации последующего согласного в чувашском и эрзянском языках. Возможная зависимость степени смягченности согласного от качества предшествующего согласного (переднего—непереднего) как будто прослеживается и в имеющихся в нашем распоряжении записях вологодско-кировских говоров.

Для решения вопроса о том, насколько случайно сходство указанных выше черт фонетических систем вологодско-кировских говоров и иноязычного окружения и какова роль межъязыковых контактов в развитии анализируемого фонетического явления, требуется специальное исследование, далеко выходящее за рамки настоящей статьи. Весьма вероятно, что своеобразие процесса отвердения парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах явилось следствием развития не только внутренних тенденций, заложенных в самой фонологической системе этих говоров, но поддерживалось также контактами с финно-угорскими народностями, для языковых систем которых характерна более слабая, чем в русском языке, противопоставленность согласных фонем по твердости—мягкости. Возможно, более позднее, чем в южнорусских говорах и украинском языке, развитие корреляции твердых и мягких согласных в севернорусских говорах, а также более слабая степень палатализации согласных в этих говорах связана с межъязыковыми контактами и ассимиляцией русскими коренного населения ⁴⁶.

Отверждение парных согласных не может на современном этапе развития вологодско-кировских говоров привести к перестройке фонологической системы, так как это явление, возникшее в результате внутренних фонетических процессов в говорах, не совпадает с направлением этих процессов в современном литературном языке, для которого, наоборот, характерно упрощение системы гласных и постепенное возрастание смыслоразличительной роли согласных ⁴⁷. Появление несмягченных согласных не изменяет фонемного состава вологодско-кировских говоров, так как эти согласные являются лишь факультативной реализацией парных мягких фонем.

⁴⁵ В. И. Лыткин. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в коми-удмуртском. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 134.

⁴⁶ Р. Якобсон. Указ. соч., стр. 190; О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 4. СПб., 1907, стр. 77—84.

⁴⁷ И. А. Бодуэн де Куртене. Избр. труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 298—305; «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 80.

В. Н. Теплова

**ЗВУКИ [л], [l], [ɥ] НА МЕСТЕ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО л ТВЕРДОГО
И ИХ МЕСТО В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ
СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ**

В этой статье будут рассмотрены вопросы, касающиеся произношения звуков на месте *л* преимущественно в говорах Северо-Востока Европейской части СССР, так как именно в этих говорах фонема /л/ реализуется в звуках [l] и [ɥ].

1. Качество фонемы /л/ в литературном языке и в указанных говорах.

2. Системы произношения /л/ в зависимости от позиций.

3. Взаимодействие разных систем произношения /л/ в северо-восточных говорах и пути трансформации диалектных систем в произношении /л/.

4. Отношения /л/ и /в/ в ряде северо-восточных говоров (совпадение их в определенных позициях).

I

Общепринятую точку зрения на образование русского [л] твердого как в литературном языке, так и в ряде говоров можно сформулировать следующим образом: [л] произносится при смыкании кончика языка, приподнятого к верхним зубам и частично к альвеолам, при опущенной середине языка, которая принимает ложкообразную форму, задняя часть языка при этом приподнята к мягкому нёбу (*velum*)¹. Воздух проходит по бокам (или с одного бока) при опущенных краях языка².

¹ Последнее и послужило причиной, чтобы назвать его велярным.

² О. Б р о к. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», вып. V. СПб., 1910, стр. 34; О н ж е. Описание одного

По произношению фонемы /л/ русские говоры не представляют единства: в одних говорах фонема /л/ (независимо от занимаемой позиции) не отличается по своему качеству от /л/ в литературном языке; в других выявляется не только иное качество /л/, но и наблюдаются особенности в реализации различных звуков на месте л в зависимости от позиций.

Говоря об ином качестве /л/, мы имеем в виду прежде всего так называемое «среднее» [l], которое акустически производит впечатление звука среднего между [л] и [л'].

В отличие от твердого [л] «среднее» [l] произносится при плоской спинке языка без соответствующего поднятия задней части спинки языка к мягкому нёбу. Отличие [l] «среднего» от мягкого [л'] состоит в том, что мягкое [л'] образуется при дополнительной йотовой артикуляции, которая либо вовсе отсутствует, либо слегка лишь намечена при образовании [l]³. Следовательно, при образовании [l] наблюдается меньшая напряженность языка; кончик языка смыкается с твердым нёбом.

При этом следует учитывать то обстоятельство, что само «среднее» [l] в говорах может быть неодинаковым по своему качеству, что объясняется некоторым различием в способе и месте их образования: в одних говорах оно образуется при более плоской спинке языка и полной индифферентности задней ее части, в других образуется с некоторой напряженностью задней части спинки языка, но не достигающей той степени напряжения, которая наблюдается при твердом [л]⁴.

говора из юго-западной части Тотемского у. «Сб. ОРЯС», 1907, т. 83, № 4, стр. 53; А. И. Томсон. О русском l и его переходе в д. «Изв. ОРЯС», т. XVI, кн. 3, 1911, стр. 151; Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 54; В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 142—151 (рис. 1—9). — На это обратила внимание Л. Г. Скалозуб и на основе своих экспериментальных наблюдений подтвердила велярность русского [л] (Л. Г. Скалозуб. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963, стр. 44); М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Л., 1948, стр. 48; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 152; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 137; ср.: Л. В. Щерб а. Восточно-лужицкое наречие. Т. I. Пг., 1915. — Л. В. Щерба, говоря об l в этом диалекте, признает его на слух более или менее идентичным русскому твердому л; он пишет: «ни о каком поднятии задней спинки языка не может быть и речи» (стр. 28). См. также: С. К. Булич. О произношении русского л (польского ł). — РФВ, 1890, т. XXIII, стр. 85; В. П. Петрусь. Славянские фонемы l (сред.) и l (твердый). «Уч. зап. Кировского пед. ин-та», 1957, вып. 11, стр. 112.

³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 138—139.

⁴ Такой звук наблюдатели иногда обозначали знаком л' или l'. Характерно, что данные написания как правило употребляются наряду с l, лишь в нас. п. 435, 436, 1366, 1373 зафиксированы только л', l'.

Провести четкую границу при переходе от одного *л* к другому (т. е. определить, где кончается [л] твердое и начинается [l]) довольно затруднительно⁵.

Установление различных оттенков «среднего» [l]⁶ сопровождается еще большими трудностями, чем установление границы между [л] и [l], так как эти оттенки имеют наибольшую артикуляционную и акустическую близость.

Звук [l] «среднее» в соответствии твердому [л] в одних говорах Северо-Востока употребляется во всех позициях, в других он зафиксирован только перед гласными непереднего ряда. В последнем случае в положении перед согласными и на конце слова в значительной части говоров на месте *л* произносится [y̯] или [w], в ряде говоров — [л] твердое.

Звук [y̯ (w)]⁷ в рассматриваемых говорах употребляется обычно только в двух положениях⁸: а) перед согласными (*воу́к* и *пау́ка*) и б) на конце слова (*поу́*, *мау́* и *пошбу́*). В соответствии с /л/ в них последовательно произносится [y̯]. Фактически эти два положения здесь не различаются. Ни с какими другими условиями⁹ наличие [y̯] на месте *л* в говорах северо-востока не связано (в отличие от белорусского языка и западных говоров русского языка, для которых употребление [y̯] в названных положениях ограничено определенными категориями слов и форм: перед согласными на месте *л* произносят [y̯] в исконных сочетаниях редуцированного с плавным: *воу́к*, но [л] — в существительных с утраченным редуцированным: *па́лка*; на конце слова употребляют [y̯] — в глаголах прош. вр. ед. ч. м. р.: *пошбу́*, но [л] —

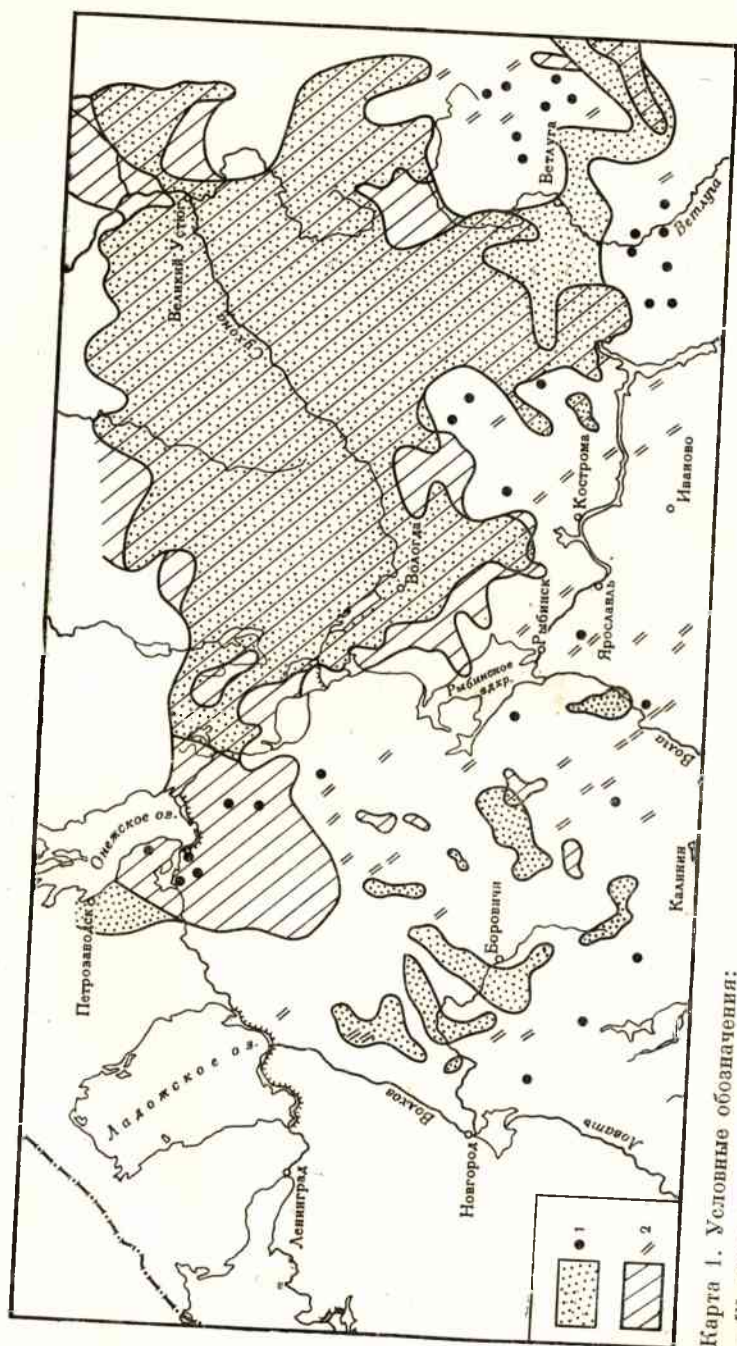
⁵ На это указывал еще О. Брок, говоря, что достаточно определенной границы между русскими (t) (т. е. *л* твердым) и [l] нет, что наблюдается «постепенный физиологический и акустический переход, без границ сколь угодно определенных, продолжается от самых глубоких *t* прямо до «среднего» *l*, а отсюда дальше в палатализованное *l*» (О. Б р о к. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 35).

⁶ Представляет известную трудность также решить, являются ли звуки, обозначенные *л'*, *л''*, степенью перехода от [l] к [л] или они в таком качестве в говорах употребляются постоянно.

⁷ Акустически звук [w] очень близок к [y̯]. В ряде говоров употребляются оба эти звука, но практически установить границу между звучанием [y̯] и звучанием [w] в некоторых позициях трудно. Поэтому при обозначении их обычно применяют какой-то один знак: либо *w*, либо *y̯* (на что ориентирует и «Программа»). Кроме того, в некоторых (правда, редких) ответах оба эти знака употребляют в одних и тех же позициях. В связи с этим материалы не позволяют провести последовательно различие между *y̯* и *w*. Поэтому в дальнейшем изложении при употреблении только знака *y̯* можно подразумевать как звучание [y̯], так и [w].

⁸ О единичных случаях употребления [y̯] на месте *л* перед гласными непереднего ряда см. на стр. 158.

⁹ Отмеченные в ряде рассматриваемых говоров отдельные примеры с употреблением [y̯] на месте *л* в различных, но ограниченных случаях следует считать реликтами, указывающими на наличие в них явления изменения *л* > *y̯* в прошлом (см. об этом на стр. 169—170).

Карта 1. Условные обозначения:

1 — [i] перед гласными переднего ряда; 2 — [u] перед согласными и на конце слова. На остальной территории в пределах этого Атласа произносятся [ɪ] в I и II позициях

На остальной территории в пределах этого

на конце существительных: *пол*, а также кратких прилагательных: *мал*).

Материалы Атласа позволяют более или менее точно представить территорию распространения звуков [ɪ]¹⁰ перед гласными непереднего ряда, [ʏ] перед согласными и на конце слова; это важно для характеристики описываемых говоров по той причине, что до настоящего времени отсутствовали более или менее полные данные о произношении фонемы /л/ на сплошной и столь обширной территории (см. карту 1).

Для установления закономерностей произношения фонемы /л/ в севернорусских говорах мы выделяем лишь две позиции: I — перед гласными непереднего ряда (*луна́, бы́ло*). II — в ней различаются два положения¹¹:

- а) перед согласными (*во́лк, па́лка*);
- б) на конце слова (*по́л, ма́л, пошбо́л*).

Объединение этих двух положений в одну позицию связано с тем, что они как правило представляют одинаковые условия для произношения звуков в соответствии с /л/. Прежде чем описать закономерности в употреблении звуков на месте *л*, следует коснуться еще одного вопроса, связанного с данным.

Известно, что в русском литературном языке к сонорным близок губной спирант *в*¹²: перед /в/ так же, как и перед сонорными, различаются парные звонкие—глухие (*свой-звон, квас-звозди* и т. п.), но, в отличие от сонорных, он сам вступает в пару по звонкости—глухости: *в—ф* (*во́т — фо́то, сло́ва — стро́фа*). Фонемы /л/ и /в/ роднит здесь то, что перед той и другой различаются глухие и звонкие согласные.

Что касается говоров русского языка, то там могут наблюдаться другие отношения, благодаря иному качеству фонем /л/ и /в/. Так, в соответствии с /в/ во многих говорах русского языка употребляется губно-губное [w]. Такое [w] не имеет пары по глухости—звонкости. Оно обладает большей сонорностью. Сонорность [w] выражена уже в самой артикуляции данного звука: «струи́ воздуха при его образовании проходит свободно, а фрикация и возникающие благодаря ей шумы столь слабы, что при оттенке [ʏ] они почти таковы, как при гласных»¹³. Мы видим, что здесь обращается внимание на различие звучаний [w] и [ʏ]

¹⁰ [ɪ] «среднее», как сказано выше, употребляется и перед согласными, а также на конце слова. Однако оно здесь появилось позднее, по сравнению с [ɪ] перед гласными непереднего ряда.

¹¹ Каждое из этих положений включает в себя разные категории случаев употребления /л/: а) в исконных сочетаниях редуцированных с плавным (*во́лк*) и в существительных с утраченным редуцированным перед суффиксом *к* (*па́лка*); б) в глаголах прош. вр. ед. ч. м. р. (*пошбо́л*), на конце существительных (*по́л*) и кратких прилагательных м. р. ед. ч. (*ма́л*).

¹² См. подробнее: В. Г. Орлов а. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 167—168.

¹³ Там же, стр. 169.

(неслогового); подчеркивается более вокальный характер последнего по сравнению с [w] билабиальным.

В определенной части описываемых говоров (всегда при губно-губной /w/) на месте *в* наблюдается произношение [ʏ] в положении перед согласными и на конце слова, т. е. в той же позиции, где данное звучание употребляется и на месте *л*. Следовательно, в этих говорах /л/ и /в/ во II позиции совпадают в одном звуке — [ʏ]. Последнее обстоятельство ведет к некоторым фонологическим изменениям (стр. 172—173), но при этом не меняет состава фонем.

Различие же в образовании звука [л] или звука [ʏ], а также позиционное изменение *л* в *ʏ* при отсутствии изменения *в* в *ʏ* не имеет существенного значения для фонологической системы, так как и [л], и [ʏ], и [ʏ] представляют в таких говорах одну и ту же фонему. Статья посвящена главным образом системам произношения /л/, а не фонемным отношениям.

II

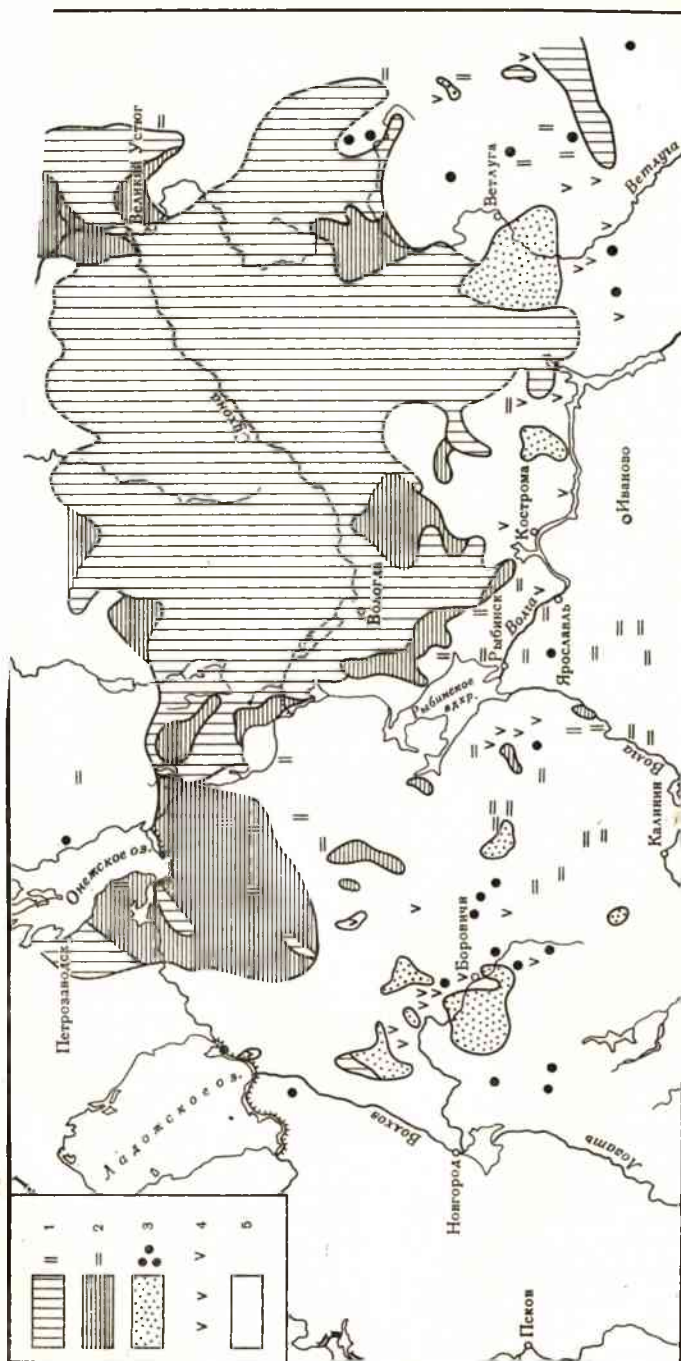
На описываемой территории существуют следующие системы употребления звуков на месте *л*¹⁴ (см. карту 2).

Фонетическая позиция Система	I	II
	перед гласными непереднего ряда	перед согласными и на конце слова
I	[ʏ]	[ʏ]
II	[л]	[ʏ]
III	[ʏ]	[ʏ]
IV	[ʏ]	[л]
V	[л]	[л]

I. Наиболее распространенной является система с [ʏ] «средним» в I позиции — перед гласными непереднего ряда, [ʏ] — во II позиции — перед согласными и на конце слова. Например,

¹⁴ В отдельных из рассматриваемых говоров встречаются единичные случаи произношения [ʏ] на месте *л* и перед гласными непереднего ряда (см. ответы по нас. п. 110, 143, 172, 756, 762, 809. 810, 866, 867, 873, 897, 898, 904, 932, 970, 1034, 1154, 1359, 1453). Не исключено, что в некоторых из них под написанием *ʏ*, *w* (или даже *в*) перед гласными непереднего ряда кроется звук, средний между [л] и [ʏ] (звук [л] с некоторой лабиализацией — [лʏ]), отмеченный, например, в нас. п. 332, 1235 — *лʏ*, *лʏ* — в нас. п. 619, поскольку акустически, в какой-то мере и артикуляционно, звук [л] твердый близок к [ʏ].

Наличие [ʏ] на месте *л* перед гласными непереднего ряда всегда представлено в ответах единичными примерами. Это не позволяет выделить употребление [ʏ] на месте *л* в обеих позициях как самостоятельную систему. Указанные случаи имеют место в говорах с I системой произношения /л/.

Карта 2. Условные обозначения:

1 – I система: {л} в I позиции, [л] в I позиции, [у] во II позиции; 2 – II система: {л} в I позиции, [л] во II позиции; 3 – III система: {л} в I позиции, [л] во II позиции; 4 – IV система: {л} в I позиции, [л] во II позиции; 5 – V система: {л} в I позиции, [л] во II позиции.

в говоре нас. п. 318: *шб́лохово, на с'улбс, кладо́ушч'ика́, глүбокб́, подб́ила, н'э попа́дала, ост'ылой, на́ла́д'иш, поплáт'иш, на плб́тн'ишну робб́ту, за болб́том, ла́пой и мн. другие; зна́у, сказа́у, ход'и́у, ч'ита́у, л'уб'и́у, п'и́у, пр'ийежжа́у, уб'и́у, сй́зд'и́у, на́р'ажáу, на́прáв'и́у, робб́тау, сто́у, ко́у; дб́уго, вб́ука, пб́уно, по́у́н'а́йо, шч'б́у́кат, мо́у́ч'и́т, м'е́у́ка́йа, па́у́ка, игб́у́ка, жа́у́ко, за т'б́у́кой, тар'е́у́к'и, пр'икб́у́ку, по́жен'и́у́с'о. Такие говоры бытуют на северо-востоке Европейской части СССР, занимая почти всю территорию Вологодской обл. (за исключением небольших частей на юго-западе и северо-западе ее), северные районы Костромской обл. и некоторые западные районы Кировской обл. (север Черновского и Даровского, запад Мурашинского, самый крайний юг Опаринского районов)¹⁵, а также часть южных районов Архангельской обл.¹⁶ На западе граница этого центрального массива проходит по р. Шексне, лишь севернее Белого озера она поворачивает чуть восточнее р. Ковжи, далее по западному побережью Онежского озера — по р. Свири, — до 34° в. д. На востоке граница этого массива в основном совпадает с границей между Вологодской и Кировской областями, захватывая частично пограничные районы Кировской обл.*

II. В незначительном количестве говорков при произношении [ў] в соответствии с /л/ во II позиции в I позиции зафиксировано велярное [л]. Например, в говоре нас. п. 1172: *пр'ийежжа́ла, пр'ив'езла́, н'э л'ша́д'и́, м'еша́ло, д'елал'и, сусло́н, на поло́с'е́, д'элайу́т, кла́ду́т, колосн'ик'и́, мо́ло́т'и́т', солб́м'ен'н'ик, б'ело́, пр'икола́у'ива́йут, коромы́сло, лопа́ты, ша́балу́, пом'елб́м, посто́йа́лы́йа, плуг... и т. д.; посп'е́у, напу́гау́, бы́у, угоши́ау́, попа́у, бы́ш, зна́у, сказа́у, быва́у, ход'и́у, п'и́у, сто́йау́, был; по́у, ко́у, сто́у; дб́угой, дб́угому́, жб́у́ты́йа, пб́уно́, подб́у́гу, по́у́гб́а, по́у́дн'а́, ис хо́у́ста, во́у́ну́шк'и, во́у́к, вб́у́к'и, го́у́б'еу; жа́у́ко, па́у́ка; н'зы́ва́у́с'а. Следует учитывать при этом, что в некоторых случаях наблюдатели, возможно, не отметили звука [л], несколько склонного к [l], произносимого с менее приподнятой задней частью спинки языка и с менее прогнутой серединой языка, чем при велярном [л]. Говоры с данной системой произношения /л/ сосредоточены преимущественно между Белым и Онежским озерами, а также встречаются и на других частях территории, обычно примыкающей к зоне распространения говорков с предыдущей системой. Кроме того, II система произношения /л/ представлена в отдельных говорах Вологодской области (нас. п. 781, 785, 825, 840, 845, 847, 850, 1017, 1020), Ярославской обл. (нас. п. 499, 1058).*

¹⁵ Сведения по Кировской обл. приведены на основании данных Е. П. Лупповой, представленных в ее статье «К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области», публикуемой в настоящем сборнике.

¹⁶ В статье речь идет лишь о границах описываемых явлений в пределах указанного Атласа.

1061), Костромской (нас. п. 1074, 1104, 1112, 1132, 1145, 1184, 1187, 1188) и др.

III. В пределах рассматриваемой территории отмечены два небольших ареала с употреблением «среднего» [l] на месте л в обеих позициях. Один ареал расположен в районе г. Ветлуги, по течению р. Ветлуги в Горьковской обл. и непосредственно примыкает к территории распространения говоров с I системой. Он представляет собой сплошной массив говоров с последовательным употреблением [l] «среднего». В качестве примера приведем материал нас. п. 1383 (д. Мошкино Калининского р-на Горьковской обл.): *побáула, пр'ишлбс', молот'ат, молод'бѣ, въгор'ело, вблост'и, влác'т'и, лошад'ей, в Ветлѣг'е, в'ес'ело, услыхál, лáдно, над'элal, пужáлуста, колбтк'и, плугá, т'блѣый, холбднѣе, колос'н'ик'и, на кулбд'е, т'енлб и мн. др., а также загор'елос', коб'ѣла, наклáл'и, лáфка; ушбл, мыл, хот'эл, брбс'ул, ѡѡзд'ул, ум'эл, сушѣл, д'иржál, плáвал, схватáл, пр'ис'бл, пов'бл, п'ул, пр'ийѣхál, войевál, д'ержál, д'элal, услыхál, над'элal, но ушбл, сл'ит'эл, сказál, по'шбл; журнál, стол, вол, подвál; гблб'ец, волк, столб, о бблгой, полт'ин'н'ик, б'естолкбваа, волкбв; наб'улк'и, пáлкам'и, л'есоп'улк'и; т'анѣлс'а, замѣц'улс'а, см'ин'улс'а. Несмотря на наличие небольшого количества примеров с твердым л, система произношения [l] «среднего» в обеих позициях здесь легко прослеживается.*

Другой ареал говоров с этой системой расположен севернее озера Селигер в бассейне р. Мсты на территории Новгородской обл. (лишь некоторые нас. п. встречаются в Калининской области — 419, 439, 440, 4441). Например, в говоре нас. п. 368 (д. Монуилово Окуловского р-на Новгородской обл.) отмечено: *мблшнѣый, д'елбф, полч'ат', крáла, во/к/зáла, посол'áла, болбт, ѡѣла, заплáтка, полбжен, молодбѣй, злбѣ, луч'кá, полбт'; бывál, выхбд'ул, раст'ул, был, куп'ул, брбс'ул, вѣп'ул, вѣб'ул; пол, кол, стол; волк, бблго, столбá; б'елка, на пблку, ѡблк'и, с'ид'блка, умѣлс'а, вѣмылс'а. Данный ареал в отличие от первого не представляет собой сплошного массива; в него вкраплены отдельные говоры с [л] твердым в обеих позициях. Расположен он в значительном удалении от массива говоров с системой [l] «среднего» в I позиции и [ѣ] перед согласными и на конце слова, но по соседству с данным ареалом зафиксированы отдельные говоры, в которых отмечены случаи употребления [ѣ] на месте л во II позиции.*

IV. Среди систем произношения /л/ несколько особняком стоит система, в которой в соответствии с /л/ в I позиции произносится [l] «среднее», во II позиции — твердое [л].

Говоры с такой системой произношения /л/ не сосредоточены на определенной территории и по количеству очень немногочисленны. В разбросанном виде они встречаются в Новгородской области (нас. п. 188, 214, 230, 233, 334, 337, 338, 340, 341, 350, 354, 372, 390, 406), в Калининской (нас. п. 416, 417, 418, 435, 436,

437, 459, 567, 570), Ярославской (нас. п. 673, 684), Костромской (нас. п. 1096, 1100, 1126, 1288, 1334), Горьковской (нас. п. 1365, 1366, 1373, 1401, 1426), Кировской (нас. п. 1421), Ленинградской (нас. п. 46) областях.

Характерно, что в «чистом» виде такая система на описываемой территории не отмечена. Во всех говорах с данной системой произношения /л/ наблюдается проникновение звука [л] твердого и в I позицию. В качестве примера можно привести говор нас. п. 341: *забѣла, в'идѣла, былѣ, н'улѣ, М'ихаѣла, клонѣ, лѣнно, полотнѣ, б'ѣлоѣ, плѣга, н'ѣр'ѣм'ѣн'ѣла, омолѣт'иш, вѣ'алѣ, род'улѣ, мѣло, плѣт'ат, заплѣтку, заплач'ѣ, а также из луч'ѣны, лѣн'шач'ѣк; вѣ-мыл, вѣбыл, кр'ич'ѣл, стуч'ѣл, дышѣл, н'ишѣл; кол; дѣлго, волк, пѣлка, иѣлка.*

Возможно, что она здесь и не была никогда твердо устоявшейся, из-за постоянных процессов взаимодействия, которые происходят в говорах с разными системами произношения /л/.

V. В северных говорах значительное место занимает и система произношения /л/, не отличающаяся от произношения данной фонемы в литературном языке. На территории «Атласа центральных областей к северу от Москвы» говоры с данной системой произношения /л/ охватывают большую часть Ярославской, Калининской, Новгородской областей, юго-восток Ленинградской, юго-западную часть Костромской, а также незначительную часть территории на юго-западе Архангельской обл. (восточнее Онежского озера) и единичные говоры на северо-западе Вологодской обл. (в Шольском р-не).

III

Различные системы произношения /л/, благодаря территориальной близости говоров, находятся в постоянном взаимодействии. Кроме того, в настоящее время говоры испытывают определенное влияние литературного языка. В результате этих двух факторов рассмотренные выше системы употребления звуков на месте л в говорах северо-востока Европейской части СССР редко зафиксированы без отклонений, т. е. в «чистом» виде ¹⁷.

Обычно в говорах наблюдается сосуществование разносистемных элементов. В установленных выше системах, в тех позициях, где отмечены звуки [l] или [ĭ] на месте л, происходит расширение сферы употребления звучания [л] твердого (отклонения с [л])

¹⁷ Исключением является система произношения /л/, совпадающая с литературной, которая употребляется без отклонений.

Отсутствие примеров, указывающих на отклонения от диалектных систем, в некоторых ответах, возможно, объясняется неполнотой материала; в ряде говоров при проверке таких последовательно выдержанных согласно первоначальным наблюдениям диалектных систем зафиксированы были отклонения (см. например, нас. п. 890, 1064, 1065 и др.). Подобное наблюдалось и автором (например, в нас. п. 1179, 1235).

и [l] «среднего» (отклонения с [l]). Проникновение первого из них, т. е. [л], имеет место во всех системах, причем в одних случаях следует указать на его появление в обеих позициях (I и III системы), в других — о расширении его произношения лишь в ту из позиций, где он отсутствовал (II и IV системы). Проникновение же [l] «среднего» имеет место лишь в I системе (о чем см. ниже).

Прежде всего охарактеризуем отклонения с [л]. Замена звучаний [ʏ] или [l] звучанием, соответствующим литературному, наблюдается почти всюду. Лишь в немногих ответах, в тех позициях, где отмечены звуки [l] или [ʏ] на месте л, не зафиксировано случаев употребления и звука [л]¹⁸.

Так, в I системе отклонения¹⁹ со звуком [л] обычно зафиксированы в обеих позициях (при этом независимо от наличия или отсутствия отклонений с [l] «средним»). Но в ряде ответов указанные отклонения в I системе отмечены лишь в какой-то одной позиции: в ответах по 35 нас. п. примеры с л отмечены только в I позиции (т. е. перед гласными непереднего ряда), в ответах по нас. п. 772, 789 Вологодской области примеры с л (при обычном ʏ) зафиксированы лишь во II позиции (т. е. перед согласными и на конце слова). Не исключено, что в последних двух говорах отклонения с [л] в I позиции могли быть не зафиксированы наблюдателями.

Наличие более 30 ответов, где отклонения с [л] в I системе отмечены только в I позиции и только двух ответов при отклонениях с [л] лишь во II позиции, позволяет предположить, что разрушение системы прежде всего, очевидно, начинается именно с I позиции.

Во II системе²⁰, естественно, отклонения со звучанием [л] могут иметь место лишь во II позиции. Как правило, они отмечаются как перед согласными, так и на конце слова. Лишь в незначительном числе ответов отклонения с [л] зафиксированы либо только перед согласными (в нас. п. 87, 133, 749, 1090, 1132, 1152), либо только на конце слова (нас. п. 128, 297, 325, 776, 877, 1053, 1074, 1081, 1172, 1177). Не исключено, что в некоторых из перечисленных ответов имеет место неполнота материала.

Очевидно, проникновение звучания [л] во II систему проходит обычно одновременно в обоих положениях II позиции.

В III системе²¹, так же, как и в I, случаи с произношением /л/ как правило имеют место и в I, и во II позициях.

¹⁸ Отсутствие их в той или иной позиции, возможно, объясняется теми причинами, которые указаны в сноске на стр. 162.

¹⁹ Без отклонений данная система зафиксирована лишь в ответах по 25 нас. п., разбросанным по всей территории распространения этой системы.

²⁰ Без отклонений она зафиксирована в 47 нас. п., не сосредоточенных на какой-то определенной территории.

²¹ Без отклонений она зафиксирована в немногих говорах Новгородской (нас. п. 348, 368), Горьковской (нас. п. 1356, 1376, 1379, 1380, 1385), Ярославской (нас. п. 507) и Кировской (нас. п. 1036) областей.

Ответы, в которых отсутствуют примеры с *л* в той или иной позиции, буквально единичны. Следует лишь подчеркнуть, что число примеров с *л* (при обычном *l* «среднем») несколько больше в I позиции.

Обращает на себя внимание тот факт, что число отклонений с [л] в I и III системах в центре ареалов несколько меньше, чем на периферии их.

IV система, как указано выше, в «чистом» виде не отмечена. Произношение [л] и [l] «среднего» в I позиции представлено в ней одинаковым количеством примеров.

Наличие отклонений с [л] в различных системах как правило не связано с какой-либо грамматической категорией и не закреплено за определенной лексикой. Лишь в единичных ответах примеры с твердым *л* зафиксированы только на конце существительных при отсутствии отклонений с [л] на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. (нас. п. 131, 150, 831, 1043, 1168 — в I системе; 498, 738, 740 — во II системе).

В отдельных ответах при сосуществовании [л] и [ʏ] перед согласными и на конце глаголов, на конце существительных отмечено только [л] (нас. п. 41, 93, 140, 144, 240, 261, 499, 676, 779 — при системе II типа).

Забегая несколько вперед, отметим подобную картину с [l] «средним». В нас. п. 803, 832, 839, 941 отклонения с [l] также зафиксированы только на конце существительных, где вовсе отсутствуют примеры с ʏ, в то время как перед согласными и на конце глаголов на месте *л* либо совсем отсутствуют отклонения, либо при обычном ʏ они представлены единичными примерами. Таких говоров, где бы отклонения с [л] (или [l]) представлены были только на конце существительных, при отсутствии их во всех других случаях, очень немного. Добавим, что иногда такая «закономерность» при проверке не подтверждалась²². Поэтому можно полагать, что в некоторых случаях имеет место неполнота материала. К тому же в потоке речи соответствующие существительные встречаются реже, чем глагольные формы с конечным *л*. Это также может способствовать тому, что материал по обеим категориям представлен неравномерно. Объясняя наличие *л* (*l*) на конце существительных (при ʏ на месте *л* во всех других случаях), Г. В. Шайтанова²³ придает большое значение фактору аналогии. Не отрицая его, все же не можем с этим полностью согласиться, так как подобная аналогия возможна и в глаголах (ср. *пол* — *пола*, но также и *пошл* — *пошла*). Допускаем, что в отдельных говорах отход от употребления [ʏ] и замена его звуком [л] или [l] начинается с существительных, по-видимому, благодаря боль-

²² См., например, ответы по нас. п. 493, 984, 986, 987.

²³ Г. В. Ш а й т а н о в а. К вопросу о соотношении внешних и внутренних факторов развития языка. «Уч. зап. Калужского пед. ин-та», 1960, вып. VIII, стр. 53.

шей внутренней связи между *пол* — *пóла*, чем между *пошóл* — *пошлá*. Однако такое положение не является общим для всех говоров Северо-Востока, так как в описываемых материалах имеет место и обратное, когда [ʏ] сохранилось лишь в конце существительного *стоў* при употреблении [л] во всех остальных случаях (нас. п. 593).

Следует обратить внимание на то, что существительные, на конце которых употребляется *л* (*l*) (при *ў* во всех остальных категориях случаев II позиции), в ответах приводятся как правило односложные (*пол, кол, стол* и т. п., но при этом обычно: *дóблo, пóлно, пáлка, гáлка, пошóл, вы́был* и под.), и не исключено поэтому, что [л], [l] появляется здесь прежде, чем в других категориях.

В ряде говоров отклонения с [л] (или [l]) при обычном [ʏ] зафиксированы лишь в слове *колхóз* — с *л* твердым (нас. п. 80, 81, 138, 492, 1059), с *l* «средним» — *колхóз* (нас. п. 3, 330, 492, 737, 764, 816, 855, 862, 866, 896, 925, 955, 959, 972).

Слово это относительно новое, недавно вошло в словарь говоров. В таком звуковом виде (с [л] твердым) оно могло быть усвоено из литературного языка. Труднее объяснить наличие только в этом слове во II позиции (при [l] «среднем» в I позиции) звука [l] «среднего». Такое произношение приходилось наблюдать и автору. Можно предположить, что, усваивая это слово из литературного языка, носители говора приспособили произношение /л/ в нем к своей артикуляционной базе (ср. *láвкa*).

Все изложенные выше случаи появления в говоре [л] вместо обычного [ʏ] отражают определенный этап отхода от диалектного явления: произношения [ʏ] на месте *л* во II позиции.

Не во всех говорах при отходе от употребления [ʏ] на месте *л* отмечен переход к произношению [л] твердого. Многие говоры Северо-Востока Европейской части СССР при отходе от старых систем переходят к употреблению звука [l] «среднего» во II позиции (т. е. перед согласными и на конце слова). Наличие такого рода отклонений в этих позициях, как уже указывалось, зафиксировано в говорах только в I системе ²⁴ (при [l] перед гласными неперединого ряда, [ʏ] перед согласными и на конце слова).

Рассмотрим отклонения с [l] «средним» во II позиции ²⁵.

1) [l] «среднее» при обычном [ʏ] отмечено и перед согласными и на конце слова. Например, в нас. п. 808: *быў, высылáў, жыў. . . , прóдал, ўйз'ж'д'ул, р'ешýл, соврáл; поў, н'én'el; хоўшч'бўка, вбўк'и, волк, толк'éc'ц'a*, а также *колхóзам; пáўкой, кобыўка, бéлка*,

²⁴ Лишь в нас. п. 142, 143 (Вологодской обл.) отклонения с [l] (при обычном [ʏ] во II позиции) зафиксированы при [л] твердом в I позиции (т. е. во II системе). Однако не исключено, что в них и перед гласными неперединого ряда употребляется «среднее» [l], но оно не отмечено наблюдателями.

²⁵ В большинстве говоров при отклонениях с [l] «средним» перед согласными и на конце слова обычно отмечаются примеры и с [л] твердым в этой же позиции.

т'ólка, жон'ýýс'ш'а, род'ýýс'ш'а. . . Перед гласными непереднего ряда приведены только примеры с *l* «средним». Мы видим, что в данном говоре звуки [ý] и [l] употребляются в равной мере. Употребление их здесь не зависит и от определенной лексики: иногда [ý] и [l] употребляются в одних и тех же словах. Поэтому здесь можно говорить о сосуществовании двух систем: I и III.

Подобная картина отмечена также в ряде говоров Вологодской (нас. п. 151, 291, 808, 839, 851, 928, 933, 946, 948, 950, 967, 991, 993, 996, 997, 1007, 1008), Кировской (нас. п. 1410, 1447, 1450, 1453, 1454, 1457), Архангельской (нас. п. 789²⁶, 791, 794, 833) и Костромской (нас. п. 1015, 1032, 1143, 1200, 1221, 1336) областей. Представляет интерес также материал говора нас. п. 967, в котором при отклонениях с [l] имеются и отклонения с [л] твердым: *lóжек, рассказы́ла, былá, ход'ýла, лáдно*. . ., *св'ётлýй, заслúга, на лúшад'ý, крúталóфк'и*. . .; *попáý, пошóý, быý, вынúхáý, зúкр'иçáý, рабóтал, был, нúхад'ýл, забóл, пр'ислáл, обаз'эл*. . .; *упúýзлá, úжжóýта, жбóýтайа, стоýп, шолк, пóлат'е, полтар'и*. . ., *пóльным; пáýка, в'ýýка, м'еýч'е, стр'еýка*. . ., *пáлка, пáлкам'и, б'ýýс'а, нúшв'ил'ýýс'а, ст'ас'н'áлс'и, абашóлс'и*. Здесь наблюдается сосуществование трех звуков на месте *л*: [л], [l], [ý] во II позиции: [л] и [l] в I позиции. В этом говоре мы имеем дело с элементами трех систем.

В ряде ответов отклонения с [l] «средним» представлены единичными примерами. Например, материал говора нас. п. 319: *пом'ешáý, продáý, забол'еý, вымыý, говор'ýý, сошóý, вз'аý, пр'и-б'ýý; в Сòкóу, канáý, но пр'ид'él; кл'евáýс'а, сознáýс'о, тоýстáйа, жбóýтой, стоýбý; пáýка, úбóуку, с'ид'бóука, бéýка, тор'еýка, но поúбóда*. Перед гласными непереднего ряда — последовательное [l].

Подобная картина отмечена в нас. п. 313, 807, 873, 916 — Вологодской обл.²⁷

К этому можно присоединить также говор нас. п. 1185, в котором при обычном [ý] на месте *л* отмечены не только примеры с *l* «средним», но и единичные примеры с *л* твердым: *ссу́ч'ивала, измýлас'а, вз'áла, н'е рáжывала*. . ., *желáнна, сн'елá, бýло, полóтнб*. . .; *над'еý, наб'ивáý, кл'енáý, быý, собрáý*. . ., *но жал'ýл; стуý, м'еý, стоý, т'ажбó; жоýтовáтайа, шбóуковáйа, бóýт'аш-*

²⁶ В этом нас. п. отклонения от употребления [ý] перед согласными и на конце слова зафиксированы с написанием *л*, но при этом есть указание на «полусмягченный» характер [л]. (Очевидно, речь идет о «среднем» [l]).

²⁷ В связи с этим следует высказать сомнения в отношении материала по нас. п. 919, где, при обычном [ý] в глагольных формах и перед согласными, отмечено: *вдáр'ил, избóка, но толкáйтца*. На конце же существительных — только [l]: *стол, пол, м'ел*. Примеров на существительные приведено недостаточно, поэтому отсутствие [ý] на конце существительных в ответе, по-видимому, еще не значит, что [ý] в этой категории в данном говоре вообще нет. Кроме того, не исключено, что в говоре наряду с [l] в этой группе существительных возможно и произношение твердого [л].

шайа, кўкоўка, м'аўк'и, пост'иўка. . ., но и столбѣ, ц'олнока, холстѣ. . . Приблизительно такое соотношение примеров с различными согласными на месте л в этих положениях наблюдается в ряде нас. п. Вологодской (152, 773, 828, 834, 890, 976), Архангельской (нас. п. 7, 788, 790), Костромской (нас. п. 1147, 1150, 1181, 1186, 1197), Кировской (нас. п. 902), Ярославской (нас. п. 1065) областей.

Наконец, следует отметить, что в единичных говорах употребление [l] «среднего» во II позиции занимает уже господствующее положение, в то время как наличие [ʃ] на месте л зафиксировано лишь в немногочисленных примерах. В нас. п. 1037 при [l] во II позиции отмечены только *йѣзд'иш, стоў, ц'оўно́к*. В нас. п. 822 при употреблении [l] в обеих позициях звук [ʃ] отмечен лишь на конце глаголов: *быў, зар'ив'ѣў, откус'иў, пооб'ѣдаў*, а также *узнáл, утв'ерд'и́л*.

2) Отклонения с [l] «средним» отмечены только в середине слова перед согласными. В этом случае произношение [l] «среднего», как правило, представлено единичными примерами и при том в разнообразной лексике. Например, в говоре нас. п. 1149 при последовательном [ʃ] на конце слова, перед согласными отмечено: *пр'итоўклѣ, н'ѣдбўго, кбўк'ийе. . ., но кошўлка*; перед гласными употребляются [л] и [l]: *бы́ло, пр'ишлá, росплат'и́цца, нос'и́ла, . . ., но с'и́ла, жа́ла*. В говоре нас. п. 147 (д. Городище Вожегодского р-на Вологодской обл.), находящегося в другой части массива I системы, на конце глаголов приведены только примеры с *ў*, на конце существительных отмечено и л: *кот'бў, стоў*, но и *стол; стоўп, жаўко, жбўтой, дбўго, воўк, столбѣ; йбўка, б'ес пáўк'и, кошбўка. . ., но пáлка*. Перед гласными приведены примеры с l при единственном — с л: *лѣ́ко*.

Отклонения с [l] только перед согласными зафиксированы также в ряде говоров Вологодской (нас. п. 130, 135, 155, 291, 312, 315, 496, 813, 835, 857, 858, 859, 867, 868, 876, 889, 893, 899, 900, 921, 931, 934, 945, 973, 979, 986, 1005, 1006, 1022, 1047), Кировской (нас. п. 901, 904, 1439, 1452), Костромской (нас. п. 1077, 1155, 1171, 1179, 1183, 1198, 1219, 1335, 1337), Архангельской (нас. п. 744, 753, 762, 765, 795), Ярославской (нас. п. 1060) областей.

В большинстве своем отклонения с [l] «средним» в указанном положении отмечены наряду с отклонениями с [л] твердым. Например, в нас. п. 1047 при обычном [ʃ] на месте л во II позиции лишь перед согласными отмечены отклонения с [l] и [л]: *м'ѣ́ко, пѣ́лно*, а также *колѣ́с, но холстѣ, жа́лко*.

В говоре нас. п. 1006 отклонений от системы несколько больше, причем твердое [л] отмечено только на конце слова, в середине же слова зафиксированы [л] и [l]: *порбб'иў, пр'ишбў, поб'иў, говор'иў, пот'ер'аў, ушбл, пбж'ил, од'д'ел'и́л; стоў, отвáл; дбўго, поўно́к, холстѣ, полнб, вб́лк'и; бут'ылку*; в положении перед гласными отмечено сосуществование [л] и [l].

3) Отклонения с [ɫ] «средним» зафиксированы только на конце слова. Подобные отклонения, как правило, представлены наибольшим количеством примеров, иногда единичными примерами. Такие говоры немногочисленны. Например, в нас. п. 154 отмечено: *пошбѣ, п'иѣ, вэ'аѣ*. . . , но *жыл*. В середине слова на месте *л* приведены только примеры с *ѣ*. В положении перед гласными отмечено: *жылá, лáѣка, былá*. . . , но *шѣла*. Подобное соотношение звуков [ʏ] и [ɫ] отмечено в нас. п. 316, 803, 804, 861, 920, 956. В нас. п. 975 при обычном произношении [w] на конце слова зафиксированы не только отклонения с [ɫ], но и с [л] твердым: *м'ешáw, ход'ýw, ж'елáw, корм'ýw, покупáw, даw, быw, порóб'ul, бывáл, об'езнóжыл, ýзд'ul, спóрт'ul, глáд'ul, был, рабóтал, слáв'ил; стоw, п'еп'ýw, ис с'ýw; дбwго, ховст'ýна, совдáт*. . . ; *игбwка, пáшка, умýwс'о, жон'ýwс'о, опс'ем'ýwс'о*. . . ; *полотнó, ход'ýла, мáло, лбшка, злáйа, з'эр'кало*. . . , *ход'ýла, лбшка, злáйа*. . . Приблизительно такая же картина наблюдается еще в ряде говоров Вологодской (нас. п. 123, 317, 827, 832, 937) и Архангельской (нас. п. 731) областей.

Представляют интерес единичные случаи отклонений с [ɫ] «средним» на конце слова при отклонениях с [л] твердым в этом положении и перед согласными. Например, в говоре нас. п. 113: *быѣ, поймáѣ, нос'ýѣ, накоп'ýѣ, об'ýд'иѣ, в'ел'еѣ*. . . , но *пошóл, сказáл; с'еновáл; пошнó, воўнýшк'и, распоўн'ел'и*. . . , *вóлк'и; полтáфка, пáѣкам*. . . , *б'елка*. . . В I позиции отмечено сосуществование [л] и [ɫ]. Подобная картина зафиксирована еще в некоторых говорах Вологодской (нас. п. 153, 295), Архангельской (нас. п. 736), Костромской (нас. п. 1085) областей. Отклонения с [ɫ] «средним», отмеченные только в одном из положений II позиции, зафиксированы в немногих говорах. При этом они встречаются перед согласными несколько чаще, чем на конце слова. Наличие в ответах отклонений с [ɫ] «средним» (нередко наряду с [л]) только в одном из положений II позиции, как уже указывалось, в некоторых случаях, возможно, отражает неполноту материала. Однако вполне вероятно, что в ряде говоров это является отражением начальной ступени отхода от старой системы. Говоры, в которых отклонения с [ɫ] отмечены только в одном из положений II позиции (либо перед согласными, либо на конце слова), не образуют четких ареалов, разбросаны по всей территории. Не сосредоточены на определенной территории массива I системы также и говоры, в которых отмечены отклонения с [ɫ] «средним» в каждом из положений II позиции. Можно полагать, что в последнем случае более полно отражено проникновение элементов иных систем.

Наличие отклонений с [ɫ] (а также с [л]), по-видимому, обычно не связано с определенной грамматической категорией и встречается в разнообразной лексике.

Говоры, в которых отмечены отклонения с [ɫ], разбросаны по всей территории массива I системы, но несмотря на общую их

разбросанность следует отметить, что в центре ареала преобладают отклонения с [l] «средним», а на периферии его сосуществуют отклонения с [l] и [л]. Следовательно, появление отклонений, по-видимому, связано не только с влиянием литературного языка (ведь его испытывают в равной мере как центральные, так и периферийные говоры с I системой), но и с влиянием соседних говоров, в которых произношение /л/ не отличается от литературного. Поэтому, очевидно, не случайно, что именно по соседству с последними (т. е. на периферии ареала говоров с I системой) наблюдается сосуществование отклонений с [л] и [l], в центре же его сосредоточены преимущественно отклонения с [l].

В рассмотренных случаях отклонения с [l] «средним» (а также с [л] твердым) в говорах занимают, как правило, подчиненное положение по отношению к основной системе произношения /л/. Однако имеются говоры, в которых употребление [ʏ] на месте л представлено лишь отдельными примерами. В таких говорах употребление звуков [л] или [l] ([л']) господствует уже в обеих позициях, в то время, как примеры с употреблением [ʏ]²⁸ отмечены лишь в отдельных категориях. Так, звук [ʏ] на месте л в ряде говоров зафиксирован только на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. и в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным. Для примера приведем материал говора нас. п. 1226: *потол' бк*, *пр'ишл' бс'*, *лошед' ам*, *чолов' ек...*; *пошбʏ*, *пр'ишблʏ*, *пр'ишбл'*, *сход' ил*, *л' ожал*, *был*, *пошбл*, *отр'езал*; *пол*; *дблʏго*, *стол' ббф*, *ч'елнбк*, *толстбʏ*, *холс*, *колпач' к' и*, *в' ийалка*, *м' алка...*

Подобная картина представлена в отдельных говорах Костромской (нас. п. 1109, 1138), Кировской (нас. п. 1226, 1455), Ярославской (нас. п. 650), Калининской (нас. п. 661) областей при системе I типа ([l] — в I позиции, [ʏ] — во II позиции), а также в ряде говоров Вологодской (нас. п. 102, 104, 244, 250, 481), Калининской (нас. п. 428, 589, 619, 623, 666), Костромской (нас. п. 1130) и Ярославской (нас. п. 1071) областей при системе II типа ([л] — в I позиции и [ʏ] — во II позиции). На первый взгляд может показаться, что это — говоры с системой произношения /л/, совпадающей с системой его произношения в западных, пограничных с белорусскими, говорах и в белорусском языке. Но в рассматриваемых говорах такие случаи с [ʏ] на месте л следует, по-видимому, считать лишь реликтами, указывающими на наличие в прошлом явления изменения $л > ʏ$, так как, во-первых, такая картина представлена в говорах, расположенных на периферии явления с последовательным употреблением [ʏ] на месте л во II позиции, имеющего четкую территорию распространения. Во-вторых, здесь же на периферии данного массива отдельные случаи с [ʏ] на месте л зафиксированы и в другом сочетании различных категорий:

²⁸ В некоторых случаях в соответствии с /л/ встречается написание *а* (преимущественно в положении перед согласными), о чем см. далее на стр. 173.

а) в глаголах прош. вр. ед. ч. м. р. и в существительных перед слогом с утраченным редуцированным (нас. п. 234, 1205); б) в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным и с существительных перед слогом с утраченным редуцированным (нас. п. 77, 305, 306, 343, 1097, 1140, 1240, 1407); в) на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. и на конце существительных (нас. п. 253).

Также на периферии данного явления отмечены единичные примеры с [ʏ] на месте *л* только в каких-либо отдельных категориях: 1) только в существительных перед слогом с утраченным редуцированным (нас. п. 19, 456, 648, 697, 702, 1042, 1124, 1430, 1442); 2) только в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным (нас. п. 40, 100, 171, 172, 196, 208, 251, 268, 280, 359, 449, 502, 513, 534, 621, 623, 642, 656, 696, 698, 724, 727, 1021, 1091, 1094, 1115, 1117, 1235, 1273, 1281, 1289, 1315, 1325, 1326, 1364, 1378, 1428, 1456); 3) только на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. (нас. п. 43, 48, 51, 112, 116, 122, 149, 380, 442, 444, 445, 478, 669, 777, 837, 999, 1208, 1329, 1371, 1392, 1429, 1445).

Таким образом, на периферии явления изменения *л* > *ʏ* отдельные примеры с [ʏ] на месте *л* во II позиции в разных говорах зафиксированы в различных категориях, причем в разнообразном их сочетании. Во всех этих случаях примеры с [ʏ] следует считать реликтом, указывающим на наличие в прошлом фонетического явления изменения *л* > *ʏ* во II позиции. По-видимому, и употребление [ʏ], отмеченное на месте *л* только на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. и в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным, в рассматриваемых говорах не является самостоятельной системой произношения /л/.

Следует указать еще на одно обстоятельство в пользу этого предположения. В говорах северо-востока Европейской части СССР случаи с [ʏ] на месте *л* только в двух указанных категориях всегда отмечены при господстве здесь же случаев с [л] (или [l]), в то время как в западных русских и белорусских говорах произношение [ʏ] в соответствии с /л/ в этих категориях встречается почти последовательно.

Многие из рассматриваемых говоров, где отмечены лишь отдельные примеры с [ʏ] на месте *л* — в том числе и говоры, в которых подобное зафиксировано на конце глаголов прош. вр. ед. ч. м. р. и в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным — значительно удалены от основного ареала употребления [ʏ] на месте *л* во II позиции.

Во всех перечисленных случаях, где отмечены лишь отдельные, нередко единичные примеры с [ʏ] на месте *л*, наличие [ʏ] несколько чаще зафиксировано в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным. Возможно, это связано с тем, что в данном сочетании фонема /л/ в современных говорах никогда не выступает в позиции перед гласными, как это наблюдается в других категориях: *пошбѣ* — *пошлѧ*, *поѣ* — *пбѧ*, *пѧѣка* — *пѧлок*, но *воѣк* — *вѧѣка*,

волк—волка. Слова, в которых на месте *л* в исконном сочетании редуцированного с плавным произносится [ʏ], различны в разных говорах²⁹. Однако следует отметить, что слова *дбѹго* и *воѹк* встречаются несколько чаще других (возможно, это связано с тем, что они приводятся в качестве примеров в «Программе»).

Что послужило причиной для сохранения [ʏ] во всех перечисленных случаях, где отмечены единичные примеры с *ѹ* на месте *л* в отдельных категориях?

По-видимому, в одних случаях употребление [ʏ] в соответствии с /л/ можно объяснить фонологическими причинами, в других решающую роль играет фактор морфологический. Иногда сохранение [ʏ] на месте *л*, возможно, связано с определенной лексикой. Причины эти не всегда можно с достоверностью определить, так как зачастую для выводов недостаточно материала. Очевидно, фонологическими причинами объясняется сохранение [ʏ] в соответствии с /л/ в случаях с отсутствием всякой возможности чередования звука [ʏ] на месте *л* с [л], [л], где он никогда не оказывается перед гласным переднего ряда (см. стр. 170—171). При этом не исключено, что именно здесь данный звук по этой причине мог закрепиться в определенных словах.

Труднее объяснить случаи сохранения [ʏ] на месте *л* на конце слога и слова, где имеется возможность чередования *л—ѹ* (*поѹ—пбѹла*, *маѹ—мбѹла*, *быѹ—бѹла*, *пбѹка—пбѹок*). Полагаем, что в данном случае сохранение [ʏ] в соответствии с /л/ можно объяснить морфологическими причинами. В этих условиях сохранение или несохранение [ʏ] на месте *л* в той или иной категории связано, по-видимому, с принадлежностью к определенной морфеме. Что касается большего числа случаев с [ʏ] на месте конечного *л* в глаголах, нежели в существительных, то это может объясняться различной степенью их употребительности в речи (существительные приводятся в ответах в меньшем количестве, чем глаголы. Этим же, очевидно, можно объяснить и отсутствие [ʏ] на месте *л* только на конце существительных, при наличии их в других категориях). Во всех рассмотренных случаях, как нам кажется, представлены лишь различные результаты отхода от фонетического явления изменения *л > ѹ* (теперь уже неживого), свойственного в прошлом и данным говорам, в которых, очевидно, также последовательно произносилось [ʏ] на месте *л* перед согласными и на конце слова.

²⁹ Приведем эти слова: *дбѹго* (нас. п. 208, 225, 280, 1094, 1281, 1315); *дбѹго* (нас. п. 40, 100, 268, 642, 656, 698); *доѹжна* (нас. п. 229, 1428); *воѹк* (нас. п. 359, 449, 1094, 1273, 1364); *воѹк* (нас. п. 251); *стоѹбы* (нас. п. 1315, 1326, 1428); *гбѹб'еѹ* (нас. п. 1094, 1325); *коѹпак'и* (нас. п. 171, 172); *поѹнб* (нас. п. 1289); *повнб* (нас. п. 100, 724); *товстѹйа* (нас. п. 727); *товстѹво* (нас. п. 502); *истоѹкѹт* (нас. п. 1281, 1289); *товкнѹлас'* (нас. п. 621); *замовч'и* (нас. п. 696); *жбѹтым'и* (нас. п. 1281); *в воѹг'е* (нас. п. 1315); *поѹдн'а* (нас. п. 1325).

Следует определить место звука [ʏ] в говорах с I и II системами произношения /л/. Это находится в тесной связи с употреблением [ʏ] в соответствии с /в/, так как во многих говорах северо-востока Европейской части СССР (главным образом на территории Вологодской области) звук [ʏ] перед согласными и на конце слова употребляется не только на месте *л*, но и на месте *в*. Употребление знака ʏ в соответствии с /в/ в указанных положениях всегда свидетельствует о губно-губном образовании данной фонемы.

Губно-губное /в/ известно значительной части говоров северо-востока. Говоры с губно-губным /в/ расположены главным образом в центральных и некоторых юго-восточных районах Вологодской области. К юго-восточным районам Вологодской области примыкает небольшая группа говоров в Кологривском и смежных с ним районах Костромской области (по среднему течению р. Унжи), в которых также наблюдается произношение [ʏ] на месте *в* перед согласными и на конце слова. Известно, что в этих же районах наблюдается произношение [ʏ] и на месте *л*.

На востоке и северо-востоке Вологодской области звук [ʏ] в указанных условиях произносится только на месте *л*. Произношение же фонемы /в/ в значительной их части не отличается от ее произношения в литературном языке. Но в отдельных говорах восточной части Вологодской области звук [ʏ] произносится и на месте *в*. За пределами описанного массива имеются отдельные говоры, где [ʏ] отмечено только на месте *в* при произношении твердого [л] или [л'] на месте *л* (нас. п. 178, 221, 259, 267, 269, 274, 285, 350, 413, 484, 607, 680, 690, 1223, 1244, 1245, 1247, 1250).

В целом же территория распространения говоров с [ʏ] в соответствии с /в/ перед согласными и на конце слова несколько меньше, чем территория употребления [ʏ] в соответствии с /л/.

Для нас большой интерес представляют те говоры, в которых звук [ʏ] в указанной позиции зафиксирован на месте *л* и на месте *в* (в этом случае звук [ʏ] ³⁰ является вариантом этих фонем), так как в них, как уже указывалось выше, возникают иные фонемные отношения (чем в говорах с произношением [ʏ] только на месте *л*), что в некоторых случаях послужило причиной для утраты связи звука [ʏ] с фонемой /л/ и ее соотнесенности с фонемой /в/. Прежде всего это относится к произношению данного звука в соответствии

³⁰ Следует иметь в виду, что иногда позиционный вариант [ʏ] на месте *л* по своему качеству может, по-видимому, не полностью совпадать с [ʏ] на месте *в* в тех же говорах. Например, в материалах по нас. п. 136 имеется указание на некоторую ослабленную артикуляцию губ при произношении [ʏ] на месте *л*, в то время как об [ʏ] на месте *в* такое указание отсутствует. Очевидно, не случайны подобные указания в нас. п. 122, 136, 244, 1140, 1407, 1439, 1442, 1451, где /в/ произносится как в литературном языке. Таких указаний об [ʏ] на месте *в* вовсе не встретилось.

с /л/ в случаях, когда исключено положение /л/ перед гласным непреднего ряда (в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным, где звук [ʏ] на месте л следует соотносить с фонемой /в/ в говорах с последовательным употреблением [л] (или [л]) при произношении [ʏ] на месте в перед согласными и на конце слова. Например, говор нас. п. 280, в котором на месте л — последовательное [л], но *дбѣго*. На месте в при системе произношения, совпадающей с литературной, отмечены отдельные примеры с *ѣ*: *н'едаѣно*, *кбѣшык*, *кѣзовѣ*, *н'етрбѣ*. . ., а также *траѣпка*. . ., *ббров*, *бброф*. . .

В ряде ответов вместо ожидаемого [ʏ] в этом случае встречается написание в на месте л только в словах данной группы при системе произношения /л/ и /в/ как в литературном языке, но с наличием отдельных примеров с *ѣ* на месте в перед согласными и на конце слова. Например, говор нас. п. 100. На месте л во всех положениях приведены только примеры с л, но *повнб*, *дбвго*, *дбвг'ийе*; на месте в: *дроѣца*, *л'итбѣка*, *кбѣшык*, *д'еѣпка* и т. д. (много примеров с ф), *д'ер'евн'а*. . ., *хл'еф*, *л'истбф*. . ., но *корбѣ*. В данных говорах, очевидно, употребление звука [в] в случаях типа: *давнб* и *п'равда* и в случаях типа: *пбвнхл*, *дбвго*, *гббв'ец* соотносится с фонемой /в/.

Звучание [в] на месте л в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным (примеры см. на стр. 171) имеет место не только при произношении [л] (или [л]), но нередко и при употреблении [ʏ] на месте л во всех других категориях.

Те случаи, когда написание в на месте л во II позиции (при обозначении *ѣ* в других категориях этой же позиции) встречается только в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным, свидетельствуют, надо полагать, о том, что авторы ответов, очевидно, слышали здесь иной звук, чем в остальных случаях на месте л (возможно, губно-зубной). Поскольку в настоящее время в говорах происходят процессы отхода от губно-губного [w] к губно-зубному [в], не исключено, что, произнося [в] и на месте л только в указанной категории (при [ʏ] во всех остальных категориях), носители говора ассоциируют его здесь с фонемой /в/. См. например, материал говора нас. п. 132: *окол'еѣ*. . ., *йбѣка*, *б'еѣка*, *хбѣст'ик*. . ., но *дбвг'ийе*, *ховст*, *товстб*. . .; на месте в: *мутбѣка*, *золбѣка*, *д'еѣка*. . ., *п'раѣда*, из *д'ер'евн'и*. . ., *готбѣ*. . ., *корбв*. . ., *дворбф*, а также ответы по нас. п. 299, 514, 893, 934 и др. В единичных ответах при этом отмечено даже звучание [ф] в соответствии с /л/: *пофт'йн'н'ику* — нас. п. 514, *тофст'айа* — нас. п. 793, 942, 962, 986, *погоняѣпка* в нас. п. 118; *мофч'й* в нас. п. 745; *кос'йф* в нас. п. 730, *уп'аф* в нас. п. 739, *вз'аф да уб'йф* [?] в нас. п. 892, *вйт'ануф*, *л'уб'йф*, *с'йеф* в нас. п. 25, *быф* в нас. п. 946, 1014, *ййзд'иф* в нас. п. 873, *пошбф* в нас. п. 848.

В значительном количестве ответов при наличии *ѣ* на месте л во II позиции звучание [в] (нередко — [ф]) отражено только

в формах возвратных глаголов прош. вр. ед. ч. м. р.³¹ И в этом случае, по-видимому, в некоторых говорах зафиксирован звук губно-зубного образования. В этом нет никакого сомнения при наличии в ответах *ф* на месте *л*. Очевидно, звучание [в] (безусловно — [ф]) на месте *л* только в этой категории также следует соотносить с фонемой /в/ (не с /л/).

В тех говорах, где произношение [ў] зафиксировано перед согласными и на конце слова только на месте *л* (независимо от наличия или отсутствия случаев с [л] (или [л]) в той же позиции) при произношении /в/ как в литературном языке, звук [ў] является вариацией фонемы /л/.

Однако особой фонемой следует считать звук [ў] в соответствии с /л/, отмеченный только в словах с исконным сочетанием редуцированного с плавным: а) при системе произношения /л/ и /в/, как в литературном языке, или при употреблении [л] «среднего» на месте *л* в нас. п. 40, 171, 172, 208, 251, 359, 449, 502, 621, 656, 696, 698, 1094, 1273, 1281, 1289, 1315, 1326, 1364, 1428; б) при звучании [ў] в соответствии с /л/ в слове *гоўб'ец* (здесь же *поўдн'а*) в нас. п. 1325 (д. Сафутиха Юрьевоцкого р-на Ивановской обл.) при системе произношения /л/, как в литературном языке, при сохранении звонкости /в/ на конце слова (здесь звонкие и глухие согласные на конце различаются: *тра́фка*... , *пра́вда*, *д'ер'эвн'а*, но *корбв*, *волкбв* и *годбф*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В говорах Северо-Востока Европейской части СССР выявляется пять систем произношения /л/.

Если рассмотреть все эти фонетические системы с точки зрения фонологических отношений, то следует указать, что системы, состоящие только из звуков [л] и [л], не вносят никаких изменений в фонологические отношения, так как данные звуки воплощают одну и ту же фонему — /л/. Что касается систем произношения /л/, в составе которых содержится звук [ў] во II позиции, то в этом случае при выявлении фонологических отношений следует учитывать наличие данного звука и на месте *в* в тех же условиях. Употребление его в говорах только на месте *л* не вносит существенных

³¹ Звучание [в] на месте *л* только в этой категории (типа *бояся*) отмечено при системе произношения /в/ как в литературном языке в нас. п. 208, 326, 496, 647, 656, 786, 843, 846, 848, 849, 880, 890, 894, 985, 988, 999, 1012, 1013, 1020, 1060, 1112, 1139, 1152, 1166, 1168, 1357; [ф] (типа *бояфся*) в нас. п. 647, 749, 836, 848, 858, 869, 960, 985, 992, 999, 1001, 1152, 1200, 1221. При системе произношения [ў] на месте *в* перед согласными и на конце слова звучание [в] на месте *л* отмечено в нас. п. 85, 91, 139, 152, 153, 157, 311, 652, 653, 790, 793, 813, 865, 877, 878, 888, 924, 930, 933, 944, 946, 947, 949, 951, 975, 991, 993, 1017, 1019, 1047, 1056, 1057, 1169, 1170, 1171, 1335; [ф] — в нас. п. 100, 101, 125, 128, 730, 739, 781, 788, 790, 809, 813, 814, 842, 844, 857, 866, 868, 873, 885, 900, 942, 943, 946, 956, 958, 973, 974, 975, 991, 1027, 1032, 1043, 1149, 1153, 1159, 1186, 1201.

изменений в фонологические отношения, так как и в этом случае звуки [л] и [l] в I позиции, [ŷ] во II позиции воплощают также только одну фонему /л/. Если же звук [ŷ] во II позиции употребляется и на месте *в*, т. е.

в I позиции, во II позиции

$$\begin{matrix} [л] & ([l]) \\ [в] & ([w]) \end{matrix} > [ŷ],$$

то в этих говорах характер фонологических отношений меняется. В последнем случае звук [ŷ] в I и II системах является вариантом двух фонем — /л/ и /в/.

2. Системы, отличающиеся от произношения /л/ в литературном языке, в «чистом» виде сохранились лишь в некоторых говорах. Обычно в них, в тех позициях, где наблюдается звучание [l] или [ŷ], в материалах отмечается проникновение твердого [л]. В I системе наряду с проникновением [л] проникает и [l] «среднее». Последнее, естественно, наблюдается лишь там, где употребляется [ŷ], т. е. во II позиции.

3. Характер отклонений свидетельствует о том, что в говорах происходят специфические процессы отхода от старых систем произношения /л/ в различных позициях. Отход от них объясняется не только влиянием литературного языка. Решающим фактором в этих процессах, очевидно, является фактор взаимодействия говоров с разными системами произношения данной фонемы, так как различные системы бытуют на смежных территориях. Проникновение элементов иных систем происходит в них по-разному. Различная степень употребления [л] или [l] (при обычном [ŷ]) в них объясняется большей или меньшей удаленностью говоров от соседних, произношение /л/ в которых не отличается от литературного.

4. В процессе отхода от употребления звука [ŷ] в соответствии с /л/, благодаря наличию звука [ŷ] и на месте *в*, в говорах происходит некоторое изменение в фонологической системе, хотя при этом состав фонем и не изменяется: в некоторых словах, а в ряде говоров в возвратных глаголах прош. вр. ед. ч. м. р. (см. стр. 173—174), звук [ŷ] в соответствии с /л/ утрачивает связь с фонемой /л/ и соотносится с фонемой /в/.

5. Задача автора была ограничена выявлением современных процессов, относящихся к произношению фонемы /л/ в говорах Северо-Востока Европейской части СССР. Изучение их дает основание подтвердить предположение Р. И. Аванесова, что произношение [l] во II позиции является вторичным, следовательно, и система последовательного [l] «среднего» в обеих позициях является более поздней по отношению к I и II системам, в составе которых имеется [ŷ] на месте *л* во II позиции. Об этом свидетельствует и факт территориального расположения говоров с III системой.

6. Изменение $л > љ$ в рассматриваемых говорах обусловлено только фонетическим положением: перед согласными и на конце слова /л/ в большинстве описываемых говоров изменялось в [љ]. Сейчас явление это уже неживое, и наряду с [љ] в этих же условиях употребляют и [л] (или [ll]), что свидетельствует об определенных этапах отхода от данного явления. В тех говорах, где [љ] на месте $л$ отмечен лишь в определенных категориях, или отдельных словах, нельзя говорить о существовании самостоятельной системы. Здесь случаи с [љ] мы рассматриваем как реликты, указывающие на наличие в прошлом явления изменения $л > љ$.

7. Автор не ставил перед собой задачи выявления причин, способствовавших употреблению [љ] на месте $л$ во II позиции, так как эта проблема требует специального исследования. Укажем лишь, что ученые по-разному объясняют наличие явления изменения $л > љ$ в говорах северо-востока Европейской части СССР. Одни из них (А. А. Шахматов, А. М. Селищев) существование его связывают с иноязычным влиянием, другие (Р. И. Аванесов и др.) ставят вопрос иначе. Они считают, что наличие изменения $л > љ$ связано с иноязычной подосновой, но при этом не меньшее значение придают и фактору внутреннего развития самих говоров. Наряду с этим следует учитывать и современное их иноязычное соседство. Как известно, ряду говоров коми-пермяцкого языка также свойственно изменение $л > љ$ ³² (очевидно, имеется в виду губно-губное [w])³³. Условия изменения $л > љ$ в них одни и те же: перед согласными и на конце слова. Очевидно, такой же особенностью могло обладать и обрусевшее на данной территории иноязычное население, а соседство таких говоров современного коми языка могло способствовать сохранению данной черты в русских говорах северо-востока: говоры с изменением $л > љ$ в диалектах коми языка и рассматриваемые говоры русского языка по своей территории смыкаются.

³² В. И. Лыткин. Краткий обзор диалектов коми языка. «Зап. об-ва изучения коми края». Сыктывкар, 1930, стр. 32.

³³ На губно-губное [w] в них обратил внимание П. С. Кузнецов. См. его статью: «О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы» («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 43).

О ФОНЕМЕ /γ/ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ
В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ПРОИЗНОШЕНИЯ [j]
В ИМЕНИ ОЛЬЯ (ОЛЬГА)

В ряде севернорусских и среднерусских говоров распространено женское имя *Олья*. Связь этого имени с именем *Ольга* несомненна. Чем же объясняется особенность фонетического облика слова — произношение [j]¹ на месте [ɣ]?

А. А. Шахматов², а затем и Д. К. Зеленин³ связывали произношение *Оль[j]я* с прогрессивным ассимилятивным смягчением заднеязычных согласных (произношение *Вань*[к'j]а, *день*[г'j]а, *наверь*[х'j]ю и т. п.), не объясняя никак при этом своей точки зрения⁴. В комментарии к карте 57 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» указывается, что в слове *Оль'я*, отмеченном «в говорах со взрывным образованием г... звук й нельзя рассматривать как результат фоне-

¹ Кроме [j], здесь могут произноситься и другие звуки, воплощающие в русском языке фонему /γ/, в частности [i]. Однако, как показал О. Брок, в русском языке не существует четкого разграничения этих звуков (см., например: О. Брок. Об исчезновении междугласного i, j. «Сборник, посвященный... Ф. Ф. Фортунатову». Варшава, 1902, стр. 134), поэтому разницей между ними здесь можно пренебречь.

² А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (читан в Петербургском университете в 1909/10 уч. гг.), ч. II. [литограф. изд.]. СПб., 1910, стр. 583.

³ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непрерывным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 15.

⁴ Сопоставление ареалов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных и произношения *Оль[j]я* стало возможным только в результате картографирования материалов, собранных для «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы». Раньше для такого сопоставления не хватало сведений о распространении обоих этих явлений, главным образом сведений о распространении произношения *Оль[j]я*.

тического изменения мягкого г»⁵. Действительно, в севернорусских и среднерусских окающих говорах прогрессивное ассимилятивное смягчение звонкого задненебного дает обычно мягкий [г']: *день*[г']*ям*, *кочерь*[г']*я*, *четверь*[г']*я*, *серь*[г']*я* и т. п., и только в слове *Ольга* возможно *Оль*[г']*я* и *Оль*[j]*я*. Поэтому можно предполагать, что [j] в слове *Оль*[j]*я* возник либо в результате нефонетической замены /г/ на /j/, либо в результате фонетического изменения в [j] звука, отличного от [г]. В соответствии с первой точкой зрения [j] может объясняться, например, обобщением форманта /-ja/ в женских именах (ср.: *Авдотья*, *Аксинья*, *Дарья*, *Марья*, *Настасья* и др.) и перенесением его на имя *Ольга*. При таком объяснении замена /-га/ в этом имени на /-ja/ никак не может быть связана с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных согласных. Однако в этом случае остается неясным, почему указанная «генерализация» форманта /-ja/ произошла только на данной территории и отсутствует на других территориях. Вторая же точка зрения, связанная с предположением А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, объясняет близость изоглоссы произношения *Оль*[j]*я* к изоглоссе прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных (см. карту⁶) и поэтому имеет гораздо больше оснований.

Приняв предположение А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, мы, таким образом, неизбежно должны сделать следующий вывод: в период, когда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных было живым фонетическим процессом, задненебный в слове *Ольга* по крайней мере в части севернорусских говоров отличался от звонкого задненебного в словах *деньгам*, *кочерьга*, *четверьга*, *серьга* и т. п. Отличался он, конечно, и от [к], [х], которые при смягчении давали [к'], [х'].

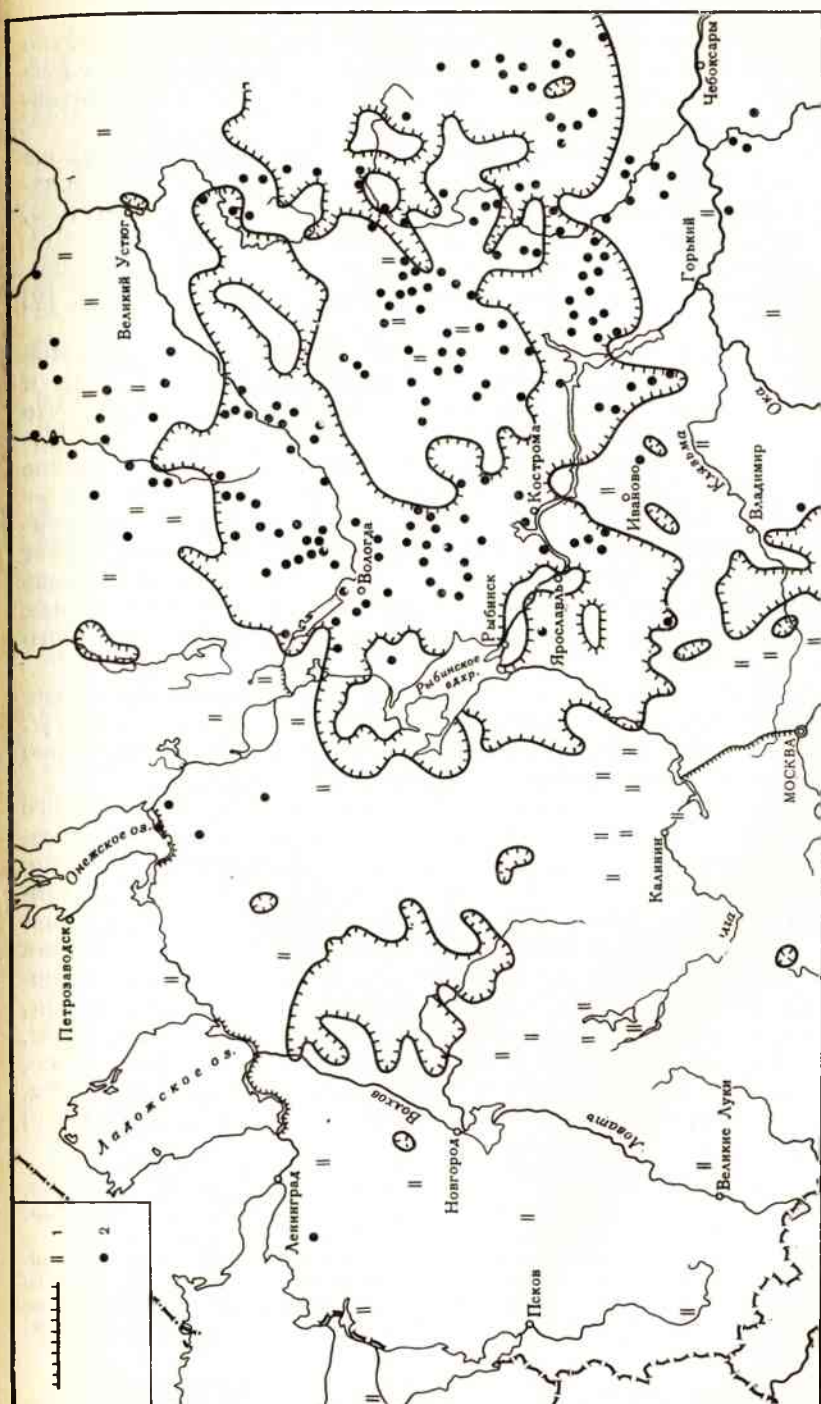
Кроме [г], [к], [х], в русских говорах и литературном языке употребляется еще четвертый задненебный: звонкий фрикативный [γ]. Известно, что на месте этого [γ] в ряде русских говоров произносится [j] в тех позициях, где твердым согласным соответствуют парные мягкие⁷. Следовательно, [γ] и [j] в таких говорах связаны как члены фонетического чередования.

Таким образом, одним из вопросов, требующих рассмотрения, является следующий: мог ли в слове *Ольга* произноситься в севернорусских говорах звонкий фрикативный [γ]? Положительное

⁵ См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, стр. 592.

⁶ Карта составлена на материалах «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

⁷ См.: Р. И. А в а н е с о в. О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», № 2. М., 1952 (автор подводит итог спорам, которые велись между крупнейшими русскими лингвистами по поводу качества этого звука).

Условные обозначения: .

1 — результаты прогрессивного ассимилятивного смирнения [и, г, х]; 2 — О-ва

решение этого вопроса дает, с нашей точки зрения, достаточно оснований для ответа на вопрос о происхождении [j] в слове *Оль[j]я* в говорах, знавших некогда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных.

Звуки [г] и [γ] известны всем говорам русского языка, так же как и звуки [к], [х]. Так, например, в русских говорах произносится звук [γ] на месте /х/ перед звонким согласным: *засб[γ]-бы*, *смé[γ]-же*, а звук [г] на месте /к/ в этой же позиции: *старú[г]-был*, *вúмо[г]-же*. Однако [г] и [γ] могут быть и в сильной позиции, где их звонкость, а также взрывность [г] и фрикативность [γ] не обусловлены окружением.

Произношение [г] или [γ] в сильной позиции считается одной из важнейших черт, по которым выделяются севернорусское и южнорусское наречия. Так, Р. И. Аванесов указывает, что «в с-в-р наречии фонема *г* имеет взрывное образование. . . Напротив, ю-в-р наречию свойственно фрикативное образование этой фонемы (γ)»⁸. «Взрывность—фрикативность этой фонемы, — пишет Р. И. Аванесов в другой своей работе, — не есть дифференциальный признак, так как в говорах, имеющих /г/, отсутствует /γ/, а в говорах, имеющих /γ/, отсутствует /г/. «Поэтому здесь с полным основанием можно говорить о разноречных формах одной и той же фонемы общей системы языка, языка как целого (фонемы «г»)»⁹.

Целый ряд фактов, однако, свидетельствует о том, что в говорах может быть две «звонкие» «задненебные» фонемы — /г/ и /γ/. Прежде чем рассматривать эти факты, обратимся к рассмотрению вопроса о [г] и [γ] в литературном языке.

В описаниях фонологической системы русского литературного языка также обычно указывается на наличие внепарной по «взрывности ∞ фрикативности» («непрерывности ∞ прерывности») фонемы /г/, воплощенной в сильной позиции в звуке [г]. Действительно, в большинстве морф русского литературного языка «звонкая» «задненебная» фонема воплощается в сильной позиции в звуке [г]. Однако есть и такие морфы, в которых в сильной позиции произносится [γ]. Так, [γ] возможен в междометии *господи*, в существительных *господь*, *бога* (и других косв. падежах), *блага*, прилагательном *богатый* и производных от них. Кроме того, [γ] наряду с [г] может произноситься в наречиях на *-гда*: *когда*, *тогда*, *всегда*, *иногда* и производных от них¹⁰. Произношение [γ]

⁸ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 136—137; ср. также: П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Изд. 3. М., 1960, стр. 142, 148.

⁹ См.: «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 39.

¹⁰ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 144; «Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

в этих словах вытесняется произношением [г]; есть два слоя говорящих на русском литературном языке: одни произносят регулярно [γ] во всех этих словах или только в некоторых из них, другие во всех этих словах произносят только [г] ¹¹.

Рассматривая тип произношения указанных слов с [γ], Р. И. Аванесов считает возможным говорить о фонеме /γ/, «если признать эти факты входящими в состав современного русского литературного произношения» ¹². Однако есть несколько слов, которые в литературном языке произносятся только с фрикативным звуком: *бухгалтер*, *ага*, *ого*, *эге*, *гон* ¹³. Звук [γ] в этих словах, находясь в сильной позиции, может воплощать только фонему /γ/, отличную от других «задненебных» фонем ¹⁴.

Произношение в литературном языке [γ] в одних словах наряду с [г] в других отмечалось еще в середине XVIII в. Тредьяковским ¹⁵, Ломоносовым ¹⁶, Сумароковым ¹⁷. Говоря о произно-

¹¹ Д. Н. Ушаков. Звук г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. «Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 238—240; Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 3. М., 1958, стр. 56.

¹² Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка, стр. 144.

¹³ То, что этот фрикативный звук в последних четырех словах иногда описывают как задненебный (см.: «Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник», стр. 682), а иногда как фарингальный (см.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 56), не меняет, вопреки мнению Д. Уорда (D. Ward. Is there a phoneme γ in Russian? — «La maître phonétique», troisième Série, № 112, Juillet-Décembre, 1959, стр. 30), существа дела, так как разница между задненебным и фарингальным его образованием не имеет фонологического значения, тогда как фрикативность его, воплощая признак дифференциальный, фонологически существенна (ср. N. Trubetzkoy. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. «Сборник в честь на проф. Л. Милетича...». София, 1933, стр. 268).

¹⁴ На основании слова *бухгалт'ер* признает наличие в литературном языке особой фонемы /γ/ и Д. Уорд (D. Ward. Указ. соч., стр. 30—31). А. А. Реформатский считает, что «фрикативный [γ] мог бы быть фонемой только в том случае, если бы [г] и [γ], встречаясь в той же позиции, различали слова; в действительности же тот, кто произносит [блγштэй] *богатый*, не произносит [блгатэй] и наоборот (или же произносит безразлично то одно, то другое без смысловой дифференциации)» (А. А. Реформатский. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», № 8. М., 1955, стр. 10). См. критику Л. Р. Зиндером подобного взгляда, «согласно которому для возникновения фонемного противопоставления необходимо и достаточно существование хотя бы одной минимальной пары» (Л. Р. Зиндер. О минимальных парах. «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 года. Тезисы докладов». М., 1963, стр. 28—29).

¹⁵ В. К. Тредьяковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии... СПб., 1748, § 296—298, стр. 380—381.

¹⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952, стр. 426—427.

¹⁷ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений... ч. X. Изд. 2. М., 1787, стр. 44, 48—49.

нении [ʏ] и [ɣ] в литературном языке той эпохи, Д. Н. Ушаков признает, что «произношение ʏ вместо ɣ захватывало еще в половине XVIII века громадное количество слов»¹⁸. С его мнением совпадает мнение А. А. Шахматова о том, что «в старших периодах» слов с фрикативным звонким «было несомненно больше; и в конце слышалось *х*, не *к*, в языке образованных лиц: *порох*, *сапох*, *друх*»¹⁹.

Ученые XIX века также говорят о наличии [ʏ] наряду с [ɣ] в современном им литературном языке. Много внимания, в частности, этому различию уделяет Я. К. Грот. В своих работах он неоднократно указывает на существование четырех задненебных звуковых единиц: *к—г—х—г̃* (так Я. К. Грот обозначает звонкий фрикативный задненебный звук²⁰).

В «Спорных вопросах русского правописания» Я. К. Грот приводит примеры того, как многие ученые, исследовавшие русское правописание и видевшие недостатки русского алфавита, в частности, в том, что буква *ɣ* обозначает две звуковые единицы, пытались ввести в алфавит еще одну букву, чтобы снять это несоответствие. Так, М. Смотрицкий буквой *ɣ* обозначает фрикативный звук, а прописной буквой *Г* — взрывной звук²¹. В грамматике русского языка, напечатанной при немецко-латинско-русском словаре Вейсмана и приписываемой Адодурову (1731), как и в «Разговоре об орфографии» Тредьяковского (1748), предлагается ввести в азбуку букву *г̃* для обозначения взрывного звука, а букву *ɣ* оставить для обозначения фрикативного звука²². Другие ученые оставляли за буквой *ɣ* обозначение звука [ɣ], а для [ʏ] предлагали ввести иную букву. Так, по свидетельству Я. К. Грота, «академик Паллас. . . дал букве *ɣ* для звука *h* в отличие подстрочный значок (сидиль). Кёппен. . . ставил с этой

¹⁸ Д. Н. Ушаков. Указ. соч., стр. 238.

¹⁹ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 242. — Ср. также анализ языка писем и бумаг Петра I В. А. Богородицким и К. В. Горшковой (В. Богородицкий. Диалектологические заметки, IV. Московское наречие двести лет назад. Казань, 1902; К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык «Писем и бумаг Петра Великого». — «Вестник МГУ», 1947, № 10). В языке Петра I, который родился в Москве, провел детство и юность в Москве и ее окрестностях в окружении людей московских не только среднего, но и низшего класса, по словам В. А. Богородицкого, «согласный *ɣ* имел спирантное (придувное) произношение и в конце слов сменялся на *х*: *бохъ*, *денехъ*» (В. Богородицкий. Указ. соч., стр. 5); К. В. Горшкова отмечает, что «на конце слова, в соответствии со звонким взрывным согласным *ɣ*, звучащим перед гласным, наблюдается как звук глухой взрывной *к*, так и еще чаще звук глухой фрикативный — *х*» (К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 114).

²⁰ Я. К. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1899, стр. 479, 482, 487, 504, 507.

²¹ Там же, стр. 511.

²² Там же, стр. 643.

целью над *г* знак греческого густого придыхания (*ḡ*). Срезневский и Катков... также употребляли надстрочный знак. Академик Бётлинг предлагал писать *ḡ*. Иные советовали просто перенести в русский алфавит латинскую букву *h*. . .»²³.

Все это является свидетельством того, что в русском литературном языке еще в XVII в. наряду с фонемой /*г*/ существовала фонема /*γ*/. Изменения в литературном языке позднейших эпох вплоть до настоящего времени не привели к утрате фонемы /*γ*/, хотя и очень сильно изменили ее частотность. Так, если в XVIII в. фонема /*γ*/ отмечается в довольно большом количестве слов, то со временем происходит перераспределение между сферами употребления /*г*/ и /*γ*/: фонема /*γ*/ постепенно вытесняется фонемой /*г*/.²⁴

В современных севернорусских и среднерусских говорах, так же как и в литературном языке, существует наряду с [*г*] и произношение [*γ*] в сильной позиции. Такой [*γ*] отмечается в этих говорах чаще всего 1) в словах *господи*, *господь*, *господин*, *государь*, *бога*, *богатый*, *убогая*, *благо* и производных от них; 2) в звукоподражательных словах и словах эмоционального характера типа *гоготать*, *горготать*, *реготать*, *гукать*, *гумкать*; 3) в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений *-ого* (*красного*, *того*. . .)²⁵.

Произношение [*γ*] в словах первой и второй групп, распространенное по всей территории севернорусского наречия, свидетельствует о наличии в этих словах фонемы /*γ*/. Произношение [*γ*] в морфе *-ого*, известное ряду севернорусских говоров, в части этих говоров может быть позиционно обусловленным: в таких говорах в соответствии с [*г*], произносящимся не между гласными, в позиции между гласными произносится [*γ*] (*но[γ]а*, *на-[γ]олову*, *стрб[γ]о*, *кру[γ]ом* и т. п.)²⁶. Будучи позиционно обусловленным, [*γ*] в этом случае не воплощает особой «задненебной» «звонкой» «фрикативной» фонемы, а вместе с [*г*] воплощает «задненебную» «звонкую» фонему, не обладающую дифференциальным признаком «взрывность ∞ фрикативность». При отсутствии такой обусловленности (т. е. при произношении *красно[γ]о*, *то[γ]б* и т. п., но *но[г]а*, *стрб[г]о* и т. п.) [*γ*] в морфе *-ого* воплощает фонему /*γ*/.

²³ Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 669.

²⁴ Говоря об употреблении [*γ*] в некоторых словах в современном русском литературном языке, Д. Н. Ушаков пишет: «Мои наблюдения показывают, что перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции» (Указ. соч., стр. 238).

²⁵ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 137—138; П. С. Кузнецов. Русская диалектология, стр. 73; «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 72.

²⁶ Там же; см. также: З. К. Плотников. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных. «Иzv. ОРЯС», 1922, т. XXIV, кн. I. Пг., стр. 287 и сл.

Итак, ряд слов (морф) в севернорусских и среднерусских говорах может произноситься с [γ]. Находясь в сильной позиции, этот [γ] воплощает фонему /γ/. Слова эти воспринимаются носителями говора как свои, не заимствованные. Колебания в речи одного и того же лица в произношении [γ] или [г] (если эти колебания есть) обусловлены, как правило, вытеснением обычного произношения [γ] в этих словах новым произношением [г].

Когда же в русских говорах возникает фонема /γ/? Вопрос этот связан с интересовавшим многих лингвистов вопросом о происхождении /γ/ и в других славянских языках ²⁷.

Большинство исследователей говорит о наличии в праславянском языке и отдельных славянских языках одной звонкой задненебной: либо *g*, либо *γ* (*h*). Более столетия тому назад О. Бётлинг высказал предположение о том, что в праславянском языке звонкая задненебная была фрикативной согласной ²⁸. Впоследствии аналогичную точку зрения высказал Л. Новак, считавший, что это *γ* в некоторых славянских языках изменилось во взрывное *g*, а в других либо осталось без изменений, либо изменилось в *h* ²⁹.

Однако большинство лингвистов склонны считать, что в праславянском языке более древним было *g*, из которого впоследствии развилось *γ*, в свою очередь изменившееся в ряде языков в *h*. Одни из этих лингвистов считают, что изменение *g* > *γ* происходило еще в общеславянский период и характеризовало некоторые диалекты праславянского языка ³⁰, другие это изменение относят к более позднему периоду самостоятельного развития отдельных славянских языков после их выделения из праславянского ³¹. Что касается русских говоров, то их противопоставление по качеству звонкой задненебной согласной восходит, очевидно, к эпохе до XI в., когда на всем юге древнерусской

²⁷ Довольно полное изложение взглядов по этому вопросу см. в статье Р. Крайчовича (R. K r a j č o v i č. Zmena *g* > *γ* (> *h*) v západoslovanskej skupine. «Slavia», г. XXVI, seš. 3, стр. 341 и сл.), а также в кн.: С. Б. Б е р н ш т е й н. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 292—297.

²⁸ О. Бётлинг. Грамматические исследования о русском языке. «Уч. зап. АН по 1 и 3 отделениям», т. I, вып. 1. СПб., 1852, стр. 76.

²⁹ L'. N o v á k. Neznáme nemecké vplyvy na západoslovanský, východoslovanský a maďarský konsonantizmus. «Linguistica Slovaca», 1939/1940, 1—2, стр. 109—110.

³⁰ См., например: Е. Ф. Б у д д е. Лекции по истории русского языка. Казань, 1914, стр. 171; N. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. «Zeitschrift für slavische Philologie». Bd. 1. Leipzig, 1925, стр. 292.

³¹ См., например: А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 124; А. М. С е л и щ е в. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. «Slavia», VII, seš. 1, 1928, стр. 35—36; Р. Н а х т и г а л. Славянские языки. М., 1963, стр. 219—220.

территории произошло изменение $g > \gamma$ (с последующим изменением $\gamma > h$ на юго-западе и западе этой территории)³².

По мнению же некоторых ученых, в праславянском языке существовали две звонкие задненебные: g и γ (h). Впоследствии они могли совпасть в одной из них, а могли сохранить различие³³.

«В древнерусском языке, — писал А. А. Шахматов, — так же как в совр. русском языке, различаются следующие три группы говоров: во-первых, группа, сохранившая g и h ; во-вторых, группа, сохранившая g , но изменившая h в g ; в-третьих, группа, изменившая и g и h в γ . В составе первых двух групп видим севернорусские говоры, в составе третьей группы говоры восточно-русские и южнорусские (современные южновеликорусские, белорусские и малорусские). В первой из этих групп исконное h или исчезло совсем, или заменилось звуком γ , или, наконец, заменилось звуком v »³⁴.

Говоря о γ (h), А. А. Шахматов имел в виду прежде всего произношение морфа $-o\gamma o$ (род. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных и местоимений). Существует две точки зрения относительно происхождения этого γ ³⁵. Согласно одной из них γ в $-o\gamma o$ восходит еще к праславянскому языку³⁶. Согласно другой точке зрения γ в $-o\gamma o$ возникает в севернорусских говорах в результате фонетического ослабления g (z) взрывного³⁷, этот процесс может быть датирован древнерусской эпохой, так как в памятниках XV в. отмечаются уже примеры написания v в этом окончании

³² См., например: T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Stosunki pokrewieństwa jęsyków ruskich. «Rocznik slawistyczny», t. IX, cz. 1. Kraków, 1921, стр. 57—58; Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6, стр. 44—46.

³³ См.: И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. М., 1959, стр. 147—148; А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 35—36, 294—295.

³⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 295.

³⁵ Подробнее о них см.: А. И. Толкачев. Об изменении $-ogo > -ovo$ в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка. «Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960, стр. 235 и сл.

³⁶ См.: Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках. — РФВ, 1895, т. XXXIII, стр. 288—289; А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 34—35, 294—295; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I. Врно, 1927, стр. 117.

³⁷ См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос». — ЖМНП, 1897, май, ч. CCCXI, стр. 100—101; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 124—126; N. v a n W i j k. Die großrussische pronominale Genitivendung $-vo$. — «Streithberg-Festgabe». Leipzig, 1924, стр. 410—417; В. И. Боровский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 236.

(-ово)³⁸, а согласно указанной точке зрения, изменение происходило следующим образом: *ого* > *оуо* > *оо* > *ово*.

Кроме того, [ʏ] в севернорусских говорах древнерусского языка произносился, видимо, в словах типа *господь*, *господин*, *государь* и т. п. Свидетельством такого произношения считается пропуск буквы, обозначающей звонкий заднеязычный (написания типа *осподара*, *оспожино*, *разнѣваса* вместо *господара*, *госпожино*, *разнѣваса*), так как «пропустить легче *г* при фрикативном его произношении, чем при взрывном (в силу слабости артикуляции)»³⁹. Такой пропуск буквы *г* отмечается уже в южнорусских памятниках XII в. и с XIV в. в севернорусских⁴⁰.

Свидетельством фрикативного произношения звонкого заднеязычного в отдельных словах может служить также следующее. В некоторых говорах современного русского языка отмечено произношение [j] вместо [ʏ'] перед гласными переднего ряда⁴¹. В качестве «объективных данных, свидетельствующих о том, что на месте фонема *ʏ* перед гласными переднего ряда может звучать по говорам *j*» Р. И. Аванесов, в частности, приводит примеры малограмотных записей из сочинений школьников: ошибки одного типа, где «можно отметить обозначение *j* вместо *г*»: *Турьнев*, *деньи*, *на дорои*, *иря*; другого типа, где «мы находим *г* вместо обозначения *j*»: *воробѣги*, *воробги*, *братѣги*, *гих*, *гим*. На основании этих примеров Р. И. Аванесов делает вывод: «Неразличение на письме *ʏ'* и *j* является показателем реального неразличения говорящими *ʏ'* и *j* перед гласными переднего ряда»⁴². З. К. Плотникова указывает на то, что в ответе № 167 на диалектологическую Программу (д. Ольховица Кирилловского у. Новгородской губ.) автор употребляет букву *г* «в написании *гиль* (вместо *ель*), *гили* (вместо *ѣли*) для передачи *j*, что понятно лишь при предположении произношения *г* как *ʏ*, напр. в слове *гѣбель*, *гѣбну* и т. п. Тот же прием для передачи начального *j* наблюдается, напр., у школьников с. Падмозера (Заонежье): *кошка гимала мышей* — в говоре, где заведомо нет разницы между *j* в положении перед

³⁸ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 126.

³⁹ В. И. Бorkовский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 89. Ср. у Е. Ф. Будде: «Едва ли не следует признать звук *ʏ* рядом со звуком *г* еще в общерусскую эпоху во всех говорах, по крайней мере, для некоторых слов: почему, напр., теперь в северновеликорусских говорах. . . где исключительно мы слышим звук *г*, говорят рядом с этим: *осподѣ*, с *осподами*, причем я иногда слышал оттенок звука *ʏ* в начале этих слов (Е. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896, стр. 182).

⁴⁰ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 125—127.

⁴¹ См.: Р. И. Аванесов. О качестве заднеязычной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке, стр. 34—41.

⁴² Там же, стр. 39.

гласными переднего ряда и тем согласным, кот. слышится там в этом же положении на месте *г* взрывного»⁴³.

Ошибки этих же двух типов мы находим и в древнерусских памятниках. Так, с одной стороны, встречаются написания *ана рѣина*, *кнѣинѣа*, *анѣелѣ*, *у ѡванѣиличѣ* и т. п., а с другой стороны, написания *генварѣ*, *гета*, *алилугиѣ*, *юргевѣну* и т. п.⁴⁴ Происхождение ошибок обоих этих типов также может быть объяснено произношением [γ], чередующегося перед гласным переднего ряда с [j]⁴⁵.

При таком произношении буква *г* могла обозначать как звук [γ], так и звук [j], причем как правило *г* обозначала [γ] перед гласными /а/, /о/, /у/, а [j] перед гласными /и/, /ѣ/, /е/: *нога* (но[γ]а) — *ноги* (но[j]и), *бога* (бо[γ]а) — *о богѣ* (о бо[j]ѣ) и т. п. Но звук [j] имел и другое обозначение. Так, перед /е/, /а/, /у/ [j] мог обозначаться при помощи йотации гласной буквы: *ѣго*, *ѣзыкѣ*, *стою* ([j]ѣго, [j]ѣзыкѣ, сто[j]ю) и т. п., а перед /и/, /ѣ/ не получать особого обозначения: *ихѣ*, *мои*, *тоѣ* ([j]ихѣ, мо[j]и, то[j]ѣ)⁴⁶ и т. п. Таким образом, оказывалось, что звук [j] в одной и той же позиции мог обозначаться двояко: перед /е/ — *ѣго* ([j]ѣго) и *гетманѣ* ([j]ѣтманѣ), перед /и/, /ѣ/ — *ихѣ* ([j]ихѣ), *мои* (мо[j]и), *тоѣ* (то[j]ѣ) и *гибель* ([j]ибель), *ноги* (но[j]и), *ногѣ* (но[j]ѣ). Чем же определялся выбор того или иного способа обозначения [j]? Дело в том, что звук [j] мог воплощать в одних позициях фонему /j/, а в других — архифонему (гиперфонему) $\left| \begin{smallmatrix} \gamma \\ j \end{smallmatrix} \right|$. Так, в позиции перед /а/, /у/ (после изменения *е* > *о* также и перед /о/)

⁴³ З. К. Плотникова. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных, стр. 302.

⁴⁴ См., например: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 177; А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 127.

⁴⁵ Е. Ф. Будде писал по этому поводу: «Известная надпись *ана рѣина* (Anna regina) дочери Ярослава Мудрого, бывшей замужем за Франциском I, на монете, не могла быть осмыслена без знания физиологии произношения *g=γ*, *γ'=j* и без знания соотношения между др.-русской графикой и живыми звуками русского языка в его наречиях (в частности, в южнорусском наречии). Ср. древн.-моск. *кнеинѣ* или современное ю.-в.-р. «ножи» = ноги и под.» (Е. Ф. Будде. Лекции по истории русского языка, стр. 63). (Впрочем, написание *рѣина* могло отражать также и старофранцузское произношение этого слова; см.: Е. И. Мельников. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года. — Сб. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 116). А. П. Сумароков считал, что «генварѣ выдумали старинные подьячие, находя в литере *г*, когда она как латинское *h* произносится, некое величество и пышность» (А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. . . , ч. X. М., 1787, стр. 41—42).

⁴⁶ Если считать, что *ј* перед *и*, *ѣ* в древнерусском языке произносился (см.: В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 47, 48, 57—59 и др.), вопреки тому мнению, что в древнерусском языке не могло быть сочетания *јс и*, *ѣ*, так как после *јѣ* изменялось в *е*, а перед *и ј* исчезал (см.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 21, 28, 55 и др.).

фонемы /γ/ и /j/ различались (например, *но[γ]а* — *мо[j]а* и т. п.), поэтому звук [j] перед /а/, /у/ воплощал фонему /j/. В позиции перед /и/, /ѐ/, /е/ фонемы /γ/ и /j/ не различались; в этой позиции выступала архифонема (или гиперфонема) / $\frac{\gamma}{j}$ /, воплощенная в звуке [j]. Если [j] воплощал архифонему / $\frac{\gamma}{j}$ / (например, *но[j]и*, *мо[j]и*), то выбор обозначения звука [j] на письме определялся тем, какая фонема выступает в данном морфе в сильной позиции: если /γ/ — то использовалась буква г, если /j/ — то использовался иной способ: при *но[γ]а* — *нога* и *ноги*; при *мо[j]а* — *мои* и *мои*. Если же [j] воплощал гиперфонему / $\frac{\gamma}{j}$ /, то выбор того или иного способа определялся исключительно традицией. В этих случаях и возникала возможность ошибочного написания. Так появлялось написание г, соответствовавшее этимологическому j, и написание, обозначающее [j] в соответствии с этимологическим звонким задненебным. Такие ошибки могли возникнуть только в том случае, когда /j/ и «звонкая» «задненебная», обозначавшаяся буквой г, в определенных позициях не различалась. А это могло быть, очевидно, только при фрикативном произношении звонкого задненебного — [γ]. То, что такие ошибки отмечаются не только в южнорусских памятниках, но уже в XIII в. и в севернорусских ⁴⁷, свидетельствует о наличии фонемы /γ/ в севернорусских говорах древнерусского языка.

По единодушному мнению русских ученых, начиная с Ломоносова, произношение [γ] в русский литературный язык проникло из церковнославянского. Эта особенность церковнославянского консонантизма, отличавшая его от старославянского, сформировалась в Киеве. «Произношение церковнослав. языка, — писал А. А. Шахматов, — в устах киевлян приняло ряд типических (не общерусских) особенностей южнорусского наречия. Так, звук г, в древнеболгарском звучавший как звонкая мгновенная согласная, систематически заменялся в киевском произношении через γ (h)» ⁴⁸. Такое произношение сохранилось в церковнославянском языке вплоть до настоящего времени. Причем это проявляется не только в том, что «некоторые священники, читая евангелие и произнося церковные молитвы, систематически произносят г как γ (h): *нога*, *урад*, *уробех*, *улас*, *уолубь* и т. д.», но и в том, что в среде духовенства вообще распространено произношение γ ⁴⁹. «Такое произношение, — писал С. Булич, — встречается довольно часто у означенных лиц, хотя бы по месту своего рождения они и принадлежали к таким великорусским говорам, в которых

⁴⁷ См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 177.

⁴⁸ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 91.

⁴⁹ Там же.

этот спирант в независимом положении вовсе не встречается»⁵⁰. Однако слова с /γ/ из церковнославянского языка проникали не только в литературный язык: «Язык Киева в обоих его видах — язык городских классов и язык духовенства — переходил отсюда в другие центры древней Руси, а из этих центров он различными путями просачивался и в деревенскую среду, в самую толщу народных масс»⁵¹. Этим и объясняется произношение [γ] в таких словах, как *бо[γ]а*, *бо[γ]атый*, *[γ]осподь*, *[γ]осподин* и другие «церковнославянские», отмеченное в севернорусских говорах в материалах атласов русских говоров и многих других диалектологических описаниях. Причем в большинстве случаев слова эти в говорах уже не имеют стилистической окраски «церковных», или «книжных», или «городских».

Кроме таких слов, в русском литературном языке до недавнего времени употреблялись слова *дѣ[γ]оть*, *лѣ[γ]ок*, *мя[γ]ок*, *но[γ]оть*, а также *ко[γ]да*, *то[γ]да*, *все[γ]да*, *ино[γ]да* и некоторые другие, отмеченные с [γ] и в ряде севернорусских и среднерусских говоров. Обращая внимание на эти слова, Е. Ф. Будде писал, что они «не книжные, а потому их нельзя считать заимствованными из церковнославянского, а следует в них видеть элемент народный, отчасти чисто фонетической природы»⁵². В части этих слов, а именно в словах на *-[γ]да*, широко распространенных и в севернорусских и среднерусских говорах, происхождение [γ] может быть объяснено диссимилиацией⁵³, в других словах [γ] является результатом заимствования их литературным языком из южно-русских говоров⁵⁴. Так же непосредственно из южнорусских говоров, а не через церковнославянский язык могли заимствоваться некоторые слова с [γ] и среднерусскими, а затем и севернорусскими говорами.

В севернорусских и среднерусских говорах, таким образом, /γ/ в одной части морфов может объясняться как собственно северно- или среднерусская черта (например, в *-оγо*), а в другой

⁵⁰ С. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. I. «Записки историко-филол. фак-та С.-Петербургского ун-та», ч. 32, 1893, стр. 154—155.

⁵¹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916, стр. 82—83.

⁵² Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век). «Энциклопедия славянской филологии», вып. 12. СПб., 1908, стр. 37.

⁵³ Ср.: Б. П. Киртман. Явления диссимилиации согласных звуков в русском языке. «Изв. ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 1, стр. 338; — Н. Н. Дурново даже полагал, что такого же происхождения γ в словах *лѣγок* и *мяγок*, где γ — «перед сильно редуцированным гласным звуком, не препятствующим диссимилиативному влиянию следующей согласной» (Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. 1, стр. 230).

⁵⁴ Ср.: R. Jakobson [рец.] F. Trávníček. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. (Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, č. 7), 1924, str. 52. «Slavia», г. IV, seš. 4, 1926, стр. 812—813.

части морфов — как черта заимствованная. В большинстве случаев эти заимствования — из южнорусского наречия древнерусского, старорусского или современного русского языка⁵⁵ и почти все они церковнославянизмы. Одним из таких заимствований, вероятно, было имя *Ольга*⁵⁶.

Произношение *Оль[ү]а* отмечено в ряде севернорусских и среднерусских говоров, обычно знающих [ү] также и в словах типа *господь, бога* и других «церковнославянских». Так, в говоре Рогачевской вол. Дмитровского у. Московской губ., наряду с обычным [г] Р. О. Якобсон отмечает [ү] в нескольких заимствованных словах: *бл'үб, үспѣти, үсподін, үспода, боү дас* (. . . *бож*), *боүат, бѣүат'ѣиш:иі, бѣүат'р', бѣүат'рск'им'и, буүорбд'ицѣ, блѣүоч'ин:ѣі, блѣүослов'іл, блѣүов'еш':ьнск, каүал'м, буүалт'ѣр'иш* ⁵⁷. Такое же произношение *Ол'үа* при обычном [г] отмечено в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» в нас. п. 454 и 480; в «Атласе русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы» в нас. п. 10, 340, 708, 781, 832, 871, 881, 888, 1254.

Имя *Ольга* не славянское, оно восходит к скандинавскому *Helga*⁵⁸. Впервые в русской истории имя *Ольга* встречается как имя великой княгини, жены Игоря. В течение нескольких последующих столетий имя это употреблялось очень редко и, вероятно, только в княжеских семьях. Отмечено, что в эпоху Киевской Руси существовало разделение личных имен на имена княжеские и имена, употреблявшиеся остальными людьми. Княжеские имена были принадлежностью только княжеских семей и не использовались в другой среде⁵⁹. Такое положение существовало

⁵⁵ Хотя могут быть и заимствования иноязычные — например, *боуатырь*; см.: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964.

⁵⁶ О том, что *Ол'га* — слово «церковного происхождения», пишет, в частности, Д. В. Бубрих (см.: Д. В. Б у б р и х. Фонетические особенности говора с. Пустостей Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии. «Изв. ОРЯС», 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 329, 342).

⁵⁷ Р. О. Якобсон. Фонетика одного севернеликского говора с намекающей переходностью. Литогр. изд. Прага, 1927, стр. 54.

⁵⁸ См., например: И. И. Срезневский. Чтения о древних русских топонимиях, I—III. «Записки АН», т. II, кн. 2. Приложения. СПб., 1862, стр. 46; M. V a s e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955; П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка. М., 1962, стр. 82. — Индоевропейским считает имя *Ольга* С. Роспанд [С. Р о с п а н д. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — ВЯ. М., 1965, № 3, стр. 14].

⁵⁹ См.: Евгений, митрополит Киевский. О личных собственных именах у славяноруссов. «Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском ун-те», 1827, ч. III, кн. II. М., стр. 67; М. П. Погодин. О частной жизни князей в древности до нашествия татар. «Москвитин», 1853, т. III, № 11, июнь, кн. I, отд. III, стр. 67; А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. «Уч. зап. МГУ», 1948, вып. 128, кн. I. Труды кафедры русского языка, стр. 135; A. Wæsklund. The names of women in medieval Novgorod. — Сб. «For Roman Jakobson», the Hague, 1956, стр. 19.

«почти до XV в.»⁶⁰ Однако и в последующие века *Ольга* как имя лица не княжеского происхождения было чрезвычайно редким⁶¹.

Объясняется это, вероятно, следующим. В соответствии с церковными правилами новорожденного обычно называли именем того святого, день памяти которого приходился на восьмой день после рождения ребенка⁶². Дни памяти святых были утверждены церковью и входили в святцы, или месяцеслов, в порядке месяцев и дней года. Несмотря на то, что великая княгиня Ольга была признана святой, вероятно, еще в Киеве, в период домонгольский⁶³, общерусское почитание ее было узаконено церковью только в середине XVI в.⁶⁴ Кроме того, «для празднования памяти святого нужна была служба ему, а равно требовалось, чтобы написано было (существовало) и его житие»⁶⁵. Между тем только с XV в. получили распространение написанные Пахомием Логофетом служба вел. кн. Ольге и ее житие⁶⁶, вошедшее в XVI в. в известные Четьи-Минеи митрополита Макария⁶⁷.

Однако часто в один день поминалось несколько святых. Так было и 11 июля, когда кроме Ольги поминалась также и Евфимия⁶⁸. В этом случае преимущество давалось тому имени, которое входило в народный сельскохозяйственный календарь⁶⁹.

⁶⁰ Евгений, митрополит Киевский. Указ. соч., стр. 67.

⁶¹ Так, например, в первых восьми томах «Полного собрания русских летописей» *Ольга* встречается лишь как княжеское имя (см. «Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археологической комиссией», Отд. I, том II. СПб., 1898). В «Новгородских писцовых книгах», в грамотах Великого Новгорода и Пскова и в I Новгородской летописи встречается около 100 женских имен и ни разу не встречается *Ольга* как имя не княжеское. При этом отмечены деревни Ольгино, Ольгово, Олюшкино (см. «Новгородские писцовые книги, изд. Археологической комиссией». Указатель к первым шести томам. Пг., 1915; A. V æ s k l u n d. The names of women in medieval Novgorod). Среди 67 женских имен, отмеченных в «Писцовых книгах, изд. Русским географическим обществом до 1895 г.», встречается 4 раза имя *Ольга*. Однако отмечено оно только в писцовых книгах Тульского и Орловского уездов и, кроме того, относится к именам с низкой частотностью: ср., например, частотность таких имен, как *Марья* — 123, *Анна* — 63, *Авдотья* — 62. . . *Евфимия* (*Ефимья*, *Афимья*) — 12 (см.: «Писцовые книги, изд. Русским географическим обществом», ч. I. Указатель. СПб., 1895).

⁶² См.: Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 15.

⁶³ См.: Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 56—57.

⁶⁴ Там же, стр. 90—92.

⁶⁵ Там же, стр. 41.

⁶⁶ См.: Макарий, архиепископ [Булгаков]. История русской церкви, т. I. СПб., 1857, стр. 71; т. VII. СПб., 1874, стр. 157; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина тома. М., 1911, стр. 589.

⁶⁷ Макарий, архиепископ. Указ. соч., т. VII, стр. 168.

⁶⁸ См.: Православный церковный календарь.

⁶⁹ См.: А. Н. Мирославская. К истории развития русских имен. «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», 1959, вып. VI, стр. 374.

Имя *Евфимия* входило в народный календарь и было гораздо более употребительным, чем *Ольга*, не вошедшее в этот календарь ⁷⁰.

Таким образом, имя *Ольга* не было народным именем, оно проникало в севернорусские говоры под церковным влиянием и в качестве церковнославянской приметы могло сохранять произношение фрикативного [ʏ].

Свидетельством такого произношения может служить также то, что имя *Олег*, парное к имени *Ольга*, произносилось в Москве в XVI в. с фрикативным согласным на конце. Об этом можно судить по написанию *Olech* Герберштейном, «хорошо владевшим славянскими языками и произношением» ⁷¹.

Итак, севернорусским говорам издавна был свойствен в сильной позиции звук [ʏ], воплощавший фонему /ʏ/. С этим звуком произносилось и имя *Ольга*. В тех позициях, где твердым согласным соответствовали мягкие, звуку [ʏ] соответствовал [j]. Поэтому, когда в севернорусских говорах возникло прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных, то, наряду с *Вань[к']я*, *день[г']ям*, *наверь[х']ю* и т. п., появлялось и *Оль[j]я*.

Однако в современных говорах слово *Оль[j]я* отмечено и на территории, где нет других следов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных, т. е. нет примеров типа *Вань[к']я*. В этих говорах произношение *Оль[j]я* могло возникать, вероятно, двумя путями. Во-первых, слово *Оль[j]я* в такой фонетической оболочке могло заимствоваться некоторыми говорами, не знавшими прогрессивного смягчения задненебных, из говоров, которым было свойственно это изменение. В другом случае в говорах, переживших некогда процесс ассимилятивного смягчения задненебных, происходил отход от данного диалектного явления, т. е. происходила замена звуков, возникших в результате этого процесса, звуками, бывшими на их месте до него. В результате все слова типа *Вань[к']я*, *день[г']ям*, *наверь[х']ю* начали вновь произноситься как *Вань[к]а*, *день[г]ам*, *наверь[х]ю*, и только слово *Оль[j]я* сохранилось без изменения.

Отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных происходит в настоящее время, очевидно, во всех говорах, знающих это явление, а в ряде говоров этот отход уже завершен. Об этом свидетельствует следующее. В ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и в других описаниях говоров приводятся, как правило, для характеристики одного

⁷⁰ См.: А. С. Е р м о л о в. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. I. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, стр. 374; А. Н. М и р о с л а в с к а я. Указ. соч., стр. 376—377.

⁷¹ С. А. Г е д е о н о в. Орывки из исследований о варяжском вопросе. «Записки АН», т. II, кн. 2. Приложения. СПб., 1862, стр. 197.

говора не только примеры с мягкими задненебными после мягких согласных (*Bān'k'a* и т. п.), но и соответствующие примеры с твердыми задненебными (*Bān'ka* и т. п.), а это значит, что в таких говорах уже не существует исключительного произношения мягких задненебных после мягких согласных, но, наряду с мягкими, в этой позиции произносятся уже и твердые задненебные. Кроме того, нередко указывается, что мягкие задненебные после мягких согласных произносятся только стариками или что местные жители помнят такое произношение, но сами произносят твердые задненебные. В ряде случаев при первичном обследовании населенного пункта отмечается произношение мягких задненебных после мягких согласных, а при повторном обследовании, проведенном через несколько лет, — только твердых задненебных в этой позиции. Уменьшение ареала данного диалектного явления можно видеть и при сопоставлении карты Д. К. Зеленина⁷² с соответствующими картами атласов русских говоров⁷³.

Сохранение результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных только в слове *Оль[j]я* — это типичный случай лексикализации фонетического явления.

Лексикализация или морфологизация фонетического явления представляет собой сохранение только в определенных морфах, корневых или аффиксальных, результатов фонетического изменения, не ограниченного в период, когда оно происходило (именно в силу того, что оно было фонетическим), ни определенным кругом слов, ни определенными морфами, а только определенной фонетической позицией. На смену фонетическому изменению приходит фонетическая (фонологическая!) модель: в данной фонетической позиции может быть только данный звук из некоторого множества звуков. Так как эта модель держится только на традиции, связь в языковом сознании говорящих между звуком («аллофоном») и обуславливающей его фонетической позицией может быть нарушена. Это нарушение связи данного звука с данной позицией может произойти в языковом сознании говорящих во всех случаях употребления данного звука в данной позиции и тогда фонетическая модель перестает существовать, либо только в некоторых морфах — и тогда эти морфы исключаются из действия данной фонетической модели. При таком разрушении или ограничении модели звуки, оторвавшись от данной фонетической позиции, могут начать восприниматься как члены другой фонологической модели, либо модели морфологической или словообразовательной. Так, при отсутствии внешних изменений может произойти

⁷² См.: Д. К. Зеленин. Указ. соч.

⁷³ См. карты 56, 57 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (а также карты других атласов, подготовленные к печати) и карту в статье: Л. Л. К а с а т к и н. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, т. III. М., 1962, стр. 58.

внутренняя перестройка: звуки остаются теми же — меняется их обусловленность.

Если возникает тенденция к отходу от результатов происшедшего некогда фонетического изменения, то особенности реализации этой тенденции зависят от того, происходила ли в предшествующий период какая-либо внутренняя перестройка модели, пришедшей на смену фонетическому изменению. Если этого не происходило, то после отхода от результатов фонетического изменения не останется никаких явных следов этого изменения: во всех словах все звуки, возникшие при данном изменении, заменятся на те звуки, которые были в этих словах до указанного фонетического изменения. Если же в каких-то морфах звуки, возникшие при этом фонетическом изменении и позднее включавшиеся в указанную модель, затем перестают связываться говорящими с этой моделью, то после отхода от данного явления результаты фонетического изменения сохраняются только в этих морфах.

Появление [j] в слове *Оль[j]я* было обусловлено предшествующей мягкой согласной точно так же, как появление [к'], [г'], [х'] в словах *Вань[к']я*, *день[г']ям*, *наверь[х']ю* и т. п. Однако если и в дальнейшем [к'], [г'], [х'] были обусловлены позицией (моделью), вне которой они не употреблялись⁷⁴, то [j] мог выступать и вне этой позиции. Поэтому [j] в слове *Оль[j]я* мог перестать связываться в языковом сознании говорящих с предшествующим согласным. Обособлению [j] от фонетической позиции могло способствовать осознание его как представителя первого члена форманта /-ja/, существующего и во многих других женских именах: Авдотья, Агафья, Акулина, Дарья, Лукерья, Марья, Настасья и др. И когда возник отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных, то *Вань[к']я*, *день[г']ям*, *наверь[х']ю* и т. п. заменялись на *Вань[к]а*, *день[г]ам*, *наверь[х]у* и т. п., а *Оль[j]я* так и осталось без изменения, т. е. [j] в этом слове уже не воспринимался как результат прогрессивного ассимилятивного смягчения [ʏ].

Таким образом, произношение *Оль[j]я* свидетельствует о том, что в говоре некогда могло осуществляться прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных. А если это так, то, следовательно, по произношению *Оль[j]я* мы можем в какой-то мере восстановить первоначальную территорию распространения этого диалектного явления.

⁷⁴ После мягких согласных фонем и перед фонемами /и/, /é/, /е/.

А. Б. Пеньковский

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЗВУКОВЫХ ЗАМЕН ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДИАЛЕКТОВ

(в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г]
фрикативным [ɣ] в южнорусском окружении)

Важной задачей русской диалектологии еще со времени «Опыта...» А. И. Соболевского¹ стало изучение вопросов, связанных с взаимодействием диалектов и междиалектными влияниями. Дальнейшее развитие диалектологических исследований (в связи с деятельностью Московской диалектологической комиссии, а позднее — в связи с работой над диалектологическим атласом русского языка) способствовало решению некоторых составляющих эту проблематику вопросов. Многое, однако, остается еще невыясненным и ждет специального изучения².

Одним из частных вопросов в этом широком круге проблем является вопрос о закономерностях звуковых замен, которые выступают как наиболее распространенный результат и показатель взаимодействия диалектов и их изменения под влиянием литературного языка.

В качестве примера таких замен можно назвать переход от [ч] твердого к мягкому [ч'], усвоение неафрицированных [т'], [д'] взамен мягких свистящих аффрикат, вытеснение билабиального [w] губно-зубным [в] и т. п. явления, происходящие в белорусских говорах и говорах переходных от белорусских под уси-

¹ А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, вып. I. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.

² Ср., например, намеченные «Тезисами» Пражского лингвистического кружка вопросы изучения внутриязыковых контактов и взаимовлияния различных лингвистических образований (см.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв., ч. II. М., 1960, стр. 76), оставшиеся в значительной степени нереализованными и вновь выдвигаемые сейчас на повестку дня (см.: «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 8, 20—21, 129).

ливающимся южнорусским влиянием; продвижение на юг таких севернорусских особенностей, как [г] взрывное и губно-зубное [в] с его глухой парой [ф] и, наоборот, усвоение севернорусскими говорами некоторых южнорусских фонетических особенностей. Установление закономерностей этих и других подобных процессов, выяснение последовательности их развития необходимо как для понимания современного состояния многих русских говоров, так и для воссоздания их истории.

Однако изучение указанных вопросов осложняется целым рядом факторов и прежде всего тем, что во многих случаях мы имеем дело не с самим процессом в его развитии, а с конечным результатом процесса. Исследователь может констатировать факт замены данного звука другим, может определить, откуда исходило влияние, принесшее новый для говора звук, но как осуществлялось вытеснение исконного и усвоение нового для говора звука — нередко остается неизвестным.

Так обстоит, например, дело с заменой [γ] фрикативного [г] взрывным и обратной заменой [г] взрывного [γ] фрикативным во многих русских говорах. Сам факт такой замены легко обнаруживается благодаря наличию в таких говорах новых функциональных пар [г] — [х] или [γ] — [к], но восстановление отдельных стадий замены оказывается невозможным, так как звонкий заднеязычный представлен здесь соответственно только взрывным или только фрикативным вариантом³.

Особую ценность в связи с этим приобретают данные по тем говорам, в которых звуковые замены обнаруживаются не как уже совершившийся факт, не в их готовых результатах, а как живой процесс, в его становлении и развитии. В диалектологической литературе указания на такого рода говоры, где сосуществуют две разновидности звонкого заднеязычного, достаточно многочисленны. Но тот или иной способ образования звонкого заднеязычного рассматривается в большинстве случаев лишь как различительный признак, удобный для дифференциации южнорусских и среднерусских говоров. Наблюдатели, интересуясь по преимуществу проблемами генезиса и классификации говоров, могли ограничиться поэтому констатацией самого факта сосуществования в говоре взрывного [г] и фрикативного [γ], не приводя сколько-нибудь значительного фактического материала и не

³ Такие говоры описаны неоднократно. Ср., например: А. Н. Гвоздев. Два говора одного села. «Материалы исследования по русской диалектологии», т. I. М., 1949, стр. 87; В. Н. Сидоров. Наблюдения над одним из говоров рязанской мещеры. — Там же, стр. 111; С. С. Высотский. О говоре д. Лека. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М., 1949, стр. 41; Л. Э. Калнынь. К истории коломенских говоров. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VII. М., 1957, стр. 38—40; Т. Г. Строганова. К изучению говоров междуречья Оки—Клязьмы. — Там же, стр. 118—119; см. также: Р. И. Аванесов. Очерки по русской диалектологии. М., 1949, стр. 141—143 и многие другие источники.

указывая условия, определяющие употребление этих вариантных звуков. Устанавливается обычно лишь общее соотношение между ними по частоте их употребления («чаще γ», «частые случаи γ», «случаи с г единичны» и т. п.). Однако сведения о частоте употребления, не подкрепленные точными данными об условиях употребления, оказываются явно недостаточными для решения поставленного выше вопроса⁴. Установить по этим материалам, регламентировано ли как-нибудь использование [г] и [γ] или они находятся в состоянии неупорядоченного смешения, свободно замещая друг друга, оказывается совершенно невозможным. Содержащиеся в ряде материалов прямые указания на безразличное употребление [г] и [γ], на употребление их в одних и тех же условиях, на отсутствие какой-либо обусловленности в их выборе и т. п. могут, по-видимому, в каких-то случаях отражать действительное положение вещей в том или ином говоре, но следует также учитывать, что они могут свидетельствовать лишь о том, что действительные отношения между [г] и [γ], «своим» и «чужим», вытесняющим и вытесняемым, остались неизвестными для наблюдателя.

Таким образом, и при сосуществовании в говоре обоих вариантов — своего и чужого — определение отношений между ними и реконструкция последовательных этапов их борьбы оказывается делом достаточно затруднительным, поскольку первоначальные отношения могут быть в большей или меньшей степени стерты. Здесь многое зависит, очевидно, от того, в каких условиях находится испытывающий влияние говор, откуда исходит, насколько сильно и длительно это влияние. В этом отношении весьма существенно, что названные говоры в подавляющем большинстве своем — говоры южнорусские и севернорусские или в среднерусском окружении. Процесс перехода от фрикативного [γ] к [г] взрывному, вызван ли он инодиалектным влиянием или возникает при смешении носителей двух диалектных групп, идет в этих говорах в том же направлении, к какому толкает и воздействие литературного языка, и поддерживается этим последним. Это, по-видимому, особенно актуально для центральных областей, Московской и Рязанской, на территории которых и находятся целые массивы говоров, знающих рассматриваемое явление. Там же, где имеет место воздействие или поддержка литературного языка, нужно, очевидно, учитывать и такой фактор, как сознательное отношение говорящих к процессу речи, на особо

⁴ Кроме того, само определение частоты не всегда проводится методически правильно. См. замечания о недостатках суммарного, недифференцированного подхода к диалектным явлениям в статье Е. В. Немченко и Т. Г. Строгановой «Обсуждение Диалектологического сборника Саратовского гос. ун-та» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. VI. М., 1954, стр. 139—140).

важном значении которого в жизни языков настаивал в свое время Г. О. Винокур⁵.

Понятно поэтому, что наиболее благодарные возможности для исследования указанного вопроса предоставлял бы говор, начало инодialeктного влияния на который было бы не слишком отдалено от момента наблюдения и развитие которого находилось бы в минимальной зависимости от воздействия литературного языка. Одним из таких говоров является говор села Лужки Стародубского р-на Брянской обл. (в прошлом — Стародубского у. Черниговской губ.), наблюдения над которым легли в основу настоящей статьи.

Село Лужки — одно из группы старообрядческих поселений, возникших на свободных землях старой гетманской Черниговщины в период с конца 70-х годов XVII в. до половины XVIII в.⁶

В говоре его легко выделяется комплекс характерных севернорусских особенностей (взрывное [г], губно-зубное [в], наличие фонемы /ф/, звук [в] в окончаниях *-ого*, *-его* местоимений, прилагательных и причастий, твердое [т] в окончаниях 3-го л. глаголов, твор. п. мн. ч. на *-ам* типа *с рукам*, *с ногам*, род.-вин. местоимений *меня*, *тебя*, *себя*, остатки постпозитивного члена, в лексике — *квашня*, *ковш*, *сковородник*, *изба*, *петух*, *крынка* и др., с одной стороны, и такие черты южнорусского происхождения, как аканье, сохранение сочетаний *бм* и *дн*, твердое [с] в суффиксе *-ск-*, в лексике — *кочет*, *рогач*, *пахать* и др., с другой⁷.

Такое своеобразное соединение в одном целом севернорусских и южнорусских черт, одинаково отсутствующих в «нормальных» для юго-западной части Брянщины говорах соседних нестарообрядческих сел, позволяет предполагать (и имеющиеся исторические данные не противоречат этому), что образование лужковского говора происходило в процессе сплавления севернорусской и южнорусской речи, принесенной сюда бежавшими от никонизма раскольниками из разных частей Московской Руси.

Значительно более сильная, чем в других старообрядческих селах⁸, религиозная и бытовая замкнутость лужковских «москалей-староверов», их враждебная отчужденность от окружающего населения поставили Лужки в положение своего рода цитадели стародубского раскола («лушк'и-ть был'и фтарой ирусал'им»), а сложившийся здесь за два с лишним века говор, приближающийся к среднерусскому типу, прочно сохранял свою

⁵ Г. О. Винокур. Заметки по фонетике одного украинского говора. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», 1947, вып. I, стр. 28.

⁶ См.: М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и Стародубе, ч. I. М., 1895.

⁷ Ср. здесь также наличие ряда черт, не поддающихся однозначной локализации, таких, например, как формы типа *ходю*, *носю* и т. п.

⁸ В юго-западной части Брянщины их более 10.

чистоту, отгороженный от сколько-нибудь значительных влияний со стороны резко отличных от него юго-западных брянских говоров. С крушением старообрядческих устоев в послереволюционное время лужковский говор потерял свою былую обособленность и в этих новых условиях уже не мог противостоять инодиалектному воздействию, подтачивающему его не только извне, но и изнутри. Результаты этого подтачивания сейчас уже достаточно заметны, и прежде всего они обнаруживаются в современном состоянии тех элементов говора, которые имеют севернорусское происхождение.

Одной из таких ярких черт севернорусского происхождения в говоре Лужков является взрывное образование звонкого заднеязычного. Оно не может быть приписано ни влиянию окружающих брянских говоров, которые сами знают лишь [ɣ] или [h], ни влиянию литературного языка, так как те, кто мог бы быть его проводником (сельская интеллигенция и прежде всего учительство), также произносят звонкий заднеязычный исключительно ффрикативного образования. Взрывное [ɣ] в лужковском говоре — давняя и яркая черта, коль скоро еще за 25—30 км от Лужков сообщают, характеризуя этот необычный для Брянщины говор, что там «гакають» (с. Великая Топаль Клинецовского р-на), или «гыкають» (с. Нижнее Стародубского р-на). Тем не менее при всей устойчивости [ɣ] взрывного, бывшего, видимо, лет 40—50 назад единственным вариантом звонкого заднеязычного, наряду с ним произносится и ффрикативный [ɣ], с различной для разных слоев говора активностью вытесняющий [ɣ] взрывное.

На конце слов в соответствии исконному для этого говора и до сих пор преобладающему [ɣ] взрывному естественно было бы предполагать употребление взрывного [k]. Однако постоянным и, по-видимому, единственным заместителем [ɣ] в позициях оглушения оказывается здесь другой звук — ффрикативный [x]. Таким образом, для лужковского консонантизма характерна функциональная пара [ɣ]—[x], вытесняемая в настоящее время другой парой — [ɣ]—[x], члены которой объединены не только функционально, но и фонетически.

Прежде чем перейти к анализу закономерностей, определяющих процесс вытеснения [ɣ] взрывного ффрикативным [ɣ], целесообразно, видимо, пояснить, как были получены приводимые ниже материалы.

Анализ записей, сделанных в течение первого дня пребывания в Лужках, показал, что употребление [ɣ] и [ɣ], по всей видимости, не подчинено какой-либо определенной закономерности и производит впечатление ничем не регламентированного смешения, так как оба варианта звонкого заднеязычного были зафиксированы на равных правах, без каких-либо позиционных и лексико-грамматических ограничений. Было отмечено лишь известное количественное преобладание взрывного варианта над ффрикатив-

ным, но только у представителей старшего поколения. Поскольку все же записи делались от лиц, представляющих традиционный говор с различной степенью сохранности, и поскольку произношение [г] и [γ] не было предметом специального наблюдения, а отражалось в записях наряду с другими чертами говора и, может быть, даже с меньшей последовательностью, чем эти последние, представилось целесообразным фиксировать все случаи произношения того и другого вариантов и таким образом получить данные, которые бы адекватно отражали действительную частотность и условия употребления анализируемых вариантов.

Анализ полученного таким образом материала (в качестве респондентов говора были избраны женщины старшего поколения — от 58 до 78 лет) подтвердил справедливость сделанного первоначально наблюдения о преобладании в говоре Лужков (во всяком случае, в речи старшего женского поколения) взрывного варианта над фрикативным. Правда, соотношение между [г] и [γ] по абсолютной частоте их употребления у разных лиц не вполне совпадает (А. П. Новикова, 68 л. — 59 : 39; Е. И. Лужкова, 72 г. — 41 : 17; М. К. Королева, 64 г. — 71 : 45; А. А. Новожилова, 60 л. — 29 : 8; А. Ф. Смирнова, 59 л. — 44 : 12; Е. М. Кисельникова, 62 г. — 52 : 10 и т. п.), но это расхождение вполне объяснимо: оно отражает как реальные различия в употреблении вариантных звуков в индивидуальной речи (различия, определяемые разницей возраста, биографии, индивидуального опыта и т. п.), так и неизбежные несовпадения в условиях «эксперимента» (различия в объеме и тематике бесед и в связи с этим различия в лексике и наборе грамматических форм, что также имеет известное значение). Проверка показала, что абсолютная частота колеблется в известных пределах и в речи одного и того же лица. Так у А. П. Новиковой при соотношении 57 : 39 в первой беседе, оказалось 65 : 21 — во второй и 52 : 30 — в третьей.

Доминирующее положение [г] взрывного является еще настолько яркой чертой лужковского говора, что устанавливается непосредственно на слух при первом же знакомстве с ним. Именно поэтому и в восприятии крестьян соседних нестарообрядческих сел, имеющих в собственном произношении только [γ] фрикативное, взрывной вариант словно заслоняет собой фрикативный⁹.

Однако действительное соотношение между вариантами звонкого заднеязычного оказывается гораздо более сложным, чем это могут выразить обычные для подобных случаев формулы типа «г преобладает над γ», «г — чаще, γ — реже», «обычно г, факультативно также γ» и т. п. Оказывается, что утверждение о преобладании взрывного варианта в лужковском говоре справедливо лишь

⁹ В подобном же положении оказывается и диалектолог, попадающий в Лужки после поездки по Брянщине: ухо, привыкшее к неизменному брянскому [γ] ([h]), старательно ловит каждое новое употребление [г] взрывного, тогда как [γ] остается незамеченным.

при грубом, недифференцированном подходе к фактам, среди которых выделяется определенная группа случаев, где доминирует именно фриктивный вариант.

Условно, в которых звонкий заднеязычный выступает преимущественно в виде спиранта, могут быть определены как интервокальное положение. Действительно, у всех лиц на интервокальное положение [ʏ] приходится более половины всех случаев его употребления: 27 из 39, 15 из 21, 22 из 30 (А. П. Новикова), 11 из 16 (Е. И. Лужкова), 31 из 45 (М. К. Королева), 6 из 8 (А. А. Новожилова) и т. п., причем ясно видно, что в данном положении [ʏ] преобладает над [ɣ]. Приведем материалы записей от первых двух лиц: *с'т'б'уэн'к, руу'атц'ь, бр'и'уад'и'р, р'и'уа, к'тра-у'бды, стр'о'а, с'и'б'у'к'и, ду'а-ра'ду'а, пр'у'ан'а'л'и, трош'к'и на-у'ам'и л'у'ч'и, бу'ай, дру'б'и, пр'и'уал'аш'е'й'ут, ра'у'а'ч'ик, ч'у'у-но'к, з'у'ар'а'тц'ь, п'у'ар'е'л'и, ба'у'а'ч'и, ба'у'а'т'и, б'о'у'а, п'б'и'у'т, м'у'ар'и'ч', та'у'ан, п'ма'у'а'л'и, в'и'у'н'у, п'у'у'л'а'л'и, п' у'ла'в'е' (А. П. Новикова); з'у'ан'у, пр'и'у'ат'б'л'у, п'у'у'вар'и'л'и, п'у'р'и-ва'л, з'у'у'л'а'л'и, р'у'а'ч'о'м, бр'и'у'ад'и'ры, ба'у'а'т'ий, лу'а, з'пр'и-у'т, н'и ма'у' (Е. И. Лужкова), но: *в'но'б'е* «много» (bis), *пра'б'о'н'т'м, п'ма'г'и'т'и, дру'г'и'й, плу'а'м'п'аш'ут, да'р'б'а, ф'ка'у'гу, па'г'и'п, ту'б'и, д'р'у'г'а'й'а, ра'а'д', па'г'и'б'л'и* (А. П. Новикова); *да'р'б'е, дру'г'и'й, па'б'б'а, за'б'о'н'ут, б'и'г'и'т'и, за'пр'и'г'и'т'и* (Е. И. Лужкова).*

В любой другой позиции [ʏ] либо значительно уступает [ɣ], либо вообще отсутствует. Так, взрывной вариант оказывается единственным в положении после согласного и перед согласным не в начале слова и преобладает в позиции начала слова перед гласными и согласными. Вот соответствующие материалы из записей от тех же лиц:

а) в начале слова перед гласными: *го'т* (bis), *гбл'ъу, г'о'с'т'и, г'о'р'т, г'о'р'к'ий, га'ф'ч'и'т', га'д'а, га'д'б'ч'ик, га'л'б'ф'ка, га'с'т'ей, га'с'т'и'н'цы, га'с'т'и'н'ц'ь'ф, га'р'е'л'ч'к'и, га'вр'и'л'и'ч'а, гу'л'а'й'ут, гу'л'а'нк'и, гу'д'и'ш, га'р'м'о'ш'ка, га'д'а'т', г'е'вар'и'т, г'е'вар'а'т, г'е'вар'у, г'е'вар'и'т'и, г'е'р'б'а'ч'о'ф, г'е'р'б'а'ч'о'в'и'й, г'е'ла'в'а, но: *у'ла'в'у, у'м'ан'и'т', у'у'л'н'а, у'е'вар'и'т', у'у'л'б'и'ш'и'ф, у'а'д'а'x* (А. П. Новикова); *г'о'р'т, г'о'р'ка'й'а, г'о'д'и'к, г'у'бы, г'у'с'и, га'д'т'с'т'и, га'н'и'т'и, гу'б'и'т'и'л'и, гу'с'ей, га'с'т'ей, г'о'ды, га'р'а'ч'и'й, гу'л'а'и'т'и, г'е'ра'ц'к'ой'ь, г'е'ра'ц'к'о'ва, г'е'вар'а'т, г'е'вар'и'м, г'е'вар'и'т'и, г'е'ла'в'а; но: *у'р'бу'з'и, у'ар'бу'з'ни'и с'е'м'и'ч'к'и, у'б'с'п'ъду, у'б'с'п'ъд'и* (Е. И. Лужкова);**

б) в начале слова перед согласными: *г'д'е* (bis), *г'р'и'ша, г'л'и'д'и, г'р'ом, г'н'у'тц'ь, г'л'у'ный, г'н'от, г'ра'б'л'ам' г'р'и'б'л'и, но: у'р'е'бу'й'ут, у'р'о'ш'и, у'л'о'к, у'д'е* (А. П. Новикова); *г'р'а'т'к'и, г'р'а'зна, г'лу'х'а'й'ь, г'л'у'ный, г'л'и'нк'и, г'в'о'з'д'и'к, г'ра'з'а, г'р'е'ш'н'и'к, но: у'д'е, у'р'е'ш'н'и'к'и* (Е. И. Лужкова);

в) внутри слова перед согласными: *ру'г'и'л', б'е'г'л'и'м, к'р'у'г'и'л'и'к'и'й* (А. П. Новикова); *а'г'ра'ду, р'з'г'р'и'б'а'й'ут, п'г'ер'и'м'и'т, с'е'р'и'ш'и'л'и, п'г'ел'ад'у, л'и'г'л'и* (Е. И. Лужкова);

г) внутри слова после согласных: *д'эн'г'и, пад'брэгл'и, т'рговал'и, к'ч'ирг'и, н'и набр'эзгуйт'и*, но: *р'эзгуйт'и, бр'эзгуйт'и* (А. П. Новикова); *д'эн'г'и, тарг'овал'а* (Е. И. Лужкова).

Таким образом, выясняется, что соотношение между двумя вариантами звонкого заднеязычного не может быть определено ни как беспорядочное смешение, поскольку появление того или другого варианта отнюдь не так случайно, как это может показаться на первый взгляд, ни как простое преобладание одного над другим, так как преобладанию взрывного над фрикативным в одних условиях противопоставлено преобладание фрикативного в других. Очевидно, что интервокальное положение, где отмечено преобладание фрикативного варианта, и является как раз той позицией, в которой прежде всего усваивается проникающий из окружающих брянских говоров звук ¹⁰.

Известно, что интервокальное положение согласного оказывается для него потенциально слабой (в фонетическом смысле) позицией. В разных языках и для разных согласных возможность изменения в интервокальном положении реализуется по-разному, обнаруживаясь в таких процессах, как озвончение глухих, спирализация смычных и вокализация звонких щелевых. В говорах русского языка аналогичные изменения представлены процессами вокализации и выпадения интервокального «йот», вокализации и выпадения интервокального [в], а также более редкими, чем предыдущие, но все же известными случаями спирализации [д'] с переходом его в «йот» и некоторыми другими явлениями.

Взрывной [г] также может подвергаться изменению в интервокальной позиции, где, как это известно некоторым севернорусским говорам, он испытывает ослабление взрыва и смычки и переходит в [γ] ¹¹.

Правомерно ли, однако, устанавливать связь между указанными фонетическими явлениями, которые представляют собой процессы звуковых изменений, и имеющим место в говоре Лужков переходом от взрывного образования [г] к фрикативному [γ], который является процессом замены звуков? Думается, что такая связь вполне правомерна.

Совершенно очевидно, конечно, что лужковский говор не развивает [γ] из [г], а усваивает его себе так же, как он усваивает произношение [ў] на месте [в] и [л] (ср.: *пр'ишбл, пок'лал к'учкам, рыск'н'ул* и т. п., но: *н'и стат'эў, пай'эх'т'у; ж'алка, д'олж'н*, но:

¹⁰ Следует учитывать, что вне интервокальной позиции обнаруживается своеобразное лексическое разграничение [з] и [γ], так что [з] сохраняется в «своей», исконной для говора лексике (ср.: *знет, ругня, брезговать* в отличие от брянск. *рубель, звара, склыка, үребовать*), а [γ] характеризует явные заимствования из окружающих говоров (ср.: *үрбшы* с характерным накоренным ударением, *үлэк, үребовать* в отличие от своих *деньги, крынка, брезговать*).

¹¹ См.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 137; П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1960, стр. 73.

дѣйх «долг»; вѣога, с'в'икрѡв'ѣа, вѣукѣф, в л'ѣн'т'и и т. п., но: ѣ раздѣм'ѣи, д'ѣѣка — А. П. Новикова) и некоторые другие особенности окружающих говоров. Но не менее очевидно и то, что усвоение говором инодиалектного фонетического явления не есть моментальный акт замены «своего» «чужим». Это сложный, многоступенчатый процесс, требующий более или менее длительного времени и проходящий ряд стадий или этапов последовательного развития. В отличие от фонетических процессов изменения звуков, он вызывается не внутренними импульсами, действующими в данной фонетической системе, а чуждыми ей внешними факторами¹². Новый звук навязывается говору инодиалектным влиянием и, чтобы быть усвоенным, он должен сломить сопротивление говора. А это происходит прежде всего в наиболее слабых звеньях фонетической системы, которая открывает доступ новому звуку первоначально лишь в некоторые, наиболее приспособленные для его усвоения позиции.

Таким образом, усваиваемый говором звук оказывается в ситуации, несколько напоминающей позиционную обусловленность, поскольку устанавливается определенная связь между данным звуком и данной позицией. Однако эта связь, которую можно было бы назвать позиционной прикрепленностью, является не обязательной, а лишь преимущественной, не постоянной, а временной. Она не только не укрепляется, но, напротив, имеет тенденцию к разрушению, ибо усвоение говором инодиалектного звука предполагает в конечном счете распространение его во все позиции, что и обнаруживается в том же лужковском говоре, в речи представителей среднего и младшего поколений, в значительной степени или даже полностью устранивших [г] взрывное.

Таким образом, можно думать, что в предшествующем изложении отражена не случайная, но действительная закономерность: [γ] фрикативное проникает в говор, имеющий [г] взрывное, прежде всего и преимущественно в интервокальном положении, лишь впоследствии распространяясь также и на другие позиции¹³.

Как было уже отмечено, в соответствии [г] взрывному в позициях оглушения местный консонантизм обнаруживает последовательное произношение фрикативного [x]. Характерное явление переходных говоров среднерусского типа, функциональная пара [г]—[x] выступает здесь в ряду тех признаков, которые выдают двойственную, гибридную природу лужковского говора

¹² Признавая инодиалектное влияние фактором внешним для говора, испытывающего влияние, целесообразно и справедливо считать этот внешний фактор внешнелингвистическим (в отличие от факторов внутрелингвистических), но, вопреки Ю. Куриловичу и некоторым другим исследователям, не внелингвистическим или экстралингвистическим.

¹³ Описанная закономерность действует и в тех специфических случаях, когда имеет место сознательное усвоение фрикативного [γ] — в речи артистов и чтецов, пытающихся использовать этот звук в качестве одного из наиболее ярких выразительных средств локального колорита.

и объясняются конкретными фактами его истории. Предпосылки же этого явления лежат в области фонологии.

Объединение [г] и [х] (или в других случаях — [γ] и [к]) в супплетивные пары оказывается возможным потому, что ни [г] взрывное, ни [γ] фрикативное не имеют фонологического признака способа: в наборе их дифференциальных признаков нет ни взрывности, ни фрикативности. Однако возникнув при определенных исторических условиях, на определенных путях диалектного развития, указанные пары существуют лишь как временное, переходное явление. Они неустойчивы, так как функциональное единство не поддержано в них единством фонетическим. И дело не только в том, что эти пары не «скреплены» фонетически изнутри. Гораздо существеннее то, что они не получают поддержки со стороны других, параллельных пар — [д] — [т], [б] — [п], [з] — [с] и т. д., члены которых не только функционально, но и фонетически едины. Если [т] в *плот*, действительно, результат оглушения [д] (*плода*), а [с] в *рос*, действительно, результат оглушения [з] (*роза*), то [х] в *сапох* при *сапога* и [к] в *нок* при *науа* не связаны с [г] и [γ] отношениями прямого фонетического развития. Единство системы оказывается, таким образом, частично нарушенным. Поскольку это нарушение затрагивает лишь недифференциальный признак фонемы, соответствующие пары могут существовать, но лишь как временное, переходное явление. Продолжающееся давление окружающих говоров или литературного языка, с одной стороны, и внутреннее давление системы, с другой, приводят к перестройке дефектных пар. Единство системы, требующее единства во всех ее звеньях, восстанавливается. Однако конкретные пути перестройки в разных говорах, естественно, различны.

Так от пары [г] — [х] возможен переход и к литературному соотношению [г] — [к] и к южнорусскому единству [γ] — [х]. Первое возможно при усвоении [к] взамен [х] в обусловленной позиции, второе — требует замены [г] в необусловленных позициях через [γ]. Первое характерно для южнорусских по основе говоров в среднерусском или севернорусском окружении; второе может произойти лишь в говорах севернорусских по основе или среднерусских, оказавшихся в южнорусском (или украинско-белорусском) окружении. Первое богато иллюстрируется материалами Атласа русских народных говоров центральных областей. . . ¹⁴, второе на современном этапе диалектного развития по необходимости может быть лишь экзотическим явлением и встречается в виде исключения. Таким именно экзотическим и оказывается говор Лужков, усваивающий фрикативное [γ] взамен [г] взрывного и вытесняющий пару [г] — [х] парой [γ] — [х].

¹⁴ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957.

Нетрудно показать, что установленная выше закономерность, связывающая введение [ʏ] фрикативного преимущественно с интервокальной позицией, имеет не только фонетические, но и системные предпосылки. Действительно, интервокальное положение [ɣ] взрывного, в котором оно заменяется фрикативным, было определено выше, как фонетически слабая позиция. Но ведь в то же самое время именно интервокальное [ɣ] образует пару с [x], пару, оказывающуюся недостаточно прочной (ср.: *нога — нох, строгий — строх, могу — мох* и т. п.). Все остальные случаи в этом отношении недостаточно актуальны ¹⁵.

Можно полагать, что установленная в предшествующем изложении зависимость справедлива и для обратного процесса — перехода от фрикативного [ʏ] к взрывному [ɣ]. Поскольку фонетическое изменение [ʏ] > [ɣ] вообще невозможно ([ʏ] не содержит в себе смычного элемента), то переход от [ʏ] к [ɣ] может осуществляться только в порядке замены одного звука другим ¹⁶. Вполне вероятно, что и эта замена происходит не во всех позициях одновременно. И если [ʏ] фрикативное, вытесняя [ɣ], усваивается раньше всего в интервокальном положении, то, будучи само вытесняемо взрывным [ɣ], оно может в интервокальном же положении дольше всего удерживаться. Такое предположение подтверждается целым рядом материалов «Атласа...», показывающих, что во многих говорах, где под севернорусским влиянием или под воздействием литературного языка фрикативное [ʏ] уступает место [ɣ] взрывному, это последнее зафиксировано преимущественно не в интервокальном положении ¹⁷.

Поскольку, однако, употребление [ɣ] и [ʏ] не было предметом специального наблюдения авторов ответов на «Программу...», а авторских заключений о закономерностях употребления вариантов звонкого заднеязычного в большинстве ответов не содержится, было бы рискованно основывать на этих материалах сколько-нибудь решительные выводы ¹⁸. Для получения их не-

¹⁵ Весьма показательно, что по материалам «Атласа...» пара [ɣ] — [x] на картографированной территории зафиксирована всего лишь в 16 населенных пунктах, тогда как говоров, где при [ɣ] наряду с [x] произносятся также и [к], — 29.

¹⁶ Переход от [ch] к [к], распространенный во многих польских говорах, также не является результатом фонетического изменения [ch] > [к], а возникает, очевидно, как результат стремления поддержать и усилить слабо артикулируемый фрикативный, имеющий тенденцию к полному выпадению.

¹⁷ Так, в говоре с. Старо-Чернеева Конобеевского р-на Рязанской обл. при обычном фрикативном образовании звонкого заднеязычного (с оглушением в [x]) зафиксированы единичные случаи произношения [ɣ] взрывного только перед твердым [л] (*глаза, главный, глупъ*) — см.: «Атлас...». Вступительные статьи и комментарии, стр. 478. См. также приведенные там же материалы ответов под № 296, 643, 705, 822, 853 и многие др.

¹⁸ Ср., например, высказанные составителями «Атласа...» сомнения по поводу утверждения автора ответа № 573, что «в положении перед сонорными з, в остальных случаях — ʏ» (там же, стр. 479).

обходима специальная проверка, и такая проверка была осуществлена автором в процессе анализа обширного фактического материала, собранного на протяжении ряда лет от нескольких десятков человек (свыше 60), различающихся возрастом, путями перехода к литературному языку и степенью овладения его нормами, в чьей речи осуществляется рассматриваемый процесс вытеснения фрикативного [ʏ] взрывным [г].

Известно, что навык фрикативного образования [ʏ] у его носителей оказывается весьма стойким и, при усвоении ими литературного произношения, обнаруживает значительную сопротивляемость вытеснению нормативным [г]. Этим объясняется обычное сохранение фрикативного [ʏ] в речи многих лиц — выходцев из южновеликорусской (а также белорусской и украинской) языковой среды, успешно овладевших или овладевающих некоторыми другими нормами русского литературного языка. Для значительного количества носителей русского литературного языка фрикативное [ʏ] является вообще едва ли не единственным остатком и пережитком их диалектного (или инославянского) «прошлого», сохраняясь более или менее широко не только в условиях бытовой, но и в условиях публичной речи.

Понятно, что смешанное употребление [г] и [ʏ] в публичной речи (речь учащихся и учителей на уроке, выступления на собраниях, конференциях, по радио, публичные лекции и т. п.) особенно показательно, поскольку в этом случае не только предмет речи (то, о чем говорится), но и форма речи (то, как говорится), в том числе и фонетическая сторона речи, оказывается в светлом поле сознания говорящего, контролируется и сознательно регулируется. И если несмотря на подконтрольность речи в целом и ее фонетической стороны в частности, фрикативное [ʏ] все же прорывается сквозь рогатки контроля, демонстрируя силу природного навыка, то есть все основания предполагать, что это расхождение «между намерением и исполнением» связано как раз с теми позициями, где [ʏ] фрикативное держится прочнее всего и куда наиболее трудно проникнуть [г] взрывному.

Анализ частотного и позиционного соотношения [ʏ] и [г] в речи лиц, употребляющих оба варианта звонкого заднеязычного, полностью подтвердил справедливость высказанных выше положений. Было установлено, что проникновение [г] начинается с пред- и постконсонантных позиций, а также с положения в начальном ударном слоге с гласными верхнего подъема. Несколько позднее происходит усвоение [г] в ударном слоге перед другими гласными и в начальных безударных слогах (после паузы или после слова, оканчивающегося согласным).

В значительном количестве случаев усвоение [г] и останавливается временно на этой ступени; в интервокальную позицию [г] почти не проникает, и там устойчиво сохраняется фрикативное [ʏ].

На следующем этапе развития рассматриваемого процесса [г] проникает также и в интервокальную позицию, занимая в то же время господствующее или даже исключительное положение в начальной предвокальной и в приконсонантных позициях¹⁹.

Можно предполагать, что именно эту стадию развития наблюдатели воспринимают — при неисчерпывающем отборе фактов — как беспорядочное и хаотичное смешение двух вариантов звонкого заднеязычного: отсутствие представлений о частотно-позиционных отношениях между ними препятствует правильному пониманию этих отношений²⁰.

Все вышеизложенное заставляет с некоторым сомнением отнести к той концепции, которую в качестве универсальной выдвинул А. Н. Гвоздев в своей статье «К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров»²¹.

Намечая ряд разновидностей влияния одного говора на другой «в зависимости от того, в какой мере подвергается перестройке фонетическая система испытывающего воздействие говора» и выделяя среди них такую, когда «фонетическая система становится неустойчивой в тех или иных пределах», А. Н. Гвоздев считает характерным для нее всякого рода смешение своего и заимствуемого со стороны. При этом стадия смешения характеризуется им «как беспорядочное и неустойчивое употребление двух звуков в одних и тех же положениях», когда «эти звуки являются для говорящих неразграниченными и не получили еще своего особого места в системе»²². В качестве примера приводится смешение оканья и аканья, смешение сильного яканья с умеренным и умеренного яканья с иканьем, смешение *ц* и *ч* при отходе от цоканья, а также смешение *у* и *г* у представителей южнорусского наречия под влиянием литературного языка. Указывается, что оба звука появляются попеременно, что фонетические отношения на этой стадии не сформированы, что старое и новое употребляется без разграничения²³.

На следующей стадии развития, для которой, по указанию А. Н. Гвоздева, характерно то, что фонетическая система говора перестраивается, вырабатываются новые закономерности, соотно-

¹⁹ Исследованию и описанию закономерностей усвоения взрывного [г] носителями [γ] фрикативного автор предполагает посвятить специальную статью.

²⁰ Описанные здесь отношения могут, видимо, рассматриваться как частный случай более общей закономерности, в соответствии с которой прочнее и дольше удерживается то и в таких условиях, что и в каких условиях легче и раньше усваивается. Ср., например, наблюдения Р. Якобсона над афатическим разрушением речи, которое завершается тем, чем начинается формирование речи ребенка (см.: Р. Якобсон и М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 263).

²¹ А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, стр. 201—212.

²² А. Н. Гвоздев. Указ. соч., стр. 207.

²³ Там же, стр. 208.

шение старого и нового упорядочивается, примером чего служит, применительно к данному случаю, формирование пары [г] — [х] (*нога* — *нох*). Этот этап характеризуется, по мнению А. Н. Гвоздева, последовательностью и устойчивостью, что резко отличает его от процессов смещения, происходящих на первой стадии ²⁴.

Резкое разграничение этих двух стадий — стадии беспорядочного смещения и стадии упорядоченной перестройки — имеет принципиальное значение, поскольку оно кладется в основу разграничения более высокого ранга — говоров смешанных и говоров переходных ²⁵. Оба эти разграничения, однако, в значительной степени априорны.

Многочисленные переходные говоры, различные по происхождению, времени образования и характеру развития, в большинстве своем не подвергались глубокому изучению и не получили в русской (и не только в русской) диалектологии достаточного освещения. К ним подходили преимущественно с генетической точки зрения в связи с необходимостью построения общей системы русских говоров, группировки восточнославянских языков и их классификации ²⁶. До сих пор не существует ни типологии, ни теории переходных говоров, а их ограничение от так называемых смешанных говоров основывается на весьма шатких и неопределенных критериях ²⁷. Монографические описания говоров такого типа сравнительно немногочисленны, однако и имеющиеся, как правило, не исходят из их переходности (или смешанности), не изучают переходность (или смешанность) как специфическое лингвистическое явление, а лишь приходят к признанию переходности, как к одному среди прочих итогов изучения. Фактически отсутствуют монографические описания отдельных элементов структуры таких говоров, особенно применительно к целым их группам. Почти совершенно не применяются здесь строгие методы исследования и, в частности, особенно важные здесь статистические методы.

Процессы, протекающие при взаимодействии диалектов, как об этом уже говорилось выше, в большинстве своем не изучены или изучены недостаточно, а закономерности их во многом еще

²⁴ А. Н. Гвоздев. Указ. соч., стр. 208.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: А. Б. Пенниковский. Переходные говоры Западной Брянщины как источник исторической диалектологии. «Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г.» М., 1963, стр. 21. Сказанное здесь справедливо, видимо, и по отношению к более общей проблеме — проблеме языковых контактов. Ср.: В. Ю. Розенцвейг. О языковых контактах. — ВЯ, 1963, № 1, стр. 60.

²⁷ Ср. в решении IX диалектологического совещания указание на необходимость изучения переходных говоров и создания их типологии как одну из очередных задач русской диалектологии.

не ясны²⁸. Поэтому сформулированный А. Н. Гвоздевым принцип, в соответствии с которым на стадии, когда фонетическая система говора становится неустойчивой, смещение своего и заимствуемого со стороны²⁹ происходит обязательно беспорядочно и хаотично, представляется недостаточным обоснованным обобщением, предваряющим результаты конкретных исследований³⁰.

По-видимому, в каких-то случаях беспорядочное смещение действительно возможно (например, при переходе от твердого [ч] к [ч'] мягкому, при переходе от различения двух типов *o* к их неразличению и т. п.)³¹ и немаловажной задачей является установление того, в каких именно случаях и при каких условиях развитие происходит таким именно образом. Однако, как свидетельствуют имеющиеся данные, беспорядочное смещение оказывается отнюдь не единственным (и, видимо, даже не наиболее обычным) путем развития в процессах внутриязыкового контактирования, и аргументом было бы как раз трудно предполагать обратное. Если же наперед объявить, что эти процессы всегда представляют беспорядочное и хаотичное смещение звуков, то этим всей проблеме выносятся приговор, выводящий ее за пределы научного исследования. А между тем оно оказывается весьма перспективным как в теоретическом отношении (теория языковых контактов, соотношение внутреннего и внешнего в развитии языка, вопрос о сущности фонетических изменений³², проблемы истории языка и исторической диалектологии³³ и некоторые др.),

²⁸ Среди немногих работ, затрагивающих эту проблематику, следует указать прежде всего статью В. Г. Орловой и Т. Г. Строгановой «Закономерности развития диалектов русского языка» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 5, стр. 405—414).

²⁹ Представляется более корректным говорить здесь не о заимствовании, а о проникновении, различая эти формы языковых контактов не только для лексики (см.: K. H. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle (Saale), 1956, стр. 57—58), но и для фонетики.

³⁰ Интересные соображения о некоторых закономерностях таких процессов, как переход от цоканья к различению /ц/ и /ч/, переход от оканья к аканью и некоторые др., см. в указанной выше статье В. Г. Орловой и Т. Г. Строгановой (стр. 410—413).

³¹ Ср.: Р. Ф. Пауфогимиа. Об утрате противопоставления гласных фонем среднего и средневерхнего подъема в одном северновеликорусском говоре. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1963, т. XXII, вып. 6, стр. 512—523.

³² Ср. все более широкое распространение скептического отношения к тезису о постепенности фонетических изменений (например, в работах А. Хилла, Ч. Ф. Хокетта, Х. М. Хенигсвальда, Э. Косерпу и др., а у нас отчасти в последних работах Л. Р. Зиндера). Ср. предложенный Э. Косерпу термин «приятие» (Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 204), который обозначает в сущности не что иное, как процессы звуковых замен.

³³ См.: А. Б. Пенниковский. Указ. соч., стр. 22—24. Ср., например, рассмотренный выше процесс вытеснения [г] взрывного фрикativным [γ] и процесс изменения [г] > [γ], который совершился ранее в некоторых древнерусских говорах (см.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 125), а также

так и для нужд практики (выработка научно обоснованных методов и приемов усвоения орфоэпических норм³⁴, вопросы методики преподавания иностранных языков и др.).

в части западнославянской языковой области (ср. попытку фонологическо-морфологического объяснения этого изменения в статье: R. K r a j č o v í ě. Změna $g > \gamma (> h) v$ západoslovanské skupině. «Slavia», R. XXVI, s. 3. Praha, 1957, стр. 341—357). Ср. также процесс вытеснения [w] губно-губного губно-зубным [v], осуществляющийся сейчас в ряде южнорусских говоров, и процесс изменения [w] > [v], имевший место в прошлом в некоторых восточнославянских диалектах (см.: В. Г. О р л о в а. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 195—196, сл.). Сопоставления такого рода легко можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы показать открывающиеся в них возможности для дальнейшего развития истории языка и исторической диалектологии.

³⁴ Ср. обнаружившееся в последнее время все более отчетливое осознание того, что положительные результаты в области культуры речи могут быть достигнуты только на подлинно научной основе. См.: Л. П. К р ы с и н, Л. И. С к в о р ц о в, Б. С. Ш в а р ц к о п ф. Проблемы культуры русской речи. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 5, стр. 433; В. И. Б о р к о в с к и й. О некоторых задачах языковедов-руссистов. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1962, т. XXI, вып. 2, стр. 100; П. Н. Ф е д о с е е в. Некоторые вопросы советского языкознания. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 32 и некоторые другие.

**ДИАЛЕКТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЗАМЕНЫ *к*
ПРИ СОЧЕТАНИИ ЕГО С ПОСЛЕДУЮЩИМИ
ВЗРЫВНЫМИ СОГЛАСНЫМИ**

(в предложно-падежных конструкциях)

Темой настоящих заметок является судьба фонемы /к/ в сочетаниях с последующими взрывными согласными (*кт, кт', кп, кп', кк, кк', кд, кд', кб, кб', кг, кг'*)¹ в современных севернорусских и среднерусских говорах.

В русском языке эти сочетания представлены почти исключительно предложно-падежными конструкциями: *к*+дательный падеж имени. В других условиях из перечисленных сочетаний встречается, и притом довольно редко, только сочетание *кт* и в основном в заимствованных словах с латинскими корнями. Некоторые из них весьма употребительны в современных говорах (как и в литературном языке) или были употребительны в недавнем прошлом: *Виктор* (соб.), *гектар*, *директор*, *доктор*, *инспектор*, *мануфактура*, *октябрь*, *пункт*, *продукты*, *тракт*, *трактир*, *трактор*, *характер*, *электричество* и др.

Собственно русских общеупотребительных слов с сочетанием *кт* почти нет, за исключением слов *кто*, *локти* и малоупотребительных *клёкт*, *клектать*, *клоктать* (бурлить, кипеть). Последние употребляются также в виде *клёкот*, *клекотать*, *клокотать*².

Сочетание *кт* можно еще наблюдать в диалектных формах инфинитива глаголов с основой на задненебную: *пекти*, *секти*,

¹ Поскольку твердость или мягкость последующего взрывного, как показал наш материал, не имеет значения для произношения предшествующего *к*, в дальнейшем ради экономии, называя следующий за *к* согласный, мы будем иметь в виду возможность и твердого и мягкого согласного, обозначаемого этой буквой. Так, например, под *т* подразумевается и *т* и *т'*.

² Ср.: Словарь современного русского литературного языка, т. 5. М.—Л., 1956.

тексти, толкти, волокты и под. Но такие формы, малочисленные по лексическому составу, отнюдь не являются общераспространенными. Последнее в еще большей степени можно сказать о нескольких приводимых в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля словах, содержащих сочетание *кт*: *пектать, поктать* (с производными), *сектать, фруктать, ёктать, ктырь, куктен, кукта, квоктуха, чекта*. Возможно, что многие из этих слов не являются собственно русскими, а принадлежат языкам неславянского местного населения, перемешавшегося с русским или обрусевшего. Если прибавить к этому несколько редко встречающихся собственных имен (таких, как *Полуэкт, Бенедикт, Феофилакт, Галактион, Феоктист*) и слов церковного обихода (*ектения, ктитор*), то список слов с сочетанием *кт*, которые употреблялись бы с той или иной частотой в русском разговорном языке, будет, пожалуй, исчерпан.

Фонетическое сочетание [кт] получается и при сочетании фонем /г/ и /т/, за счет чего прибавляется еще несколько слов: *ногти, когти, когтить, дегтя* и несколько встречающихся по говорам инфинитивов от глаголов с основой на /г/ (типа *берегти, жегти*), а также повелительная форма *лягте*.

Что касается сочетаний фонемы /к/ с другими взрывными согласными, то таких сочетаний в русском языке нет нигде, кроме как на стыке предлога с последующим словом. Иноязычные *анекдот* и *синекдоха*, конечно, не могут быть приняты в расчет.

Таким образом, судьбу сочетания /к/ с последующими взрывными согласными приходится рассматривать почти исключительно на материале предложноподлежащих сочетаний (*к+дат. п. имени*). Сопоставительный анализ рассматриваемых сочетаний в условиях словосложения (*к+дат. п. имени*) и в пределах одного слова возможен лишь для сочетания *кт*, да и то в очень малой степени, в связи со спецификой имеющегося в нашем распоряжении материала.

Описание исследуемого сочетания согласных проводится на материале, собранном для атласа русских народных говоров по специальной, составленной для этого атласа программе³. Для исследования поставленного здесь вопроса этот материал оказался в значительной мере ограниченным и неполным. Соответствующий вопрос «Программы» (вопрос № 64) посвящен сочетаниям *к* только с последующими взрывными согласными, в нем не требуется примеров на сочетание предлога *к* с другими согласными, а также с гласными. Между тем подобный материал является важным, так как для части говоров предлог *к* оказывается предметом диалектных различий не только в сочетании с последующими взрывными согласными.

³ «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М.—Л., 1947.

Не касаясь какого-либо из основных, наиболее важных для русских говоров диалектных различий, этот вопрос никогда не стоит в центре внимания наблюдателя, в связи с чем и ответ на него в лучшем случае обычно ограничен всего лишь несколькими (2—5) примерами на каждое из сочетаний. На материале сказана, наконец, и пестрота в составе собирателей, неизбежная при таком огромном масштабе работы. Значительная часть ответов, составленных недостаточно подготовленными наблюдателями, неудовлетворительна в отношении полноты (не все требуемые «Программой» сочетания обеспечены примерами), а иногда и в отношении точности фонетической записи.

Все эти существенные недостатки материала сильно затрудняют исследование вопроса. Однако массовость материала, собранного на обширной территории, все же дает возможность увидеть некоторые особенности, привлекающие к себе внимание, и в силу этого позволяет сделать данное явление предметом рассмотрения.

Исследуемое явление рассматривается не на всей территории, занятой севернорусскими и среднерусскими говорами, а лишь на той ее части, которая ограничена с севера — линией, идущей по $61^{\circ}40'$ с. ш., а с востока — 48° в. д., т. е. на территории, которая включена в составляемый атлас русских народных говоров. В сопоставительном плане учитывались и данные южнорусских говоров на территории уже составленных атласов ⁴.

Произношение фрикативного задненебного звука на месте предлога *к* при сочетании его с некоторыми последующими согласными звуками очень широко распространено по русским говорам (см. карту 1). Такое произношение не редко и в разговорном стиле литературного языка, хотя и не является признанной нормой ⁵. Во всяком случае произношение типа [x] тебе, а особенно [x] кому, не режут нашего слуха как резко диалектная черта. Такое произношение иногда можно слышать даже у дикторов московского радио ⁶.

На рассматриваемой нами территории севернорусских говоров произношение фрикативного звука на месте предлога *к* распространено в юго-восточной ее части, почти исчезая на северо-востоке и значительно убывая по направлению к северо-западу и западу. Западнее 38-го меридиана оно имеет несплошной, островной, характер. Компактная группа говоров в районе между Боро-

⁴ См.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), а также подготовленные к печати «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атлас русских народных говоров юго-западных областей».

⁵ Ср.: Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 105.

⁶ Ср.: Г. О. В и н о к у р. Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 65.

вичами и Чагодой представляет собой с точки зрения интересующего нас явления особую территорию.

Данные нашей карты позволяют предположить, что фрикативное произношение предлога *к* не является характерным для территории, расположенной севернее той, которая нами обследована, если не считать возможных единичных фактов и отдельных говоров, не образующих сколько-нибудь компактных территорий.

Что касается среднерусских и южнорусских говоров, то произношение фрикативных звуков на месте предлога *к* в определенных условиях здесь известно почти повсеместно, кроме западной части этих говоров, тянувшейся полосой вдоль государственных границ РСФСР с Белоруссией и Украиной. В севернорусских и среднерусских говорах, знающих произношение фрикативного звука в соответствии с предлогом *к*⁷, это диалектное явление встречается в разных вариантах, различающихся по тому, в каких именно условиях предлог *к* произносится как фрикативный звук.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов можно с несомненной определенностью выделить несколько наиболее распространенных типов употребления фрикативного задненебного согласного в соответствии с предлогом *к*.

Эти типы представлены в таблице на стр. 215, где заштрихованные клетки показывают употребление в тех или иных условиях фрикативного задненебного, а белые клетки — взрывного задненебного звука в соответствии с предлогом *к*⁸.

I тип характеризуется тем, что фрикативный задненебный произносится вместо *к* только в положении перед *к*. Такой тип отражен в следующих, например, материалах: *х каму́*, *х куро́вы*, *х кастру́*, *х казы́*, *к таму*, *к па́тн'ицы*, *к па́рн'у*, *г гас'т'ам*, *г го́раду*, *г д'ад'и*, *г д'ер'иву*, *г до́му*, *г бал'н'ицы*, *г ба́бы*, *г бу́лбу* (д. Кануновщина Гдовского р-на Псковской обл.); *х коз'е*, *х коро́ве*, *х корз'ин'е*, *х ко́рму*, *к тро́йце*, *к табу́р'етк'е*, *к та́нцам*, *к та́зу*, *к попу́*, *к па́ск'е*, *к п'еч'к'е*, *к пруду́*, *к пла́т'ицу*, *г гас'т'ам*, *г го́роду*, *г гр'иба́м*, *г Га́л'е*, *г гроз'е*, *г до́му*, *г дож'ж'у́*, *г доро́ге*, *г ду́бу*, *г дрова́м*, *г д'ир'е*, *г д'ад'е*, *г бол'н'ице*, *г ба́н'е*, *г ба́бушк'е*, *г боло́ту*, *г ба́зру* (д. Староселово Гаврило-Ямского р-на Ярославской обл.); *х кому́*, *х кол'есу́*, *х ку́зову*, *к коро́ве*, *к коз'е*, *к кому́*,

⁷ В статье это явление не называется диссимилиацией (как это обычно принято) по следующим причинам: 1) фрикативная замена предлога *к* по говорам известна не только перед взрывными согласными; 2) автор статьи не уверен, что механизм этого изменения даже перед взрывными согласными действительно представляет собой процесс диссимилиации (см.: Г. Ко не ч н а. Ассимиляция и диссимилиация. — ВЯ, 1958, № 3, стр. 90—95).

⁸ Следует иметь в виду, что почти всегда в говоре, наряду с диалектным произношением, для всех позиций (т. е. в положении перед каждым из взрывных согласных) встречается и произношение, совпадающее с литературным, что и отражается обыкновенно в материалах. При установлении типов учитывалось лишь наличие или отсутствие (при наличии примеров вообще) диалектных примеров в каждой позиции.

Тип	Перед глухими согласными			Перед звонкими согласными		
	к	т	п	г	д	б
I						
II						
III						
IV						
V						

к кузн'ецѹ, к томѹ, к т'еб'е, к п'атн'ице, к п'аск'е, к п'лат'ѹ, к попѹ, к погбд'е, к посѹд'ин'е, г гост'ам, г гор'ач'ей, г гброду, г двора́м, г дбч'к'е, г д'едушку, г д'евоц'к'е, г д'ет'ам, г д'елу, г бол'н'ице, г б'елыйим, г ба́б'е, г б'ед'е, г борашку, г Ббр'е (д. Раменье Большесельского р-на Ярославской обл.).

Этот тип отмечен в 108 нас. пунктах на территории Архангельской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Калужской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Пензенской, Псковской областей и Мордовской АССР.

II тип характеризуется тем, что фриктивный заднеязычный звук в соответствии с предлогом к произносится в положении перед всеми глухими взрывными (но только перед глухими, не перед звонкими!) См., например: *х корб'е, х К'ировым, х коз'е, х комара́м, х корз'ин'е, к кошк'е, х томѹ, х т'ейе, к т'ейе, х пбл'у, х попѹ, х п'атн'ице, х порбгу, х пблогу, к п'асх'е, г гброду, г гу́с'у, г гост'ам, г д'ад'е, г д'ер'евн'е, г дбму, г д'эфк'е, г дѹбу, г дорбг'е, г д'ен'гам, г болбту, г бан'е, г б'ер'огу, г ббч'к'е* (д. Соловцы Сонковского р-на Калининской обл.); *х кому́, х козлѹ, х к'инѹ, х копн'е, х Кбл'к'е, х кр'инк'е, х кладовбй, х томѹ, х п'атн'ит'е, х прудѹ, х пблу, х п'е'тухѹ, к пбл'у, г гброду, г гост'ам, г гор'е, г гбду, г гблосу, г д'ер'е'ву, г д'ед'е, г д'ет'ам, г дѹбу, г дбму, г ба́пк'е, г б'елк'е, г ба́шн'е, к банк'е, к бу́лк'е* (д. Осинцево Павинского р-на Костромской обл.); *х ку́рѹм, х Ка́т'и, х Ка́т'ин'к'и, х т'ем, х т'иб'е, х т'бтк'и, х па́п'и, х Па́шь, х п'талкѹ, г гбрѹду, г гр'аз'и, г гус'ам, г д'ер'иву, г даск'е, г дбч'ир'и, г Ду́с'и, г д'евъч'к'и, г дбму, г друг'ем, г б'ир'бз'и, г ба́рын'и, г ба́н'и, г ббрѹву* (с. Б. Кандрать Карсунского р-на, Ульяновской обл.).

На такой тип употребления [х] вместо предлога *к* указывают материалы 112 нас. п. в Архангельской, Владимирской, Великолукской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Пензенской, Ульяновской, Ярославской областях; в Мордовской, Татарской, Чувашской АССР.

III тип, для которого характерно произношение фрикативного звука перед всеми глухими взрывными и перед звонким заднеязычным, представлен, например, в следующих ответах: *х ко́жам, х ко́лѣзн'икам, х квашо́нк'е, х ко́пк'е, х ко́нтѣр'е, х кѹ́р'ице, х ко́тлѹ, х ко́марѹ, х то́мѹ, х те́плѹшке, х тра́фк'е, х те́л'е́г'е, х то́мѹ, х пч'ел'е́, х по́пѹ, х пше́н'ице, х плѣ́тн'ику, х пр'е́тс'еда́-те́л'у, х пов'ѣ́т'е, х гн'ездо́, х гу́сакѹ, х го́р'енк'е, х го́р'е́, х го́луб'у, х го́ра́м, х д'е́фк'и, х д'ес'е́т'и́, х до́му, х ду́бн'екѹ, х д'е́р'еву́, х до́ч'к'е́, х д'е́р'евн'ам, х ба́нк'е, х бе́д'е́, х бр'и́гад'е, х бе́р'о́з'е, х ба́ра́ну, х бе́рло́г'е, х бе́р'ешкѹ, х ба́шма́кѹ* (д. Осиновица Любимского р-на Ярославской обл.); *х ко́рѣе, х ко́стрѹ, х ко́з'е́, х ко́сти, х ко́мѹ, х то́му, х те́бе, х пѣ́тнице, х по́пѹ, х па́ске, х па́рню, х пла́тью, х го́стям, х го́раду, х дя́де, х де́реву, х до́му, х бо́льнице, х ба́бе, х бо́лѣту* (д. Королево Ярославского р-на Ярославской обл.); *х ка́мѹ, х ка́рѣв'и, х ка́стрѹ, х ка́з'е́, х та́мѹ, х та́мѹ, х па́т'н'и́цы, х па́ск'и, х па́рн'у, х па́тн'и́цы, х па́ск'и, х па́рн'у, х га́с'т'а́м, х го́рѣду, х го́ду, х да́д'и, х д'е́р'еву́, х до́му, х ба́л'н'и́цы, х ба́б'и, х ба́лѣту* (д. Романово Старицкого р-на Калининской обл.).

Этот тип отмечен в 44 нас. п. Владимирской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Костромской, Московской, Новгородской, Ярославской областей и Мордовской АССР.

При IV типе предлог *к* произносится как фрикативный заднеязычный звук перед любым взрывным звуком. Таковы, например, ответы: *х ка́мѹ, х ка́рѣв'и, х ка́з'е́, х То́л'и, х те́бѣш'и, х па́пѹ, х га́с'т'а́м, х д'е́душк'и, х да́ж'ж'ѹ, х до́ч'ѣр'и, х ба́ушѣи, х бо́ч'к'и, х ба́ушк'и* (с. Холмы Истринского р-на Московской обл.); *х ко́з'е́, х ко́мѹ, х ко́рѣв'и, х те́л'ѣнку, х па́т'н'и́це, х по́пѹ, х па́ск'е, х пра́з'н'ику, х па́рн'у, х поро́ѣнку, х по́ѣзду, х го́роду, хос'т'а́м, х да́д'е, х до́му, х до́ч'ер'и, х д'е́р'еву́, х бо́лѣту, х бо́л'н'и́це* (с. Синжаны Меленковского р-на Владимирской обл.); *х ко́н'ам, х те́б'е, х те́м, х тро́йм, х па́лк'е, х по́м'и́нкам, х те́ц'и, х пр'е́тс'еда́-те́л'у, х по́ду, х пов'а́ск'е, х прѣ́куро́ру, х Грѹ́ше, х Гавр'ѹлу, х д'е́лу, х д'е́в'ер'у́, х да́, х Ду́н'е, х дру́гѣмѹ, х до́ч'ер'е, х Ба́лу-но́ву, х Бо́р'ѹсу, х боро́здѣм, х бе́р'ѣсту, х це́мѹ, х це́кмар'а́м* (д. Дубовка Поназыревского р-на Костромской обл.).

Этот тип зафиксирован в 38 нас. п. Владимирской, Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калужской, Кировской, Костромской, Московской, Новгородской, Ярославской областей и Мордовской АССР.

При V типе фрикативный задненебный звук произносится только перед задненебным же взрывным звуком (и глухим и звонким).

См., например, такие ответы: *х* *корове*, *х* *козе*, *х* *костру*, *к* *кому*, *к* *коз'э*, *к* *корб'е*, *к* *костр'у*, *к* *кобш'е*, *к* *к'ис'ел'у*, *к* *картош'е*, *к* *кукуш'е*, *к* *кб'рму*, *к* *котл'у*, *к'* *к'эл'йе*, *к* *кл'бну*, *к* *тому*, *к* *табур'этк'е*, *к* *Тан'е*, *к* *т'ем*, *к* *той*, *к* *Тбл'к'е*, *к* *пятнице*, *к* *попу*, *к* *пасе*, *к* *парню*, *к* *Паше*, *к* *парку*, *к* *пб'лу*, *к* *п'эп'лу*, *γ* *гостям*, *γ* *городу*, *г* *гост'ам*, *г* *голов'э*, *г* *горб'у*, *г* *гброду*, *г* *гблосу*, *г* *д'ад'е*, *г* *д'эр'еву*, *г* *дб'му*, *г* *д'эфк'е*, *г* *д'элу*, *г* *д'ам'е*, *г* *добр'у*, *г* *д'ешб'ому*, *г* *бол'н'йце*, *г* *б'аб'е*, *г* *болб'ту*, *г* *балд'э*, *г* *бат'к'е*, *г* *б'эр'егу*, *г* *банк'е*, *г* *б'ер'бз'е* (д. Щетинниково Пошехоно-Володарского р-на Ярославской обл.); *х* *ком'у*, *х* *корб'у*, *х* *костр'у*, *х* *коз'э*, *х* *кбс'т'и*, *к* *тому*, *к* *т'бтк'и*, *к* *поп'у*, *к* *парн'у*, *к* *п'аск'и*, *γ* *гост'ам*, *γ* *гброду*, *γ* *Гбшы*, *γ* *Гр'йшы*, *γ* *гувн'у*, *г* *дб'му*, *г* *д'эдушк'у*, *г* *д'ад'и*, *г* *д'элу*, *г* *д'в'эр'и*, *г* *двор'у*, *г* *бб'ру*, *г* *б'аб'и*, *г* *болб'ту*, *г* *бат'ку* (д. Лукьяново Максатихинского р-на Калининской обл.); *х* *корб'у*, *х* *коз'э*, *х* *костр'у*, *к* *том'у*, *к* *поп'у*, *к* *парн'у*, *к* *п'аск'и*, *к* *п'атн'ицы*, *γ* *гос'т'ам*, *γ* *гб'р'ду*, *г* *гос'т'ам*, *г* *гб'р'ду*, *г* *д'ад'и*, *г* *д'эр'еву*, *г* *дому*, *г* *бол'н'йцы*, *г* *б'аб'и*, *г* *болб'ту* (д. Бутская Разинского р-на Горьковской обл.).

Этот тип зафиксирован в 31 нас. п. в Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Новгородской, Пензенской, Ярославской областях и Мордовской АССР.

В лингвистической литературе есть указания на то, что губные взрывные не оказывают того же действия на предшествующее им *к*, какое оказывают другие взрывные. Так, А. М. Селищев пишет: «В результате некогда происшедшего процесса диссимиляции в группе согласных *кт*, *кк*, *кд*, *кг* вместо *к* появился *х* (*γ* перед звонким согласным). Такова судьба была предлога *к* перед словами, начинавшимися с согласных *т*, *к*, *д*, *г*»⁹.

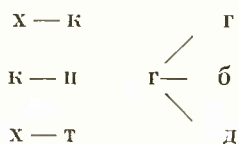
Ср. также у Н. Н. Дурново: «Задненебные взрывные *к* и *г* переходят во фрикативные *х* и *γ* перед задненебными и зубными взрывными, т. е. перед *к*, *г*, *т*, *д*»¹⁰.

Среди наших материалов имеются такие, которые также как будто указывают на особую судьбу сочетания *к* с губным (*п*) по сравнению с сочетаниями *к* с другими глухими взрывными. Примерно в 50 нас. п. (на территории Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Псковской, Ярославской

⁹ А. М. Селищев. О языке современной деревни. «Труды Московского ин-та истории, философии и литературы», т. V. М., 1939, стр. 107.

¹⁰ Н. Н. Дурново. Описание говора д. Парфенок Рузского у. Московской губ. — РФВ, 1901, т. XLV, стр. 240.

областей, Мордовской и Чувашской АССР) находим такую схему распределения фрикативного и взрывного вариантов:

В большинстве случаев такая картина представлена в ответах, небогатых по количеству примеров. Правда, в одном ответе именно такое распределение фрикативного и взрывного произношения предлога поддержано ремаркой автора: «к перед *т* и *к* произносят как *х*, в остальных случаях как *к* или *г*, в зависимости от звонкости согласной»; *х кострѹ*, *х козы*, *х комѹ*, *х корбѹ*, *х томѹ*, *к п'ятн'ицы*, *к попѹ*, *к п'аск'и*, *к п'арн'у*, *г гост'ам*, *г гброду*, *г д'ад'е*, *г д'ер'еву*, *г дбму*, *г бол'н'ицы*, *г бабы*, *г болбту* (д. Ходыни Залучского р-на Новгородской обл.).

При рассмотрении этих ответов нельзя не учесть, что есть немало и таких ответов (правда, еще более неполных), которые для того же сочетания *кп* показывают отклонения противоположного характера.

Наконец, имеются говоры (компактная группа между Боровичами и Чагодой, островок возле Галича и отдельные разбросанные деревни. См. карту 3), где произношение фрикативного звука в соответствии с предлогом *к* не ограничено положением перед взрывным согласным, а распространено шире. В одних ответах такое произношение зафиксировано перед фрикативными согласными, в других — также перед сонорными или /в/, в третьих — даже перед гласными, т. е. как будто вне зависимости от фонетического окружения.

Наиболее последовательное употребление [х] ([ʎ]) показано в таких, например, ответах: *х козы*, *х корбѹ*, *х кострѹ*, *х трудѹ*, *х томѹ*, *х п'ятн'ицы*, *х попѹ*, *х п'арн'у*, *х п'асх'и*, *γ гост'ам*, *γ гброду*, *γ д'ер'еву*, *γ д'ад'и*, *γ дбму*, *γ бабы*, *γ болбту*, *γ бол'н'ицы*, *γ злой*, *х в'ечеру*, *х Углофк'и*, *хо вр'ем'у*, *хо хр'истбѹ*, *к об'еду* (д. Шапкино Боровичского р-на Новгородской обл.); *х камѹ*, *х карбѹ*, *х кбс'т'и*, *х кастрѹ*, *х казы*, *х тамѹ*, *х п'ятн'ицы*, *х папѹ*, *х пл'ат'иу*, *х п'аск'и*, *х п'ар'н'у*, *γ гбраду*, *γ гас'т'ам*, *γ д'ад'и* (так!), *γ д'ер'еву*, *γ дбму*, *γ д'едушку*, *х дбчыр'и*, *γ бат'ушку*, *г бабы*, *г бал'н'ицы*, *г балбту*, *х женѹ*, *х с'емий*, *х с'естры*, *х стаду*, *х худѹм*, *х маладѹм*, *х мат'ер'и*, *х нбчы*, *х лбшад'и*, *х ётому* (д. Святое Бологовского р-на Калининской обл.).

Однако даже в говорах с наиболее широким распространением [х] ([ʎ]) обычно зафиксирован и взрывной вариант произношения предлога *к*, причем по некоторым материалам можно проследить закономерность в распределении этих двух вариантов. Среди говоров, где фрикативный вариант предлога встречается не только

перед взрывными, можно выделить такие, в которых отчетливо видна та же зависимость, которая характерна для типа II: в положении перед взрывными употребление взрывного или фрикативного варианта зависит от звонкости или глухости последующего согласного. См., например, следующий ответ: *х корбвы, х котлѹ, х кѹр'иц'е, х комѹ, х т'еб'ѣ, х п'ятн'ице, х п'ѣчк'е, х погбд'е, х Пашк'е, х порос'бнку, г гост'ам, г гброду, г д'ес'ат'и, г дбч'и, г д'ад'е, г д'ѣушк'е, г баб'е, г болбту, г байн'е, х стаду, х с'еб'ѣ, х худѹм, х лшад'и, х лошада'м, х мѣтк'е, х молодбѹ, х мойм, х нбвым, хо мне* (д. Поздехово Мошенского р-на Новгородской обл.).

Возможно, что для некоторых из этих говоров следует говорить не о различии положений перед звонкими и глухими взрывными, а о различии положений перед звонкими и глухими шумными вообще (кроме *в*), как это делает Н. Виноградов для одного из говоров возле Костромы ¹¹. Однако недостаток материала не позволяет говорить об этом — в применении к отдельным говорам — более определенно.

В севернорусских говорах зафиксирован еще один вид диалектного изменения предлога *к* — произношение на его месте взрывного переднеязычного звука в положении перед взрывными заднеязычными или лишь перед одним из них — перед *к*.

См., например, следующие ответы: *т комѹ, т корбвы, т козы, т кострѹ, т контбру* (так!), *т кѣжному, т кон'ушн'и, т кр'бсной, т кбст'и, к томѹ, к п'ятн'ицы, к попѹ, к пѣсх'и, к пѣрн'у, к пшонѹ, к пбл'у, к п'ечѹ, д гброду, д гост'ам, т худѹм, г д'ад'и, г дбму, г д'ѣр'еву, г д'ѣр'ѣвн'и, г дѹбу, г дожжѹ, г болн'ицы, г бѣбы, г болбту, г байны, г бѣлк'и* (д. Усадище Тихвинского р-на Ленинградской обл.); *т козы, т корбвы, т кол'есѹ, т кбст'и, к томѹ, к п'ятн'ицы, к пѣск'и, к пѣрн'у, г гост'ам, г гброду, г д'ад'и, г дбму, г д'ѣр'еву, г бѣбы, г болбту* (д. Новинка Тихвинского р-на Ленинградской обл.).

Как видно из материала д. Усадище, произношение переднеязычного звука вместо заднеязычного может иметь место перед всеми заднеязычными, а не только перед взрывными. Однако в связи с ограниченностью нашего материала вариант произношения, выступающий перед *х*, как правило, остается неизвестным. Говоры

¹¹ «Предлог *к* перед звуками *б, д, г, ж, з* слышится очень твердо, как латинское *g*. . . Перед согласными же звуками *с, п, к, т, ч, х* — звук *к* произносится близко к *х*: *х хѹду, х чѣю, х Парамбнову, х свѣрьбе, х церькве, х тебие, х царю*» (Н. Виноградов. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. «Сб. ОРЯС», т. LXXVII, № 8. СПб., 1904, стр. 24.

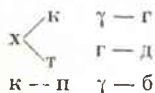
с таким явлением в основном группируются между Людейным Полем и Чагодой (см. карту 3).

Другие варианты диалектных изменений предлога *к* в предложнопадежных сочетаниях (например, *ф томѹ, т понѹ, д' д'ект'ѹ*) представлены совершенно единичными примерами в нескольких населенных пунктах. Исключением являются три деревни, в которых губной звук на месте предлога *к* появляется систематически: *ф коз'ѣ, ф корб'ѣ, к тому, х понѹ, х парн'ѣм, к парн'у, к понѹ, ф парн'у, ф понѹ, ф пѣск'ѣ, г гост'ѣм, г д'ѣфкам, г бѣтк'у, г братов'ѣѣм* (д. Кузнецово Кирилловского р-на Вологодской обл.); *ф как'ѣм, ф коз'ѣ, ф конбайну, ф корб'ѣ, х кос'т'ѣ, ф тразтору, ф н'ѣт'н'иц'ѣ, ф парн'у, ф пѣск'ѣ, ф" гброду, ф" гост'ѣм, ф" гбр'кому, ф" д'ѣфк'ѣ, в д'ѣдушку, ф" дбму, ф" бол'н'иц'ѣ, ф" бѣб'ѣ, ф" бѣбушк'ѣ, в бѣрту, г бѣрту* (д. Хорошая Вохомского р-на Костромской обл.); *ф кваишнн'ѣ, х т'иб'ѣ, х тѣй, к прѣз'н'ику, ф н'ѣц'к'ѣ, г' д'ѣд'ѣ, в дѣц'к'ѣ, в дѣер'ѣм, г бѣб'ѣ, г б'ер'ѣз'ѣ, г Бор'ѣсу, г б'ер'егу, н'ѣ ф ц'ѣмѹ* (д. Никитино Поназыревского р-на Костромской обл.).

В отличие от севернорусских и среднерусских говоров, где интересующее нас диалектное явление выступает в нескольких разновидностях, южнорусские говоры, знающие диалектное произношение предлога *к*, оказываются в этом отношении однородными. Фрикативный звук произносится перед любым взрывным согласным и перед аффрикатами, например: [х] *тому*, [х] *пону*, [х] *козе*, [γ] *дому*, [γ] *бабе*, [х] *чаю*, [х] *царю*. Также обычно произносится [γ] и перед фрикативным [γ]: [γ γ] *ороду* (следует заметить, что о произношении предлога *к* перед аффрикатами можно говорить лишь условно, так как соответствующий материал не собирали специально, он появляется в ответах нерегулярно).

Как уже говорилось ранее, имеющийся у нас материал далеко не однороден в отношении его полноты. На рассматриваемой нами территории севернорусских и среднерусских говоров диалектные изменения предлога *к* отмечены в 1364 населенных пунктах. Меньше чем в половине из них имеются все примеры, нужные для определения условий употребления диалектного варианта произношения в соответствующем говоре¹². На основании же материалов,

¹² Не каждый формально полный ответ является полным в действительности. Наличие только недиалектных примеров в каком-либо из сочетаний при малом количестве материала может оказаться случайным, так как для каждого из положений следует допустить вероятность сосуществования того и другого варианта. Так, например, вряд ли соответствует действительности схема

собранных в остальных нас. п., ввиду их неполноты можно лишь условно предполагать тот или иной тип из числа охарактеризованных выше. Есть немало и таких случаев, когда материал по тому или иному нас. п. настолько беден, что, взятый в отдельности, он никак не может служить для характеристики исследуемого явления в соответствующем говоре.

Итак, большая часть ответов не дает возможности судить о характере диалектных изменений предлога *к* применительно к отдельным говорам. Однако, не будучи показательны каждый в отдельности, все вместе они образуют вполне определенную картину, если применить метод картографирования.

Картографировать материал, показывая условия употребления диалектного варианта для каждого населенного пункта, как видно из ранее сказанного, было бы невозможно. Впрочем, в данном случае этот путь и не был бы плодотворным, так как основные наметившиеся типы не группируются, а разбросаны по всей территории вперемешку. Исключение составляют лишь говоры с переднеязычной заменой предлога *к* в положении перед *к*, *г* и говоры, в которых фрикативный вариант предлога распространен не только перед взрывными согласными.

Более целесообразным оказалось картографировать произношение предлога *к* в каждом сочетании отдельно (см. карты 1, 2)¹³. Карты, составленные таким способом, отчетливо показывают две основные особенности, характерные для всей рассматриваемой территории.

1) Фрикативный звук в соответствии с предлогом *к* встречается гораздо чаще в положении перед глухим взрывным согласным, чем в положении перед звонким, где обычно сохраняется взрывной звук. На территории, где повсеместно известно произношение [x] перед глухими, произношение [ɣ] перед звонкими образует лишь отдельные маленькие ареалы (это особенно касается сочетаний *к* с *д* и *б*). При подсчете населенных пунктов это различие выражается в следующем соотношении: фрикативный звук только перед глухими отмечен в 863 нас. п., только перед звонкими — в 32 нас. п., в обоих положениях — в 441 нас. п. То же самое различие для произношения предлога в зависимости от положения перед звонким или глухим заметно даже в тех говорах, где фрикативный звук в соответствии с предлогом *к* произносится не только перед взрывными согласными (см. стр. 218—219). Впрочем, для этих

(д. Филино Межевского р-на Костромской обл.), если такое распределение фрикативного и взрывного произношения встретилось только в одном ответе и представлено всего 10 примерами.

¹³ Фрикативное произношение предлога *к* показано на этих картах только тогда, когда оно отмечено не менее чем в двух рядом расположенных нас. п. Нанесение единичных изолированных пунктов с картографируемым явлением увеличило бы и без того сложную нагрузку карт, что при данном масштабе создало бы затруднения как для выполнения, так и для восприятия карт.

говоров вернее будет сказать, что фрикативным звуком взрывной заменяется чаще в тех случаях, когда последний не подвергается позиционному озвончению, т. е. во всех положениях, кроме положения перед звонкими взрывными и фрикативными согласными (но не перед *в*). Из 54 ответов, отражающих говоры с более широким употреблением фрикативного варианта, в 17 ответах этот вариант встречается только в такой позиции, где нет условий для озвончения. Еще в 6 ответах при очень широком распространении фрикативного варианта перед глухими и сонорными согласными (а также перед гласными) — фрикативный звук перед звонкими взрывными представлен единичными примерами (кстати, в 5 из этих 6 ответов фрикативный в положении перед звонким передан буквой *х*, а не *γ*; вообще следует отметить, что во многих ответах из числа тех, где фрикативный звук зафиксирован перед звонкими взрывными, для передачи этого звука употреблена буква *х*).

Того же рода зависимость видна и в говорах с заменой *к* на *т* или *д* в положении перед *к*, *г*: примеры типа [т] *кому* встретились в 21 нас. п., в то время как примеры типа [д] *городу* — только в 7 нас. п. (отметим, что и здесь в трех нас. п. вместо ожидаемого *д* употреблена буква *т*: *т гброду* (д. Пудрино Ефимовского р-на Ленинградской обл.), *т гост'ам* (д. Поток Ефимовского р-на Ленинградской обл.), *т груды* (д. Кайвакса Тихвинского р-на Ленинградской обл.).

2) Произношение фрикативного звука на месте предлога *к* наблюдается перед задненебными взрывными чаще, чем перед взрывными иного места образования (при равных условиях в смысле глухости—звонкости). Так, произношение типа [х] *кому* распространено шире, чем [х] *попу* или [х] *тому*, а произношение типа [γ] *городу* — шире, чем [γ] *бабе* или [γ] *дому*.

Относительно положения *к* перед губными, следует сказать, что, несмотря на наличие ответов, где это положение представляется особым (см. стр. 217—218), весь материал, взятый в целом, не показывает сколько-нибудь заметной разницы в судьбе предлога *к* в этом положении по сравнению с положением перед другими взрывными согласными ни для всей территории в целом, ни для какой-либо определенной ее части.

Рассмотрение изоглосс приводит к заключению, что произношение фрикативного [γ] на месте предлога *к* перед звонким согласным (в положении типа *к дому*, *к бабе*, *к городу*) в основном не характерно для говоров, имеющих фонему /г/. [γ] вместо [г] < [к] в этом положении в южнорусских говорах очевидно связано с наличием в них фонемы /γ/ в соответствии с /г/ литературного языка, так как сплошное распространение [γ] вместо *к* перед звонким почти не выходит за пределы говоров с фонемой /γ/.

Более того, на западной окраине южнорусских говоров, на территории, где нет фрикативного звука перед глухими (говорят: [к] тебе, [к] попу, [к] козе), спорадически попадаются отдельные говоры и небольшие ареалы, где наблюдатели отметили фрикативное произношение предлога только перед звонкими: [ʏ] бабе, [ʏ] дому, [ʏ] городу.

Для севернорусских и среднерусских говоров произношение фрикативного звука на месте предлога к в основном характерно для тех случаев, когда следующее слово начинается с глухого взрывного согласного или с г, так как именно в этих положениях взрывной заднеязычный оказывается наиболее неэффективным акустически. При полном фонетическом слиянии предлога со следующим словом [к] в сочетании с т, н, к плохо слышен и даже может совсем утрачиваться в слуховом восприятии¹⁴. В наших материалах отмечены такие случаи: *кольцо потолку́ привинчено, косов'йу́, курок приделан* (д. Долгий Мост Крестецкого р-на Новгородской обл.) и подобные — всего 17 примеров в 12 нас. п. Особенно часто «пропадает» предлог, сливаясь в один звук со следующим к. «Присутствие голоса делает согласный более слышимым»¹⁵, в связи с чем, озвончаясь перед д и б, [к] > [г] и оказывается в акустическом отношении более выразительным, чем [к] в положении перед глухими взрывными. Но в положении перед следующим г получается сочетание двух одинаковых согласных, также часто приводящее к их полному слиянию в слуховом восприятии. В наших материалах примеры типа [г]остю, [г]ороду (вм. [г г]остю, [г г]ороду) зафиксированы в 11 населенных пунктах.

Стремление избежать акустической утраты предлога, подчеркнуть его наличие приводит к изменению, результат которого выглядят как диссимиляция по способу образования ([х] тому, [х] попу, [х] кому, [ʏ] городу) или — для сочетания двух заднеязычных в некоторых говорах — по месту образования ([т] кому, [д] городу). Впрочем, это изменение не всегда бывает столь значительным.

Иногда наблюдатели отмечают звук, средний между взрывным и фрикативным: *к^х пов'аск'е* (д. Дубовка Поназыревского р-на Костромской обл.), *к^х прбймам* (д. Огибное Залесного р-на Горьковской обл.), *к^(х) томю́, к^(х) комю́, к^(х) корбве, к^(х) козе́* (д. Пустошка Тоншаевского р-на Горьковской обл.), *г^(ʏ) грому* (д. Коровино Белозерского р-на Вологодской обл.), *ʏ' гос'т'ам, ʏ' гброду* (д. Сельцо Сокольского р-на Вологодской обл.), *г' барину* (д. Даниловское Галичского р-на Костромской обл.). О подобном же, вероятно, свидетельствует и А. Грандильевский: «Встречается замена звуком х предлога к перед звуками н, т, ч, ц,

¹⁴ Ср.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 235.

¹⁵ Л. Р. Зиндер. Указ. соч., стр. 123.

например: *х* попу́, *х* то́ргу, *х* кузнецу́, *х* го́роду, *х* церкви, *х* часо́вне; но это *х* обыкновенно бывает глухим, не вполне ясным звуком, в котором слышится, смотря по личному воображению, и *х*, и *г*, и *к*¹⁶.

Может быть, такой способ произношения — это начальная ступень, приводящая затем к изменению [к^х] в [х]?

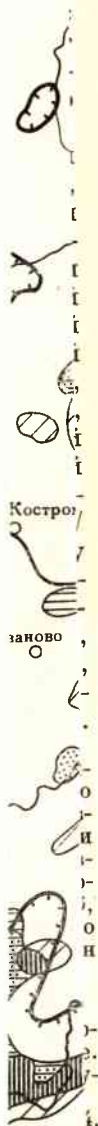
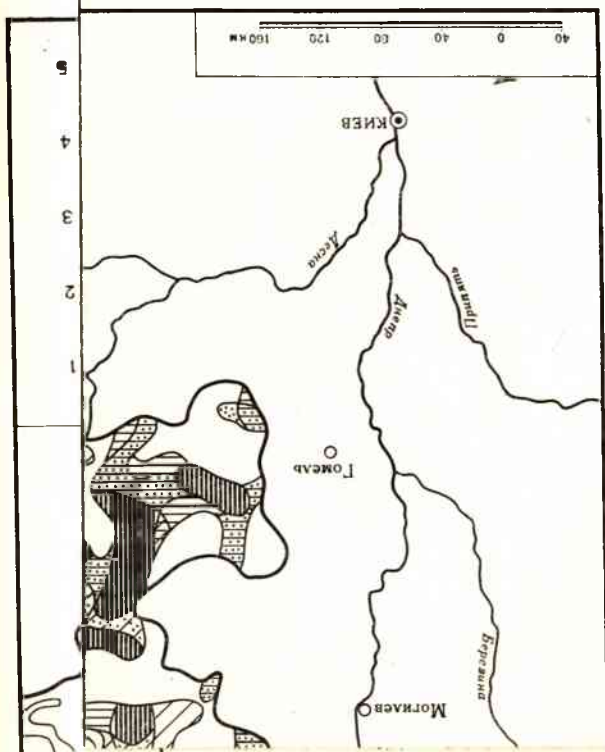
Сравнение судьбы *к* в сочетании его с *т* в середине слова и на стыке предлога со словом показывает гораздо бо́льшую последовательность замены [к] на [х] в середине слов. Произношение типа *тра[х]тор*, *до[х]тор*, *проду[х]ты*, *ге[х]тар* и т. п. распространено шире, чем [х] *тому*. Произношение же *это* вообще, кажется, известно во всех русских говорах. Сохранению [к] в предлоге перед следующими взрывными согласными, вероятно, могут способствовать два момента:

1) Морфологическая аналогия: [к] в [к] *тому* и под. поддерживается наличием [к] в сочетании с другими звуками: [к] *нему*, [к] *отцу* и т. д.

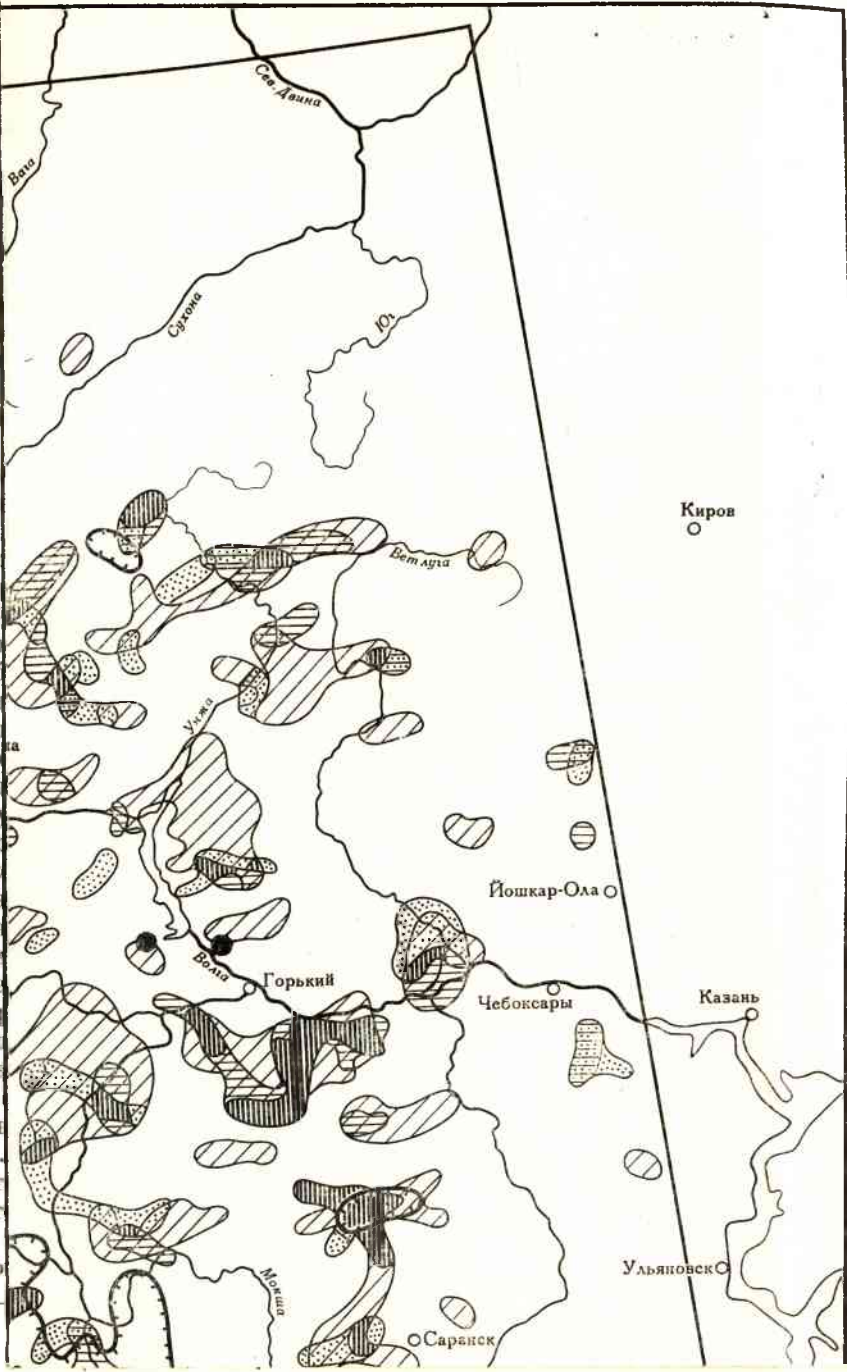
2) По говорам может иметь место неполная фонетическая слитность предлога со следующим словом. В пользу последнего предположения говорит одна особенность нашего материала. В некотором количестве ответов наблюдатели передают произношение предлога *к* перед звонкими взрывными посредством букв *к* (более чем в 160 ответах), *х* (в 47 ответах) и *т* (в 3 ответах). Если относительно написаний типа *к дому* можно было бы допустить, что они являются орфографическими, то такое объяснение не подходит к случаям типа *х дому* или *т городу*. Предположению, что наблюдатель, не умеющий пользоваться знаком *у*, передал буквой *х* звонкий фрикативный звук, противоречит тот факт, что во многих из этих ответов знак *у* употреблен в словах *когда*, *где*, *господи*, *богатый*. В некоторых ответах авторы их охарактеризовали наблюдаемый звук как промежуточный между глухим и звонким. Наконец, количество ответов с такими записями заставляет думать, что по крайней мере часть из них соответствует действительности. Очевидно, эти записи отражают такой способ произношения, при котором предлог не сливается с последующим словом и не подвергается изменению под влиянием следующего звука. Может быть, он имеет после себя легкий гласный призвук. Подкреплением такому истолкованию могут служить довольно многочисленные случаи употребления варианта *ко* в соответствии с литературным *к*: *ко дверям*, *ко сестре*, *ко воде*. Не развивается ли это *ко* из *к*, произносимого отдельно, с паузой после него? Правда, это *ко* встречается не только перед взрывными согласными, а гораздо шире. Наиболее часто оно зафиксировано перед сочетанием согласных, но встречается и перед одиночными

¹⁶ А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. «Сб. ОРЯС», т. 83, № 5. СПб., 1907, стр. 32.

Карта 2. Фрикативный задненосный звук на
 Условные обозначения:
 1 — отмечено [ʔ] на месте к перед ɛ (ʔ): [ʔ] *состам*, [ʔ]
 месте к перед ɔ: [ʔ] *дому*, [ʔ] *демам*; 4 — отмечено [ʔ]
 нин [ʔ] в соответствии с [ʔ] интерпаративного языка

Н
Н
В
И
С
Н
С
Н
Р
К
В
М
Ж
[
С
П
В
Ш
(
О
Ч
П
Ч
Б
В
С
В
З
С
Д
П
С
З
П
М
С
Э
Э
А
С
—
Т.

согласными. Такое более широкое (по сравнению с литературным языком) использование варианта предлога с гласным на конце касается не только *ко*. Точно так же шире, чем в литературном языке, употребляются *во* (вм. *е*), *безо* (вм. *без*), *со* (вм. *с*), *изо* (вм. *из*), особенно перед словом с сочетанием согласных в начале. Пожалуй, в этом можно видеть более общую тенденцию не допускать определенных групп согласных.

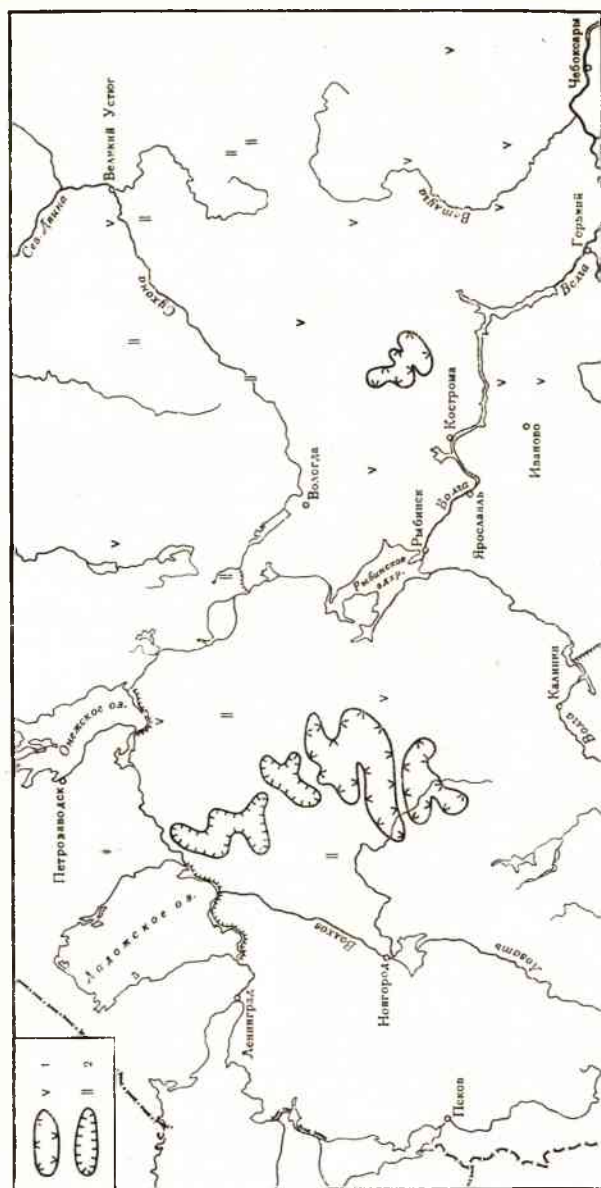
Для тех говоров, где задненебный фриктивный звук вместо *к* произносится только в положении перед взрывными, следует признать существующим чередование *к* || *х*, а позицию перед взрывными — слабой позицией, где задненебные не различаются по способу образования.

По-видимому, отсутствие параллельных рядов чередования других взрывных с фриктивными типа *п* || *ф*, *б* || *в*, *д* || *з* и т. п., а также других случаев (вне предлога *к*), когда реализовалось бы то же чередование *к* || *х*, способствует тому, что в некоторых говорах звук [х] в этом чередовании отрывается от фонемы /к/ и отождествляется с другой фонемой. В одних говорах — с фонемой /х/, и тогда *х* начинает употребляться вместо предлога *к* в любой позиции, т. е. происходит как бы вытеснение фонемы /к/ фонемой /х/ в функции предлога. В других — с фонемой /в/ (те говоры, где в соответствии с предлогом *к* систематически произносится [ф], [в]). Последний случай надо, очевидно, рассматривать в общей связи с неоднократно отмечавшейся в литературе артикуляционной и акустической близостью между губными и задненебными согласными¹⁷, а в частности, в связи с особым характером фонемы /в/ и ее позиционных вариантов. В данном случае имеется в виду наличие губно-губного глухого звука в соответствии с /в/ в позиции оглушения¹⁸: [φ] *погреб*е, [φ] *телег*е, *де*[φ]*ка* и т. п. ([φ] — глухой губно-губной спирант, акустически маловыразительный, близкий по слуховому впечатлению и к [ф] и к [х]). Звук [х], произносимый в соответствии с предлогом *к*, теряет связь с фонемой /к/ и начинает осознаваться как вариант другой фонемы — /в/.

Примечание. У нас, правда, нет непосредственных данных о наличии [φ] в д. Кузнецово, Хорошая и Никитино (см. стр. 220), где отмечено последовательное произношение [в], [ф] на месте предлога *к*. Однако в д. Кузнецово и Хорошая, а также в нескольких нас. п., расположенных поблизости от д. Никитино (д. Дубовка Поназыревского р-на, д. Сороковые Боговаровского р-на и д. Яковлево Ивановского р-на Костромской обл.), звуки, произносимые в соответствии с /в/ в позиции оглушения, переданы знаками *ф*, *у*, *ш* и даже единично *ш*^ф (д. Сороковые). Последнее, очевидно, означает именно глухой билабиальный фриктивный звук. Такого же качества звук отмечен

¹⁷ См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 164, 165; Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике». М., 1962, стр. 195; С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962, стр. 121.

¹⁸ Ср.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, стр. 34.

Карта 3. Условные обозначения:

1 — фриктивный заднебный в соответствии с предложением * отмечен не только перед взрывными; 2 — в соответствии с предложением * перед заднебными отмечен переднеязычный согласный

в ряде нас. п., расположенных в 70—80 км юго-восточнее д. Кузнецово (д. Новосело, Великое село, Берег Шольского р-на; д. Михалево, Раменье, Костино, Коровино, Ануфриево Белозерского р-на; д. Балмасово Бабаевского р-на Вологодской обл.). Следует иметь в виду, что [ʕ], ввиду трудности его для слухового восприятия, не всегда отмечается наблюдателями. Ненатренированный наблюдатель часто воспринимает и записывает этот звук как [ɸ]. Приведенные выше факты, как нам кажется, дают основание предполагать, что замена предлога *к* звуками [в], [ɸ] связана с артикуляционно-акустическими особенностями фонемы /в/ в этих говорах.

А. К. Васильева

ОБ ИЗМЕНЕНИИ СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ [вн] И [мн] ПО ГОВОРАМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как известно, после падения редуцированных в русском языке стали возможны такие сочетания согласных, которых ранее не было. Оказавшись рядом, согласные могли подвергаться разного рода изменениям. Нас интересуют изменения, которые произошли по говорам русского языка с некоторыми из сочетаний согласных, а именно с сочетаниями [вн] и [мн].

В работе И. И. Ковалика «Назализация и деназализация согласных в славянских языках»¹, наряду с использованием обширной литературы, начиная с конца XIX в. и до 40-х годов XX в., объединен и весь имеющийся в распоряжении до сороковых годов диалектный материал. Однако сведения эти являются далеко не полными, так как автором не были привлечены материалы диалектологических атласов, составляемых с послевоенного времени на различных территориях.

По данным И. И. Ковалика, кроме говоров русского языка, изменение сочетания [вн] > [мн] известно юго-западным говорам украинского языка (говоры лемковские, бойковские, гуцульские, надднестрянские, надсянские, подольские), восточным и западным говорам болгарского языка, штокавскому наречию сербскохорватского языка, словинскому говору кашубского языка²; [мн] как [вн] представлено, хоть и редко, в украинском языке (в тех же говорах, что и [вн] > [мн]), в восточных и западных говорах болгарского языка, в чакавском наречии сербскохорватского языка, в польском, чешском, лужицком языках, в говорах словенского языка³.

¹ См.: «Вопросы славянского языкознания», кн. III. Львов—Харьков, 1953, стр. 71—98.

² Там же, стр. 77—78, 87.

³ Там же, стр. 83—84, 87.

Сведения об изменении сочетаний [вн] > [мн] и [мн] > [вн] по говорам русского языка мы находим в работах М. А. Колосова, Е. Ф. Будде, В. И. Чернышева, М. Г. Халанского, Е. И. Рязанова, В. К. Мансикки, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, А. М. Селищева, Р. И. Аванесова и во многих других, в том числе и в работах, изданных в более позднее время. В «Материалах для изучения великорусских говоров» и «Трудах МДК» примеры подобных изменений встречаются очень редко и являются случайными, так как в ряде программ для собирания сведений о говорах русского языка отсутствуют специальные вопросы, посвященные этим явлениям (см., например, Программу МДК⁴). Касающиеся разрозненных нас. п., расположенных далеко друг от друга, эти сведения не могли дать правильного представления о распространении интересующих нас явлений. Долгое время изменение сочетаний [вн] > [мн] и [мн] > [вн] считалось чертой севернорусских говоров: например, А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново, характеризуя некоторые изменения согласных групп этих говоров, упоминают среди них и о мене [вн] > [мн] (*деремня, Федоромна, мнучок, дамно*⁵; *кромный, дамно*⁶ и [мн] > [вн] (*гувно, вного*⁵, *повни, вного, гувно, надо вной*⁶); А. М. Селищев, говоря о некоторых чертах говоров Сибири, вынесенных с европейской территории, упоминает о переходе [вн] > [мн] (*мнук, деремня, Федоромна, дамно*) и [мн] > [вн] (*вного, гувно, тевно, повню*) как о черте обычной для севернорусских говоров⁷.

Между тем изменение сочетания [вн] > [мн] было зарегистрировано в литературе и для южнорусских говоров⁸, но сведения эти были еще более малочисленными, не подкрепленными большим материалом, а поэтому могли казаться случайными.

⁴ См.: «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры; II. Северновеликорусские говоры» 1909 и 1911.

⁵ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском университете в 1909—1910 уч. году), ч. II. Изд. 2. Литогр. изд. СПб., 1910, стр. 669.

⁶ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 187, 211; Он же. Введение в историю русского языка. Брно, 1927, стр. 113.

⁷ А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 225.

⁸ См.: Васьянов. Курское наречие. «Очерки России», кн. IV. М., 1840, стр. 12; Г. С. Солов. Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии. «Тульские губернские ведомости», 1861, № 8; В. И. Чернышев. Сведения о мешковском говоре. «Изв. ОРЯС», 1898, т. III, кн. 2, стр. 78; Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. «Изв. ОРЯС», т. III, кн. 3, стр. 831; М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. «Сб. ОРЯС», т. LXXVI, № 5, СПб., 1904, стр. 10; П. Н. Тиханов. Брянский говор. «Сб. ОРЯС», т. LXXVI, № 4, стр. 6, 156; Е. И. Резанов. Наблюдения над говором крестьян д. д. Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской губернии. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. I, стр. 235, 242.

Настоящая статья, посвященная вопросу об изменении сочетаний [вн] и [мн] по говорам русского языка, строится на материале, собранном для составления диалектологического атласа русского языка по Программе ИРЯз (1945 г.). Собираание материала для атласов проводилось на обширной территории по точно установленной сетке обследования, в результате чего мы располагаем теперь сведениями более систематическими, показывающими распространение интересующего нас явления на различных территориях.

В указанных материалах на сочетание [вн] в основном приводятся слова *давно, ровно, деревня, внук* (и однокоренные с ними), что обусловлено построением вопросов Программы. Приведение других слов является нерегулярным. Так, например, в материале из разных нас. п. встретились следующие примеры с сочетанием [вн] в середине слова: *бревнб, дрбвни, корбвник, головнй, жйвность, жнёвник, ивнйк, полбвник, часбвня, пелёвня, баловнйк, головнбй, главнй, дрёвнй, испрвнй, слвнй, картбвнй, моркбвнй, заббвно, слбвно, винбвны, протйвно, неотрйвно, ревнёт, соревнётся. . .* и некоторые другие.

Начальное сочетание [вн] в большей части ответов представлено лишь словом *внук*, другие случаи сочетания [в] и [н] (например, *внаймы, внутри, вниз, в небо, в ночь, в нос, в новом*) приводятся не регулярно.

Об изменении сочетания [мн] в говорах мы можем судить по произношению лишь двух слов, а именно: *гумно* и *помню* (*помнишь*), которые регулярно приводятся в ответах на Программу. Другие слова с сочетанием [мн] встречаются очень редко: *темно, комната, много*.

Вопрос об изменении сочетания [вн] будет рассмотрен в I разделе настоящей статьи, вопрос о сочетании [мн] — во II разделе.

I

Об изменении сочетания [вн] > [мн]

Анализ материала уже составленных атласов показал, что в той части говоров, где отмечено изменение сочетания [вн] > [мн], оно по-разному как в лексическом, так и в территориальном отношении представлено в словах, имеющих это сочетание в середине слова (например, *давно, ровно, деревня. . .*) или в его начале (например, *внук, вниз, в ночь*). В связи с этим вопросы об изменении начального сочетания [вн] и сочетания [вн] в середине слова будут рассматриваться отдельно.

Начальное сочетание [вн] в русском языке образуется при помощи предлога или приставки *в* и последующего слова, начинающегося со звука [н] (*внаймы, в ноги, вниз, внутри* и др.).

Изменение предлога-приставки *в* > *м* перед последующим *н* ослабило бы связь с этим же предлогом-приставкой, но находя-

щимся перед другими согласными (*в день, сверху, вбегать*), а поэтому, очевидно, этого изменения не происходит⁹. Только в слове *внук*, где *в* теперь не является приставкой, сочетание [вн] изменяется в [мн].

Изменение начального сочетания [вн] > [мн] в слове *внук* не характерно для южнорусских говоров, так как в большей их части фонема /в/ в начале слова реализовалась в слоговом /у/.

В севернорусских и среднерусских говорах произношение *мнук* представлено очень широко; оно отмечено как в говорах, знающих изменение сочетания [вн] > [мн] в середине слова (о них смотри ниже), так и в говорах, не знающих этого изменения¹⁰.

Изменение сочетания [вн] > [мн] в середине слова характерно для говоров двух довольно крупных массивов, один из которых находится на территории севернорусских и частично среднерусских говоров, второй — на территории южнорусских говоров. Оба эти массива, разделенные территориально, отличаются друг от друга и ширитой охвата лексики. Кроме того, на территории севернорусских и среднерусских говоров имеются еще небольшие ареалы или даже отдельные нас. п., в говорах которых отмечено интересное нас явление.

Как показало изучение материала, среди говоров, знающих изменение сочетания [вн] > [мн] в середине слова, можно выделить два типа, в которых по-разному представлено это изменение.

В говорах I типа изменение сочетания [вн] > [мн] представлено лексически наиболее широко (в принципе не ограничено); оно охватывает слова *давно, ровно* (и производные от них), постоянно отмечено в слове *деревня*, встречается и в других словах, самых разнообразных, но менее регулярно представленных в материалах в силу характера этих ответов: *бремнб, сламный, ромнина, кружбмник, упалбмник* или *ополбмник, сламно, крбмные, неотрймно, корбмник, жнймник, поголбмно, голомнбй, на дрбмнях, полбмник, испрамни, винбмники, часбмня, протймно, отрымббе, Анна Лавромна* и другие.

В материалах отмечен, кроме того, целый ряд слов, в которых не зафиксировано изменение сочетания [вн] > [мн]. Объясняется это, очевидно, тем, что некоторые слова приводятся в материалах крайне редко. Так, например, слова *баловник, домовничай, ивняк, сопотывник, задушёвная, пелёвни, пивнушки, заливнобй, зимбвник, мужёвнин, моркбвный* и некоторые другие отмечены на всей описываемой территории лишь по одному разу, слова *посевнуёу,*

⁹ Зафиксировано лишь несколько случаев с изменением предлога или приставки *в* перед *н* в ж: *м неделю* (нас. п. 468), *мнизу* (нас. п. 724), *все м ночь* (нас. п. 970), *не м настрое* (нас. п. 1392), в материалах «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы».

¹⁰ См. карту 1.

картбѣная, грибѣвница — два раза, три раза слова с корнем -прав- (поисправней, исправно, управно), а также слова церкбѣный, церкбѣвые и нѣрвная, нѣрвный.

Что же касается таких слов, как, например, *нервная, посевная* и некоторых других, то возможно, что эти слова, усвоенные из литературного языка в позднее время, никогда с сочетанием [мн] не употреблялись.

Говоры I типа представлены довольно компактным массивом, находящимся на территории севернорусского наречия. Территорию этих говоров, грубо говоря, можно считать заключенной в кольцо между городами Кострома—Буй—Солигалич—Чухлома—Кинешма—Кострома. Подобные же говоры образуют небольшой островок в районе южнее г. Ветлуги¹¹.

В говорах II типа изменение сочетания [вн] > [мн] выступает как лексикализованное, т. е. встречается лишь в определенных словах, более или менее часто повторяющихся в материалах ответов. Этими словами являются: *давно, ровно, деревня* (или их производные).

Как и во всех других случаях, когда явление носит характер лексически ограниченный, изменение сочетания [вн] > [мн] в каждом данном говоре охватывает разные слова: в одном случае оно затрагивает все три слова, в другом — два, в третьем — лишь одно из слов (например, *давно*); территориальное их распространение также различно.

II тип является более распространенным: кроме севернорусских и среднерусских говоров интересующее нас явление представлено очень крупным и компактным массивом, который находится на территории южнорусских говоров.

Обратимся сначала к севернорусским и среднерусским говорам, в которых изменение сочетания [вн] > [мн] носит лексически ограниченный характер.

Эти говоры вплотную примыкают к основному массиву говоров I типа¹². Кроме того, отдельные более или менее крупные ареалы данного явления зафиксированы на востоке и северо-востоке от указанного выше массива говоров I типа, а также в районе Белого озера, Рыбинского водохранилища, к западу от Москвы и к северо-востоку от Рязани. Сочетание [мн] вместо [вн] только в определенных словах отмечено еще в говорах отдельных, далеко разбросанных друг от друга нас. п.

Наиболее широко, по сравнению с другими словами, сочетание [мн] вместо [вн] представлено в слове *давно*. Произношение *дамно* характерно для всех описанных выше ареалов. В эти ареалы, по большей части наиболее крупные, полностью или частично вписываются ареалы с произношением [мн] вместо [вн] в словах *ровно*,

¹¹ См. карту 2.

¹² Там же.

деревня. В некоторых же говорах сочетание [мн] отмечено только в слове *давно* ¹³.

Сочетание [мн] в слове *деревня* наиболее широко представлено на территории именно севернорусского наречия ¹⁴.

Произношение *ромно* характеризует в основном говоры, окаймляющие основной массив с лексически неограниченным изменением сочетания [вн] > [мн] и ареал, который находится южнее г. Ветлуги ¹⁵.

На территории описанных выше говоров II типа, в которых сочетание [мн] вместо [вн] отмечено лишь в отдельных словах, встречаются островки и отдельные нас. п. п. с лексически неограниченным изменением [вн] > [мн]. Может быть, это является свидетельством того, что и в говорах II типа на указанной территории сочетание [мн] вместо [вн] было распространено ранее более широко и лишь пережиточно закрепилось в отдельных словах.

Перейдем к рассмотрению южнорусских говоров, характеризующихся наличием изменения [вн] > [мн].

Как уже говорилось выше, до составления диалектологических атласов русских народных говоров об изменении сочетания [вн] > [мн] на территории южнорусского наречия в литературе имелись очень неполные и отрывочные сведения, по которым нельзя было судить ни о территории распространения этого явления, ни о том, какая сфера лексики представляет это явление и насколько широко.

Материалы атласов показали, что произношение сочетания [мн] на месте [вн] в южнорусских говорах отмечается лишь в отдельных словах, а именно в словах *давно* и *ровно* и однокоренных с ними. В других словах, даже регулярно повторяющихся в материалах ответов, сочетание [мн] вместо [вн] зарегистрировано лишь в единичных нас. п.: *деремня* в материале 15 нас. п.; *гомно* в материале 9 нас. п., из которых 7 находится на территории, пограничной с Украиной (а *дамно* больше чем в 300 нас. п.) ¹⁶.

Говоры с произношением [мн] на месте [вн] в словах *давно*, *ровно* на территории южнорусского наречия представляют собой большой и очень компактный массив, в который почти полностью

¹³ Так, например, в говорах отдельных нас. п. и небольших островков на территории областей Кировской, Ярославской, Владимирской.

¹⁴ Области Костромская, Горьковская, Ивановская, Кировская, а также в русских говорах Марийской АССР.

¹⁵ Сведения о распространении сочетания [мн] вместо [вн] в словах *давно*, *деревня* являются достаточно точными, так как данные слова встречаются во всех, за редким исключением, ответах на Программу, чего нельзя сказать о слове *ровно*, которое реже приводится в материалах.

¹⁶ В работах разных авторов, посвященных южнорусскому наречию, как названных выше, так и не названных, сочетание [мн] вместо [вн] обычно отмечается в словах *давно*, *ровно* (или однокоренных с ними), редко — в словах *славный* (или *славно*), *бревно*, *деревня*. Возможно употребление сочетания [мн] вместо [вн] и в южнорусских говорах ранее было представлено более широко, но других материалов, свидетельствующих об этом, мы не имеем.

включаются области Орловская, Курская, Белгородская и частично области Брянская (восточная ее часть), Тульская (ю.-з. часть), Калужская (ю.-з. часть).

В отличие от севернорусских и среднерусских говоров границы указанного явления на территории южнорусского наречия являются более определенными. Наибольшей четкостью отличается западная граница массива, за пределами которой сочетание [мн] вместо [вн] отмечено в материалах лишь двух нас. п.; восточная граница является более размытой, вблизи от нее имеется несколько небольших ареалов, характеризующихся указанным произношением¹⁷.

Это может быть объяснено тем обстоятельством, что указанная территория долгое время входила в состав Литовского государства, являясь восточной его окраиной, а затем (в конце XV—начале XVI в.) была присоединена к Московскому государству.

Сложившаяся в силу исторических причин обособленность существования говоров этого массива как от более восточных, так и от более западных говоров сказалась на характере употребления звуков на месте фонемы /в/.

Описанный выше массив южнорусских говоров с изменением [вн] > [мн] в словах *давно*, *ровно* находится в полосе между двумя массивами говоров, противопоставленных по качеству фонемы /в/ : /ў/ на западе и /в/ на востоке. Он характеризуется тем, что наряду с [ў] в середине слова здесь широко представлен и звук [w]. Кроме того, в материалах по тем же говорам приводятся примеры с написанием *в* не только перед звонкими, но и перед глухими согласными (*травка*, *авса*, *правда*, *деревня*), что, видимо, может свидетельствовать о появлении в этих говорах звука губно-зубного характера или о таком оттенке звука на месте /в/, который занимает как бы промежуточное положение между звуками [в] и [w].

Итак, изменение [вн] > [мн] в южнорусских говорах появляется на стыке и при взаимодействии говоров с разным характером звуков на месте фонемы /в/.

Большая часть севернорусских и среднерусских говоров, в которых отмечено изменение сочетания [вн] > [мн], характеризуется в настоящее время употреблением на месте фонемы /в/ звука губнозубного характера. Звуки билабиального характера в этих говорах отмечены в материалах единичных нас. п. и в виде разрозненных ареалов. Основной же ареал говоров с билабиальной фонемой /в/, находящийся в пределах северного наречия, примыкает к ареалу говоров с изменением [вн] > [мн] с севера¹⁸. Таким образом, и в севернорусских говорах изменение сочетания [вн] > [мн] отмечается именно там, где сталкиваются говоры с разным характером звуков на месте фонемы /в/.

¹⁷ См. карту 3.

¹⁸ См. карту 2.

О замене исконого сочетания [мн] на [вн]

Анализ лексики с сочетанием [мн] показал, что в русском языке очень невелик круг слов, имеющих это сочетание. Так, начальное сочетание [мн] представлено лишь словами *мнение*, *мнить*, *многий* (и однокоренными), книжными по происхождению. Сочетание [мн] в середине слова представлено словами *умный*, *шумный*, *темно*, *темный*, *комната*, *питомник*, *помню*, *приёмник*, *надомник*, *вздремнуть* и некоторыми другими. Из перечисленных выше слов лишь немногие принадлежат диалектному языку, а изменение сочетания [мн] на [вн] отмечено только в словах *много*, *помню*, *гумно*. Кроме того, в материалах единичных нас. п. Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы отмечено произношение *ковната* (нас. п. 642, 1053, 1163), *тевно* (нас. п. 271).

Произношение *повню*, *вного* и *гувно*, как показали материалы атласов, характерно в основном для севернорусских и среднерусских говоров, в южнорусских говорах произношение с сочетанием [вн] вместо [мн] отмечено лишь в словах *помню*¹⁹ и *гумно*²⁰ в материалах немногих нас. п.

В севернорусских и среднерусских говорах произношение *повню* и *вного* характерно для отдельных нас. п. и небольших ареалов, которые находятся на периферии массива, характеризующегося изменением сочетания [вн] > [мн]²¹. Ареалы с произношением *повню* и *вного* частично совпадают.

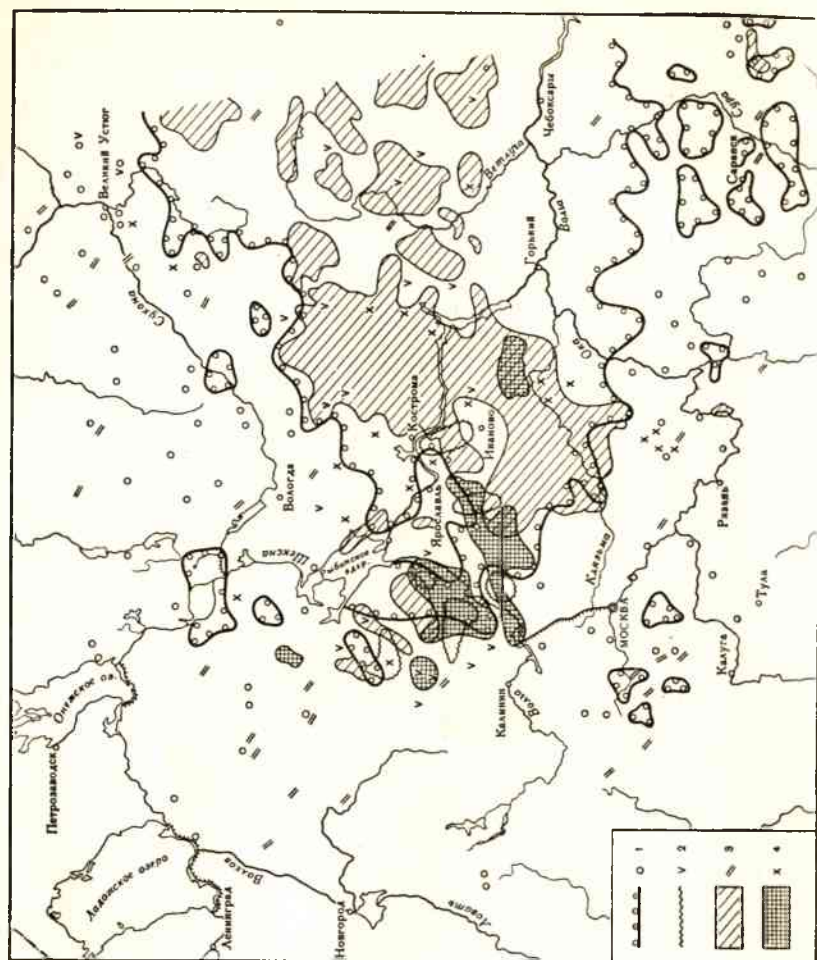
В отличие от *повню* и *вного*, произношение *гувно* известно на очень большой территории, которая на западе (около г. Великие Луки) представляет более или менее узкую полосу, затем расширяющуюся по направлению на северо-восток. Более широкое распространение сочетания [вн] в слове *гумно* (по сравнению со словами *помню*, *много*) связано с тем, что это слово является названием определенной реалии.

Периферийное положение говоров с сочетанием [вн] вместо исконого [мн] в словах *помню*, *много* по отношению к говорам, в которых отмечено обратное явление, — изменение исконого

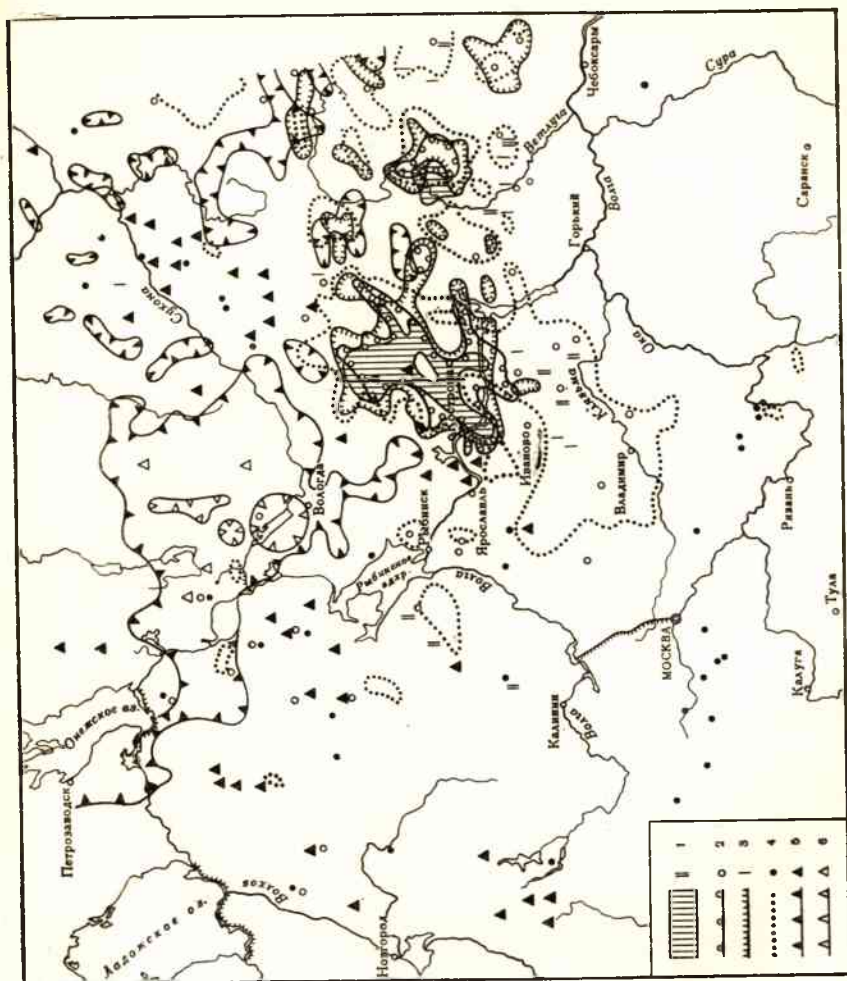
¹⁹ Слово *повню* отмечено в материалах трех нас. п. «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы».

²⁰ Слово *гумно* — название определенной реалии, а именно площадки для молотбы, не характерно для западной и юго-западной части южнорусских говоров, где вместо него употребляется слово *ток*. Лишь в материалах по семи нас. п. «Атласа русских народных говоров центральных областей к юго-западу от Москвы» встретилось *гувно*, очевидно, являющееся заимствованным. Кроме того, произношение *гувно* отмечено среди южнорусских говоров Рязанской области (небольшой островок таких говоров находится в междуречье Оки и Мокши).

²¹ См. карту 1.

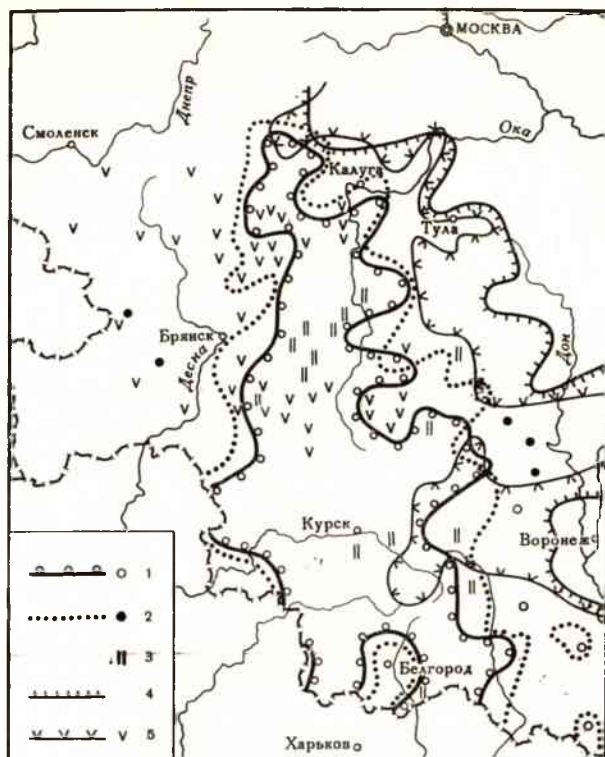

Карта 1. Условные обозначения:
 1 — муром; 2 — волга; 3 — мн
 вместо ен в середине слова;
 4 — поеню

Карта 2. Условные обозначения:

1 — лексически неограниченное наименование
 2 — ромно; 3 — $en > an$;
 4 — дамно; 5 — от-деремия;
 6 — отмечено ш наряду с а (р) на месте фонемы /ш/;
 7 — отмечено ш на месте фонемы /ш/

Карта 3. Условные обозначения:

1 — ромно; 2 — дамно; 3 — деревни; 4 — отмечено *w* на месте фонемы /в/; 5 — отмечено *в(ф)* на месте фонемы /в/

сочетания [вн] > [мн] (*дамно, помню...*), ограниченность лексики, охваченной этим изменением, свидетельствует о том, что мена сочетания [мн] > [вн] появилась не в результате самостоятельного фонетического процесса, так как это предполагало бы существование в языковой системе одновременно двух взаимопротивоположных языковых тенденций, а как следствие отхода от диалектного произношения — неразличения в говорах исконных сочетаний [мн] и [вн] (*дамно, ромно, мнук и много, помню*).

Е. П. Дупнова

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Кировской обл. по классификации, выработанной составителями диалектологической карты русского языка ¹, относятся к Восточной, или Вологодско-Вятской, группе севернорусского наречия, самой обширной по занимаемой территории и наименее исследованной.

Для изучения системы согласных севернорусского наречия Кировские говоры представляют большой интерес, поскольку в них наблюдается ряд особенностей, утраченных другими севернорусскими говорами или менее ярко выраженных в них. Кроме того, говоры обширной Кировской обл. не являются однородными, и на этой территории намечаются изоглоссы некоторых диалектных явлений, имеющие значение и для изучения смежных севернорусских говоров.

В диалектологической литературе начиная с середины XIX в. отмечались характерные особенности кировских (прежде вятских) говоров, высказывались некоторые соображения о неоднородности этих говоров, а также ставился вопрос о классификации их. Недостаток фактического материала о распространении отдельных диалектных явлений давал возможность говорить о классификации говоров лишь в общих чертах ². В работах Д. К. Зеленина ³ высказывались замечания о распространении некоторых

¹ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением «Очерки русской диалектологии». М., 1915, стр. 22—25. В дальнейшем: «Опыт...».

² М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. Варшава, 1876, стр. 55—56; Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907, стр. 5.

³ Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию летом 1902. СПб., 1903, стр. 20; Он же. Великорусские говоры

диалектных явлений (цоканье, чоканье, *y* на месте *в* и др.), но детальное изучение распространения этих явлений и их картографирование было сделано только по одной особенности — распространению мягкого *к* после смягченных согласных.

В настоящее время, когда территория Кировской обл. обследована по единой программе для составления диалектологического атласа русского языка ⁴ и когда имеется ряд специальных исследований по говорам отдельных районов ⁵, представляется возможность уточнить территорию распространения отдельных диалектных явлений, наметить разновидности некоторых особенностей и выявить специфику их употребления.

В данной статье автор ставит своей задачей рассмотреть распространение некоторых диалектных явлений в области согласных в говорах Кировской обл. на основании материалов, собранных для составления диалектологического атласа русского языка, а также в процессе своих личных наблюдений во время многочисленных экспедиций по Кировской обл. К статье прилагается схематическая карта с изоглоссами в области согласных.

Диалектные особенности в области согласных в зависимости от их распространения по территории области могут быть разделены на три основные группы: I. Особенности, характерные в основном для всей территории. II. Особенности, отмеченные на широкой территории, но имеющие неодинаковую степень распространения в разных частях ее. III. Особенности, по которым намечаются изоглоссы на территории области.

I. К числу особенностей I группы могут быть отнесены два явления: утрата конечного *т* (*т'*) в сочетаниях *ст* и *с'т'* и отверждение губных на конце слов.

Утрата конечного *т* (*т'*) в сочетаниях *ст* и *с'т'* имеет широкое распространение на территории области. Примеры, приводимые в материалах, в общем однотипны и показывают, что данное явление

с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 373—374.

⁴ Работа была произведена силами преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений: Кировского пединститута, Казанского университета, Ярославского пединститута (основная работа), а также Ленинградского пединститута, Московского пединститута им. В. И. Ленина, Московского государственного университета, Марийского пединститута и Омутнинского учительского института (отдельные экспедиции). Нами использованы материалы, собранные по 403 нас. п. области.

⁵ Написаны кандидатские диссертации по говорам следующих районов или их частей: Арбайского (Р. С. Овчинниковой), Верховинского (В. В. Симоновым), Вожгальского (Л. И. Горевой), Медянского (А. Д. Прозоровой), Омутнинского (Б. В. Поповым) и Уржумского (Ф. Д. Перевозчиковой). Опубликованы статьи по говорам Мурашинского р-на (С. А. Олениной), Опаринского р-на (В. В. Андреевым и Ф. Д. Самойловой), по говорам Прикамья (В. Н. Троицким и Л. Н. Макаровой) и образцы записей говоров Котельничского р-на (Е. А. Комшиловой).

ние имеет фонетический характер и не зависит от лексики, грамматической категории и морфемы, в которой находится сочетание.

Отпадение *t'* в сочетании *c't'*: *горс'*, *гос'*, *жес'*, *кос'*, *снас'*, *страс'*, *т'ес'*, *трос'*, *ч'ас'*, *ч'ес'*, *шерс'*, *влас'*, *вблос'*, *зав'ис'*, *нап'ас'*, *сбв'ес'*, *гл'упос'*, *злос'*, *кр'эпос'*, *м'эснос'*, *мблodos'*, *оддал'бннос'*, *р'адос'*, *р'эткос'*, *с'м'элос'*, *ст'арос'*, *шес'*, *йес'* (*ис'*), *пойс'*, *клас'*, *пр'ес'*, *пл'ес'* и др.

Отпадение *t* в сочетании *ст*: *кр'ес*, *кус*, *л'ис*, *мос*, *плас*, *п'орс*, *погбс*, *пос*, *рос*, *хвос* (*фос*), *хвброс*, *холс*, *шес*; *в'брс*, *м'ес* (род. п. мн. ч.); *арт'йс*, *трактор'йс*, *гармон'йс*; *дас*, *йес*, *надойёс* и др.

Степень устойчивости данного явления не одинакова в сочетаниях с мягкими согласными и с твердыми на конце слов. В сочетании *c't'* отсутствие отпадения конечного *t'* отмечено лишь в единичных населенных пунктах (в 3 п.) и редко встречается непоследовательность употребления *c't'* и *c'* (в 24 п.). Отсутствие отпадения *t* в сочетании с твердыми согласными отмечено в большем количестве населенных пунктов (в 14 п.) и более широко представлено колебание в произношении *ст* и *с* (в 44 п.).

Твердое произношение конечных губных согласных имеет широкое распространение в говорах Кировской обл. Отдельные пункты (25), в которых данное явление не зафиксировано, не составляют сплошной территории и отмечаются в разных частях ее, чаще в южных районах. В ряде пунктов отмечается непоследовательное употребление твердых и мягких конечных губных.

Твердые губные на конце слова отмечены в формах им.-вин. падежей ед. ч. существительных 3-го склонения и числительных *семь*, *восемь*, а также в форме 2-го л. ед. ч. глаголов повелительного наклонения с конечным губным *n* (из *b* и *n*): *гр'еп*, *гблуп*, *к'ирп* (мера льна), *прблуп*, *руп*, *ст'еп*, *ч'еп*; *м*: *вбс'ем*, *с'ем*, *бз'им*; *ф* (из *в*): *кроф*, *л'уббф*, *ч'ерф*, *цёркоф*, *готбф*, *остаф*, *пост'аф*. В говорах, имеющих *ў* (*w*) на конце слов, произносят *ў* вместо *ф*: *л'уббў* и *кrow*. Данное явление, отнесенное составителями диалектологической карты⁶ к признакам Восточной и Новгородской группы севернорусского наречия, по материалам, собранным для атласа русских народных говоров, имеет широкое распространение в говорах русского языка и отмечается не только в севернорусских говорах, но и в западной части южнорусских и среднерусских говоров⁷.

II. Ко второй группе особенностей, как уже говорилось, мы относим явления, отмеченные хотя и на широкой территории, но неравномерно в разных частях ее, причем можно указать территории с преимущественным распространением этих черт или территории со слабо представленным данным явлением. К ним мы

⁶ См.: «Опыт. . .», стр. 24, § 12; стр. 22, § 3.

⁷ См.: В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. — ВЯ, 1955, № 6, стр. 12—13; см. также: «Русская диалектология». М., 1964, стр. 88.

относим три особенности: ассимиляцию согласных в сочетании *бм*, мягкость *с* в суффиксе *ск* после мягкого предшествующего ему согласного, ассимиляцию согласных в сочетании *дн*.

Произношение *мм* в соответствии с *бм* на территории Кировской области имеет достаточно широкое распространение (не отмечено в материалах по 60 нас. п.). Отсутствие этой особенности отмечается в отдельных пунктах разных районов области, но почти везде эти пункты не образуют сплошной территории и вкраплены между пунктами с *мм*. Слабое распространение этой особенности имеет место лишь на территории северо-востока по верхнему течению р. Вятки и северной части Прикамья. Во многих пунктах области наблюдается непоследовательное произношение *мм* и *бм*, а в некоторых пунктах *мм* отмечается лишь в отдельных словах.

Как и в других севернорусских говорах, указанная ассимиляция согласных наблюдается на стыке приставки *об* и корня с начальным согласным *м*: *оммáзыват'*, *оммáныват'*, *оммáнщик*, *оммарáт'*, *оммáтыват'*, *омм'етáт'*, *омм'обы*, *омм'ён'иват'*, *ом'м'ёр'ит'*, *ом'м'ирáют*, *оммолотít'*, *оммолóты*, *омморóз'ит'*, *оммоч'йт'*, *оммузол'ил* и др.

Мягкость согласного *с* в суффиксе *ск* и сохранение мягкости предшествующего ему согласного (*рúс'кой*, *жён'с'кой*, *д'ер'ев'ён'с'кой* и др.) распространены неравномерно в говорах Кировской обл. (в 135 пунктах эта особенность не отмечена). Наиболее последовательно данное явление отмечено в западной части области к западу от р. Великой, в бассейне р. Моломы в верхнем и среднем течении и к западу от нее в нижнем течении, а также по р. Вятке от г. Котельнича до с. Сорвиж. Несколько слабее распространяется эта особенность в центральной части области. Значительно слабее она отмечается на востоке и северо-востоке области, где в ряде пунктов разных районов наблюдается лишь редкое сохранение мягкости согласных. В южной части области мягкость согласного *с* в сочетании *ск* также представлена непоследовательно, хотя и отмечена по всем районам, кроме наиболее южных окраин.

В прилагательных со сложным суффиксом *-овск*, *-евск* согласный *в* чаще утрачивается (*москóв'кой*, *покрóв'кой*, *ижес'кóй*). В говорах, имеющих мягкое *к* после смягченных согласных, наблюдается и смягчение *к* после *с* в суффиксе: *истоб'ён'с'к'ой* и др.

Произношение *нн* в соответствии с *дн* в современных Кировских говорах не имеет повсеместного распространения (в 250 населенных пунктах области отмечается отсутствие этой особенности). Можно указать некоторые территории, где отмечается только *дн*: в южной части области ⁸ южнее р. Пижмы и Вятки

⁸ Надо полагать, что ранее эта особенность в говорах имела более широкое распространение, так как в записях конца XIX в. ассимиляция *дн* от-

от впадения в нее р. Пижмы, в ряде пунктов центральной части области к западу от р. Ивкино. Слабо представлено *нн* в соответствии с *дн* на северо-востоке области. Более ярко данная особенность отмечается в северо-западной и западной части области к западу от р. Великой и р. Вятки, от устья р. Великой до с. Сорвиж. Но и на этой территории наиболее интенсивного распространения явления ассимиляции *дн* > *нн* она отмечена непоследовательно, а в некоторых пунктах зафиксирована в единичных примерах.

Ассимиляция согласных обычно наблюдается на стыке корня, оканчивающегося на *д*, и суффикса *н* (или суффикса, начинающегося с *н*).

В записях отмечаются примеры: а) в прилагательных и наречиях с суффиксом *н*: *б'энно*, *б'энной*, *бл'энна*, *в'інно*, *выхоннбй*, *голбннй*, *досанно*, *ланно*, *л'унно*, *ж'энной*, *об'інно*, *об'ихонно*, *бвонно*, *прошлогбннй*, *рбннй*, *с'ер'энной*, *стбнно*, *трўнно*, *хблонно*, *ч'анно* и др.; б) в существительных с суффиксами *-ник* и *-ня*: *нагрўн'н'ик*, *пол'исан'н'ик*, *рассан'н'ик*, *сковорбн'н'ик*, *рўн'н'ик*; *запан'н'а*, *об'эн'н'а*, *рон'н'а*; в) в числительном *одна*, *одно* и производных словах: *оннā*, *заоннб*, *оннозўбошно*. Ассимиляция *дн* в корне отмечена только в сложных наречиях, образованных от корня *-день*: *с'бн'н'е*, *с'евбн'н'е*, *тр'ет'йевбн'н'е*, *ковбн'н'и*, *олом'эн'н'и* и редко в сложном существительном *трудон'н'и*, при обычном *трудодн'и*. Ассимиляция конечного *д* на стыке приставки и корня зафиксирована лишь в единичном случае: *пон'н'ал'и*.

III. К этой группе особенностей в области согласных мы относим такие явления, которые дают изоглоссы на территории области. Некоторые из этих явлений не характерны для говоров основной территории, и изоглоссы отделяют лишь окраины области, в говорах которых эти явления распространены. Изоглоссы других диалектных явлений противопоставляют на территории области большие массивы говоров.

Рассмотрим сначала явления, характерные для окраин области.

Произношение долгих мягких согласных в соответствии с сочетаниями согласного с *ј*, не отмеченное в литературе по вятским говорам, по материалам, собранным для диалектологического атласа, имеет ограниченное распространение на северо-востоке Кировской обл. Изоглосса отсекает территорию бассейна р. Камы и прилегающее правобережье р. Вятки в верхнем течении от остальной части области. Наиболее интенсивно эта особенность проявляется в верховьях Камы — в Бисеровском и Зюздинском районах. На севере Прикамья (в Кайском р-не) и по верховьям р. Вятки (в Омутнинском р-не) эта особенность

мечается в некоторых пунктах Яранского и Малмыжского уездов (Материалы для изучения великорусских говоров. М., 1903, 1910).

отмечена в записях отдельными примерами⁹. Бóльшее распространение имеют долгие мягкие согласные на месте сочетаний с *j* согласных *л*, *н* и *т*: б'ел'л'б, ил'л'а, кбл'л'а, л'л'бм, нал'л'у, потпбл'л'о, натл'л'а, ул'л'а, фам'йл'л'а и др.; в'ен'ч'ан'н'о, воскр'ес'ен'н'б, вн'иман'н'о, гов'ен'н'о, жалован'н'е, зван'н'е, мблон'н'а, назван'н'е, обруч'ен'н'о, бс'ен'н'у, правл'ен'н'о, рам'ен'н'а, св'ин'н'а, собран'н'о, стройен'н'о, т'ерп'ен'н'е, хул'ган'н'о и др.; Авдбт'т'а, бр'ат'т'а, быт'т'б, жьт'т'б, пот кров'ат'т'у, пл'ат'т'е, тр'ет'т'а, п'ит'т'б, св'ат'т'а и др.

Отмечены также отдельные случаи ассимиляции *j* с другими согласными: Наст'ас'с'а, Офан'ас'с'ева, нбч'ч'у, п'еч'ч'у, нбц'ц'у, М'ар'р'а, сватов'в'а, с'ем'м'а.

Для основной части Кировской обл. произношение долгих мягких согласных на месте сочетания согласного с *j* не характерно, хотя в материалах отмечены единичные случаи и только на месте сочетаний *л*, *н* и *т* с последующим *j* в некоторых населенных пунктах разных районов области.

Данное явление, известное в украинском и белорусском языках, по материалам, собранным для атласа русского языка, характерно для всей собственно западной части русских говоров и более редко отмечается в говорах северо-запада и северо-востока¹⁰. Особенностью распространения долгих мягких согласных на месте сочетаний согласных с *j* на севернорусской территории является «весьма непоследовательный и разбросанный характер» и наличие некоторого «сгущения» говоров с данной особенностью лишь на некоторых территориях, например, на территории к юго-востоку от Белого Озера¹¹. Кировские говоры северо-востока вместе с прилегающими говорами Пермской обл.¹² и Удмуртской АССР¹³, по-видимому, образуют другую территорию со «сгущением» данного явления.

Произношение *ў* (*ш*) на месте *в*. В диалектологической литературе по вятским говорам наличие неслогового *ў* (губно-губного *ш*) было отмечено Д. К. Зелениным в с. Лекма Слободского уезда: д'еўка, пудбўка, з'аўтра¹⁴. В «Опыте...»

⁹ См.: В. И. Троицкий. Русские говоры Верхне-Камского края. «Уч. зап. Казанского ун-та», 1961, т. 119, кн. 5, стр. 266—267; О н ж е. О группировке говоров по Верхней Каме. «Очерки по русскому языку». Сборник статей. Киров, 1962, стр. 58—59, а также см. статью Л. Н. Макаровой в этом же сборнике, стр. 89—90.

¹⁰ См.: В. Г. Орлова. Русско-белорусские отношения. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, т. II. М., 1961, стр. 10, 11.

¹¹ Л. К. Андреева. Явления ассимиляции в новых сочетаниях согласных с *j*. «Уч. зап. Пермского ун-та», 1960, т. XVI, вып. 1, стр. 5.

¹² Там же, стр. 5.

¹³ См.: В. Н. Троицкий. Указ. соч.; Л. Н. Макарова. Указ. соч.; В. Ф. Барашков. Русский говор северной части Карсавайского района Удмуртской АССР (Автореф. канд. дисс.). М., 1958, стр. 5.

¹⁴ Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке... стр. 2.

произношение *в* в конце слога как *ў* и в начале слова как *у* отмечается как признак Вологодско-Вятской группы с оговоркой, что в Вятской губернии (кроме Слободского уезда) эта черта отсутствует¹⁵.

Новые материалы позволяют уточнить территорию распространения данного явления в говорах Кировской обл. Основной массив в Кировской обл. составляют говоры, имеющие губно-зубной согласный *в* и соответствующий ему глухой *ф*. Говоры, имеющие *ў* на месте *в*, отмечаются на двух территориях: на северо-востоке области в бассейне Верхней Вятки от впадения в нее р. Белой до устья р. Летки и в районах Прикамья; в отдельных пунктах на северо-западе области по р. Лузе (бассейн Северной Двины)¹⁶. Говоры данного типа отмечаются также в смежных говорах Вологодской и Архангельской области¹⁷.

Наибольший интерес для анализа данного явления представляет территория северо-востока. Кировские говоры северо-востока характеризуются наличием губно-зубного *в* перед гласными при *ў* (*w*) в конце слога перед согласным и на конце слова и *ў* (*w*) в начале слова перед согласным¹⁸. Степень устойчивости *ў* (*w*) в разных положениях в слове неодинаково представлена по отдельным пунктам области. Лишь в немногих пунктах отмечено последовательное произношение на месте *в*: а) *у* в начале слова, б) *ў* в середине слова перед согласными и в) *ў* на конце слова. Например, в говоре с. Афанасьево Зюздинского р-на: а) *у л'есу, у м'ешк'ё, у Глазоу, у Ч'брной Холун'ице, у С'иб'ур'е, ус'ў м'ек'ину* и др., б) *лаўка*, в) *корбў, углбў, коршуноў*. В говоре с. Полом Поломского р-на: а) *w самуйу жарў, w печ.*; б) *д'ёўка, св'екрбўка, моркбўка, сорт'ирбўка, до заўтроку, даўно, постаўлена* и др.; в) *кrow, корбwa* и др.

В большинстве населенных пунктов северо-восточной территории отмечается употребление *в/ф* в начальном положении, а *ў* (*w*) только в конце слога. Приведем в качестве примеров материалы по некоторым населенным п. В д. Гидаево Кайского р-на: а) *вдова, в бол'н'йцу, ф пбл'о, ф ту дв'ёр'*, б) *траўк'и, лаўк'и, бўч'и, праўда, даўно* и др., в) *корбў, готбў, крбў* и др.; в д. Савинцы Бисеровского р-на: а) *в'м'ес'т'е, в вод'ё, фс'о и вс'о, ф суботу*, б) *крап'йўка, в'ер'бўка* и др., в) *ч'есбў, приготбў*.

В некоторых пунктах в начальном положении передается непоследовательно *в* и *ф* перед глухим согласным: *в с'ембм, в картбшке, в с'енокбс, ф три*. (д. Назаровцы Нагорского р-на).

¹⁵ «Опыт. . .», стр. 24, § 9.

¹⁶ Например, нас. п.: Учка, Аксеновская, Малинники Лальского р-на Кировской обл.

¹⁷ См. карту распространения данного явления в статье К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой «Группировка говоров русского языка» (ВЯ, 1963, № 6, стр. 29).

¹⁸ В записях экспедиций этот звук передается посредством *ў, w*, а иногда *в* перед глухими согласными и на конце слов.

Следует отметить, что в говорах Кайского края нередко наблюдается опущение предлога *в* и начального *в*: *пошбѣ пбл'е*; *идѣ шкбѣ*; *колбѣе рабѣтаѣ*; *п'ер'ѣт н'е забываѣ*; *м'ис'т'е уйхала* ¹⁹.

Непоследовательность произношения *ѣ* и *в/ѣ* отмечается иногда и в конце слога. В с. Лекма Шестаковского р-на в наших магнитофонных записях в речи одного представителя говора были отмечены следующие примеры: а) *фход'йл'и*, *в гбс'т'и*, *в л'есѣ*, *ѣ ком'муну*, *ѣ срѣбот*, *фкѣсной*, *фс'акайа*, *ѣ ст'аро вр'ем'а*, но *всн'ек*; б) *кошбѣжа*, *ч'едбѣжа*, *пудбѣжа*, *соѣс'ем*, но *софс'ем*; в) *плѣтбѣ*, *годбѣ*, *кулакбѣ*, *р'апч'икоѣ* и *р'апч'икоф*, *охбтн'икоф*, *трудбѣ*, *корѣф*, *к'илом'етроф* и др.

В описываемых говорах северо-востока, имеющих *ѣ* вместо *в*, отмечены также отклонения в произношении согласного *ф*: замена его посредством *х* (перед согласным) и *хв* (перед гласным). Однако в записях не было отмечено ни одного пункта, где бы фонема *ф* совсем не была известна. В материалах обычно указывается наличие фонемы *ф* в говоре, но приводятся примеры с отклонением от нормы в отдельных словах: *кѣхта*, *хрѣнт*, *хронтов'ик*, *хунт*, *хур'ашка*, *хуф'айка*; *саракх'ан*, *хв'ам'йл'ийа*, *хв'артук*, *хвон'ар'*, *хв'орма*, *шохв'ѣр*, но *т'ел'ехвѣну*, *охв'иц'ер*, *хв'икус*.

В собственных именах: *Ахр'емовна*, *Лех'имовна*, *Хв'ѣдор*, *Х'ил'ип*.

Иногда встречается обратное употребление *ф* вместо *х*, *хв*: *горѣф'ел'н'ик* (суп из гороха), *колфѣс*, *кѣфна*, *фат'ат'*, *фѣйной*, *фом'ак*; *фор'ат'*, *фѣрос*, *фос*, *фул'иг'ан*, *фѣтор* и другие.

На территории с говорами, имеющими губно-зубное *в/ѣ*, встречаются лишь редкие примеры употребления *ф* вместо *хв* и *х*, главным образом в словах *кѣфня*, *фѣтор*, *фом'ак*. Мена *ф*, *хв*, *х* не отмечена и на северо-западе Кировской обл. в тех единичных нас. п. п., в которых наблюдается *ѣ* (*в*) вместо *в*.

Употребление *л* и *ѣ* (*в*) в соответствии с *л*. В литературе по вятским говорам краткое упоминание о произношении *ѣ* вместо *л* имеется лишь в работах Д. К. Зеленина, который указывает на наличие этой особенности в некоторых пунктах Котельнического и Орловского уездов ²⁰. По материалам, собранным для атласа русского языка, для большинства говоров Кировской обл. характерно употребление *л* твердого и *л'* мягкого, совпадающее с нормами литературного языка. Лишь на территориях северо-запада и северо-востока отмечены говоры, имеющие в соответствии с *л* твердым литературного языка *л* (*л* «среднее») и чередующееся с ним *ѣ* (*в*).

В северо-западной части области такие говоры наблюдаются на двух территориях: 1) в крайнем северо-западном углу по тече-

¹⁹ См. многочисленные примеры: Л. Н. Макарова и В. Н. Троицк и й. Указ. соч.

²⁰ См.: Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. . . , стр. 385.

нию рек Лузы и Лалы, входящих в бассейн Северной Двины; 2) по верхнему и среднему течению Моломы с ее притоками Волмангой и Шубрюком, а также в отдельных пунктах по р. Югу и Ветлуге.

Говоры этой территории неоднотипны, и можно отметить три типа произношения *л* в разных позициях.

1-й тип. Произношение *l* перед гласными непяреднего ряда *а, о, у, ы* и *ѳ* (*у*) в конце слога перед гласным и на конце слова. Приведем примеры: *ход'іла, ла́пка, бывало, разоболока́йс'а, к столу́, жолу́док, столы́; избо́рка, во́рк, јо́рку, подј́е́хав* (д. Напоулово, Лальского р-на). Этот тип более последовательно выражен в говорах Лальского р-на, хотя отмечается и в других районах, в частности в западной части Мурашинского р-на²¹.

2-й тип. Произношение *l* в соответствии с *л* твердым в положении перед гласными непяреднего ряда, а также и перед согласными отмечено в некоторых пунктах западной части Опаринского района: *кобы́ла, бы́ла, пош́ла, боло́то, колхо́с, мо́лн'ийа, столн*²². Употребляется *l* также непоследовательно.

3-й тип. Произношение *ѳ* перед согласными и на конце слов при наличии *л* перед гласными непяреднего ряда: *ѳ коу́хоб'е, воу́к'и, тоу́кѳом, жон'іѳ, быѳ, проп́аѳ* и др., но на лоша́д'ах, бы́ло, тулу́п, клобо́ч'от и др. (д. Коротаевщина Мурашинского р-на); *н'е стаѳ, быѳ, м'еу́ко, но орожа́ла, ма́ло, се'бо́клу* и др. (д. Шипулята Даровского р-на).

В большинстве пунктов на данной территории отмечается непоследовательность в употреблении *l* и *ѳ*. На основании опубликованных работ²³ видно, что по характеру произношения *л* говоры северо-запада Кировской обл. связаны с говорами смежных территорий Архангельской, Вологодской и Костромской областей.

На северо-востоке области распространена лишь третья разновидность. Для данной территории характерно распространение этого явления небольшими островками в Прикамье: на севере

²¹ С. А. О л е н и н а. Характерные особенности говоров Мурашинского района Кировской области. Хабаровск, 1958, стр. 2.

²² См.: И. Д. С а м о й л о в а. О фонетических особенностях говора Опаринского района Кировской области. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1959, вып. IX, стр. 313.

²³ См.: Т. С. К и с л и ц и н а. Описание говора д. Выставки Котлас, д. Тупачеловской, д. Антоново и Котласской слободы Котласского района Северо-Двинской губ. «Труды Вятского пед. ин-та», 1928, т. III, вып. 2, стр. 71; Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Говоры Верхнего Поволжья. Н.-Новгород, 1931; В. П. М а н с и к к а. Заметки о говоре Никольского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 204—210; В. Г. О р л о в а. О говоре с. Пермас Никольского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, 1944, стр. 50; В. И. Ч а г и ш е в а. Итоги работы диалектологических экспедиций кафедры русского языка в Вологодской области (1950, 1954—1956 гг.). «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1958, т. 173, стр. 286—287.

Кайского р-на; на севере Бисеровского р-на; по верхней Вятке: в южной части Омутнинского р-на и в ряде пунктов между с. Полом и с. Шестаковым. На этой территории говоры с *ѣ* в соответствии с *л* вкрапливаются в основной массив с говорами с *л* твердым. В ряде пунктов зафиксировано непоследовательное употребление *л* и *ѣ*: *быѣ* и *был*, *воѣк* и *волк* (т. Толкуново Кайского р-на). Произношение *л* нехарактерно для данной территории и отмечено в некоторых пунктах лишь в речи отдельных представителей.

Переходим к рассмотрению особенностей, характерных для больших массивов говоров в пределах Кировской обл.

Смягчение заднеязычных согласных после мягких согласных и *ј*. Вопрос о смягчении заднеязычных согласных в говорах Вятской губернии исследован в специальной монографии Д. К. Зеленина²⁴, в которой рассматривается данное явление и в других говорах русского языка и дана общая карта распространения мягкого *к*. Составители диалектологической карты в числе особенностей Вологодско-Вятской группы севернорусского наречия указывают смягчение *к* и *г* после мягких согласных и *ј* и отмечают, что эта особенность говоров Вятской губернии наблюдается только в южной ее части²⁵.

Материалы, собранные для атласа, уточняют территорию распространения говоров с мягкими заднеязычными согласными в Кировской обл.

Мягкое *к* на территории Кировской обл. характерно для большого массива говоров в западной и южной части области. Изоглосса этого явления проходит на севере через Опаринский р-н, отделяет северо-западный выступ области с говорами без мягкого *к* и идет по направлению с северо-запада на юго-восток от с. Опарино через центр области до южной границы Порезского р-на, разделяя область на две части: западную и южную с говорами, имеющими мягкое *к*, и северную и восточную с говорами, для которых это явление нехарактерно. В южной части области наблюдаются, однако, отдельные местности, где мягкое *к* отсутствует (в Корляковском, Санчурском и Малмыжском районах). С другой стороны, на территории северо-востока наблюдаются отдельные островки говоров с мягким *к* в Кайском р-не, в Омутнинском, а также в отдельных пунктах других районов. Степень употребительности мягкого *к* на разных территориях неодинакова. Наряду с говорами, где сравнительно последовательно употребляется *к'*, отмечаются говоры, в которых *к'* употребляется наравне с твердым *к* в той же позиции или где *к'* встречается спорадически.

При сравнении территории распространения *к'* в современных говорах с данными Д. К. Зеленина можно отметить некоторые расхождения, которые могут объясняться или недостаточной пол-

²⁴ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. . .

²⁵ «Опыт. . .», стр. 24, § 11.

нотой материалов Д. К. Зеленина или изменениями, происшедшими за 50 лет. Не вдаваясь в подробности, укажу важнейшие из них: 1) территория с говорами, имеющими *к'*, в настоящее время распространяется южнее г. Малмыжа, тогда как у Д. К. Зеленина южная граница *к'* проходит севернее г. Малмыжа; 2) *к'* отмечается в древнейших селах Юрьево, Гостево, Молотниково Котельничского р-на и с. Окажьево Даровского р-на, в которых, по сведениям Д. К. Зеленина, эта особенность отсутствовала; на восточной части территории *к'* не наблюдается в районе с. Белой Холуницы Белохолуницкого р-на и почти утрачено в поселке Залазна Омутнинского р-на ²⁶, где отмечалась эта особенность Д. К. Зелениным.

Смягчение *к* происходит под влиянием предшествующего мягкого согласного независимо от качества последующего гласного. Более часто в материалах отмечается *к'* после сонорных согласных *л'*, *н'*, *р'*, *ј*, а также после *т'* (из *т'* и *д'*) и *с'*. Смягчение после аффрикаты *ч'* и ее замены *ц'* (в цокающих говорах) и *ш'* (в говорах с утратой затвора у аффрикат) имеет меньшее распространение. Крайне редко, даже в говорах с мягкими шипящими, наблюдается смягчение после *ш'*.

Приведем некоторые примеры на употребление *к'* в разных позициях: *Л'бл'к'а*, с *В'ал'к'ой*, с *угол'к'а*, *вал'к'ом*, *тобл'к'о*, *скбл'к'о*, *Д'ан'к'а*, *м'амон'к'а*, *К'блен'к'а*, *н'ан'к'у*, *р'эд'ен'к'ой*, *сыр'ен'к'о*; с *В'ар'к'ой*, *Б'ор'к'а*, *г'бр'к'о*; *Р'айк'а*, *коп'ейк'а*, *ч'айк'у*, *скам'ейк'ой*; *П'эт'к'а*, *р'эт'к'у*; *Н'ас'к'а*, за *Б'ийс'ком*, *Кур'ин'с'к'а*, *К'отлас'к'у*; *вн'уч'к'а*, на *боч'к'у*, *кр'уноч'к'а*, *кор'бощ'к'у*, *п'уговоц'к'а*, *пеш'ец'к'ом*; *д'евош'к'а*, *молош'к'ом*, *руб'аш'к'а*, *л'бш'к'а*.

Обилие примеров с *к'*, встречающихся во многих пунктах, объясняется тем, что *к'* употребляется в продуктивных суффиксах *-к-* (из *-ьк-*), *-оньк-(-еньк-)*, *-очк-(-ечк-)*, *-ск-(-еск-)*, которые постоянно употребляются в живой речи. Особенно часто употребляется *к'* в собственных именах.

Мягкое *г* встречается в тех же говорах, что и мягкое *к*, но имеет менее широкое распространение и представлено в ограниченной лексике после сонорных согласных: *Ол'г'а*, *коч'ер'г'а* (*коц'ер'г'а*), з *д'ен'г'ам'и*, *ш'ан'г'а*. Мягкое *х* отмечается очень редко (в 13 п.) в наречных образованиях с корнем *в'ер'х*: *кв'ер'х'у*, *с'в'ер'х'у*, *в'ер'х'ом*.

Произношение мягких и твердых шипящих. Говоры Кировской обл. неоднотипны в зависимости от мягкости или твердости произношения шипящих *ш* и *ж* и длинных шипящих. Обзор литературы по данному вопросу, а также исследование о мягких шипящих *ш* и *ж* в говорах Кировской обл.

²⁶ Б. В. Попов. Тульский говор на территории Кировской области. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1954, стр. 10.

опубликованы нами в специальной статье ²⁷, в которой на основании картографирования материалов устанавливается значительная территория в западной и центральной части области с говорами, имеющими мягкие шипящие *ш* и *ж*, и намечаются основные типы произношения шипящих в разных позициях.

Произношение долгих шипящих. Особенности произношения долгих шипящих, именно твердость их, отмечалась уже в ранних работах, начиная с середины XIX в. Составители диалектологической карты русского языка включают в число признаков большей части говоров Вологодско-Вятской группы севернорусского наречия твердые долгие шипящие, причем отмечают, что такое произношение наблюдается почти по всем уездам Вятской губернии ²⁸. Такой вывод о широком распространении твердых долгих шипящих в говорах объясняется, однако, плохим качеством многих записей, сделанных без учета произношения шипящих в разных позициях, и отражением примеров только с диалектным произношением долгих шипящих.

Новые материалы, в которых приводится значительное число примеров с учетом произношения долгих шипящих в разных положениях, дают возможность установить в говорах Кировской области 2 основных типа произношения долгих шипящих: 1) твердые долгие шипящие во всех случаях, 2) мягкие долгие шипящие в тех или других позициях ²⁹.

Говоры с твердыми долгими шипящими действительно занимают огромную территорию и составляют сплошной массив в северо-западной, северо-восточной, восточной и южной частях области. Но в центре области и в западной ее части наблюдается другой массив говоров с мягкими долгими шипящими в определенных позициях. В юго-западной части области такие мягкие шипящие проникают дальше на юг, чем в юго-восточной части.

При сравнении изоглоссы мягких долгих шипящих с изоглоссой мягких шипящих *ш* и *ж* видно, что распространение говоров, имеющих мягкие долгие шипящие, в основном наблюдается на той же территории, что и говоры с мягкими шипящими *ш* и *ж*. Некоторые расхождения наблюдаются только на окраинах территории юга и севера, где отмечаются говоры, имеющие мягкие шипящие *ш* и *ж* и твердые долгие шипящие. Мягкие долгие шипящие отмечаются также в отдельных пунктах на территории основ-

²⁷ Е. П. Лупова. О мягких шипящих в говорах Кировской области (с приложением карты распространения мягких и твердых шипящих *ш* и *ж*). «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1956, т. XV, вып. 4, стр. 189—225.

²⁸ «Опыт...», стр. 24, § 8, стр. 89.

²⁹ Рассматриваются примеры произношения долгих шипящих только в корнях слов и в суффиксах и не принимаются во внимание долгие шипящие на стыке приставки и корня, которые и в литературном языке произносятся твердо. Ср.: Р. И. Аванесов. О долгих шипящих в русском языке. «Доклады и сообщения филол. фак. МГУ», вып. 6, 1948, стр. 24.

ного массива говоров с твердыми шипящими (здесь мягкость их, вероятно, является результатом влияния литературного языка).

Остановимся на характеристике основных типов произношения долгих шипящих.

1-й тип. Твердость долгих шипящих наблюдается перед всеми гласными и на конце слов: *йг'р'ишиша, дблгушиша, св'йишиот, рж'йишио, ишиўка, рбишу, йишут, расп'йишены, поч'аише, йаишиык, лошиўна, овоишы, л'оишыў; пойежж'ай, дожж'а, п'ер'ед дожж'бм, йежж'у, г дожж'ў, дожж'ей, в'ижж'йт, дрбжж'и*. Иногда отмечается утрата долготы у шипящего при сохранении его твердости: *дош, х'йишой, вооп'иё*.

Во многих пунктах твердость долгих шипящих характеризует речь широких кругов населения, такое произношение можно услышать и по областному радио в репортажах с мест.

2-й тип характеризуется наличием мягких долгих шипящих. Он имеет две основных разновидности в зависимости от того, в какой позиции наблюдается мягкое произношение долгих шипящих.

а) Мягкие долгие шипящие во всех позициях наблюдаются в немногих пунктах Свечинского, Котельнического, Верхошижемского и Оричевского районов. Приведем примеры из записей в двух пунктах Свечинского района: *полб'тн'иш'и'а, страш'и'а'л'и, пуш'и'ў, им'ўш'и'ество, йемиш'и'йк, йежж'у, дожж'а, зав'ижж'ел'и, дрбжж'и* (д. Дыричи, Свечинского р-на), *иш'и'ў, гумн'иш'и'о, иш'и'б, холиш'и'ва, ж'ён'иш'ина, на дрозжж'ах, йежж'у, дожж'бм, дбжж'и'к, дош', но вожж'ам* (д. Ковали и Зайцы Свечинского р-на).

б) Мягкие долгие шипящие перед гласными переднего ряда и твердые перед гласными непереднего ряда. Говоры с позиционной мягкостью долгих шипящих имеют более широкое распространение. Приведем материалы по говорам Кировского р-на на основании записей в 7 пунктах этого района:

перед а: *об'ешиа'л'а, пушиа'л, в'ер'ешиа'т, с кла'дб'ишиа, мурав'ишиа, йг'р'ишиа, дожж'а, пр'иежж'а'л, вожж'ам*;

перед о: *пошшол'ў'ат'и, н'йишой, густ'ўишой, холошшб'ной, отп'ишшон, дошшб'ч'ок, шшб'ка'ли, рж'ишш, косов'ишш, йешиб, бовишш-хран'и'лишш, п'ешиб'рка, дожж'бм, пр'ийежж'ой, дбжж'от*;

перед у: *иш'ўка, полб'ишшут, тов'ар'ишшу, йишшут, ф н'ишшу, г дожж'ў*;

перед е: *овош'и'ей, изв'еш'и'ен'йо, в'еш'и'евб'й, опш'и'е-ств'енны, суш'и'ествова'л'и, п'ўш'и'е, слаш'и'е, л'ош'и'ей, дожж'ей*;

перед и: *д'ен'иш'и'ина, в'яташ'и'ил'и, толст'ўиш'и, йаиш'и'к, пом'еш'и'и'к, разнб'иш'и'к, дбжж'и'к, дрбжж'и, в'ижж'йт, йежж'ивал'и, пр'ийежж'и*.

В записях по некоторым пунктам отражено непоследовательное произношение твердых и мягких долгих шипящих перед гласными переднего ряда: *угош'ш'а́л'и* и *спушишайут*, *холод'йшиш*, *шиблок*, *дож'ж'а́*, *йёжжу* (д. Кая Верхошижемского р-на); *утошишт*, *заш'ш'иш'ш'а́л'и*, *шиш'ка*, *не пуш'ш'й*, *кошйов'йш'ш'о*, *потход'ашиш*; *проежжэл*, *йёжжу* (с. Юрьево Котельничского р-на). Перед гласным переднего ряда мягкость долгих шипящих в этих пунктах последовательна.

На территориях, пограничных с говорами, имеющими только твердые долгие шипящие, отмечаются разные переходные говоры: а) с последовательной мягкостью долгих шипящих и перед гласными переднего ряда (д. Коктыш Арбайского р-на), б) с последовательной мягкостью только перед гласным *и* (д. Вороны Вожгальского р-на) и в) с полумягкими долгими шипящими (с. Окатьево, д. Поманёны Даровского р-на) ³⁰.

В отдельных пунктах области, преимущественно в западной части ее, отмечается произношение *ш'ч'*: *ш'ч'й'ка*, *ш'ч'и*, *пуш'ч'у*.

Аффрикаты *ц* и *ч*. Наиболее сложную картину представляют Кировские говоры в отношении произношения аффрикат *ц* и *ч*. На особенности употребления аффрикат в вятских говорах обращают внимание как местные краеведы первой половины XIX в. ³¹, так и специалисты-диалектологи М. А. Колосов ³², Е. Ф. Будде ³³ и Д. К. Зеленин. Итоги дореволюционного периода изучения вятских говоров отражены в сочинениях Д. К. Зеленина ³⁴.

Большое значение для изучения типов употребления аффрикат в русских народных говорах имеют исследования В. Г. Орловой ³⁵.

В настоящей статье за ограниченностью ее размера будут рассмотрены лишь основные типы употребления аффрикат в Кировских говорах на основании материалов, собранных в связи с составлением диалектологического атласа русского языка.

Можно установить три основных типа произношения аффрикат: 1) различие аффрикат *ц* и *ч*, 2) утрата затвора аффрикатами *ц* и *ч* и 3) неразличие аффрикат *ц* и *ч*.

Различие аффрикат *ц* и *ч* отмечается лишь в 60 пунктах на двух участках южной территории: в юго-восточной части — пре-

³⁰ Аналогичные варианты и промежуточные типы нами были отмечены и при описании произношения шипящих *ш* и *ж*. См.: Е. П. Липпова. Указ. соч., стр. 215—249.

³¹ Русские крестьяне Вятской губернии. «Вятские губ. ведомости», 1838, Приложение № 7; Об особенностях наречия, в Вятской губернии употребляемого. — Там же, 1845, Приложение № 5.

³² М. А. Колосов. Заметки о языке. . . , стр. 70.

³³ Е. Ф. Будде. Краткий отчет о командировке в Вятскую губернию. «Уч. зап. Казанского ун-та», 1896, кн. 10, стр. 10.

³⁴ См.: Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. . . , стр. 7—9; Он же. Великорусские говоры. . . , стр. 374.

³⁵ В. Г. Орлова. Типы употребления аффрикат в русских народных говорах. — ВЯ, 1957, № 1; Она же. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

имущественно по левобережью р. Вятки после впадения в нее р. Вои; в юго-западной части — южнее р. Пижмы и до р. Немды на востоке.

На этих территориях говоры с различием аффрикат не составляют сплошного массива: в отдельных пунктах разных районов и по новым записям отмечаются говоры с элементами цоканья. По некоторым пунктам отмечаются и случаи употребления *с* вместо *ц*. Если принять во внимание, что по старым записям в Яранском и Малмыжском уездах³⁶ отмечались отклонения от нормы в употреблении аффрикат, станет очевидным, что данная территория, за исключением отдельных пунктов, вряд ли может быть отнесена к типу говоров, исконно различающих аффрикаты.

Отдельные пункты с различием аффрикат отмечаются и на других территориях.

Утрата затвора у аффрикат распространена в говорах на небольшой территории в южной части области к югу от р. Вятки ниже г. Советска, преимущественно по правобережью, а также на окраине юго-востока (в Малмыжском и Вятско-Полянском районах). На северо-востоке такой тип зафиксирован в с. Залазно Омутнинского р-на³⁷.

Говоры с утратой затвора у аффрикат на территории Кировской области неоднородны и могут быть разбиты на три группы в зависимости от того, имеется ли утрата затвора у обеих аффрикат (*ч' > ш'; ц > с*) или одной из них.

1. Утрата затвора аффрикатами *ч'* и *ц* и произношение *ш'* вместо *ч'* и *с* вместо *ц* отмечена в самом южном районе (Вятско-Полянском), а также в отдельных пунктах других районов. Ввиду однотипности материалов приведем примеры из одного населенного пункта: *ш'асто*, *ш'ай*, *полуш'йл*, *ш'исто*, *мош'й*, *ш'угун*, *пл'еш'б*, *п'аташ'бк*, *дош'*, *ббш'ка*; *йл'иса*, *кйр'иса*, *офса*, *йайсб*, *сэлый*, *от'ес*, *кон'ес* (с. Кулыги).

Аналогичный тип отмечен в с. Залазна Омутнинского р-на, куда крестьяне были переведены помещиком из Тульской обл.

2. Утрата затвора аффрикатой *ч'* при сохранении его аффрикатой *ц* отмечена в отдельных пунктах Буйского и Шурминского районов: *ш'асто*, *ш'исто*, *ш'евб*, *ш'ай*, *пл'еш'б*, *нош'*, *дош'*, *ббш'к'а* и др.; *цыпл'бнок*, *йл'ица*, *кон'ец*, *кйр'ица* и др. (д. Шишкино Шурлинского р-на и д. Посенур Буйского р-на).

3. Утрата затвора аффрикатой *ц* при сохранении его аффрикатой *ч'* отмечена преимущественно в говорах Уржумского р-на³⁸:

³⁶ Д. К. Зеленин. Отчет о поездке летом 1901 г. в Яранский уезд Вятской губ. «Уч. зап. Юрьевского ун-та», 1902, вып. 3; О н же. Великорусские говоры. . ., стр. 104—112, 417—420; см. также: «Материалы для изучения великорусских говоров». М., 1923.

³⁷ Б. В. Попов. Указ. соч., стр. 9.

³⁸ Ф. Д. Первозчикова. Морфологический очерк говора северной части Уржумского района Кировской обл. (Автореф. канд. дисс.). М.—Л., 1952.

ч'асто, ч'ай, получ'ил, доч' и др.; ободвѣр'уса, кѹр'уса, от'ѣс, ѹл'уса и др. В некоторых пунктах отмечено непоследовательное употребление с и ц: ѹл'ица и ѹл'уса, офцѣ и офсѣ и др. (с. Люпьял Уржумского р-на).

В северной части территории с говорами, имеющими утрату затвора у аффрикат, в Лебяжском и Нолинском районах намечаются переходные говоры с непоследовательной утратой затвора у аффрикат и с элементами цоканья: а) ш'евѣ, кр'иш'ит, ц'о, ц'ѣрной, нѣнче, чет'ѣре; б) пт'уса, одвѣр'уса, от'ѣс, зѣйцы, пт'ицы, м'ѣл'н'ица, в'и'чи.

Говоры с неразличением аффрикат занимают основную территорию Кировской обл. Говоры эти не однородны. При учете соотношения употребления обеих аффрикат можно выделить группу говоров, имеющих одну аффрикату, так как в них аффрикаты ц и ч совпадают в одном звуке ц', ч' или шепелявом ц'', и говоры, имеющие две аффрикаты, но с преобладающим употреблением одной из них или со смешением их.

Первая группа говоров отмечена на территории Кировской обл. в относительно небольшом количестве пунктов и представлена тремя вариантами говоров: говорами с одной аффрикатой ц' в соответствии с ц и ч' (говоры с мягким цоканьем); говорами с одной аффрикатой ч' (чокающие говоры) и говорами с шепелявым ц'', в соответствии с аффрикатами ц и ч'.

Для характеристики говоров с мягким цоканьем, распространенных на востоке территории, а также в отдельных пунктах на западе, приведем материалы по Унинскому р-ну, в котором этот тип употребляется наиболее последовательно. Записи произведены в с. Унях посредством магнитофона и показывают последовательное употребление ц' на месте ч' и ц: а) вѣм'ец'ом, в'ѣч'ером, фц'ерѣс', вѣскоц'ила, вѣтопц'у, дѣци, дѣц'ка, корц'ѣг'и, кѣн'ц'у, корѣвѣц'ик, мѣст'иц'ок, нѣн'ц'е, н'иц'ѣб, нѣц'ел'и, п'ец', про-уц'ѣлс'а, сѣмоц'ка, т'ѣхн'иц'ка, ц'ѣт'ѣре, ц'итѣет, ц'улк'и, ц'ѣмѣдѣнц'ик, хоц'ѹ, йѣбоц'ка и др.; б) горѣховиц'а, ѹмн'иц'у, на ѹл'иц'у, до конц'ѣ, ц'елѣвѣл'и, ц'ай, полот'ѣн'ц'о, ц'ѣрка, п'ер'ѣвѣр'иц'а, сѣпл'уц'а и др.

Только в двух случаях в этих записях мы отметили звук, приближающийся к ч': бѣч'ка и ч'ош.

Говоры с одной аффрикатой ч (с чистым чоканьем) также не имеют широкого распространения, они отмечены преимущественно в западной части области и в отдельных пунктах в центре и на востоке области. Например: дѣч'и, стар'и'ѣк, стр'ѣч'у, мнѣч'к'и, за п'ѣч'кой, ч'ѣлов'ѣка, бѣч'ер'ет', с'ѣч'ѣс и др.; м'ѣс'ѣч', от'ѣч', добровѣл'ч'ом, гѣѣб'ѣч', с'ѣрч'о, н'ѣмч'и, гост'ѣн'ѣч', офч'ѣ, под л'ѣсн'и'ч'ой, колѣзн'и'ч'а, в'ѣч'а, опушѣйц'и'ч'а, пр'ѣхѣд'и'ч'а и др. (д. Шипулята Даровского р-на). Аналогичный материал в д. Чижи Макаровского р-на: ч'ѣпухѣ, уч'ѣна, хоч'ѹ, ов'ѣч'к'и и др.;

на *џл'ич'е*, *м'эл'н'ич'а*, *с'ес'тр'эн'ич'и*, на *кос'ич'ах*, *ч'ипл'ата*, *жм'утч'а* и др.

Говоры с одной аффрикатой *џ''* (средний звук между *џ'* и *ч'*) отмечены в отдельных пунктах разных территорий области. Например: *џ''асто*, *џ''ай*, *полуџ''ыл*, *џ''удо*, *џ''уг'ун*, *пл'ец''о*, *џ''евб*, *ноџ''*, *дбџ''и*, *ббџ''к'и*; *џл'иџ''а*, *к'ур'иџ''а*, *йайџ''ко*, *џ''э-лой*, *конџ''й*, *от'эџ''*, *џ''эркоф* и др. (с. Верховойское Богородского р-на); *хотоџ''от*, *хбџ''ош*, *подл'е р'иџ''к'и*, *дбџ''ер'е*, *уџ''й-тел'*; на *џл'иџ''е*, *џ''élo*, *куз'н'эџ''*, *от'эџ''* и др. (с. Учка Лальского р-на).

Гораздо более широкое распространение имеют говоры второго типа, в которых отмечается употребление обеих аффрикат, но не в одинаковой степени — говоры с преобладающим цоканьем и говоры с преобладающим чоканьем.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу дать исчерпывающую характеристику всех вариантов употребления аффрикат *џ* и *ч* в говорах Кировской обл. Но если принять деление на цокающие и чокающие говоры и относить к каждой из этих групп не только говоры, имеющие одну аффрикату *ч'* или *џ*, но и говоры с преобладающим чоканьем или цоканьем, то можно схематично указать распространение чокающих и цокающих говоров на данной территории.

Чокающие говоры отмечаются главным образом на западе по правобережью р. Вятки от впадения в нее р. Быстрицы и до впадения р. Пижмы. На севере эти говоры доходят до границ с Коми АССР, а на западе до границ с Костромской обл. Кроме того, чокающие говоры отмечаются на северо-востоке области в некоторых пунктах Нагорского и Поломского районов, а также в некоторых других пунктах Прикамья.

Цокающие говоры распространены в восточной и центральной части области на юг от р. Чепцы по Вятке до впадения в нее р. Быстрицы, на севере области, северо-западе области, а также в отдельных пунктах на западе.

Четкие границы между цокающими и чокающими говорами установить нельзя, так как между ними обычно наблюдаются переходные говоры. Появление шепелявого *џ''* на стыке цокающих и чокающих говоров в бассейне р. Великой отмечает В. В. Симонов в Верховинском р-не³⁹. Такие же переходные говоры приходилось нам наблюдать на западе Черновского р-на по р. Ветлуге, где в соответствии с аффрикатой *ч* отмечалось употребление *ч'*, *џ''* и *џ'*, а в соответствии с аффрикатой *џ* — *џ'*, *џ''*, иногда *ч'*. Смешанные говоры отмечаются на северо-востоке области в Поломском, Белохолуницком и Зюздинском районах. В центре области между р. Вяткой (от впадения в нее р. Быстрицы

³⁹ В. В. С и м о н о в. Очерк морфологической системы говора Верховинского района Кировской области. (Автореф. канд. дисс.). Казань, 1956, стр. 6.

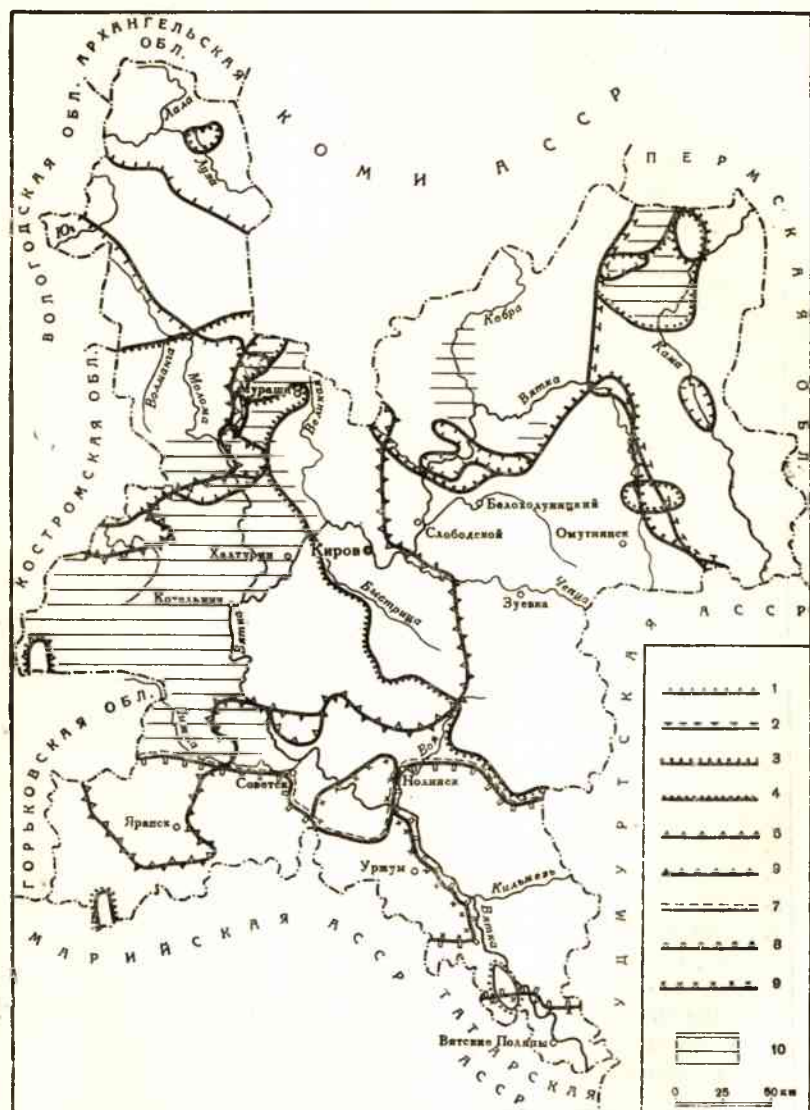
до устья р. Лудяны) и между р. Ивкина и Лудяна на востоке, по материалам экспедиции, наблюдаются разные типы переходных говоров (с слабо выраженным цоканьем и чоканьем) к говорам с различием аффрикат *ц* и *ч*'.

Описание отдельных типов говоров с преобладающим цоканьем и чоканьем, а также переходных говоров не входит в задачу данной статьи. Следует подчеркнуть, что диалектные типы произношения аффрикат в современных кировских говорах характеризуют в основном только архаический слой говора, и на всей территории наряду с этим в речи населения, особенно в речи молодежи, наблюдается правильное употребление аффрикат с редкими отступлениями от нормы литературного языка.

Распространение диалектных особенностей в области согласных на территории Кировской обл. показывает неоднородность кировских говоров. Классификация говоров в связи с историей края может быть произведена при учете распространения и других диалектных особенностей (в области произношения гласных, морфологии, синтаксиса и лексики). Но и на основании распространения диалектных особенностей в области согласных можно отделить от основной территории ее окраины: 1) на северо-западе (Лальский, Подосиновский и Опаринский районы), 2) на северо-востоке (районы Прикамья), 3) южную часть области — территории, которые не входили в состав Вятской земли XV—XVI вв.⁴⁰ Прикамские районы, входившие в состав Пермской земли, были присоединены к Вятской провинции лишь в 1718 г. Южная часть области, которая начала заселяться с XVI в., слилась с основной территорией также лишь в XVIII в. (в 1729 г. обе территории вошли в состав Казанской губернии, а в 1780 г. слившиеся части были выделены в особую Вятскую губернию). Что же касается северо-западного клина Кировской обл., то эта территория была присоединена к Кировской обл. лишь по последнему районированию после Отечественной войны. Ряд особенностей в области согласных (*л* и *љ* в соответствии с *л*, *ђ* вместо *в*, двойные согласные на месте сочетания согласных с *ј*, утрата затвора у аффрикат) отмечается преимущественно на окраинах области.

Но и говоры основной территории, входившие в состав Вятской земли, как показывают наши материалы, не являются однородными по ряду особенностей: по характеру произношения аффрикат, шипящих, заднеязычных согласных после мягких согласных и *ј*, а также по степени распространения таких явлений, как ассимиляция *бм*, *дн*, мягкости *с* в суффиксе *ск*. Наиболее резко противопоставленными оказываются территория запада (за р. Вяткой от впадения в нее р. Быстрицы до устья р. Пижмы) и территория востока (к югу от р. Чепцы до впадения в нее р. Филипповки).

⁴⁰ П. Н. Луппов. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930, стр. 7—10.

Условные обозначения:

1 — $\bar{y}$, (w) на месте $\bar{a}$; 2 — двойные мягкие согласные на месте сочетаний согласного с $\bar{f}$; 3 — $\bar{y}$, (w) на месте $\bar{e}$; 4 — κ' после смягченных согласных и j ; 5 — $\bar{u}'$, $\bar{ж}'$; 6 — долгие шипящие твердые; 7 — неразличение аффрикат; 8 — различение аффрикат; 9 — утрата затвора аффрикатами; 10 — территория говоров с преобладающим $\bar{ч}$ каньем

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
1	д. Машезеро	Карельская АССР	Прионежский
2	с. Деревянное	»	»
3	д. Педасельга	»	»
5	д. Нижняя	»	»
6	д. Пустошь	Ленинградская обл.	Подпорожский
7	д. Посад	»	»
9	д. Щелейки	»	»
10	д. Красный Бор	»	»
11	д. Корчанино	Карельская АССР	Пудожский
19	д. Глубокое	»	»
25	д. Ерчино	Вологодская	Ковжинский
36	д. Вадъезерская	Архангельская	Няндомский
40	д. Поржало (Климов- ская)	»	Каргопольский
41	д. Дор	»	Коношский
43	д. Борисовская	»	»
46	д. Хмелевик	Ленинградская	Пашский
48	д. Кивуя	»	Новоладожский
51	д. Шамокша	»	Лодейнополюский
65	д. Плотино	»	Подпорожский
77	д. Кишин Конец	»	Капшинский
79	д. Шустручей	»	Подпорожский
80	д. Бараны	»	»
81	д. Верховье	Вологодская	Оштинский
82	д. Васюковская	»	»
83	д. Курваши	»	»
84	д. Павловская	»	»
85	д. Тарасово	»	Борисово-Судский
87	д. Десятины	»	Вытегорский
90	д. Дундуково	»	»
91	д. Хомутово	»	Ковжинский
92	д. Кайно (на карте Куз- нецовская)	»	Вытегорский
93	д. Семеновская	»	»
94	д. Ивачево	»	»
95	д. Сяргозеро	»	»
100	д. Старина	»	Борисово-Судский
101	д. Межерье	»	»
102	д. Васютино	»	Шольский
104	д. Шарاپово	»	Борисово-Судский
107	д. Окштама	»	Ковжинский
110	д. Конецкая	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
112	д. Пороги	Вологодская	Ковжинский
113	д. Мосеево	»	Вашкинский
116	д. Малеево	»	»
118	д. Муньга	»	»
122	д. Трофимово	»	Белозерский
123	д. Кречетово	»	Чарозерский
125	д. Ортино	»	Ковжинский
128	д. Холы	»	»
130	д. Малеево	»	Вашкинский
131	д. Бархотово	»	Чарозерский
132	д. Тимошино	»	Кирилловский
133	с. Нестерово	»	Вашкинский
135	д. Веселое	»	»
136	д. Ракула	»	Чарозерский
138	д. Киселево	»	»
139	д. Чистый Дор	»	Кирилловский
140	д. Коварзино	»	»
142	д. Перегородино	»	»
143	д. Порядинская	Архангельская	Коношский
144	д. Красково	»	»
149	д. Сурковская	Вологодская	Вожегодский
150	д. Савинская	»	»
151	д. Тинготама	»	»
152	д. Междуречье	»	Харовский
153	д. Сергозеро	»	»
154	д. Горка	»	Усть-Кубинский
155	д. Назариха	»	Харовский
157	д. Давыдовская	»	Усть-Кубинский
171	д. Струнино	Ленинградская	Тихвинский
172	д. Краивно	»	Киришский
178	д. Б. Тальцы	Новгородская	Дрегельский
196	д. Порог	»	»
201	д. Нижнее Сташино	»	»
208	д. Пятино	Ленинградская	Ефимовский
214	д. Сомино	»	»
221	д. Вязовка	Новгородская	Хвойнинский
225	д. Лидь	Ленинградская	Ефимовский
229	д. Торопово	Вологодская	Бабаевский
230	д. Поток	Ленинградская	Ефимовский
233	д. Тургош	»	»
234	с. Выползово	Вологодская	Бабаевский

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
240	д. Пустынь	Вологодская	Чагодощенский
244	д. Малое Борисово	»	Бабаевский
246	д. Орехово	»	»
250	д. Александровская	»	»
251	д. Степаново	»	»
253	д. Малахово	»	»
259	д. Балмасово	»	»
261	д. Клавдино	»	»
267	д. Раменье	»	Белозерский
268	д. Костино	»	»
269	д. Коровино	»	»
271	д. Красково	»	»
274	д. Чукша	»	Петриневский
280	д. Ботово	»	Череповецкий
285	д. Матинка	»	»
291	д. Савинское	»	Кирилловский
295	д. Прокунино	»	»
297	д. Мал. Шевелево	»	»
299	д. Васьково	»	Чибсарский
305	д. Нифантово	»	Пришекснинский
306	д. Молодки	»	Чибсарский
311	д. Дор	»	Усть-Кубинский
312	д. Грифониха	»	»
313	д. Богослово	»	»
315	с. Новое	»	»
316	д. Елюнино	»	»
317	д. Павлово	»	Кубено-Озерский
318	д. Шолохово	»	»
319	д. Шера	»	Сокольский
325	д. Озерки	»	Чибсарский
326	д. Пучинино	»	»
329	д. Вахрушево	»	Вологодский
330	д. Козино	»	»
332	д. Ильинское	»	»
334	д. Ересино	Новгородская	Крестецкий
337	д. Опути	»	Маловишерский
338	д. Горнецкое	»	»
339	д. Заполек	»	»
340	д. Карпина Гора	»	»
341	д. Торбино	»	Окуловский
343	д. Ермолино	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
348	д. Долгий Мост	Новгородская	Крестецкий
350	д. Тупичино	»	»
354	д. Бахариха	»	Дрегельский
359	д. Полежалово	»	Окуловский
368	д. Мануйлово	»	»
372	д. Б. Крестовая	»	»
380	д. Шилово	»	Хвойнинский
390	д. Тухун	»	Боровичский
396	д. Горбино	»	Опеченский
406	д. Бережок	»	Пестовский
413	д. Семенкино	»	Мошенский
416	д. Дворищи	Калининская	Лесной
417	д. Б. Загорье	»	»
418	д. В. Пороги	»	»
419	д. Заболотье	»	»
428	д. Пореево	»	Весьегонский
435	д. Залужье	»	Сандовский
436	д. Брехово	»	»
437	д. Кресты	»	»
439	д. Б. Раменье	»	»
440	д. Язвиха	»	»
441	д. Пнево	»	»
442	д. Стояново	»	Молоковский
444	д. Косово (Косовец)	»	»
445	д. Могутово	»	»
449	д. Чаево	Вологодская	Уломский
456	д. Суково	Калининская	Весьегонский
459	д. Орда	»	Овинищенский
460	с. Михайловское	Ярославская	Брейтовский
478	д. Золотилово	Вологодская	Мяксинский
481	д. Дор	»	»
484	с. Горелово	Ярославская	Брейтовский
492	д. Михайлово	Вологодская	Грязовецкий
496	д. Кобяково	»	»
498	д. Анкудиново	Ярославская	Первомайский
499	д. Свиначиха	»	Попехово-Володар- ский
502	д. Рогалево	»	»
513	д. Великое Село	»	Тутаевский
514	д. Антонково	»	Даниловский
534	д. Меглино	Великолукская	Пеновский

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
567	д. Подол	Калининская	Вышневолоцкий
570	д. Терелесово	»	»
589	д. Шишелево	»	Брусовский
593	д. Пеньково	»	»
607	д. Александрово	»	Лихославльский
619	д. Борки	»	Бежецкий
621	д. Ванькин Бор	»	Максатихинский
623	д. Моркины Горы	»	Теплешский
626	д. Заклинье	»	Рамешковский
634	д. Летнево	»	Кушалинский
636	д. Яковлевское	»	Горицкий
642	д. Вымла	»	Санковский
647	д. Пуршево	»	»
648	с. Халяво	Ярославская	Масловский
650	с. Труфаново	»	»
652	д. Поцелы	Калининская	Кесовогорский
653	с. Кубасово	»	Кашинский
656	д. Коськово	»	Калининский
661	д. Брыкино	»	Калязинский
666	д. Ширяево	»	Кимрский
669	д. Кириловское	Ярославская	Рыбинский
670	с. Введенское	»	Некоузский
676	д. Судаково	»	Большесельский
680	д. Селиваново	»	Угличский
684	д. Ложкино	»	»
690	д. Новоселка	»	Борисоглебский
696	д. Спассмердино	»	Петровский
697	д. Ильинское	»	Рыбинский
698	д. Исаковское	»	Тутаевский
702	д. Племянниково	»	»
708	д. Белешино	»	»
724	д. Воржа	»	Ростовский
727	д. Кошкино	»	»
730	д. Грибанова Гора	Архангельская	Конопский
731	д. Завандыше	»	»
736	д. Климовская	»	Вельский
737	д. Мокшенская (Шоно- ша)	»	»
738	д. Березник	»	»
739	д. Якушевка (Якушев- ская)	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
740	д. Глездинская	Архангельская	Ровдинский
744	д. Юхнево	»	»
745	д. Кичигинская (Рубеш)	»	»
749	д. Лукинская	»	Вельский
753	д. Сабурово	»	Устьянский
756	поч. Родихи	»	Черевковский
764	д. Михреньга	»	»
765	д. Тарасовка	»	»
772	д. Заболотье	»	»
773	д. Абрамовская	Вологодская	Великоустюгский
776	д. Монастырская пашня	Архангельская	Красноборский
777	д. Малая Степановская	»	Сольвычегодский
779	д. Воросцово	»	»
781	д. Емельяновская (Емельяниха)	»	Котласский
785	д. Новиково	»	Сольвычегодский
786	д. Сосновская	»	Вилегодский
788	с. Никольское	»	»
789	д. Нестеровская	»	»
790	д. Путятино	»	»
791	д. Желтиково	Кировская	Лальский
793	д. Дресвянка	Архангельская	Вилегодский
794	д. Быково	»	»
795	д. Аксеновская	»	»
801	д. Турово	Вологодская	Вожегодский
803	д. Федяевская (Вели- кая)	»	»
804	д. Родионовская	»	»
807	д. Костюнинская	»	»
808	д. Высокая	»	»
809	д. Слободка	»	Харовский
810	д. Макаровская	»	»
811	д. Пуронга	»	Сямженский
813	д. Ляпшево	»	Харовский
814	д. Ивачино	»	»
815	д. Лисичинская	»	Сямженский
816	д. Спасская (Давыдов- ская)	Архангельская	Коношский
819	д. Лычная	»	»
822	д. Горка	Вологодская	Верховажский
823	д. Чашевица	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
824	д. Ивановская	Вологодская	Вожегодский
825	д. Плесовская	»	Верховажский
826	д. Опариха	»	Сямженский
827	д. Кононовская	»	»
828	д. Яхренга	»	»
829	д. Райлово	»	»
830	д. Колобово	»	»
831	д. Лысцево	»	»
832	д. Коростылево	»	»
833	д. Буторинская	Архангельская	Вельский
834	д. Теребино	»	»
835	д. Маурино	»	»
836	д. Рыжичная (Мед- вежья)	Вологодская	Верховажский
837	д. Куколовская	»	»
839	д. Анисимовская (Под- волочное)	»	»
840	д. Папино	»	»
842	д. Павловская	»	Тарногский
843	д. Антоновская	»	Тотемский
844	д. Мелешево	»	»
845	д. Дмитриевская	»	»
846	д. Прямиково	»	»
847	д. Брюхачиха	»	»
848	д. Лучкино	»	»
849	д. Паново	»	»
850	д. Хороброво	»	»
851	д. Новая Кашутина	Архангельская	Вельский
855	д. Горская	Вологодская	Тарногский
857	д. Окатовская	»	»
858	д. Кононовская (Самуй- ловская)	»	»
859	д. Подволочная	»	»
860	д. Баклановская	»	»
861	д. Осиновка	»	»
862	д. Горелая (Запольная)	»	Тотемский
865	д. Заболотье	»	Нюксенский
866	д. Красавино	»	»
867	д. Кишкино	»	»
868	д. Макарино	»	»
869	д. Поповская (Верховье)	»	»

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
871	д. Хохлово	Вологодская	Кичменгско-Горо- децкий
872	д. Григорово	»	Нюксенский
873	д. Илатовская	»	Великоустюгский
874	д. Нижний Прилук	»	»
876	д. Андреевское	»	»
877	д. Нижняя Тозьма	»	»
878	д. Москвин Починок	»	»
880	д. Москва	»	Кичменгско-Горо- децкий
881	д. Павлово	»	»
885	д. Холм	»	Великоустюгский
888	д. Рукавишниково	»	»
889	д. Щекино	»	»
890	д. Грибино	»	»
892	д. Томашево	»	Усть-Алексеевский
893	д. Слободчиково	»	»
894	д. Горбачево	»	»
896	д. Почтовый Починок	»	Кичменгско-Горо- децкий
897	д. Липовец II	»	Усть-Алексеевский
898	д. Ровдино	Кировская	Подосиновский
899	д. Лыченица	Вологодская	Кичменгско-Горо- децкий
900	д. Подгородье	»	»
901	д. Большое Стройково	Кировская	Лальский
902	д. Скалепово	»	»
903	д. Будахино	»	»
904	с. Учка	»	»
905	д. Большой Дор	»	»
907	д. Шерогорино	»	Подосиновский
908	д. Сухановская	»	»
914	д. Сафониha	Вологодская	Сямженский
915	д. Боярское	»	Харовский
916	д. Капровское	»	»
917	д. Увариха	»	»
918	д. Судово	»	»
919	д. Филенская	»	Сямженский
920	д. Порубежье	»	»
921	д. Желмино	»	Сокольский
923	д. Чекшино	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
924	с. Большая Деревня	Вологодская	Биряковский
925	д. Рыкуля	»	Сокольский
927	д. Мишаково	»	»
930	с. Васильевское	»	Междуреченский
931	д. Ведрово	»	Вологодский
932	д. Андреевское	»	Междуреченский
933	д. Лаврентьево	»	»
934	д. Спас-Печенга	»	Вологодский
936	д. Киселево	»	Грязовецкий
937	д. Бурцево	»	Сямженский
938	д. Житьево	»	»
939	д. Голузино	»	»
941	д. Согорки	»	»
942	д. Кокшарово	»	Биряковский
943	д. Боярское	»	»
944	д. Загоскино	»	»
945	д. Липовица	»	»
946	д. Глухая	»	»
947	д. Шиченьга	»	Междуреченский
948	с. Дороватка	»	»
949	д. Аниково (Б. Вер- ховье)	»	»
950	д. Волково	»	»
951	д. Полозово	»	»
954	д. Нижняя Стелановка	»	»
955	д. Нижняя Печеньга	»	Тотемский
956	д. Осояя	»	»
958	д. Внуково	»	»
959	д. Филино	»	»
960	с. Никола	»	»
962	д. Игошево	»	»
965	д. Селезнево	Костромская	Солигаличский
967	д. Давилково	»	Судайский
970	д. Заполье	»	»
972	д. Соколово	Вологодская	Бабушкинский
973	д. Веретья	»	»
974	д. Митино	»	»
975	д. Миньково	»	»
976	д. Великий Двор	»	»
979	д. Тевигино	»	»
985	д. Копьево	Костромская	Кологривский

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
986	д. Костино	Костромская	Судайский
988	д. Морхино	»	Кологривский
991	с. Сенино	Вологодская	Рослятинский
992	д. Попово	»	»
993	д. Талица	»	»
996	с. Старина	»	Никольский
997	с. Сидорово	»	»
999	д. Устья	»	»
1001	д. Карныш	»	»
1005	д. Березовая Гора	»	Кичменгско-Горо- децкий
1006	с. Еловинское	»	»
1007	д. Кондратово	»	»
1008	д. Красавино	»	Никольский
1012	д. Ермаково	»	»
1013	д. Повечёрная	»	»
1014	д. Шири	»	»
1015	д. Б. Сверчково	Костромская	Павинский
1017	д. Самосадка	»	»
1019	д. Ивановка	»	Межевский
1020	д. Носково	»	Павинский
1021	д. Сирино	Вологодская	Кичменгско-Горо- децкий
1022	д. Минин Дор	»	»
1027	д. Рябиновский Починок	Костромская	»
1028	д. Пенома	»	»
1029	д. Разбойница	»	Вохомский
1032	д. Бельково	»	»
1034	д. Осинцево	»	Павинский
1035	д. Орловица	»	Вохомский
1036	д. Чудалово	Кировская	Опаринский
1037	д. Нижняя Волманга	»	»
1040	д. Стрельская	»	»
1041	д. Савиновская	»	»
1042	д. Коровинцы	Костромская	Боговаровский
1043	д. Тишонки	Кировская	Даровский
1045	д. Качалово	Вологодская	Грязовецкий
1047	д. Наршино	»	»
1048	д. Останино	»	»
1050	д. Осиновицы	»	»
1051	д. Ермолино	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
1053	д. Расловское	Вологодская	Грязовецкий
1054	д. Савелово	»	»
1056	д. Хмелевица	Ярославская	Пречистенский
1057	д. Телячья Слобода	»	»
1058	д. Осиновица	»	Любимский
1059	д. Павловское	»	Пречистенский
1060	д. Лиховидово	»	Любимский
1061	д. Николо-Гора	»	Пречистенский
1064	д. Еськино	»	Любимский
1065	д. Пигалево	»	»
1071	д. Черново	»	Середский
1074	д. Коротково	Костромская	Солигаличский
1077	д. Калинино	»	Буйский
1079	д. Ваганово	Вологодская	Грязовецкий
1081	д. Залесье	»	Ореховский
1085	пос. Колыбаево	»	Буйский
1090	д. Мотыгино	Ярославская	Любимский
1091	п. Глебовское	Костромская	Буйский
1094	с. Борок	»	»
1096	д. Дор	»	Сусанинский
1097	д. Максимовское	»	»
1100	д. Катково	»	»
1104	д. Заполье и Погост	»	Ореховский
1106	д. Дудино	»	Чухломский
1109	д. Михалево	»	»
1112	д. Туровское	»	Галичский
1115	д. Филино	»	Палкинский
1117	д. Куземино	»	Галичский
1124	д. Даниловское	»	»
1130	д. Семеньево	»	Судайский
1132	с. Долгово (М. Вохтома)	»	Парфеньевский
1035	д. Рубцово	»	»
1138	д. Трифоново	»	»
1139	д. Кукушкино	»	»
1140	д. Макеево	»	Антроповский
1142	д. Потрусово	»	Нейский
1143	д. Истомино	»	Парфеньевский
1145	с. Елкино	»	Нейский
1147	д. Словинка	»	Палкинский
1149	д. Шаблово	»	Кологривский
1150	д. Великая	»	»

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
1152	д. Вонюг (Вонюх)	Костромская	Кологривский
1153	д. Шилекша	»	»
1154	д. Средняя	»	Мёжевский
1155	д. Каменка	»	Кологривский
1159	д. Королёво	»	Мёжевский
1160	д. Ивановское	»	»
1162	д. Малышино	»	Мантуровский
1163	д. Конново	»	Нейский
1166	д. Знаменка	»	Мантуровский
1168	д. Паршино	»	»
1169	д. Самылово	»	»
1170	д. Шулёво	»	»
1171	д. Хлябишино	»	»
1172	д. Ануфриево	»	Макарьевский
1174	д. Рудники	Горьковская	Ветлужский
1177	д. Гусиха	Костромская	Пыщугский
1178	д. Дубровино	»	Мёжевский
1179	д. Крутая	»	Пыщугский
1181	д. Зыково	»	Мёжевский
1183	д. Ключевка	»	Шарьинский
1184	д. Вятский Починок	»	»
1185	д. Медведица	»	Мантуровский
1186	д. Большое Варакино	»	Шарьинский
1188	д. Корегино	»	»
1197	д. Хорошая	»	Вохомский
1198	д. Сурнаково	»	»
1200	с. Кажирово	»	Пыщугский
1201	д. Сороковые	»	Боговаровский
1205	д. Размахино	»	Поназыревский
1208	д. Никитино	»	»
1209	д. Новожилы	Кировская	Шабалинский
1213	д. Старая Указна	»	»
1217	д. Малиновка	Костромская	Боговаровский
1219	д. Дароватка	»	»
1221	д. Гурино	»	»
1223	д. Раменье	Кировская	Черновский
1224	д. Стародубцы	»	Даровский
1226	д. Мосино	»	Черновский
1227	д. Гли́нно	»	Котельничский
1229	д. Тохтінцы	»	Ново-Троицкий
1230	д. Дрягунята	»	Котельничский

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
1231	с. Октябрьское	Кировская	Свечинский
1232	д. Крутики	»	Шабалинский
1234	д. Шапки	»	Котельничский
1235	д. Опчуровское	»	Шабалинский
1236	д. Кроты	»	Котельничский
1237	д. Хмельнички	»	Свечинский
1238	д. Новые Лелеки	»	Шабалинский
1239	д. Спасское	»	Свечинский
1240	д. Гуцины	»	Котельничский
1241	д. Левашово	Ярославская	Середский
1244	д. Сухоногово	Костромская	Костромской
1245	д. Яхробол	Ярославская	Некрасовский
1247	с. Печелки	»	»
1248	д. Кресцово	»	»
1249	д. Лихобразово	»	»
1250	д. Горки	»	»
1252	с. Новленское	Костромская	Нерехтский
1253	д. Большое Андрейково	»	»
1254	д. Мужево	Ярославская	Бурмакинский
1256	д. Китово	Костромская	Нерехтский
1264	д. Кондюково	Ивановская	Комсомольский
1273	д. Шахово	Костромская	Судиславский
1281	д. Дарьино	»	Островский
1288	д. Климово	Ивановская	Приволжский
1289	д. Семигорье	»	Вичугский
1315	д. Латынихи	Костромская	Кадыйский
1325	с. Сафутиха	Ивановская	Юрьевский
1326	д. Запрудново	»	Лухский
1329	д. Никитино	Костромская	Кадыйский
1334	д. Дудино	»	»
1335	д. Адамовка	»	»
1336	д. Марковица	»	Макарьевский
1337	д. Митьково	»	»
1346	д. Мохнево	Ивановская	Юрьевский
1355	д. Косолапиха	»	Пучежский
1356	д. Медведово	Горьковская	Калининский
1357	с. Тимошино	Костромская	Макарьевский
1358	д. Починок Веселовка	Горьковская	Варнавинский
1359	д. Малая Торзать	Костромская	Макарьевский
1364	д. Смольки	Горьковская	Залесный
1365	д. Собакино	»	Варнавинский
1366	д. Парамоново	»	Залесный

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

№ нас. п.	Населенный пункт	Область	Район
1371	д. Новая	Горьковская	Красно-Баковский
1373	д. Михайлово	»	Кавернинский
1376	д. Антониха	»	Калининский
1378	д. Офониha	»	Ветлужский
1379	д. Шмотиха	»	Калининский
1380	д. Ложечная	»	»
1381	д. Исаиха	»	Ветлужский
1383	д. Мошкино	»	Калининский
1385	д. Щелочиха	»	Уренский
1386	д. Большая Козляна	»	»
1392	с. Черное	»	»
1400	д. Оньшино	»	Красно-Баковский
1401	д. Рябиновский Починок	»	Заветлужский
1407	д. Макарово	»	Шахунский
1410	д. Золотовское	»	Тоншаевский
1413	д. Малая Пристань	»	Шахунский
1421	д. Потухино	Кировская	Корляковский
1423	д. Лоскутово	Горьковская	Шарангский
1424	д. Полозово	»	»
1426	д. Мал. Килемары	»	»
1427	д. Ивановка	»	»
1428	д. Видякино	»	»
1429	д. Изъянка	»	Воскресенский
1430	д. Чезганы	»	Шарангский
1432	д. Шурчи́лы	Кировская	Котельничский
1435	д. Изиповка	»	Арбажский
1437	д. Сухой Овраг	Горьковская	Тоншаевский
1439	д. Тайбанур	Кировская	Тужинский
1440	д. Боярские	»	Арбажский
1442	д. Пустошка	Горьковская	Тоншаевский
1443	д. Евсино	Кировская	Яранский
1445	д. Старая Пижанья	»	Кикнурский
1447	д. Рождественское	»	Яранский
1449	д. Русская Толшева	»	Корляковский
1450	д. Степинские	»	Кикнурский
1451	д. Кукушки	»	Яранский
1452	д. Кугушерга	»	»
1453	д. Куршаки	»	Корляковский
1454	д. Ново-Баженково	»	Яранский
1455	д. Орловский	»	Санчурский
1456	д. Бурово	»	»
1457	д. Лазарево	»	»

Предисловие	3
С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах.	5
Р. Ф. Пауфощима. О переходе от окающего предударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа)	83
С. К. Пожарицкая. Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных на территории севернорусских говоров	99
Н. Н. Пшеничнова. Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера	117
Ю. С. Азарх. Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах	131
В. Н. Теплова. Звуки [л], [л'], [љ] на месте этимологического [л] твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров	151
Л. Л. Касаткин. О фонеме /ʎ/ в севернорусских говорах в связи с историей произношения [j] в имени <i>Ольа</i> (<i>Ольга</i>)	171
А. Б. Пенъковский. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г] фрикативным [γ] в южнорусском окружении)	195
Е. Г. Бурова. Диалектные изменения и замены к при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях)	211
А. К. Васильева. Об изменении сочетания согласных [вн] и [мн] по говорам русского языка	228
Е. П. Лупова. К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области	239
Приложение	258

Очерки по фонетике севернорусских говоров

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства В. К. Романов. Технический редактор В. В. Волкова

Сдано в набор 29/IX 1966 г. Подписано к печати 16/II 1967 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 17,9 (17,4 + 0,5 вкл.). Тираж 2100 экз. Тип. зак. 1239.
Бумага типографская № 1.

Цена 1 р. 13 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21.
1-я тип. изд. «Наука». Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	20, 21 св.	университета ² , причем в основном в аспекте прикладной тематики, поскольку	университета ² , поскольку
27	18 св.	согласной	согласно
40	22 св.	ё	ê
49	3 св.	из	и
59	10 и 17 св. 14 и 19 св.	ы	ы
61	11, 20 св.	ы	ы
80	9 св.	см. в начале раздела о семифонемном составе гласных.	см. выше
81	5 св.	р, р, р	р, о, р
95	22 св.	др ^м ва̃ — тр ^м ва̃	др ^м ва — тр ^м ва
142	2 св.	/e/	/ê/

Очерки по фонетике севернорусских говоров